

Изд. К-ва „Материалист".

Адрес редакции и конторы: Никольская ул., д. 11. Тел. 2-34-53.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ.

№ 2

Февраль 1924.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „МАТЕРИАЛИСТ“
МОСКВА

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„МАТЕРИАЛИСТ".

Библиотека атеизма под редакцией А. М. ДЕБОРИНА.

Тов. Ленин два года тому назад писал: „Энгельс давно советовал руководителям современного пролетариата переводить для массового распространения в народе боевую атеистическую литературу конца 18 века К стыду нашему, мы до сих пор этого не сделали".

Лишь спустя два года мы оказались в состоянии приступить к изданию этой крайне важной и чрезвычайно актуальной серии.

Атеистические памфлеты XVIII века давно оценены по заслугам. Припомним только, что было сказано о них двумя авторитетнейшими теоретиками нашими В. И. ЛЕНИНЫМ и Г. В. ПЛЕХАНОВЫМ.

„Бойкая, живая, талантливая, остроумно и открыто нападающая на господствующую поповщину, публицистика старых атеистов XVIII-го века сплошь и рядом окажется в 1000 раз более подходящей для того, чтобы пробудить людей от религиозного сна, чем скучные, сухие, неиллюстрированные почти никакими умело подобранными фактами, пересказы марксизма, которые преобладают в нашей литературе и которые (нечего греха таить) часто марксизм искажают" („Под знаменем марксизма", № 3 за 1922 г., стр. 7). Отзыв ПЛЕХАНОВА мы не приводим, в надежде, что его блестящие очерки по истории материализма известны читателям „Под знаменем марксизма".

ИЗ ЭТОЙ СЕРИИ ВЫШЛО и ПОСТУПИЛО в ПРОДАЖУ:

Вып. 1. **Гольбах** — „Здравый смысл". Атеистический памфлет XVIII столетия. С пред. **А. М Деборина.**

ПЕЧАТАЕТСЯ и СКОРО ВЫЙДЕТ:

Вып. 2. **Ж. Мелье** — Извлечения из завещания.
Вып. 3. **Гольбах** — Разоблаченное христианство.

Готовится к печати ряд других названий из этой серии, о которых будет объявлено в дальнейшем.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

А. ДЕБОРИН — ЛЮДВИГ ФЕЙЕРБАХ с двумя гравюрами на дереве И. ПАВЛОВА, 360 стр. Институт К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА. Цена 2 руб. черв.

Л. ФЕЙЕРБАХ — Принципы материалистической теории познания, с приложением статьи А. М. ДЕБОРИНА „Л. ФЕЙЕРБАХ" и гравюрой на дереве И. ПАВЛОВА, 209 стр. Цена 1 руб. черв.

„БОРЬБА КЛАССОВ".

МАРКСИСТСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Экономическая история России.
2. История рабочего и крестьянского движения.
3. История международных отношений России.
4. История общественной мысли и литературы.
5. Методология исторического исследования.
6. Rossica.
7. Критика и библиография.
8. Обзор источников русских и иностранных.

ВЫХОДИТ РАЗ В ДВА МЕСЯЦА.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: **Быстрянского, В. А., Невского, В. И., Покровского, М. Н., Преснякова, П. Е. и Харечко, Т. И.**

Издатель: Ленинградское Отделение Центрархива и книгоиздательство „Прибой".

Адрес редакции: Площадь Декабристов, дом № 1, Центрархив.
Адрес конторы для заказов: Просп. 25 Октября, 52, книгоиздательство „Прибой".

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВ.-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

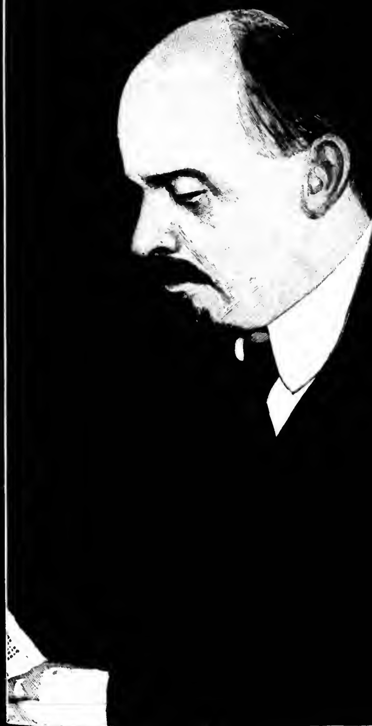
№ 2

ФЕВРАЛЬ 1924

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „МАТЕРИАЛИСТ“
МОСКВА

Главлит № 19.009. Тираж 5.000 экз.

Типография „Красный Пролетарий“ Издательства „Красная Новь“, Пименовская ул., д. 1/16.

СОДЕРЖАНИЕ.

Библиография.

Ленин — воинствующий материалист.

V.

Установив, что мир есть движущаяся материя, отражающаяся в наших восприятиях, объективная, независимо от человека существующая реальность, действующая на наши органы чувств; выяснив далее соотношение между относительной и объективной истиной, равно как и значение практики, как критерия истинности и действительности нашего мышления, мы можем перейти к некоторым другим вопросам, имеющим также первостепенное значение для материалистической теории познания.

Ваше определение материи, говорят махисты и другие противники материализма, не научно и сводится к простым повторениям. И они требовали, да и требуют еще поныне, „определения" материи. Очевидно, они хотели бы получить такое „определение", которое бы их удовлетворило. Но естественно, что такого определения материалист дать не может. В самом деле, к чему сводится весь этот спор? Материалисты утверждают, что материя есть первичное, а дух—вторичное, т.-е. некое свойство или состояние органической материи. Это значит, что сознание, дух связаны только с определенными процессами в органической материи. „Различие между материализмом и „махизмом" сводится, значит, по данному вопросу к следующему Материализм в полном согласии с естествознанием берет за первичное данное материю, считая вторичным сознание, мышление, ощущение, ибо в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи (органическая материя), и в „фундаменте самого здания материи" можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением" [1]. Но махизм исходит как раз из противоположного утверждения. Он принимает за первичное ощущения, из которых якобы образуются физические тела.—Вовсе не важно дать исчерпывающее определение понятия. Это противопоставление, резкое разграничение между двумя философскими направления-

[1] Н. Ленин, Собрание сочинений, т. X, стр. 30.

ми дает достаточно много для „определения" материи. Да при чем тут „определения"? Ведь очевидно, что если бы махисты и прочие идеалисты отказались от своих поистине схоластических взглядов, согласно которым без субъекта, без нашего я не существует мира, согласно которым человек мыслит без мозга и сознание или ощущение порождает физический мир,—если бы они отказались от этой мистики, находящейся в близком родстве с религиозными верованиями, то разногласия между махистами и материалистами сразу значительно сократились бы. Но в том-то и дело, что требуемые ими определения ни к чему, так как предмет спора очень ясен обеим сторонам. Обе стороны одинаково хорошо понимают, о чем идет разговор.

Но да не подумает читатель, что материалисты уклонялись от вопроса об определении материи. Вот что писал по этому поводу Ленин: „... самое небольшое размышление могло бы показать этим людям, что нельзя, по сути дела нельзя дать иного определения двух последних понятий гносеологии, кроме как указания на то, которое из них берется за первичное. Что значит дать „определение"? Это значит прежде всего подвести данное понятие под другое, более широкое. Например, когда я определяю: осел есть животное, я подвожу понятие „осел" под более широкое понятие. Спрашивается теперь, есть ли более широкие понятия, с которыми могла бы оперировать теория познания, чем понятия: бытие и мышление, материя и ощущение, физическое и психическое? Нет. Это—предельно-широкие, самые широкие понятия, дальше которых по сути дела (если не иметь в виду всегда возможных изменений номенклатуры) не пошла до сих пор гносеология" [1]).

Всякий мыслящий человек должен будет признать, что Ленин прав. Так именно смотрят на вопрос все материалисты. По этому же пути идет и наука. Бытие и мышление составляют противоположности, за пределы которых и дальше которых ни наука, ни гносеология не пошли. Или, выражаясь иначе: это самые общие и широкие понятия. И именно поэтому нельзя „определить" материю через другое, по необходимости более узкое, понятие. Это соображение до известной степени справедливо также и по отношению к „духу".

Но как ни бедно определениями последнее понятие (т.-е. понятие материи), оно тем не менее вполне „определяется". Мы уже подчеркивали в предыдущем отдельные моменты этого понятия. Они сводятся к следующему. Во-первых, материя есть первичное и все прочее—ощущение, сознание—составляет свойство или состояние материи, т.-е. „продукт очень высокого развития", как выражается

[1]) Там же, стр. 118.

Ленин. Ибо „естествознание положительно утверждает, что земля существовала в таком состоянии, когда ни человека, ни вообще какого бы то ни было живого существа на ней не было и быть не могло. Органическая материя есть явление позднейшее, плод продолжительного развития“ [1]). Во-вторых, материя есть объективная реальность, существующая вне и независимо от какого бы то ни было сознания. Ибо как только вы „привязываете“ мир к сознанию, как только вы становитесь на ту точку зрения, что „среда“, т.-е. внешний мир связан неразрывно с сознанием, с каким-либо „я“, вы неизбежно становитесь на идеалистическую точку зрения. Но идеалистическая точка зрения находится в вопиющем противоречии с естествознанием. Всякая философская концепция, противоречащая естествознанию, тем самым доказывает свою несостоятельность.

Далее, материя отражается в наших чувствах, т.-е. она познается нами посредством впечатлений, вызываемых ее действиями на наши органы чувств. У идеалистов, которые „привязаны“ к духу, немедленно возникает сомнение на счет правильности этого тезиса. Ведь действовать на наши чувства может и „дух“. Так рассуждают они, если не вслух, то про себя. Но дело в том, что материя есть чувственная вещь; она непосредственно или же посредственно дана в чувствах. Поскольку речь идет об отражениях, об образах материального мира, то ясно, что между „материей“ и ее „образами“ существует определенное соответствие, некая однородность, по крайней мере, в отношении некоторых качеств, что не вызывает никаких сомнений.

Материи, утверждают далее материалисты, присуще движение, составляющее основную форму ее существования. Это также чрезвычайно важное „определение“. Движущаяся материя есть то, что наполняет пространство. Или, иначе говоря, материя протяженна или пространственна и изменчива. Это значит, что время и пространство являются так же основными ее „определениями“. Все предметы в мире существуют „один вне другого и один после другого“, как выражается Фейербах. Так как время есть понятие производное от движения, то оно предполагает наличность того, что движется. Пространство и время, говорит тот же Фейербах, предполагают наличность вещей, ибо пространство или протяженность предполагают ранее наличность чего-то, что протяженно и время, движение, предполагает наличность того, что движется, ибо все пространственное и временное означает, что все протяженно и движется.

Не вдаваясь в дальнейший анализ „понятия“ материи, мы на основании уже сказанного имеем право дать теперь более развернутое определение материи, которое будет гласить так: материя есть объектив-

---

[1]) Там же, стр. 56.

ная реальность, существующая во времени и пространстве, действующая на наши чувства и в них отражающаяся. В более широком смысле, материя есть вся бесконечная конкретная совокупность „опосредствований", т.-е. отношений и связей. И конкретные научные дисциплины —математика, механика, физика, химия, биология и пр.—имеют дело с различными формами и ступенями „опосредствований", т.-е. процессов, отношений и связей все той же материи.

VI.

Таким образом выходит, что не материя „привязана" к духу, а дух „привязан" к материи. Разум есть лишь незначительная „частичка природы, один из высших ее продуктов, отражение ее процессов". Мы знаем лишь человеческий разум. Идеалисты же стремятся превратить этот человеческий разум в „чрезмерный", т.-е. универсальный. И тогда природа превращается сама в частичку этого человеческого разума, „растянутого" в „чрезмерный", т.-е. абсолютный, разум. Не очевидна ли нелепость такого построения? Авенариус—основатель эмпириокритицизма или махизма—пытается устранить эту нелепость тем, что вводит понятие „потенциального" центрального члена, т.-е. мистического потенциального сознания. В самом деле, если среда, т.-е. внешний мир, неразрывно связана с сознанием, то как же существует мир, так наз. „противочлен", по терминологии Авенариуса, в то время когда „центральный член" (сознание) еще находится в эмбриональном состоянии? Для спасения мира от исчезновения или вернее, для спасения своей теории Авенариус и вводит понятие „потенциального центрального члена". Ленин вскрывает всю нелепость такой постановки вопроса. „Итак,—говорит он,—координация неразрывна. Утверждать это обязательно для эмпириокритика в целях спасения основ его философии, ощущений и их комплексов. Человек есть центральный член этой координации (т.-е. внешний мир существует лишь в неразрывной связи с человеческим сознанием. *А. Д.*). А когда человека нет, когда он еще не родился, то все же центральный член не равен нулю, он стал только потенциальным центральным членом! Можно только удивляться, каким образом находятся люди, способные брать в серьез такого философа, преподносящего подобные рассуждения!—восклицает с негодованием Ленин.—И разве это не мистика,—продолжает Ленин,—не прямое преддверие фидеизма? Если можно мыслить потенциальный центральный член по отношению к будущей среде, то почему не мыслить его по отношению к прошлой среде, т.-е. после смерти человека?" [1]). От этого соображения Ленина нельзя отмахнуться контр-требованиями насчет „определения" материи. И разве Ленин не прав, когда он указывает, что эта

[1]) Там же, стр. 57

„мистика“ ведет прямым путем к теологии? На самом деле, такие теологические выводы делаются, если не Авенариусом и его русскими последователями, то главарями имманентной школы, напр., солипсистом Шуберт-Зольдерном и др. Ленин, вместе с другими нашими материалистами, отстаивает вполне правильно ту мысль, что принципиальной разницы между эмпириокритиками и имманентами нет, что они стоят все одинаково на идеалистической точке зрения.

Какова позиция имманентов на этот вопрос? „Вещь не может существовать независимо от нашего сознания; мы всегда примыслим самих себя, как разум, стремящийся познать эту вещь“. Эмпириокритическая координация, конечно, ничем не отличается от этой софистики. „Софистика этой теории так очевидна, что неловко разбирать ее“—говорит справедливо Ленин. Если мы „примыслим“ себя, то наше присутствие будет воображаемое, а существование земли до человека есть действительное. На деле быть зрителем раскаленного, к примеру скажем, состояния земли человек не мог, и „мыслить“ его присутствие при этом есть обскурантизм, совершенно такой же, как если бы стал я защищать существование ада доводом: „если бы я „примыслил“ себя, как наблюдателя, то я мог бы наблюдать ад“ [1]). К этому коренному софизму, состоящему в том, будто природа, материя не могут существовать независимо от мысли, сводится вся современная буржуазная философия. Этот софизм составляет стержень, центральный пункт почти всех течений школьной, т.-е. господствующей философии. Марксизм или материализм противостоит всем оттенкам и направлениям идеализма, как единственное философское направление, строго выдержанное в смысле научности и отрицания всех мистических и идеалистических уклонов, в какие бы одежды их „носители“ ни рядились. Материализм не совместим со всеми этими „выкрутасами“ и отметает их с корнем. Он борется и будет бороться с таким извращением марксизма и человеческой логики вообще. Ленин в качестве воинствующего материалиста всегда вел беспощадную борьбу с теми, кто несет „в массы философию, вплотную подходящую к фидеизму“.

Итак, если верно,—а это несомненно верно,—что природа существует до сознания, то значит она и представляет собою первичное, а сознание или разум, составляющий, как правильно говорит Ленин, только частичку природы, есть продукт последней, т. е. нечто производное и вторичное. Если доказано, что без мозга нет мысли, что мысль есть продукт высокоорганизованной материи, то тем самым опять-таки доказано уже, что дух не может быть первичным и не может породить из себя материи. Материализм исходит из признания

[1]) Там же, стр. 58.

:вования вне нашего сознания вечно движущейся и изме- щейся материи. Идеализм, будучи последовательным, должен ивать, что мысль существует без мозга, а движение атерии. И действительно, „попытка мыслить движение без ии протаскивает мысль, оторванную от материи". Но с исчез- ием материи исчезает и мысль, „с исчезновением мозга и нерв- истемы исчезли и представления и ощущения", исчезло все. ы благополучно добираемся до второй основной линии в фи- ии, до идеализма, который считает первичным дух или мысль. азывается, что реально нельзя себе и представить мысль су- ующей без материи, потому что никому еще не дано было › мысль без нервной системы и мозга. Стало быть, остается одна возможность „подведения" всего сущего, включая и сознание, атегорию материи. И материя представляет собою то высшее оследнее понятие или реальность, охватывающее всю совокуп- явлений. „Конечно, и противоположность материи и сознания абсолютное значение только в пределах очень ограниченной ги: в данном случае исключительно в пределах основного гно- гического вопроса о том, что признать первичным и что вторич- За этими пределами относительность данного противоположения ненна" [1]).

VII.

Проблема пространства и времени трактуется Лениным в том же иалистическом смысле, как и проблема материи. Материя пред- яет собою, с его точки зрения, объективную реальность, отра- :ующся в наших ощущениях. Физическое понятие материи дает тносительный образ этой объективной реальности. Все физиче- учения суть лишь приближения к объективной реальности. Они янно изменяются в зависимости от успехов человеческого зна- Поэтому приходится различать философское понятие материи и ıеское учение о материи. Точно также обстоит дело и с поня- ı времени и пространства, которые являются для материалиста ıе всего не формами рассудка, а формами бытия, т.-е. объектив- „категориями". „В мире нет ничего, кроме движущейся мате- и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в про- стве и во времени. Человеческие представления о пространстве мени относительны, но из этих относительных представлений ывается абсолютная истина, эти относительные представления, ваясь, идут по линии абсолютной истины, приближаются к ней. ıчивость человеческих представлений о пространстве и времени

[1]) Там же, стр. 119.

так же мало опровергает объективную реальность того и другого, как изменчивость научных знаний о строении и формах движения материи не опровергает объективной реальности и внешнего мира[1]).

Одно дело наши человеческие понятия времени и пространства, которые постоянно изменяются, и другое дело—действительное время и действительное пространство, которые существуют объективно. Наши развивающиеся и изменяющиеся понятия времени и пространства не представляют собою чего-то такого, что не находится в зависимости от реального пространства и времени. Напротив того, они являются отражением реального пространства и времени и приближениями к объективной истине. Если гносеология решает вопрос об источнике, происхождении и значимости всякого человеческого знания, то она и по этому вопросу должна дать ответ в том смысле, что источником наших понятий пространства и времени является объективная реальность, объективное пространство и время.

Ленин, в котором всегда говорит прежде всего политик, ненавидящий всей душой все, что так или иначе, прямо или косвенно, ведет к фидеизму и усилению реакционных течений, ядовито замечает, что если время и пространство только понятия, то человечество, их создавшее, вправе выходить за их пределы, и буржуазные профессора вправе получать жалованье от реакционных правительств за отстаивание законности этого выхода, за прямую или косвенную защиту средневековой „бессмыслицы" [2]).

С точки зрения тех, кто признает время и пространство только человеческими понятиями, не человек существует в пространстве и времени, а время и пространство существуют в человеке. На этой идеалистической точке зрения стоят одинаково как Кант и его последователи, так и Мах с его сторонниками. Скажем ли мы, что время и пространство суть продукты „организующейся" человеческой мысли, или что они суть „упорядоченные" и гармонизованные системы рядов ощущений или формы человеческого созерцания,—во всех этих случаях мы остаемся на идеалистической точке зрения. Релятивизм, в отличие от диалектики, видит лишь изменчивые понятия времени и пространства, будучи не способен связать их с объективной реальностью, рассматривать их как относительное приближение к объективной действительности. Поэтому для релятивизма каждая относительная „ступень" превращается в абсолют, покрывает собою как бы всю действительность. Правда, Мах отстаивает против Канта происхождение понятия пространства и времени из опыта. Но тогда необходимо признать, что в опыте дана нам объ-

[1]) Там же, стр. 143.

[2]) Там же, стр. 145.

ективная реальность, т.-е. объективное время и пространство. В противном случае получается противоречие, которое состоит в том, что Мах и его последователи застревают на понятии времени и пространства. Но „если ощущения времени и пространства могут дать человеку биологически целесообразную ориентировку, то исключительно под тем условием, чтобы эти ощущения отражали объективную реальность вне человека; человек не мог бы биологически приспособиться к среде, если бы его ощущения не давали ему объективно-правильного представления о ней". „Если в относительном, релятивном понятии времени и пространства нет ничего, кроме относительности, если нет объективной (=ни от человека, ни от человечества не зависящей) реальности, отражаемой этими относительными понятиями, то почему бы человечеству, почему бы большинству человечества не иметь права на понятие о существах вне времени и пространства?" [1])

Словом, когда мы относительные понятия отрываем от объективной реальности, когда мы их метафизически рассматриваем в их раздельности и оторванности от действительности, то мы неизбежно приходим к идеализму. Ленин со всей страстностью и убежденностью защищает марксизм или материализм от всяких извращений. И опять-таки, помимо чисто теоретических соображений, которые им приводятся для опровержения идеалистических взглядов, в каждой строке чисто философских писаний Ленина чувствуется политический агитатор, ненавистник всякой эксплоатации, всякой поповщины и страстный борец за интересы „забитой массы человечества". Самые абстрактные проблемы рассматриваются им под углом зрения интересов пролетариата и развития социализма. И это правильно. Воинствующий материализм представляет собою мировоззрение, теснейшим образом связанное с „практикой" человечества. Он не является чем-то чисто „теоретическим". Мы увидим ниже, как за каждым философским направлением Ленин видит борьбу идей, отражающих борьбу классов.

Оторвать учение Энгельса об относительности человеческих понятий времени и пространства от объективной реальности времени и пространства—значит превратить марксизм, представляющий целостную философию, „в окрошку". Это значит для Ленина извратить марксизм, скатиться к идеализму, ревизионизму и перейти в лагерь врагов рабочего класса. Основная же теоретическая ошибка релятивистов состоит в том, что они смешивают „изменяемость человеческих понятий о времени и пространстве, их исключительно относительный характер, с неизменностью того факта, что человек и природа существуют только во времени и пространстве, существа же вне времени

[1]) Там же, стр. 149.

и пространства, созданные поповщиной и поддерживаемые воображением невежественной и забитой массы человечества, суть больная фантазия, выверты философского идеализма, негодный продукт негодного общественного строя. Может стареть и стареет с каждым днем учение науки о строении вещества, о химическом составе пищи, об атоме и электроне, но не может устареть истина, что человек не может питаться мыслями и рожать детей при одной только платонической любви. А философия, отрицающая объективную реальность времени и пространства, так же нелепа, внутренне гнила и фальшива, как отрицание этих последних истин. Ухищрения идеалистов и агностиков также в общем и целом лицемерны, как проповедь платонической любви фарисеями"[1].

Резюмируя в этой части взгляды Ленина на материю, время и пространство, мы приходим к следующим выводам. При помощи различных органов чувств мы воспринимаем материальную действительность, объективную реальность. Из этих „относительных" восприятий человечество, благодаря долгому историческому опыту и развитию, т.-е. практике, вырабатывает из этих восприятий **абстрактные понятия** материи, пространства и времени; эти понятия не выдуманы нами, напротив того им соответствуют объективные реальности, независимые от человечества и его опыта. Наш „опыт" и наше познание все более приспособляется **к объективному** пространству и времени (как и к объективной материи. *А. Д.*), все правильнее и глубже их **отражая**".

VIII.

Идеалисты объявляют субъективными формами сознания не только время и пространство, но и причинность, закономерность и необходимость. Материализм и в этом вопросе стоит на диаметрально противоположной точке зрения. Исходя из признания объективной действительности внешнего мира, материалист, конечно, вполне последовательно признает также и объективную закономерность, причинность и необходимость. И в отношении этой проблемы Ленин, в согласии с Энгельсом и диалектическим материализмом вообще, проводит различие между приблизительным отражением закономерности и причинности в наших понятиях и объективной закономерностью, являющейся источником наших понятий и всякого нашего познания. Мы вырабатываем абстрактные понятия из тех впечатлений и ощущений, которые доставляет нам внешний мир. С точки зрения материализма

[1]) Там же, стр. 152.

причинная зависимость находится в самих вещах, или, вернее, выражает определенное отношение между реальными вещами. Но махисты, как известно, пытались „элиминировать" категорию причинности, считая ее фетишем, и предложили заменить это вполне определенное понятие „функциональной зависимостью". Но, ведь, вопрос сводится совершенно к другому и тут подменяется, по справедливому замечанию Ленина, вопрос об объективной закономерности вопросом о математической **формулировке** этого закона. „Действительно важный теоретикопознавательный вопрос, разделяющий философские направления, состоит не в том, какой степени точности достигли наши описания причинных связей и могут ли эти описания быть выражены в математической формуле,—а в том, является ли источником нашего познания этих связей объективная закономерность природы, или свойства нашего ума, присущая ему способность познавать известные априорные истины и т. п. Вот что бесповоротно отделяет материалистов Фейербаха, Маркса и Энгельса от агностиков (юмистов) Авенариуса и Маха"[1]. Если же природа сама по себе не подчинена определенной закономерности, если „закон причинности" представляет собою лишь свойство нашего ума, то почему природа подчиняется нашему разуму? Если между причиной и действием нет **необходимой объективной** связи, то почему бы не следовать причине за действием? Почему время, составляющее существенный „элемент" действительности и его закономерности, не обратимо? Когда Ленин писал свою книгу о материализме и эмпириокритицизме, он не мог предвидеть, что теория относительности действительно станет на такую точку зрения, по которой „после" и „раньше" могут меняться местами. Вовсе не обязательно оказывается, чтобы я **раньше** родился, **потом** постепенно состарился и умер. С точки зрения теории относительности я могу начать свою жизнь с **конца** и постепенно дойти до **рождения**. Эта софистика, опрокидывающая весь мир, всю жизнь и всю нашу практику, покоится на тех же гносеологических принципах, что и махизм, юмизм и пр. К счастью, дело обстоит в действительности несколько иначе. Время обратимо, быть может, в фантазии, в мире отвлеченных понятий, но не в мире реальном. В этом все дело. Представьте себе, читатель, на минуту, что время, стало быть, и история и все процессы в природе потекли назад. Для кинематографа это возможно, но в действительной жизни дело несколько сложнее. Трудно себе представить, каким образом следствие по времени может предшествовать причине. Однако из теории относительности Эйнштейна такие мистические выводы делаются. Точно так же обстоит дело и с зако-

[1]) Там же, стр. 129.

номерностью и причинностью. Вопреки этой точке зрения, материализм будет отстаивать объективную, закономерную и необходимую связь между явлениями, между предшествующей причиной и следующим за ним действием. И материализм будет прав, потому что он стоит на почве конкретной и реальной действительности, а теория относительности имеет дело с чистейшими абстракциями, с математическими фикциями.

Что касается проблемы свободы и необходимости, то и тут Ленин стоит на точке зрения марксизма и проводит те же методологические и гносеологические принципы, что и в отношении проблемы времени и пространства, материи и причинности. Объективный мир и его законы вполне познаваемы для человека, но никогда не могут быть им познаны до конца. Существует объективная необходимость, которая может быть человеком познана, но и может не быть познанной. Поскольку она не познана, необходимость является слепой. Но если необходимость слепа, т. е. не познана, то откуда мы знаем о ее существовании? На этот вопрос Ленин отвечает: „Мы не знаем необходимости природы в явлениях погоды и постольку мы неизбежно—рабы погоды. Но, не зная этой необходимости, мы знаем, что она существует. Откуда это знание? Оттуда же, откуда знание, что вещи существуют вне нашего сознания и независимо от него, именно: из развития наших знаний, которое миллионы раз показывает каждому человеку, что незнание сменяется знанием, когда предмет действует на наши органы чувств, и наоборот: знание превращается в незнание, когда возможность такого действия устранена" [1]. Опыт научил нас видеть повсюду, во всех явлениях природы необходимую связь. Если мы еще в известных случаях не познали этой необходимости, то мы знаем, что эти случаи не могут быть исключениями из всеобщего закона. Закон необходимости, подтверждаясь в бесконечном числе случаев, тем самым доказывает свою всеобщность. Значит, мы можем в данном конкретном случае еще не знать закона явлений, но мы твердо знаем, что закон или необходимость существует, потому что из „миллионов" случаев мы пришли к установлению всеобщего закона, охватывающего уже в том числе, так сказать, отвлеченно и этот еще нам не известный случай. Поэтому, диалектически рассуждая, незнание не есть абсолютное незнание, а лишь относительное незнание. Незнание в том смысле, в каком мы это разъяснили, есть вместе с тем уже и знание,—знание общего абстрактного закона, который должен быть конкретно, в отдельных случаях, специально изучен, специально познан. Критерием истины является, как мы знаем, практика. Заставляя законы природы действовать для опре-

[1] Там же, стр. 156.

деленных целей, мы проверяем их правильность и объективность. Свобода состоит в знании этих законов и в возможности действовать на основании этого знания. Защищая „сальтовитальный“ метод в философии, т. е. прыжок от теории к практике, проверку теории практикой,—метод, который был выдвинут основоположниками марксизма, Ленин и указывает на это коренное отличие между марксизмом и буржуазной философией, которая „гнушается“ практики и предпочитает оставаться всегда в эмпиреях абстракции, „чистой теории“. „У Энгельса,—говорит Ленин,—вся живая человеческая практика врывается в самое теорию познания, давая объективный критерий истины: пока мы не знаем закона природы, он, существуя и действуя помимо, вне нашего познания, делает нас рабами „слепой необходимости“. Раз мы узнали этот закон, действующий (как тысячи раз повторял Маркс) независимо от нашей воли и от нашего сознания,—мы господа природы. Господство над природой, проявляющееся себя в практике человечества, есть результат объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы, есть доказательство того, что это отражение (в пределах того, что показывает нам практика) есть объективная, абсолютная, вечная истина“ [1]).

IX.

Из изложенного ясно, в чем заключается различие между материализмом и идеализмом. Материализм утверждает, что природа, бытие составляет первичное и существует независимо от человека, что мышление является продуктом природы или материального мира. В связи с таким решением этого вопроса, возникает теперь новая проблема: как относятся наши мысли о мире к самому миру или: как относится мышление к бытию. Способно ли наше мышление познавать действительный мир, получать верное отображение его. Идеалисты, как Кант, утверждают непознаваемость мира, вырывают пропасть между „вещами в себе“ или объективным миром и явлениями. Другие идеалисты, вроде Юма и Маха, совершенно отрицают существование вещей в себе, т. е. внешнего мира. Но как, спрашивается, развивается человеческое познание? „Вчера мы не знали, что в каменноугольном дегте существует ализарин. Сегодня мы узнали это. Из этого очевидно, что ализарин существовал в каменноугольном дегте и тогда, когда мы этого не знали. Если же Кант, говоря о вещах в себе, утверждает, что они принципиально недоступны знанию (а лишь вере), то он глубоко ошибается и высказывает явно нелепую мысль. Ибо, как мы видели на предмете ализарина, вещь

[1]) Там же, стр. 156.

в себе становится явлением, т.-е. вещью для нас, когда мы получаем об этой вещи известные ощущения. „Решительно никакой принципиальной разницы между явлением и вещью в себе нет и быть не может. Различие есть просто между тем, что познано, и тем, что еще не познано"... Таким образом „в теории познания, как и во всех областях науки, следует рассуждать диалектически,—говорит Ленин,—т.-е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из **незнания** является **знание**, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным" [1]). Этот вопрос о познаваемости или непознаваемости мира в данной обстановке и при данном взаимоотношении общественных классов „странным" образом разрешается так, что буржуазная мысль отрицает познаваемость вещей в себе, внешнего мира, в то время, как пролетарская мысль и практика опирается на познаваемость объективного мира, считая возможным в принципе им **овладеть**. С одной стороны, нам предлагается школьной, буржуазной философией **верить** лишь в существование реального мира; с другой же стороны, материалистическая философия утверждает, что наше знание развивается из незнания, что это незнание носит лишь относительный характер и что живая человеческая практика, составляющая основу теории познания, доказывает нам ежедневно превращение „вещей в себе" в явления, т.-е. в вещи для нас. В нашем познании субъективным, человеческим представлениям соответствуют реальные объекты. Точно также и „практика человечества,—как выражается Ленин,—имеет не только феноменальное, но и объективно-реальное значение". „Познание человека отражает абсолютную истину, практика человечества, проверяя наши представления, подтверждает в них то, что соответствует абсолютной истине". Мы в своей практической деятельности изменяем не только явления, но и самые вещи, самое объективную реальность. В этом смысле наша деятельность, как и познание, имеет не только феноменальное, но и объективно-реальное значение.

Но вполне очевидно, что такого характера познание и практическая деятельность возможны лишь в том случае, если мы имеем возможность добраться до объективного мира, если наше познание составляет отражение действительности. Поэтому Ленин возражает против теории символов или иероглифов, по которой наши представления составляют лишь условные знаки вещей. „Если ощущения не суть образы вещей, а только знаки или символы, не имеющие „никакого сходства" с ними, то тем самым „подвергается некоторому сомнению существование внешних пред-

[1]) Там же, стр. 80.

метов, ибо знаки или символы вполне возможны по отношению к мнимым предметам, и всякий знает примеры таких знаков или символов" [1]).

Ленин был совершенно прав в своем возражении против теории символов или иероглифов. Читатель знает, что Плеханов, вообще говоря, не стоит на иероглифической точке зрения и что он признал свою терминологию неправильной, ибо у Плеханова дело сводилось только к терминологии, но не к существу вопроса. Теория же символов несомненно ведет к идеализму. И Гельмгольц, который был сторонником теории символов, несмотря на сильную материалистическую струю в его философских воззрениях, действительно часто скатывался к идеализму. Когда знаменитый ученый пишет, что „идея и объект, представляемый ею, суть две вещи, принадлежащие, очевидно, к двум совершенно различным мирам", то он стоит на Кантовской точке зрения, к которой он отчасти и примыкал. Действительно, такое противопоставление идеи действительности, явления объекту есть чистейший идеализм. Согласно этой точке зрения, ощущения являются только какими-то знаками, условными символами, совершенно отличными и различными от реального мира вещей. Но если мир идей, т.-е. наших представлений, совершенно различен от мира вещей, то наше воздействие на мир совершенно невозможно, ни о какой практике не может быть и речи. Вопрос, стало быть, сводится к следующему: являются ли наши ощущения и представления лишь знаком, условным обозначением для совершенно различного мира вещей, или же они суть образы этого мира вещей. Если мы принимаем первую гипотезу, то устанавливаем принципиально непереходимую грань между явлениями и вещами в себе. Принимая вторую гипотезу, говорит сам Гельмгольц, мы становимся на реалистическую или материалистическую точку зрения. Гельмгольц вынужден признать, что „реалистическая гипотеза есть несомненно самая простая, какую только мы можем составить, испытанная и подтвержденная на чрезвычайно широких областях применения, точно определенная в своих отдельных частях и потому в высшей степени пригодная и плодотворная, как основа для действия". Очевидно, что материалистическая гипотеза, по мнению самого Гельмгольца, удовлетворяет всем научным требованиям больше и лучше, чем все другие гипотезы. Но если материалистическая точка зрения признает теорию образов, то надо при этом помнить, как правильно подчеркивает Ленин, что „изображение никогда не может всецело сравняться с моделью, но одно дело изображение, другое дело символ, условный знак.

[1]) Там же, стр. 195.

Изображение необходимо и неизбежно предполагает объективную реальность того, что „отображается“.

Махисты, с своей стороны, выдвигают свою теорию об отношении наших ощущений, представлений и мыслей к бытию. Отказываясь от теории символов и образов, они утверждают тождественность чувственного представления с реальной действительностью. Ленин одинаково боролся как против теории символов, так и против последней теории субъективного сенсуализма, противопоставляя им „материалистическую гипотезу“. „Для материалиста реальное бытие лежит за пределами „чувственных восприятий“, впечатлений и представлений человека, для агностика же за пределы этих восприятий выходить невозможно“. „Сказать: „чувственное представление и есть существующая вне нас действительность“, говорит Ленин, значит вернуться к юмизму или даже берклеанству, прятавшемуся в тумане „координации“. Это—идеалистическая ложь или увертка агностика,... ибо чувственное представление не есть существующая вне нас действительность, а только образ этой действительности“ [1]). И далее. „Земля есть действительность, существующая вне нас. Она не может ни „совпадать“ (в смысле: быть тем же) с нашими чувственными представлениями, ни быть с ними в неразрывной координации, ни быть „комплексом элементов“, в другой связи тождественных с ощущением, ибо земля существовала тогда, когда не было ни человека, ни органов чувств, ни материи, организованной в такую высшую форму, при которой сколько-нибудь ясно заметно свойство материи иметь ощущения“ [2]).

Из изложения и разбора основных проблем теории познания для читателя, надеемся, ясно, как превосходно Ленин применял диалектику к гносеологии. Все основные вопросы теории познания получают у него чисто-диалектическое разрешение. Последняя противоположность материи и духа в области гносеологии является исходным пунктом для размежевания основных гносеологических направлений. В области гносеологии противопоставление материи духу означает противопоставление материализма идеализму. Затушевывать это различие было бы, разумеется, неправильно, от чего Ленин и предостерегает. „Конечно, и противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: в данном случае исключительно в пределах основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительность данного противоположения несомненна“ [3]).

---

[1]) Там же, стр. 90.
[2]) Там же, стр. 90.
[3]) Там же, стр. 119.

Таким образом различие материи от духа также относительно. И в данном случае, стало быть, не следует мыслить метафизически. „Пределы абсолютной необходимости и абсолютной истинности этого относительного противопоставления суть именно те пределы, которые определяют направление гносеологических исследований. За этими пределами оперировать с противоположностью материи духу, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой“ [1]).

X.

Своеобразие книги Ленина о „Материализме и эмпириокритицизме“ состоит в попытке переработать новейшие достижения в области естествознания, главным образом, физики, с точки зрения диалектического материализма. Махизм Ленин рассматривает в связи с новой физикой. Он упрекает даже Плеханова, которого, вообще говоря, он ставит как философа, как представителя диалектического материализма очень высоко, за игнорирование этой связи при разборе махизма, ибо материализм с каждым, составляющим эпоху открытием, как в области естествознания, так и в области истории человечества, изменяет свою форму. Особенность переживаемого кризиса в области физики состоит в том, что он наглядно показал относительность наших знаний.

Махизм и является философским выражением этого кризиса. Будучи совершенно незнаком с диалектикой, махизм запутался в релятивизме, а через релятивизм докатился до своеобразного физического идеализма. „Меньшинство новых физиков,—говорит Ленин,—под влиянием ломки старых теорий великими открытиями последних лет, под влиянием кризиса новой физики, особенно наглядно показавшего относительность наших знаний, скатились, в силу незнания диалектики, через релятивизм к идеализму. Модный физический идеализм наших дней—такое же реакционное и такое же кратковременное увлечение, как модный физиологический идеализм недавнего прошлого“ [2]). Но на стороне материализма—пусть стихийно стоит подавляющее большинство естествоиспытателей.

Ленин дает обзор физических теорий и связанных с ними гносеологических течений в английской, немецкой, французской и русской литературе. Повсюду он открывает два основных течения в области физики: стихийно-материалистическое и физико-идеалистическое. Физический идеализм в каждой стране скатывается к опреде-

[1]) Там же, стр. 205.
[2]) Там же, стр. 302

ленным господствующим спиритуалистическим и фидеистическим направлениям в области философии. Сущность физического идеализма состоит в отрицании объективной реальности, данной нам в ощущении и отражаемой нашими научными теориями. Стихийный же материализм, выступающий под разными названиями, как реализм, неомеханизм и проч., исходит из признания объективной реальности.

Физический идеализм рассматривается Лениным, как „некоторое международное идейное течение, не зависящее от какой-нибудь одной философской системы, а вытекающее из некоторых общих причин, лежащих вне философии". Философский идеализм есть то общее, что объединяет физический идеализм всех стран. „Общего между ними „только" одно: философский идеализм, к которому они все, без исключения, клонят более или менее сознательно, более или менее решительно. Возьмите философов, которые опираются на эту школу новой физики, стараются гносеологически обосновать и развить ее, и вы увидите тут опять-таки немецких иммапентов, учеников Маха, французских неокритицистов и идеалистов, английских спиритуалистов, русского Лопатина, плюс единственный эмпириомонист А. Богданов. Общего между всеми ими только одно, именно то, что они все более или менее сознательно, более или менее решительно, с крутым ли и торопливым уклоном в сторону фидеизма или с личным отвращением к нему (А. Богданов), проводят философский идеализм" [1]. Философский идеализм таким образом опирается на физический идеализм; последний же неизбежно переходит в философский идеализм. Так создается некий союз, или, выражаясь по современному, смычка между реакционными течениями в философии и идеалистическим направлением в физике.

Физический идеализм порождается, с одной стороны, самим развитием физики. Математическая физика ведет к замене материи математическими уравнениями. Ленин приводит по этому вопросу мнение А. Рея, которое превосходно объясняет и иллюстрирует этот процесс абстрагирования от физической действительности, который мы видим ныне и в теории относительности. „Кризис физики,—говорит А. Рей,—состоит в завоевании физики духом математики. Прогресс физики, с одной стороны, и прогресс математики, с другой, привели в XIX веке к тесному сближению этих обеих наук... Теоретическая физика стала математической физикой... Тогда начался период формальной физики, т.-е. математической физики, ставшей чисто-математическою,—математической физики не как отрасли физики, а как отрасли математики. В этой новой фазе математик, привыкший к концептуальным (чисто-логическим) элементам, составляющим един-

[1]) Там же, стр. 256.

ственный материал его работы, и чувствуя себя стесненным грубыми, материальными элементами, которые он находил недостаточно податливыми, не мог не стремиться к тому, чтобы возможно больше абстрагировать от них, представлять их себе совершенно нематериально, чисто-логически, или даже совсем игнорировать их. Элементы, в качестве реальных, объективных данных, т.-е. в качестве физических элементов, исчезли совершенно. Остались только формальные отношения, представляемые дифференциальными уравнениями [1]...

Математическая физика, в отличие от экспериментальной, имеет дело с математическими формулами, с дифференциальными уравнениями, заменяющими тела или физические элементы. Эти абстракты, т.-е. математические уравнения, принимаются за конкретные образы, за самое действительность. Уравнения становятся на место материи. Естественно, что таким путем приходят к математическому или физическому идеализму. Путь математического познания по самому существу есть восхождение от конкретного, физического мира к абстрактным, чисто-логическим, нематериальным „категориям“ или формулам. Каждая научная дисциплина до известной степени одностороння, выражает лишь абстракцию, отвлечение от подлинной конкретной действительности. Если ученый или исследователь это забывает, если он свои абстракции принимает за конкретную действительность, отожествляя ее с ними, то он неизбежно впадает в заблуждение.

Вторую, основную причину, породившую физический идеализм, Ленин справедливо видит в принципе релятивизма. Незнание диалектики имеет своим последствием отрыв относительных истин от объективной реальности. Далее, Ленин подчеркивает то обстоятельство, что „физический идеализм“ присущ не всему современному естествознанию, как это обыкновенно уверяют сторонники Маха, а лишь одному направлению естествознания в одной только физике. Но стихийный материализм, которого так или иначе придерживается большинство естествоиспытателей, неизбежно идет, хотя и косвенными путями, к сознательному диалектическому материализму.

В общем и целом Ленин справедливо видит за каждым философским вопросом, выдвигаемым современной физикой, борьбу материализма и идеализма. „За кучей новых терминологических ухищрений, за сором гелертерской схоластики всегда, без исключения, мы находили две основные линии, два основных направления в решении философских вопросов“. Подобно тому, как в политике в общем существуют только два основных лагеря, так и в философии Ленин видит только две партии, два основных направления—материалистическое и идеалистическое. И подобно тому, как мелкая бур-

[1]) Там же, стр. 259.

жуазия и ее партии постоянно колеблются между буржуазией и пролетариатом, так и „мелкобуржуазные“ направления в философии примыкают то к материализму, то к идеализму, оставаясь по существу все же на позиции идеалистической. Реалисты, позитивисты, махисты представляют „партию середины в философии, путающую по каждому отдельному вопросу материалистическое и идеалистическое направление“. Правда, махисты хвалятся своей беспартийностью, пытаясь „подняться выше“ материализма и идеализма, преодолеть это устарелое противоположение посредством словечка „опыт“ и пр. Но это только жалкие потуги; выскочить из этих двух направлений в философии невозможно. Поэтому на деле махисты ведут борьбу с материализмом и мирно уживаются с идеализмом.

Философия в современном классовом обществе так же партийна, как и политическая экономия или всякая идеология вообще. Поэтому борьба направлений в философии отражает в последнем счете тенденции и борьбу различных классов. „Новейшая философия,—говорит Ленин,—так же партийна, как и две тысячи лет тому назад“. Основными борющимися партиями являются материализм и идеализм. „Последний есть только утонченная, рафинированная форма фидеизма, который стоит во всеоружии, располагает громадными организациями и продолжает неуклонно воздействовать на массы, обращая на пользу себе малейшее шатание философской мысли. Объективная, классовая роль эмпириокритицизма всецело сводится к прислужничеству фидеистам в их борьбе против материализма вообще и против исторического материализма в частности“ [1]).

Так воинствующий материализм Ленина из области теории, философии переходит непосредственно в политику. Конкретное применение Лениным метода диалектического материализма к различным проблемам экономики, политики, тактики и проч. представляет большой интерес, но об этом уже когда-нибудь в другой раз.

А. Деборин.

---

[1]) Там же, стр. 303.

Ленин как материалист в своих первых работах.

I.

Еще в 1826 году Н. И. Лобачевский в докладе, прочитанном на заседании отделения физико-математических наук Казанского университета [1]) высказал очень оригинальные мысли о пространстве и геометрическом теле. Исходя из той мысли, что основные положения, на которых строится какая-нибудь наука, должны быть немногочисленны и ясны, Лобачевский видел корень этих положений (основных понятий) в чувствах. Эти понятия, по его мнению, „приобретаются чувствами; врожденным—не должно верить“.

Указавши затем, что понятие, из которого исходит арифметика, очень просто („мы познаем легко, что все в природе подлежит измерению, все может быть сосчитано“), он далее выражается так по поводу понятий геометрических: „Между свойствами, общими всем телам, одно должно назваться геометрическим — прикосновение. Словами нельзя передать совершенно того, что мы под этим разумеем; понятие приобретено чувствами, мы его постигаем. Прикосновение составляет отличительное свойство тел: ни в силах или времени и нигде в природе более его не находим. Отвлекая все прочие свойства, телу дают название геометрического. Прикосновение соединяет два тела в одно. Так все тела представляем частью одного—пространства“.

Интересно то обстоятельство, что несколькими строками выше только-что приведенных слов Лобачевский о положениях механики выражается как-будто бы в том смысле, что корень их лежит где-то в другом месте, а не только в опыте, — „человек с помощью одних ежедневных опытов не мог бы притти к ним“.

Но во времена Лобачевского развитие естествознания, вернее — отдельных отраслей его, шло еще так, что невозможно было общие выводы каждой отдельной дисциплины привести в связь с общими

[1]) 12 февраля 1826 г. под назв. Exposition succinte des principes de la Geometrie; извлечение из этого доклада напеч. в „Казанском Вестнике“ (1829 г. №№ 2, 3, 4, 11 и 12 и 1830 г. №№ 3, 4, 7 и 8) под загл. „О началах геометрии“.

выводами всякой другой и представить себе космос, как движение, развивающееся диалектически. Такую постановку вопроса сделал Гегель только в области метафизики. Но если не вложить в то понятие диалектического метода, какое дает Гегель, реального содержания, то остается только движение Гегелевского понятия. „Что здесь должно быть рассматриваемо, как метод, — говорит Гегель в своей „Логике"[1]) — есть тем самым лишь движение самого понятия, природа коего уже познана, но, во-первых, отныне с тем значением, что понятие есть все, и что его движение есть общая абсолютная деятельность, самоопределяющее и самореализующее движение"... ...Он есть не только высшая сила или, скорее, единственная и абсолютная сила разума, но и его высшее и единственное побуждение — найти и познать себя самого во всем через себя самого". Таким образом метод Гегеля есть логическая формула движения, движение чистого разума, которое состоит в том, что разум ставит себя (тезис), противопоставляет себя самому себе (антитезис) и соединяется с самим собою (синтез). Сущность, стало-быть, диалектического метода — диалектическое движение, а сущность диалектического движения — это существование в одно и то же время двух взаимнопротиворечащих сторон этого движения, их столкновение, их борьба и их соединение, их синтез.

Возникающая отсюда чисто логическая категория рождает логические категории высших порядков, диалектическое движение которых создает еще более высшие группы категорий, и т. д. [2])

Но диалектически движется у Гегеля не вещь, не нечто реальное, а понятие, идея, абсолютный, метафизический разум.

Приложить этот метод Гегеля к области естествознания и значило прежде всего взглянуть на природу с точки зрения диалектического движения не понятия и идеи, а вещи и материи.

Это сделали Маркс и Энгельс, и этого, конечно, не мог сделать Лобачевский, несмотря на свои в высшей степени трезвые мысли о пространстве и о началах математики.

А между тем в высшей степени легко показать, что уже из взглядов Лобачевского о началах математики, если диалектически их применить к некоторым отраслям естествознания, вытекают в высшей степени плодотворные выводы.

В самом деле, наука, занимающаяся изучением движения тел, механика, есть наука о движении соприкасающихся тел. Действительно, как бы ни определять механику, она все же занимается изучением движения совокупности тел, ибо в природе не существует отдельного движения изолированного тела, как не существует тела вне связи с другими телами.

Есть ли это движение по кривым (напр., движение планет) или какое бы то ни было другое движение, — в конце концов движение

[1]) „Наука Логика", пер. Н. Г. Дебольского. 1916 г. Петр. часть II, стр. 199.

[2]) См. у Маркса, напр., в „Нищете философии".

сводится к соприкосновению тел. Таким образом то, что подметил Лобачевский, рассуждая об основах математики, т.-е. соприкосновение, есть не что иное, как основное свойство материи — движение, диалектически развивающееся, — свойство, без которого материи не существует. Но прикосновение, которое мы наблюдаем постоянно в природе и которому даем различные названия, смотря по обстоятельствам и условиям, в которых оно происходит (трение, скольжение, сцепление, толчок и т. п.), вызывает новые изменения материи, новые виды движений. Вся физико-химия и есть наука, изучающая законы изменения различных видов материи, законы движения единой материи, но в разных ее формах и сочетаниях,—электричества, света, теплоты,—при чем эти формы при определенных условиях переходят одна в другую.

Стало быть, можно сказать, что естествознание в общем изучает различные формы движения тел, а так как познание тела — это, в сущности, познание различных форм его движения, то здесь и обнаруживается причина, в силу которой по мере развития каждой отдельной науки развивается и связь отдельных наук между собою и увеличивается число законов, являющихся общими для нескольких отраслей науки [1]).

Все больше и больше становится понятным, что чем развитее какая-нибудь отрасль естествознания, тем больше она соприкасается с другими, уже достаточно развитыми и точными дисциплинами, изучающими различные формы материи и ее движения. По мере развития отдельных отраслей естествознания все меньше ощущается нужда в существовании какой-то одной, обобщающей дисциплины, какое бы название она ни носила.

Эти теперь общеизвестные каждому материалисту истины, однако, не приходили в голову не только ни одному метафизику, но даже и естествоиспытателю. Даже гениальнейшие из этих последних не шли дальше более или менее замечательных обобщений, связывавших две или три области знания. Потребовались целые столетия развития экономики и техники, которые подготовили условия, позволившие сделать более смелые и более всеобъемлющие обобщения.

Нужен был гений Маркса, чтобы высказать обобщение, охватывающее одним принципом историю и природу.

Вот что по этому вопросу говорит Ф. Энгельс в своем „Анти-Дюринге".

„Вместо господствовавшего как у французов XVIII века, так и у Гегеля представления о природе, как о неизменном, движущемся в тесных пределах целом с вечными мировыми телами, как учил Ньютон, и с неизменными видами органических существ, как учил Линней, — современный материализм признает все главные выводы естествознания, согласно которым природа имеет свою историю во времени и мировые тела, как и виды организмов, которыми они населены

[1]) См. об этом у Энгельса „Письма". Перев. и прим. В. Адоратского. 2-е изд. № 17

при благоприятных условиях одинаково возникают и исчезают, а сферы мирового круговорота, поскольку представление о нем вообще допустимо, принимают бесконечно большие размеры. В обоих случаях (в понимании истории и природы) современный материализм по существу диалектичен и не нуждается уже ни в какой, стоящей над прочими науками, философии.

Поскольку в каждой отдельной науке предъявляется требование выяснить свое положение по отношению к общей связи явлений и в сфере их познания, всякая особая наука об этой связи становится излишней. От всей прежней философии остается еще, в качестве самостоятельной науки, учение о мышлении и его законах—формальная логика и диалектика. Все прочее относится к положительной науке о природе и истории" [1]).

Хотя бы на примере Лобачевского, с которого мы начали нашу статью, мы видели, как легко, пользуясь методом Маркса, устанавливать ту связь, о какой говорит Энгельс, связь даже с такими, казалось бы, отвлеченными дисциплинами, как математика.

Но к чему все эти рассуждения в статье, в которой предполагается говорить о Ленине, как о материалисте?

Да к тому, чтобы как раз именно и показать, что в этом основном вопросе, в вопросе о том, как смотрят марксисты на буржуазную философию, Ленин был уже в ранних своих работах самым последовательным и ортодоксальным учеником Маркса и Энгельса.

II.

Действительно, В. И. Ленин еще в своей работе против П. Струве— „Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве", т.-е. еще в 1894 году, ясно и определенно высказывает свой взгляд на философию в полном согласии с Марксом и Энгельсом.

Ленин критиковал в этой статье Струве, выступившего с критикой народничества под знаменем марксизма. Тем важнее была обязанность критически взглянуть на самого Струве, потому что он уже в этой ранней своей работе извращал Маркса. Так, он, между прочим, утверждал, что еще не дано чисто-философского обоснования учения Маркса, что это учение не справилось с огромным конкретным материалом, представляемым всемирной историей, и что критика Марксова учения заставит отказаться от многих односторонностей и поспешных его обобщений.

Ленин, отмечая это место в книге Струве, делает следующее замечание: „Не совсем ясно, что разумеет автор под „чисто-философским

[1]) „Анти-Дюринг", Петр. 1918 г., стр. 23. Курсив наш.

обоснованием"? С точки зрения Маркса и Энгельса философия не имеет никакого права на отдельное, самостоятельное существование, и ее материал распадается между разными отраслями положительной науки (курсив наш. *В. П.*). Таким образом под философским обоснованием можно разуметь или сопоставление посылок ее с твердо установленными законами других наук (и г. Струве сам признал, что уже психология дает положения, заставляющие отказаться от субъективизма и признать материализм), или опыт применения этой теории. А в этом отношении мы имеем заявление самого г. Струве, что „за материализмом всегда останется та заслуга, что он дал глубоко-научное, поистине философское (курсив автора) истолкование целому ряду (это NB) исторических фактов огромной важности". Последнее заявление автора содержит признание, что материализм — единственно научный метод социологии, и поэтому, конечно, нужен „пересмотр фактов" с этой точки зрения, особенно пересмотр фактов русской истории и действительности, так усердно искажавшихся российскими субъективистами" [1]).

Как видно из этих слов, Ленин целиком присоединяется к приведенному выше из „Анти-Дюринга" положению Ф. Энгельса о буржуазной философии, и единственно научным методом социологии признает современный материализм, т. е. миросозерцание, которое, по словам Плеханова, есть высшая „ступень развития того взгляда на мир, основы которого были заложены еще в древней Греции"...

Целиком присоединяясь к пониманию Маркса и Энгельса буржуазной философии, Ленин сейчас же разоблачает ревизионистское толкование Струве понятия государства.

По мнению Струве, необходимо дополнить и исправить взгляды Маркса на государство. Струве полагает, что Маркс впал в односторонность, критикуя современное государство. Исправление, данное Струве, сводится к тому, что „государство есть прежде всего организация порядка"... Струве полагает, что признаком государства является принудительная власть и что организацией классового господства государство становится в таком обществе, в котором экономическая структура обусловливает подчинение одних групп другим.

Ленин в своей критике Струве показывает неправильность такого „исправления" Маркса, опираясь на ясные и недвусмысленные разъяснения основоположников научного социализма. Цитируя как раз ту самую работу, какой пользовался и Струве, Ленин разъясняет читателю извращение взглядов Маркса и Энгельса будущим идеологом буржуазии.

„Существенный признак государства состоит в публичной власти отдельной от массы народа", — говорит Энгельс в „Происхождении семьи, собственности и государства" и, стало быть, тем самым пред-

[1]) См. „За 12 лет" стр. 61 и 62.

полагает, что существенным признаком государства является существование особого класса лиц, в руках которого находится власть. „Общину,— поясняет Ленин, — в которой „организацией порядка“ заведывали бы поочередно все члены ее, никто, разумеется, не мог бы назвать государством“. Желание Струве затушевать классовый характер современного государства и представить его какой-то организацией, не носящей классового происхождения и блюдущей интересы всех граждан, Ленин разбивает разъяснением той связи, какая устанавливается между особой категорией лиц, выполняющей роль государственной власти — бюрократией и тем господствующим классом, интересы которого обслуживает и защищает эта бюрократия.

Ложные представления о каком-то внеклассовом характере государственной власти особенно важно было показать в полемике с народниками, которые именно потому, что они сами, являясь идеологами мелкой буржуазии, затушевывали классовый характер государства, и во имя интересов народа обращались к тому самому государству, которое и являлось угнетателем и эксплоататором этого самого народа (в том числе и мелких производителей—крестьян, интересы которых защищали народники).

Эта концепция государства, как „организации порядка“, принадлежала, конечно, не только П. Струве. Он исповедывал это учение о государстве вместе со всеми идеологами буржуазии, в том числе и некоторыми народническими идеологами и публицистами. Стоит заглянуть, напр., в „Исторические письма“ Лаврова, чтобы убедиться в том, как основоположник народничества и субъективного метода в социологии повторял в своем знаменитом сочинении буржуазный вздор, унаследованный еще от времен Ж.-Ж. Руссо.

„Пока люди живут вместе, — читаем мы на стр. 233 „Исторических писем“ (изд. „Русск. Бог.“ 1906 г.),— преследуя экономические, нравственные и умственные цели, которые каждый может изменять свободно или даже отступаться от них, не опасаясь никакого принуждения, до тех пор люди состоят в общественной связи, чуждой всего юридического и политического. Как только они вступают в договор, обязательный для договаривающихся, то их общество вступает в новый фазис жизни. Они связаны только юридически, если принудительная сила, наблюдающая за исполнением договора, принадлежит лицам, в договоре не участвующим. Оно становится политическим, когда в среде самого общества образуется власть, обязывающая членов общества к исполнению договора. Политическое общество становится государством, когда договор, обязательный для членов, в него вступивших, оно обращает в обязательный и для лиц, никогда не спрошенных об их согласии или соглашающихся на него лишь из опасения личного вреда в случае сопротивления ему“.

Руссо такими идиллическими красками изображает самый момент этого знаменитого договора, из которого будто бы проистекает организация порядка: „...Dans cette vue, après avoir exposé à ses voi-

sins l'horreur d'une situation, qui les armoit tous les uns contre les autres, qui leur rendoit leurs possessions aussi onéreuses que leurs besoins, où nul ne trouvoit sa sûreté ni dans la pauvreté, ni dans la richesse, il inventa aisément des raison specieuses pour les amener à son but. „Unissons-nous, leur dit-il, pour garantir de l'oppression les foibles, contenir les ambitieux, assurer a chacun la possession de ce qui lui appartient; instituon des réglements de justice de paix, aux quels tous soient obliges de se conformer, qui ne fassent acception de personne, qui reparent en quelque sorte les caprices de la fortune, en soumettant egalement le puissant le foille à des devoirs mutuels. En un mot, au lieu de tourner nos forces contre nous mêmes, rassemblons — les en un pouvoir suprème qui nous gouverne selon de sages loix, qui protège desende tous les membres de l'association, repousse les ennemis communs, nous maintienne dans une concorde éternelle" (Извиняемся, что приходится за неимением под рукой русского перевода цитировать по подлиннику женевского изд. M. D. C. C. C. X. Collection complète des oeuvres de J.-J. Rousseau citoyen de Genève, v. VI, p. 75 et 76. Перевод: „Нарисовав своим соседям ужас того положения, которое вооружило их друг против друга, сделало для них обременительным как богатство, так и нужду, и в котором никто,—ни богач, ни бедняк,— не чувствовал себя в безопасности, он легко нашел доводы достаточно убедительные, чтобы заставить их служить своим целям. „Соединимся,— сказал он,— чтобы оградить слабых от угнетения, сдержать честолюбивых и каждому обеспечить его собственность; установим правила справедливости и мира, с которыми все без исключения будут обязаны сообразоваться, предохраняя от капризов фортуны и подчиняя взаимным обязанностям в равной мере и сильного,. и слабого. Одним словом, вместо того, чтобы направлять свои силы против самих себя, соединим их в верховную власть, которая будет управлять нами сообразно мудрым законам, покровительствовать, защищать всех членов союза, отражать общих врагов и поддерживать среди нас вечное согласие").

Вслед за своими буржуазными предшественниками Лавров наивно полагает, что даже семья есть государственная власть. В тех же „Исторических письмах" (стр. 235) он говорит: „Государственный элемент является в семье, когда есть взрослые члены, которые могли бы не повиноваться главе, но помогают ему повелевать другими в религиозной секте, когда пророка окружают не только исполнители, но и помощники, и т. д." (См., напр., у Руссо в „Обществ. договоре"). Но в то время, как Руссо [1]), представлявший государство, как

[1]) Вот как начинается вторая часть книги Руссо „О происхождении неравенства": „Le premier qui, ayant enclos un terrein, j'avisa de dire, c e c i e s t à m o i, trouva des gens assez simples pour le croire, fut le vrai fondateur de la société civile. Que de crimes, de guerres, de meurres, que de misères, d'horreurs n'eût point épargnés au genre humain celui qui, arrachant les pieux ou comblant le fossé, eut crié à ses semblables: gardez-vous d'écouter cet imposteur; vous êtes perdus si vous oubliez que les fruits sont à tous que la

результат общественного договора, прекрасно понимал, что в основе гражданского буржуазного общества лежит частная собственность, и что именно это общество, построенное на основе частной собственности, в недрах своих заключает причины неравенства, преступлений, войн и убийств,—буржуазные социологи, подобные Лаврову, не могли расстаться с идеей государства, как результата общественного договора, устанавливаемого во имя поддержания порядка, правды и справедливости. Их государство — это была организация порядка, и они считали возможным во имя народных интересов апеллировать даже к такому государству, во главе которого стоял самодержавный царь. Классовой природы государства они совершенно не понимали, и потому все их рассуждения по этому вопросу носили часто реакционный привкус. Вот почему Ленин считал своим долгом подчеркнуть эту сторону взглядов Струве, пытавшегося „исправлять" Маркса.

Представление о государстве, как о какой-то надклассовой организации, „организации" порядка вполне естественно вытекало из всего ненаучного, утопического построения народнических учений, из их субъективного метода в социологии. После рассматриваемой нами работы Ленина в нашей марксистской литературе этот субъективный метод социологии неоднократно подвергался критике и разбирался, но в те времена, когда владыкой дум молодого поколения был Михайловский, и когда выступление с критикой народничества в легальной литературе было невозможно, особенно важно было показать всю убогость и ненаучность этой народнической „социологии".

А ненаучность и убогость ее обнаружилась тотчас же, как только острие марксистской критики прикоснулось к этой гипотезе.

Государство — организация порядка, говорили вслед за своими буржуазными учителями народники; общественный договор — это, по мнению народников, и есть государственный союз. Поэтому по мере того, как личности, заключающие этот договор, заключают его все сознательнее и свободнее, и сам государственный союз изменяется и превращается в свободный общественный союз. „Государственный союз, — говорит Лавров (стр. 243),—все более приближается к общественному. Государство все более принимает характер союза лиц, заключивших свободный договор и свободно его изменяющих. Принудительность государственного договора уменьшается и стремится еще уменьшиться. Идеал государства, как я уже говорил, обращается в представление о таком союзе, где лишь тот подчинен договору, кто имел средства и возможность обсудить договор, обсудил и признал его свободно, может отказаться столь же свободно от его исполнения, отказываясь и от всех его последствий".

---

terre n'est à personne". Первый, кто, огородив участок земли, решился сказать: „это мое", и нашел достаточно простых людей, поверивших этому, и был истинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн и убийств, от скольких страданий и ужасов уберег бы человечество тот, кто, выдернув колья и засыпавши ров, крикнул бы своим ближним: „Не слушайте этого обманщика! вы погибли, если забудете, что плоды земные принадлежат всем, а земля—никому" (J.-J. Rousseau. Col. complète des oeuvres v. II, p. 61).

Условием создания такого счастливого свободного государства у Лаврова является сильная, свободная словом, его критически-мыслящая личность, которая делает историю. В процессе истории в развитии общества, — говорит Лавров, — неизбежно наблюдается прогресс. „Обществу угрожает опасность застоя, если оно заглушит в себе критически-мыслящие личности. Его цивилизации грозит гибель, если эта цивилизация, какова бы она ни была, сделается исключительным достоянием меньшинства. Следовательно, как ни мал прогресс человечества, но и то, что есть, лежит исключительно на критически-мыслящих личностях: без них он безусловно невозможен; без их стремления распространить его он крайне непрочен" (стр. 95).

Отсюда и вытекает та основная мысль субъективного метода в социологии о субъективной оценке процесса истории, — мысль, которая внесла столько путаницы в головы как самих учителей, так и учеников Лаврова и Михайловского; отсюда и тот знаменитый конфликт между свободой и необходимостью, о котором толкуют субъективисты

„...Волей-неволей приходится прилагать к процессу истории субъективную оценку, то есть, усвоив по степени своего нравственного развития тот или другой нравственный идеал, расположить факты истории в перспективе, по которой они содействовали или противодействовали этому идеалу, и на первый план истории выставить по важности те факты, в которых это содействие или противодействие выразилось с наибольшею яркостью" (стр. 37).

Так говорит Лавров, сводя всю историю развития общества к достижению критически-мыслящими личностями „нравственного идеала", а его ученик Михайловский идет еще дальше и утверждает, что социология должна начать с некоторой утопии. „Признав нечто желательным или нежелательным, — говорит он, — социолог должен найти условия осуществления этого желательного или устранения нежелательного".

Само собой понятно, что, борясь за критику этих утопических идей, Ленин опирается на учение Маркса и в блестящей и полной революционного темперамента форме в дребезги разбивает эти ребяческие построения. Мало того — Ленин уже тогда проявляет себя, как крупного выдающегося материалиста.

III.

Изложив словами Маркса основные положения исторического материализма, Ленин в самой ранней большой своей работе („Что такое „друзья народа", и как они воюют против социал демократов") подчеркивает то обстоятельство, что буржуазные социологи и историки брались всегда за изучение политико-юридических форм и останавливались на объяснении возникновения этих форм из тех или других идей человечества.

„...Выходило так, — говорит Ленин: — что будто общественные отношения строятся людьми сознательно. Но этот вывод, нашедший

себе полное выражение в идее о Contrat Social (следы которой очень заметны во всех системах утопического социализма)[1]),совершенно противоречил всем историческим наблюдениям" („Что такое друзья...", стр. 11).

Указав на то, что только материализм устранил эти противоречия и что он продолжил анализ глубже, сделав вывод „о зависимости хода идей от хода вещей",— вывод, который „единственно совместим с научной психологией", Ленин подробно анализирует понятие общество и останавливается на законах развития этого общества. Он указывает, что до Маркса никаких законов развития общества в сущности и подмечено не было. В самом деле, что характеризует закон, как, например, его понимает естествознание?

Если то, что называют в физике или химии законом, заключает в себе такие элементы, величины или отношения, которые дают возможность подмечать повторяемость явления и предвидеть такие явления, то это закон.

Но как раз, по мнению Ленина, законы, открытые Марксом, и характеризуются этими признаками. Вот как Ленин выражается по этому поводу: „Материализм дал вполне объективный критерий, выделив „производственные отношения", как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости (курсив наш. *В. Н.*), применимость которого к социологии отрицали субъективисты. Пока они ограничивались идеологическими общественными отношениями, т.-е. такими, которые прежде, чем им сложиться, проходят через сознание (т.-е., разумеется, речь все время идет о сознании „общественных" отношений, и никаких иных людей), они не могли заметить повторяемости и правильности в общественных явлениях разных стран, и их наука в лучшем случае была лишь описанием этих явлений, подбором сырого материала. Анализ материальных общественных отношений (т.-е. таких, которые складываются, не проходя через сознание людей: обмениваясь продуктами, люди вступают в производственные отношения, даже и не сознавая, что тут имеется общественное производственное отношение) — анализ материальных общественных отношений сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие „общественной формации". Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго-научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, „что" отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, „что" обще всем им" („Что такое друзья народа...", стр. 12)[2]).

---

[1]) Это заимствование у Руссо мы только что показали на примере Лаврова.

[2]) В высшей степени интересно то, что термин „общественная формация", или, как выражается Маркс в предисловии к „Zur Kritik", „экономическая формация", в естествознании был введен еще немцем Флюкселем (в восемнадцатом столетии), но только Лайелль в своих „Основах геологии", вышедших на английском языке в 1833 г., придает термину „формация" тот смысл, какой возможно применить и в области социологии. Собственно, только по

Далее Ленин подчеркивает, что только научная теория Маркса дала возможность взглянуть на развитие общественных формаций как на процесс естественно-исторический, чего не могли сделать субъективисты, даже признающие закономерности в общественной жизни. Это подчеркивание Лениным представления о развитии общественных формаций, как об естественно-историческом процессе, не означает, конечно, грубого сравнения Марксом и Лениным процессов, происходящих в обществе, с процессами, происходящими в природе, и это особенно старается оттенить Ленин. Говоря о сравнении учения Маркса по своему значению в науке с учением Дарвина, вполне принимая это сравнение, Ленин по этому поводу высказывает следующие мысли: „Как Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, „богом созданные" и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменяемость видов и преемственность между ними, — так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический аггрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающей и изменяющейся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс" („Что такое друзья народа...", стр. 14. Относительно значения Дарвина для марксизма см. у Маркса,—напр., в письме Маркса к Лассалю от 16 янв. 1861 г.).

Итак, Ленин считает необходимым подчеркнуть воззрение Маркса, что общество — не „механический аггрегат индивидов", — воззрение, так сильно отличающееся от взглядов „субъективных" социологов, позволяющих себе применять к обществу чуть ли не все законы физики и химии (напр., даже теперь, проф. Бехтерев утверждает, что развитие общества следует чуть ли не всем физико-химическим законам, начиная от законов Ньютона и кончая законом динамического равновесия). Считая это необходимым подчеркнуть, Ленин сейчас же показывает,

---

втором издании своей книги Лайэлль (в 1865 г.) вкладывает в понятие „формация" то истолкование, которое видит в истории земли процесс, и дает возможность взглянуть на явления этого процесса так, что законы, открываемые геологией, не только объясняют прошедшее, но и обращаются в орудие, при помощи которого возможно научное предвидение. Настоящим замечанием мы отнюдь не хотим сказать, что термин „формация" геологии и термин Маркса „экономическая формация" обозначают одно и то же явление; мы хотим этим сказать только то, что по мере развития наук о природе и обществе все больше и больше происходит между ними обмен в области тех достижений, каких добиваются отдельные дисциплины. Несомненно, что открытия и обобщения, каких достигли Маркс и Энгельс, были бы немыслимы без того развития естествознания уже в первой половине XIX в., каким воспользовались основоположники научного социализма.

почему неправильно мнение субъективистов-социологов об обществе, как о механическом аггрегате индивидов.

Неверны эти мнения и теории прежде всего потому, что они априорны, догматичны и абстрактны; неверны они еще и потому, что метафизичны. „Ведь, начинать с вопросов, что такое общество, что такое прогресс, — говорит Ленин, — значит начинать с конца. Откуда возьмете вы понятие об обществе и прогрессе вообще, когда вы не изучили еще ни одной общественной формации, в частности не сумели даже установить этого понятия, не сумели даже подойти к серьезному фактическому изучению, к объективному анализу каких бы то ни было общественных отношений? Это самый наглядный признак метафизики, с которой начинала всякая наука; **пока не умели приняться за изучение фактов, всегда сочиняли à priori общие теории, всегда остававшиеся бесплодными. Метафизик-химик, не умея еще исследовать фактически химических процессов, сочинял теорию о том, что такое за сила химическое сродство. Метафизик-биолог толковал о том, что такое жизнь и жизненная сила. Метафизик-психолог рассуждал о том, что такое душа. Нелеп тут был уже прием. Нельзя рассуждать о душе, не объяснив в частности психических процессов: прогресс тут должен состоять именно в том, чтобы бросить общие теории и философские построения о том, что такое душа, и суметь поставить на научную почву изучение фактов, характеризующих те или другие психические процессы**" („Что такое друзья народа"..., стр. 16. Курсив наш. *В. П.*).

Как хорошо, как точно и ясно выражен Лениным в подчеркнутых нами словах чисто материалистический взгляд на природу современного естествознания и как кратко и вместе с тем метко охарактеризован метафизический метод социологов-идеалистов! Именно метафизический метод идеалиста диктовал Лаврову и Михайловскому их формулы прогресса, именно метафизикой несет, напр., от социологических упражнений Питирима Сорокина, пытающегося к развитию общества применить все законы физики и химии. Только метафизическим подходом к истории развития общества и можно объяснить попытки идеалистов представить общество, как механический аггрегат индивидов, ибо, только так представляя себе общество, только и возможно рассуждать, как делают Сорокин, Бехтерев, Богданов и ученики этого последнего, что законы действия и противодействия Ньютона, что законы притяжения и отталкивания атомов и электронов, что принцип динамического равновесия, применимый, скажем, к молекулам химических соединений, где нет ни экономики, ни прибавочной стоимости, — словом, что законы физики и химии можно безоговорочно применять к развитию общества. Да, если представлять себе общество, как механический аггрегат индивидов, то тогда, конеч-

ю, можно применить и к изучению общества некоторые законы физики и химии. Но какой толк выйдет из этого применения, да и выйдет ли вообще какой-либо толк, более чем сомнительно. Стоит ли говорить о том, что материалистический взгляд Ленина на задачи науки и на методы научного исследования совпадает со взглядами выдающихся естествоиспытателей, материалистически подходящих к изучению явлений природы.

„В течение 13 лет,—говорит известный физиолог И. П. Павлов,—я ни разу полезно для успеха дела не воспользовался при своих исследованиях психологическими соображениями. Физиология мозга животных не должна ни на момент сходить с истинной почвы естествознания, которая ежедневно перед всеми нами доказывает свою абсолютную прочность и безграничную плодоносность. Можно быть уверенным, что на пути, на который вступила строгая физиология мозга животных, науку ждут такие же поражающие открытия и с ними такая же чрезвычайная власть над высшею нервною системою, которые не уступят другим приобретениям естествознания" (Ак. И. П. Павлов, „Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных", стр. 183).

В другом месте, обращаясь к зоопсихологам, Павлов заявляет, что то, что зоопсихологи стараются объяснить принципами старой субъективной психологии, физиолог, не строящий метафизических теорий и делающий только конкретные выводы из изучения конкретных явлений, объясняет так называемые психические явления „чисто материально, чисто пространственно" (там же, стр. 203).

Против попыток некоторых субъективистов-социологов представить общество, как механический агрегат индивидов и затем совершенно абстрактно применить к этому агрегату законы физики, Ленин, как материалист, протестует не раз уже в первых своих работах. Так, все в той же статье о работе Струве, он так выражается по этому поводу: „Чем отличается этот критерий (справедливости — justice éternelle) от критерия г. Михайловского: современная наука и современные нравственные идеи? И почему г. Михайловский так энергично протестовавший всегда против отождествления метода общественных наук с методом наук естественных, не спорил против заявления Маркса, что подобный метод Прудона совершенно так же нелеп, как если бы химик пожелал вместо „изучения действительных законов обмена веществ" преобразовать этот обмен по законам „сродства"? не спорил против того взгляда Маркса, что социальный процесс есть „естественно-исторический процесс"? („За 12 лет", стр. 61).

К этому вопросу Ленин возвращается в своих первых работах не раз. Так, он приводит в своей работе „Что такое друзья народа..." выдержку из заметки о теории Маркса, напечатанную в № 5 „Вестника Европы" за 1872 г. и цитируемую самим Марксом в „Послесловии" ко второму изданию „Капитала", заметку, где между прочим имеется такое место: „Прежние экономисты не понимали природы

экономических законов, когда сравнивали их с законами физики и химии. Более глубокий анализ показывает, что социальные организмы так же глубоко разнятся друг от друга, как и организмы животных и растений. Ставя своей задачей с этой точки зрения исследовать капиталистическую, экономическую организацию, Маркс этим самым строго-научно формулирует ту цель, которую должно преследовать всякое точное исследование экономической жизни. Научное значение такого исследования состоит в выяснении тех особых (исторических) законов, которые регулируют возникновение, существование, развитие и смерть данного общественного организма и замену его другим, высшим организмом" („Что такое друзья народа...", стр. 39).

Немного выше только что цитированного места Ленин уже от себя лично, определяя диалектический метод, точно так же оттеняет эту неверную мысль субъективистов об обществе, как механическом аггрегате индивидов. „Диалектическим методом, — говорит он, — в противоположность метафизическому, — Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается, как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития" („Что такое друзья народа...", стр. 37. Курсив наш. *В. Н.*).

IV.

Непонимание субъективистами-социологами учения Маркса и Энгельса выразилось между прочим в том, что, подходя к этому учению с точки зрения своих вечных истин („правды-истины" и „правды-справедливости" Михайловского), наши отечественные социологи упрекали великих материалистов и диалектиков в том, что будто бы они выдумали такую теорию, какой марксисты пытаются объяснить все. „Ведь, это же сплошная фальшь! — говорит на эти замечания Михайловского Ленин — Теория претендует только на объяснение одной капиталистической общественной организации и никакой другой". Но, высказавши это, Ленин сейчас же разъясняет значение учения Маркса, как научного метода: „Если применение материализма к анализу и объяснению одной общественной формации дало такие блестящие результаты, то совершенно естественно, что материализм в истории становится не гипотезой уже, а научно проверенной теорией; совершенно естественно, что необходимость такого метода распространяется и на остальные общественные формации, хотя бы и не подвергшиеся специальному фактическому изучению и детальному анализу, — точно так же, как идея трансформизма, доказанная

по отношению к достаточному количеству фактов, распространяется на всю область биологии, хотя бы по отношению к отдельным видам животных и растений и нельзя было еще установить в точности факт их трансформации. И как трансформизм претендует совсем не на то, чтобы объяснить „всю“ историю образования видов, а только на то, чтобы поставить приемы этого объяснения на научную высоту, точно так же и материализм в истории никогда не претендовал на то, чтобы указать „единственно-научный“ по выражению Маркса („Капитал“) прием объяснения истории („Что такое друзья народа...“, стр. 18).

Итак, Ленин, вслед за Марксом и Энгельсом, отвергает философию, как науку всех наук, оставляя самостоятельное значение за логикой и теорией познания (притом не зарекаясь, что и то, что носит название „психической деятельности“, „законов логики“ и т. д., будет рано или поздно объяснено естествознанием), придает огромное значение изучению фактов, вещей, ходу которых соответствует ход идей, конкретной действительности, чтобы, идя именно от фактов, открывать некоторые общие положения, а не наоборот, как поступали наши субъективисты-социологи, — идя от совершенно абстрактных, выдуманных формул прогресса, подгонять под эти „вечные“ формулы живую жизнь с ее конкретным содержанием. Значит ли это, однако, что Ленин уклонялся от разъяснения и так называемых чисто философских проблем? Нисколько.

В своей критике взглядов Михайловского и его последователей Ленин затрагивает и эти вопросы. Примером этому может служить хотя бы проблема о свободе и необходимости.

Этот простой с точки зрения материалиста вопрос причинял и причиняет много хлопот философам-идеалистам. Мы уже видели, как мыслил себе процесс истории Лавров: с его точки зрения история есть результат деятельности „критически-мыслящих личностей“. Правда, теперь даже идеалистам-социологам, вроде Питирима Сорокина, эти „критически-мыслящие личности“ Лаврова представляются далеко не такими абстрактными схемами, какими они казались в то время, когда вышли из головы своего творца.

В своей статье „Основные проблемы социологии П. Л. Лаврова“, напечатанной в сборнике „П. Л. Лавров“ (изд. „Колос“), П. Сорокин по поводу этих основных проблем, между прочим, говорит следующее: „Таким образом только группы интеллигенции являются группами, живущими исторической жизнью; только народы, создавшие в своей среде интеллигенцию, принадлежат к историческим народам. Только интеллигенция, как „совокупность личностей в каждом обществе, живущих историческою жизнью, т.-е. действующих под влиянием сознанного побуждения к развитию, каковы бы ни были, впрочем, их понятия, и независимо от того, служат ли они прогрессивным или регрессивным началам“ — является двигателем истории, тем новым субстратом, который подтачивает существующие формы общежития и вырабатывает новые, иными словами, „перерабатывает культуру

мыслью", в чем и состоит исторический процесс". Отсюда вытекает громадная роль, которую Лавров приписывал мысли, знанию и „критически-мыслящим личностям", т.-е. интеллигенции" (стр. 259).

В этом-то и заключается ошибка Лаврова и Михайловского, что значение определенного слоя, игравшего определенную и весьма активную роль в определенный исторический период, именно значение русской разночинной интеллигенции Лавров, а вслед за ним и Михайловский возводили на ступень вечной непреходящей категории, которой будто бы вечно суждено под именем критически-мыслящей личности играть роль демиурга истории. А так как развитие производительных сил не считалось с желанием этого демиурга и разбивало в пух и прах иллюзии этих критически-мыслящих личностей, то в уме творцов этих „личностей" и создавался тот конфликт между свободой и необходимостью, о каком все время толкуют субъективисты-социологи. В самом деле, для Добролюбова, например, еще не успевшего разочароваться в идеалах, в силу которых именно и должна перестраиваться жизнь, однако „ход развития человечества не изменяется от личностей". По мнению этого замечательного просветителя 60 х годов, „в истории прогресса целого человечества не имеют особенного значения не только Станкевичи, но и Белинские, и не только Белинские, но и Байроны и Гёте; не будь их, то, что сделано ими, сделали бы другие. Не потому известное направление является в известную эпоху, что такой-то гений принес его откуда-то с другой планеты, а потому гений выражает известное направление, что элементы его уже выработались в обществе и только выразились и осуществились в одной личности более, чем в других. Следовательно, в сфере отвлеченной мысли можно сколько-угодно уничтожить личности, имея дело только с идеями. Но не столь справедливо будет в частных случаях, в применениях к действительной жизни, говорить, что такая-то и такая-то личность не заслуживает уважения потому, что через 25 лет о ней останется одно воспоминание, а через 250 — и того не будет" (том II соч., изд. 4, стр. 6). Добролюбов здесь стоит на правильной точке зрения; его поколение еще не знает тех конфликтов, какие достаточно хорошо узнало поколение Михайловского, когда идеи самых выдающихся критически-мыслящих личностей, ушедших в народ с проповедью коммунизма, разбились о мелкую буржуазную сущность крестьянства. И как отражение этого конфликта — с одной стороны, и как выражение мелко-буржуазной сущности самих критически-мыслящих личностей, в головах этих личностей, идеологов движения, и появилась метафизическая проблема о конфликте между необходимостью и свободой.

В классическом виде это выражено у Михайловского, когда он говорит о „конфликте между идеей исторической необходимости и значением личной деятельности".

Как же относится Ленин, как материалист, к этому знаменитому конфликту? „Дело в том, — говорит Ленин по этому поводу, — что это

один из любимых коньков субъективного философа — идея о конфликте между детерминизмом и нравственностью, между исторической необходимостью и значением личности. Он исписал об этом груду бумаги и наговорил бездну сентиментально-мещанского вздора, чтобы разрешить этот конфликт в пользу нравственности и роли личности. На самом деле никакого тут конфликта нет: он выдуман г. Михайловским, опасавшимся (и не без основания), что детерминизм отнимет почву у столь любимой им мещанской морали. Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю. Равным образом и идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся слагается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей" („Что такое друзья народа...", стр. 31, курсив наш. *В. П.*).

Как же сам Ленин ставит вопрос о роли личности в истории? В его постановке чувствуется именно та конкретность, в пренебрежении к которой обвинял Ленин субъективных социологов.

„Действительный вопрос, возникающий при оценке общественной деятельности личности, состоит в том, при каких условиях этой деятельности обеспечен успех? в чем состоят гарантии того, что деятельность эта не останется одиночным актом, тонущим в море актов противоположных? В этом же состоит и тот вопрос, который различно решают социал-демократы и остальные русские социалисты: каким образом деятельность, направленная к осуществлению социалистического строя, должна втянуть массы, чтобы принести серьезные плоды? Очевидно, что разрешение этого вопроса прямо и непосредственно зависит от представления о группировке общественных сил в России, о борьбе классов, из которой складывается русская действительность, — и опять-таки г. Михайловский только походил кругом да около вопроса, не сделав даже попытки точно поставить его и попробовать дать то или иное решение. Социал-демократическое решение вопроса основывается, как известно, на том взгляде, что русские экономические порядки представляются буржуазным обществом, из которого может быть только один выход, необходимо вытекающий из самой сущности буржуазного строя — именно классовая борьба пролетариата против буржуазии" („Что такое друзья народа...", стр. 32).

Ленин так конкретно ставит вопрос совсем не потому, что не знает или не может по-материалистически разрешить знаменитый конфликт между свободой и необходимостью. Он не хуже других учеников Маркса знает, что свобода есть понимание необходимости; он просто, как последовательный диалектик-материалист, понимает,

что, как бы ни решать вопроса о роли личности в истории, умолчать при решении этого вопроса о борьбе классов—это значит совсем не только не решить, но даже и не поставить его. В своей статье по поводу книги Струве Ленин так выражается на этот счет: „Детерминизм не только не предполагает фатализма, а, напротив, именно и дает почву для разумного действования. Нельзя не добавить к этому, что российские субъективисты не сумели разобраться даже в столь элементарном вопросе, как вопрос о свободе воли. Г. Михайловский беспомощно путался в смешении детерминизма с фатализмом, и находил выход..., усаживаясь между двумя стульями: не желая утверждать законосообразности, он утверждал, что свобода воли — факт нашего сознания (собственно, идея Миртова, перенятая г. Михайловским) и потому может служить основой этики. Понятно, что в применении к социологии эти идеи не могли дать ничего, кроме утопии или пустой морали, игнорирующей борьбу классов, происходящую в обществе“ („За 12 лет“, стр. 63). Рассмотрение действительности, согласно Марксу, в форме конкретной человеческой деятельности (см. „Карл Маркс о Фейербахе“, — прилож. II к „Л. Фейербаху“ Энгельса) постоянно перед умственным взором Ленина, и вот почему он критикует узкий объективизм Струве.

„Этот узкий объективизм, — говорит Ленин, — эта невыдержанность марксизма — основной недостаток книги г. Струве, и на нем необходимо особенно подробно остановиться, чтобы показать, что вытекает именно не из марксизма, а из недостаточного проведения его; не из того, что автор видел иные критерии своей теории, кроме действительности, чтобы он делал другие практические выводы из доктрины (они невозможны, немыслимы, повторяю, без искалечения всех главных ее положений), а потому, что автор ограничился одной, наиболее общей стороной теории и не провел ее с полной последовательностью. Во-вторых, нельзя не согласиться с той мыслью, которая высказана автором в предисловии, что прежде, чем критиковать народничество на частных вопросах, необходимо было „раскрыть самые основные разногласия“ (VII) посредством „принципиальной полемики“. Но именно для того, чтобы эта цель автора не осталась недостигнутой, и необходимо придать более конкретный смысл почти всем его положениям, необходимо свести его слишком общие указания на конкретные вопросы русской истории и действительности“ („За 12 лет“, стр. 73).

V.

Как же сам Ленин подходил к разрешению вопроса о роли личности в истории и к знаменитому конфликту между свободой и необходимостью? Разрешение этого вопроса Лениным является блестящей иллюстрацией применения им диалектического метода Маркса к изучению общественных явлений.

Прежде всего он, как уже было показано выше, резко подчеркивает, что признание экономических предпосылок решающим фактором в истории нисколько не означает признания фатальности человеческой деятельности. В самом деле, в каком отношении деятельность каждой отдельной личности находится к этому решающему фактору истории? Энгельс так разрешает этот вопрос: „Мы делаем свою историю сами, но, во-первых, мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счете решающими... ...Во-вторых, история делается таким образом, что конечный результат получается от столкновений множества отдельных воль, при чем каждая из этих воль становится тем, чем она является, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограмов сил, и из этого перекрещивания выходит один общий результат — историческое событие. Этот исторический результат можно рассматривать как продукт одной силы, действующий как целое **бессознательно** и невольно. Ведь, то, чего хочет один, встречает препятствие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел. Таким образом история, как она шла до сих пор, протекает подобно естественно-историческому процессу и подчинена в сущности тем же самым законам движения. Но из того обстоятельства, что воли отдельных людей, которые хотят каждый того, к чему их влечет строение их тела и внешние, в конечном счете, ~~экономические обстоятельства~~ (или свои собственные личные, или вообще всего общества); что эти воли достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто общее, в один общий результат, — из этого не следует заключать, что эти воли равны нулю. Наоборот, каждая воля вносит свою долю в общий результат и постольку включена в него“ (Письмо Энгельса к Иосифу Блоху от 21 сентября 1890 года) [1].

Итак, никакого фатализма в деятельности личности нет, но вместе с тем нет и той обсолютной свободы, о какой толкуют субъективные социологи. Энгельс и Маркс, решая вопрос о роли личности в истории, рассуждают не абстрактно и метафизически, но и здесь прежде всего указывают на необходимость изучить те определенные предпосылки и условия, в которых личности делают свою историю. Изучение же этих предпосылок и условий приводит к изучению экономических отношений. Стало быть, и этот как-будто бы отвлеченный, и с точки зрения идеалистов-народников – Михайловского и Лаврова – неразрешимый вопрос (конфликт свободы и необходимости) всякий раз плодотворно решается только при одном непременном условии: детальнейшем изучении той конкретной действительности, — экономики, различных классов и групп, вызванных к жизни этой экономикой, борьбы этих классов и групп и, наконец, идеологического от-

---

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс, Письма. Перев. В. Адоратского (стр. 305, изд. 2).

ражения этой борьбы, — той конкретной обстановки, среди которой живет и действует личность.

Ленин так и подходит к вопросу, критикуя точку зрения Михайловского о том, что историю делают „живые личности“ с их „помыслами и чувствами“. „Но чем определяются эти помыслы и чувства?“ спрашивает Ленин и отвечает: „Можно ли серьезно защищать то мнение, что они появляются случайно, а не вытекают необходимо из данной общественной среды, которая служит материалом, объектом духовной жизни личности и которая отражается в ее „помыслах и чувствах“ с положительной или отрицательной стороны, в представительстве интересов того или другого общественного класса? И далее: по каким признакам судить нам о реальных „помыслах и чувствах“ реальных личностей? Понятно, что такой признак может быть только лишь один: действия этих личностей, — а так как речь идет только об общественных „помыслах и чувствах“, то следует добавить еще общественные действия личностей т.-е. социальные факты... ...Социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных личностей, из действия которых и слагаются эти отношения. Социолог-субъективист, начиная свое рассуждение, якобы, с „живых личностей“, на самом деле начинает с того, что вкладывает в эти личности такие „помыслы и чувства“, которые он считает рациональными (потому что, изолируя своих „личностей“ от конкретной общественной обстановки, он тем самым отнял у себя возможность изучить действительные их помыслы и чувства), т.-е. „начинает с утопии“, как это и пришлось признать г. Михайловскому“ („За 12 л.“, стр. 52).

Далее, на примере народнических рассуждений о кустаре Ленин показывает мещанский утопический и абстрактно-бесплодный характер социологии Михайловского.

„А вы, — характеризует Ленин эту абстрактно бессодержательную методу Михайловского, — говорить-то о живых личностях говорите, а на самом деле берете за исходный пункт не „живую личность“ с теми „помыслами и чувствами“, которые действительно создаются условиями их жизни, данной системой производственных отношений, а куклу, и начиняете ее голову своими собственными „помыслами и чувствами“ („За 12 лет“, стр. 54).

Как свежа и сильна эта критика еще и сейчас, как она бьет и по нынешним идеалистам-социологам, вроде П. Сорокина, проф. Бехтерева, Тахтарева или Богданова и по их ученикам. Ведь, и эти социологи строят социологию не действительного человеческого общества, с его экономикой, классовой борьбой, классовыми конфликтами, а социологию какого-то абстрактного человечества, социологию кукол, как выражается Ленин — „механического аггрегата индивидов“, совокупности каких-то отвлеченных единиц, к которым совершенно свободно можно применить любое математическое выражение любого физиче-

ского закона, при чем из этого применения не получается ничего путного, или получается самая плоская пошлость вроде того, что человеческие общества или группы людей подчиняются тем же, напр., законам, каким подчиняются и небесные туманности, или вроде того, что и в человеческом обществе люди подчиняются ньютоновскому закону действия и противодействия.

Пользуясь случаем критики субъективного метода в социологии и внося поправку во взгляды Струве, Ленин определяет сущность метода Маркса в социологии.

„...Теория классовой борьбы впервые проводит это стремление (сводить „элементы индивидуальности к социальным источникам",— выражение Струве. *В. И.*) с такой полнотой и последовательностью, что возводит социологию на степень науки. Достигнуто было это материалистическим определением понятия „группы". Само по себе это понятие слишком еще неопределенно и произвольно: критерий различения „групп" можно видеть и в явлениях религиозных, этнографических, и политических, и юридических, и т. п. Нет твердого признака, по которому бы в каждой из этих областей можно было различать те или иные „группы". Теория же классовой борьбы потому именно и составляет громадное приобретение общественной науки, что установляет приемы этого сведения индивидуального к социальному с полнейшей точностью и определенностью. Во-первых, эта теория выработала понятие о б щ е с т в е н н о-э к о н о м и ч е с к о й ф о р м а ц и и. Взявши за исходный пункт основной для всякого человеческого общежития факт — способ добывания средств к жизни, она поставила в связь с ним те отношения между людьми, которые складываются под влиянием данных способов добывания средств к жизни, и в системе этих отношений („производственных отношений"—по терминологии Маркса) указала ту о с н о в у общества, которая облекается политико-юридическими формами и известными течениями общественной мысли. Каждая такая система производственных отношений является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и переходов в высшую форму, превращения в другой социальный организм. Этой теорией был применен к социальной науке тот объективный общенаучный критерий повторяемости, возможность применения которого в социологии отрицали субъективисты" („За 12 лет", стр. 56).

Итак, только изучение конкретной действительности, изучение определенного общественного строя, — его экономики, вырастающих на ней классов, их интересов, их борьбы, их идеологии, — позволило и к изучению общества подойти с таким же точным научным методом, как и в естествознании: мало того,—только изучение не какого-то абстрактного общества, как механического аггрегата индивидов, а существовавшего и существующего исторически классового общества, огромного количества фактов из жизни этого общества дало возмож-

ность открыть, по мнению Ленина, и законы общественного развития, не менее точные, чем законы природы.

Вытекает ли отсюда, что к развитию общества возможно грубо, как к механическому агрегату части применять законы природы. Без сомнения, нет, и Ленин сейчас же за утверждением, что метод Маркса применил к социальной науке объективный критерий повторяемости, спешит подчеркнуть, что голое перенесение законов природы в область общественную не правильно. „...Самое понятие экономической структуры,— говорит он, — было точно разъяснено опровержением взгляда прежних экономистов, видевших законы природы там, где есть место только законам особой исторически определенной системы производственных отношений. На место рассуждений субъективистов об „обществе“ вообще, рассуждений бессодержательных и не шедших дальше мещанских утопий (ибо не выяснена была даже возможность обобщения самых различных социальных порядков в особые виды социальных организмов),— было поставлено исследование определенных форм устройства общества. Во-вторых, действия „живых личностей“ в пределах каждой такой общественно-экономической формации, действия, бесконечно-разнообразные и, казалось бы, не поддающиеся никакой систематизации, были обобщены и сведены к действиям групп личностей, различавшихся между собою по роли, которую они играли в системе производственных отношений, по условиям производства и, следовательно, по условиям их жизненной обстановки, по тем интересам, которые определились этой обстановкой, — одним словом, к действиям классов, борьба которых определяла развитие общества. Этим был опровергнут детски-наивный, чисто механический взгляд на историю субъективистов, удовлетворявшихся ничего не говорящим положением, что историю делают живые личности, и не хотевших разобрать, какой социальной обстановкой и как именно обусловливаются их действия. На место субъективизма было поставлено воззрение на социальный процесс, как на естественно-исторический процесс,—воззрение, без которого, конечно, и не могло бы быть общественной науки...“ („За 12 л.“, стр. 56, курсив наш. *В. Н.*).

В своей критике народнических теорий, исследуя именно конкретную русскую действительность, Ленин и дал еще в своих ранних работах блестящие образцы применения в науке диалектического метода. В особенности это ярко показано при рассмотрении экономических явлений русской жизни; не менее блестяще это сделано Лениным и в области разъяснения истории эволюции народничества.

Оставляя эту сторону первых произведений Ленина для следующей статьи, подчеркнем еще одну черту взглядов Ленина эпохи 90-х годов.

Как мы видели, Ленин придает огромное значение изучению кон-

кретных явлений действительности, изучению хода вещей в данное время, в данной исторической обстановке. Это, однако, не означает, что он отказывался от теории, от изучения, углубления и расширения этой теории.

Как раз, наоборот, изучение конкретной действительности только и дает возможность и заставляет плодотворно заниматься и теорией. Из того, например, утверждения Ленина, что марксист не признает философии, как науки всех наук, совсем не следует, что марксист, как думают некоторые коммунисты в наше время, не должен изучать, например, истории философии, Гегеля, Фейербаха и пр. Ленин так не думает. Он признает за теорией огромное значение, он только старается направить изучение этой теории так, чтобы из этого изучения вытекали практические выводы при анализе фактов действительности.

Вот почему он в своей первой обширной и серьезной работе „Что такое друзья народа", так определяет в 1894 году теоретические задачи современных социал-демократов: „Теоретическая работа ее (социал-демократии. *В. Н.*) должна будет при этом направиться на конкректное изучение всех форм экономического антагонизма в России, изучение их связи и последовательности развития; она должна вскрыть этот антагонизм везде, где он прикрыт политической историей, особенностями правовых порядков, установившимися теоретическими предрассудками. Она должна дать цельную картину нашей действительности, как определенной системы производственных отношений, показать необходимость эксплоатации и экспроприации трудящихся при этой системе, показать тот выход из этих порядков, на который указывает экономическое развитие" („Что такое друзья народа...", стр. 168).

Дать анализ „теоретических предрассудков"—это и означает, между прочим, знакомство с этими теоретическими предрассудками, а это в свою очередь означает не что иное, как всестороннее и глубокое знание того теоретического оружия, тех наук и в том числе „науки всех наук", т. е. „философии", изучение которой ныне многие считают бесполезным.

Так, исходя из самых основ материалистической теории Маркса и Энгельса, Ленин уже в своих первых работах проявляет себя, как самого последовательного материалиста-диалектика, берущегося за разрешение сложнейших вопросов теории и умеющего вместе с тем применять метод Маркса к анализу конкретной действительности.

В. Невский.

Ленин и логика революции.

„Величайшее в мире освободительное движение угнетенного класса, самого революционного в истории класса, невозможно без революционной теории. Ее нельзя выдумать, она вырастает из совокупности революционного опыта и революционной мысли всех стран света. И такая теория выросла со 2-ой половины XIX века. Она называется марксизмом“ [1]).

В этих словах В. И. Ленина с замечательной ясностью выражена необходимость теоретического осознания революционных опытов и своеобразный характер теории, вырастающей из практики, порождаемой ею. „Маркс открыл пролетариат. Ленин повел его в бой“. Но теоретик всегда говорил, что его теория есть орудие освобождения угнетенного класса, а вождь, ставший во главе этого класса и приведший его к победе, признает, что величайшее в мире революционное освободительное движение невозможно без революционной теории. „Философы объясняли мир различно, речь идет о том, чтобы его преобразовать“. Этим словам, которые получили теоретическую расшифровку в гениальном сочинении Маркса, Ленин дал конгениальное всемирно-историческое практическое обоснование. Соединение революционной теории с революционной практикой позволило ему революционизировать сознание масс, поднимать его, учить и организовывать, и тем самым „теоретизировать“ практику, т.-е., другими словами, критически претворять теорию в плоть и кровь исторического действия.

Но мало сказать—практически претворить теорию. Ленин никогда не действовал от случая к случаю. Практическая теория Маркса никогда не применялась, так сказать, прямиком, без всяких околичностей, никогда не осуществлялась в своем чистом теоретическом виде. Это значит, что, будучи марксистом, и ортодоксальнейшим из ортодоксальных, Ленин никогда не останавливался на простом догматическом истолковании Маркса, но, в зависимости от исторической обстановки, развивал и двигал его учение дальше. При этом он, разумеется, не только ни на минуту не переставал быть марксистом, но совершенно ясно, что, именно, метод диалектического материа-

[1]) „Против течения“, стр. 274.

лизма,—живая душа марксизма, проникновенным пониманием которой была вся его деятельность, как вождя, — только и позволил критически претворить на практике великую теорию марксизма. Ортодоксальность Ленина-марксиста — одна из замечательных черт его мировоззрения. Смысл ортодоксального марксизма в его ленинской сущности можно охарактеризовать его же словами: „Не будем верить тому, что ортодоксия позволяет брать что бы то ни было на веру, что ортодоксия исключает критическое претворение и дальнейшее развитие, что она позволяет заслонять исторические вопросы абстрактными схемами. Если есть ортодоксальные ученики, повинные в этих действительно тяжких грехах, то вина падает всецело на таких учеников, а отнюдь не на ортодоксию, которая отличается диаметрально противоположными качествами" [1]). Для критического претворения и развития марксизма недостаточно „простого истолкования" данных исторических—экономических и политических—явлений, потому что каждое из этих явлений непрерывно развивается, непрерывно изменяется. К анализу данного политического события должно подходить с такой точки зрения, чтобы можно было изучить его со всех сторон и в общей связи всего целого исторического процесса, одним из моментов которого оно является. „Софист выхватывает один из „доводов", и еще Гегель говорил справедливо, что „доводы" можно подыскать решительно для всего на свете. Диалектика требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и сведения внешнего кажущегося к коренным движущим силам, к развитию производительных сил и к классовой борьбе" [2]). Никогда не бывает постоянной неизменной теоретической основы для революционного движения, и даже старые испытанные лозунги большевизма, при иных обстоятельствах, в иной исторической обстановке, могут оказаться совершенно не выдерживающими критики. „Одно дело — хранение традиции революции, уменье использовать их для постоянной пропаганды и агитации,... другое дело—повторение одного из лозунгов, вырванного из совокупности породивших его и обеспечивших ему успех условий, и применение его к условиям, существенно отличным" [3]). Ленин поясняет свою мысль на бесчисленных конкретных примерах; во всех его статьях и речах можно найти конкретно-историческую расшифровку этой мысли. В статье „О двоевластии", написанной в период февральской революции, он говорит: „Надо уметь старые „формулы", напр., большевизма, дополнить и исправить, ибо они, как оказалось, были верны в общем, но конкретное осуществление оказалось иное... марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты действительности, а не продолжать цепляться за теорию вчерашнего дня, которая, как всякая

[1]) Н. Ленин, II. 496.

[2]) „Тактика большевизма". изд. „Моск. Раб.", с. 226.

[3]) Там же, с. 195.

теория, в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь приближается к охватыванию сложности жизни"[1]). Доктрина марксизма никогда не превращалась в руках Ленина в систему теоретических догм, в „систему миросозерцания", которая подрумянивала бы истину реакционно-романтическими послеобеденными мечтаниями. Марксизм был для него, наоборот, материалистически-диалектическим методом, который вообще не существовал в своем подлинном реальном существе вне исторической связи фактов, вне конкретного движения политических событий. Материалистическая диалектика, как метод, заставляла всегда считаться с каждым поворотом событий, пользоваться каждой ситуацией, чтобы поднимать сознание пролетариата, организовывать массы. Поражение революции—для материалиста это шаг вперед не только в данной стране, но и во всемирно-революционном движении. Даже реакционные периоды играют революционизирующую роль, ибо в такие периоды революционизируются особенно быстро способы производства, а мысль передовых представителей человеческого разума подводит итоги прошлому, строит новые системы и методы[2]).

„Все действительное разумно". Но, приемля каждое историческое явление—политическое движение, даже, напр., реакционную эпоху,—он никогда не становился доктринерским апологетом этого явления, но учился у него, делал новые теоретические выводы и по новому двигал события. Признавая, так сказать, „действительность" любого нового оборота вещей в ходе или даже в результате революционной борьбы, он не мирился, однако, с этой „действительностью" в том-же смысле, в каком необходимость данного положения вещей в историческом процессе признается любым объективистом. „Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о „непреодолимых исторических тенденциях"; материалист говорит о том классе, который „заведует" данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм"[3]). Это значит—не ограничиваться действительностью, рассуждениями на тему о неизбежности и необходимости данного исторического процесса, потому что ограничиваются этим только тогда, когда трезвый всесторонний анализ классовой и экономической сущности событий под-

[1]) Том же, стр. 270. Курсив всюду Ленина.
[2]) Избр. ст. и речи, II, 93.
[3]) Собр. соч., II, 65.

еняют профессорскими рассуждениями, поднимающимися выше сяких определенных стран, всяких определенных исторических пенодов. „Не надо останавливаться,—говорит Ленин,—на действительости, как на критерии своей теории, ограничиваться одной общей тороной теории, но проводить с полной последовательностью" [1]). В ротивном случае мы бы остались в пределах голой теории, котоая признает действительность критерием истины. Недостаточно одно еоретическое обоснование необходимости ввести критерий практики в еорию познания. „Рассуждения на тему о том, что марксизм связывается с гегельянством, с верой в триады, в абстрактные, не требующие проверки фактами, догмы и схемы, в обязательность для каждой страны пройти через фазу капитализма и т. п., оказываются пустой болтовней" [2]). Говоря о гегельянстве, добавляет Ленин, я имею в виду не историческое происхождение марксизма, а его современное содержание, т. е. в условиях „идущей пред нашими глазами борьбы общественных классов и экономических интересов". Чтобы действительность, практика стала критерием истины, критерием познания не только в книжке, но и на деле, необходимо теоретически осмыслить эту практическую действительность и в то же время практически осуществить ее теоретический смысл, или, точнее выражаясь, теоретически осмыслить таким образом, чтобы в самом теоретическом смысле уже были формулированы практические задачи воздействия на данные события и руководства „идущей на наших глазах" политической или экономической борьбою. „Просвещение дается не одной книжкой, и даже не столько книжкой, сколько самим ходом революции, раскрывающей глаза, дающей политическую школу" [3]). На примере Ленинской теории революции мне бы и хотелось попытаться показать, как „алгебраическая" логика марксизма в ее „арифметической" [4]) формулировке решает одну из важнейших проблем материалистической диалектики, проблему единства теории и практики, идеи и действительности.

Что такое революция? Революция—это действие. „Революционный момент тем и отличается от обыкновенных, будничных, подготовительных исторических моментов, что настроение, возбуждение, убеждение масс должны проявляться и проявляются в действии" [5]). Ленин высмеивает мещанское мировоззрение буржуазного самодовольства, для которого периоды, когда история человечества подвигается вперед со скоростью локомотива, это—„исчезновение разума, принципов и идей; когда же история движется с быстротой гужевой перевозки, это—сам разум и сама планомерность"! Сколько сильных

[1]) Собр. соч., II, 95.

[2]) Там же, II, 59.

[3]) „Социалдемократия и временное революционное правительство", март 1905 г.

[4]) Счастливое выражение тов. Бухарина.

[5]) „Две тактики социал-демократии в демократич. революции", в сб. „Тактика большевиков", 84.

и красивых слов у Ленина, когда он характеризует все существо революции! Откуда он берет эти живые трепещущие краски для своей исторической живописи? Какая способность овладевать пластическим телом революции, оформлять его, подчиняясь законам его развития, двигать вперед, к будущему, проникая мыслью в прошлое, учитывая все уроки прошлого! Нужна серьезнейшая долгая-долгая работа над его великим идейным наследством, чтобы собрать, осмыслить и почувствовать совершенно практическое революционизирующее сознание, агитационное значение художественной, почти музыкальной красоты его, разбросанных во всех девятнадцати томах, характеристик искусства революции!

„Когда народные массы сами, со всей своей девственной примитивностью, простой, грубоватой решительностью, начинают творить историю, воплощать в жизнь прямо и немедленно „принципы и теории“,—тогда буржуа чувствует страх и вопит, что „разум отступает на задний план“. Не наоборот ли, о герой мещанства? не выступает ли в истории именно в такие моменты разум масс, а не разум отдельных личностей, не становится ли именно тогда массовый разум живой действенной, а не кабинетной силой? „Именно революционные периоды отличаются большею широтою, большим богатством, большей сознательностью, большей планомерностью, большей систематичностью, большей смелостью и яркостью исторического творчества по сравнению с периодами мещанского кадетского реформистского прогресса“,— именно, теперь просыпается, по словам Ленина, мысль и разум миллионов забитых людей, просыпается не для чтения только книжек, а „для дела, для живого человеческого дела, для исторического творчества“ [1]). Каким законам подчиняются эти движения масс, одушевленных могучей теорией классовой борьбы? И не является ли теоретическое осознание этих законов условием для дальнейшего развития их и усовершенствования самих форм борьбы? И Ленин спрашивает: „Какие основные требования должен предъявить всякий марксист к рассмотрению вопроса о формах борьбы? Во 1-х, марксизм отличается от всех примитивных форм социализма тем, что он не связывает движения с какой-либо одной определенной формой борьбы. Он признает самые различные формы борьбы, при чем не „выдумывает“ их, а лишь обобщает, организует, придает сознательность тем формам борьбы революционных классов, которые возникают сами собою в ходе движения. Безусловно враждебный всяким отвлеченным формулам, всяким доктринерским рецептам, марксизм требует внимательного отношения к идущей массовой борьбе, которая с развитием движения, с ростом сознательности масс, с обострением экономических и политических кризисов порождает все новые и все более разнообразные способы обороны и нападения“. Во-вторых, марксизм требует безусловно исторического всестороннего

---

[1]) Избр. статьи и речи, II, 90.

рассмотрения вопроса о формах борьбы. „Ставить этот вопрос вне исторически-конкретной обстановки,—говорит Ленин,—значит не понимать азбуки диалектического материализма. В различные моменты экономической эволюции, в зависимости от различных условий политических, национально-культурных, бытовых и т. д., различные формы борьбы выдвигаются на первый план, становятся главными формами борьбы, а в связи с этим, в свою очередь, видоизменяются и второстепенные, побочные формы борьбы. Пытаться ответить да или нет на вопрос об определенном средстве борьбы, не рассматривая детально конкретной обстановки данного движения на данной ступени его развития—значит покидать совершенно почву марксизма". „Таковы два основные теоретические положения, которыми мы должны руководиться" [1],—заключает Ленин. Но если мы вдумаемся в „теоретическую" сущность этих положений, мы сразу почувствуем величайшее своеобразие подобной „теоретичности". В сущности говоря, это—теория, которую мы открываем в практической деятельности, которую мы выводим из нее,—нет, лучше!—освобождаем теорию от нее, от исторического наслоения последовательно чередующихся фактов, теория, которая составляет внутреннюю живую сущность этой же самой практической деятельности, или события, движения, политической борьбы. Наша задача в том, чтобы быть повивальными бабками теории революционной борьбы, которая всегда, во всех изменениях, подъемах и упадках, порождает новые и новые элементы,—„теоретические" формы этой борьбы, этой „техники высших форм революционной борьбы". Это значит выводить теорию из практики, или, как говорил Ленин, учиться у массовой практики и отбросить всякие претензии учить массы выдумываемым кабинетными „систематиками" формам борьбы. Ленин не случайно выразился так. „Систематик" не может учиться у истории, у практики, ибо всякая система диктует свои готовые законы, свои заготовленные по шаблону понятия и не считается с движением истории. Ничто так не чуждо марксизму, как дух „системы", шаблона, который выражается в „нарциссовски-восхищенном повторении заученных в ранней молодости фраз об анархизме, бланкизме, терроризме". Марксист, напротив, должен учесть прежде всего, какие новые формы борьбы выдвигает жизнь, и правильно подойти и помочь другим подойти к теоретической оценке их. „Революция учит". Учиться на ленинском языке и значит превращать практический опыт в теоретические выводы. Учиться—значит выводить из опыта революционной практики революционную теорию. Поэтому единство теории и практики в марксизме Ленина никогда не было одной теоретической предпосылкой его политического мировоззрения, не было одним теоретическим положением в ряду других теоретических положений его философского мировоззрения: это единство теории и практики

[1] „Партизанская борьба".—„Пролетарий", 5 сент. 1906 г.

было лишь практическим соединением опыта революционной борьбы с теми теоретическими требованиями, которые ставит сознательная борьба за революцию, борьба за социализм. Ленин не терпел интеллигентских марксистов, расслабленных скептицизмом, отупленных педантством, склонных к покаянным речам, быстро устающих от революции и проповедующих замену ее конституционной прозой. „Им следовало бы поучиться, — говорит он, —у теоретика—вождя (Маркса) пролетариев вере в революцию, уменью звать рабочий класс к отстаиванию до конца своих непосредственно-революционных задач, твердости духа, не допускающей малодушного хныканья после временных неудач революции. Педанты марксизма думают: это все—этическая болтовня, романтика, отсутствие реализма! Нет, господа, это соединение революционной теории с революционной политикой, то соединение, без которого марксизм становится брентанизмом, струвизмом, зомбартизмом. Доктрина Маркса связала в одно неразрывное целое теорию и практику классовой борьбы. И тот не марксист, кто теорию, трезво констатирующую объективное положение, извращает в оправдание существующего, доходя до стремленья подделаться поскорее к каждому временному упадку революции, бросить поскорее „революционные иллюзии“ и взяться за „реальное крохоборство“ [1]). Таким образом единство теории и практики может быть осуществлено только в революционной борьбе и само это единство есть не что иное, как революционное действие, и, наоборот, как только практика перестает быть революционной, „теория“ тотчас начинает „оправдывать“ существующее, даже доходит до стремленья подделаться поскорее к временному упадку, облить грязью „революционные иллюзии“, проповедывать „реальное крохоборство“ и т. д. Марксизм потому и связал в одно неразрывное целое теорию и практику классовой борьбы, что он был мировоззрением революционного пролетариата, революционного на деле, а не только в книжке. В противном случае, единство теории и практики будет столь же теоретично, как и профессорски-кабинетная болтовня, поднимающаяся выше всяких определенных, исторических периодов и подводящая „теоретический“ фундамент под низкопоклонство, холопство, „реальное крохоборство“.

„Марксизм отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей, объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс,—а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами. Высокая оценка революционных периодов в развитии человечества вытекает из всей совокупности исторических взглядов Маркса: именно в такие периоды разрешаются те многочисленные противоречия, которые

[1]) Предисловие к письмам Маркса к Кугельману“.

медленно накапливаются периодами так называемого мирного развития. Именно в такие периоды проявляется с наибольшей силою непосредственная роль разных классов в определении форм социальной жизни, созидаются основы политической „надстройки"... И в отличие от теоретиков либеральной буржуазии, именно в таких периодах видел Маркс не уклонения от „нормального" пути, не проявления „социальной болезни", не печальные результаты крайностей и ошибок, а самые жизненные, самые важные, существенные, решающие моменты в истории человеческих обществ" [1]). Эти слова о Марксе в высшей степени правильны и относительно Ленина. Революция подтверждает марксистскую теорию, потому что она единственная революционная теория. Вот почему и требование учиться у истории, у массовой практики приобретает теперь новый полноценный смысл. Ленин учится у истории, у революции для того, чтобы самому также учить народные массы. „Несомненно, что революция научит нас, научит народные массы. Но вопрос для борющейся политической партии состоит в том, сумеем ли мы научить чему-нибудь революцию?" [2]). Если „учиться" означает—из всесторонне изученного объективного опыта исторической жизни, из, хотя бы, практики революционной борьбы делать теоретические выводы, то „учить" значит теорию этих выводов превращать в практику. Так с двух сторон обрисовывается это замечательное единство теории и практики в деятельности вождя-теоретика.

Тем самым мы подходим еще ближе к этой самой существенной, самой важной черте этого единства практической теории и теоретической практики, которую выше мы охарактеризовали в линиях политической борьбы и революционного преобразования общества. Если само это единство должно быть осуществлено революционным путем, то пред марксизмом, как революционным учением, ставится огромной трудности проблема—проблема организации революции. Решить эту проблему значит овладеть внутренней диалектической логикой развития революции. Овладевать ходом развития революции возможно в силу того, что это развитие совершается диалектически. Революционное восстание есть искусство. Искусство революционного восстания есть логика революции.

Отнестись к восстанию по-марксистски значит отнестись к нему как к искусству; в противном случае мы не были бы верны революции. Но думать, что взгляд на восстание как на искусство, есть бланкизм, было бы грубейшим извращением революционной сущности марксизма. „Обвинять в бланкизме марксистов за отношение к восстанию, как к искусству! Может ли быть более вопиющее извращение истины, когда ни один марксист не отречется от того, что именно Маркс самым определенным, точным и непререкаемым образом выска-

[1]) „Против бойкота" (1907), Избр. статьи и речи, том II, 297 сл.
[2]) „Две тактики социал-демократии"... („Такт. больш.", с. 43).

4

зал на этот счет, назвав восстание именно искусством, сказав, что к восстанию надо относиться как к искусству, что надо завоевать первый успех и от успеха итти к успеху, не прекращая **наступления** на врага, пользуясь его растерянностью и т. д. и т. д.". Следующими тремя условиями постановки вопроса о восстании отличается марксизм от бланкизма: „Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой **переломный пункт** в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее **колебания** в рядах врагов и в рядах слабых, половинчатых, нерешительных друзей революции. Это в-третьих". „Раз есть на-лицо эти условия, то отказаться от отношения к восстанию, как к искусству, значит изменить марксизму и изменить революции". Это было сказано в сентябре 1917 г. и в начале октября 1917 года он набрасывает следующие „правила" этого „искусства": 1) никогда **не играть** с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо итти до конца; 2) необходимо собрать большой **перевес сил** в решающем месте в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев; 3) раз восстание начато, надо действовать с величайшей **решительностью** и непременно, безусловно переходить в наступление. „Оборона есть смерть вооруженного восстания"; 4) надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны; 5) надо добиваться ежедневно хоть маленьких успехов (можно сказать ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая во что бы то ни стало „**моральный перевес**" [1]). Революционер обязан мечтать, если он не безнадежный филистер". Перед партией пролетариата серьезное революционное положение ставит задачу „сознательного **проведения** восстания, организации революции" [2]). „Идя на борьбу, мы должны желать победы" [3]). Я не знаю, есть ли у него хотя бы одна строка, написанная до великой октябрьской революции, которая не была бы пронизана всепобеждающим революционным пафосом!

Тем не менее, взгляд на восстание, как на искусство, не есть также вера в военную стратегию, в одну лишь стратегическую ловкость вожаков. Было бы грубейшим извращением марксистской теории революции сводить последнюю к стратегическим понятиям. За это и напал однажды Ленин на Плеханова, когда последний в стратегическом искусстве искал объяснения различий в развитии революции 1789 г. и революции 1848 г. „Г. Плеханов сводит дело (говорил Ленин) к вопросу: правильны или неправильны были „стратегические

[1]) „Советы постороннего", 1917, сент., в сб. „Такт. большевизма".
[2]) Там же („Такт. больш."), с. 41.
[3]) Там же, с. 73.

понятия" передовых элементов? Маркс рассуждал иначе. Он указывал факт: революция в обоих случаях шла по разному, а объяснения этой разницы Маркс не искал в „стратегических понятиях". Смешно с точки зрения марксизма искать ее в понятиях. Ее надо искать в различии соотношения классов" [1]). Оставаясь верными марксизму, т.-е. относясь к восстанию, как к искусству, никогда не следует,— говорит Ленин,—уклоняться посредством общих фраз от анализа объективных условий, учет которых в последнем счете решает окончательно проблему, ставшую пред нами в процессе реальной борьбы [2]). Говоря об июльских днях, Ленин анализирует создавшуюся ситуацию и констатирует объективные условия, в силу которых восстанию заранее не была обеспечена победа: „1) не было еще за нами класса, являющегося авангардом революции...; 2) не было тогда всенародного революционного подъема...; 3) не было тогда колебаний, в серьезном общеполитическом масштабе, среди врагов наших и среди половинчатой мелкой буржуазии"... Анализируя объективное положение вещей в начале октября 1917 г., он заключает: „пред нами на-лицо все объективные предпосылки успешного восстания".

Итак, мы должны исходить из всестороннего изучения объективных условий развития революции, определять содержание дальнейшей борьбы и лозунгов, под которыми она должна вестись, затем определять формы этой борьбы и, наконец, выбрать момент борьбы или вернее учесть обстоятельства, которые могли бы помочь правильному выбору момента. Таковы четыре момента, четыре проблемы, которые встают пред нами в процессе реальной борьбы и которые мы должны разрешать, памятуя о том, что марксист, используя всякую, даже революционную почву для борьбы за революцию, не должен опускаться до апофеоза реакции, и забывать о борьбе за наилучшую возможную почву деятельности. Уже из самой формулировки задач революционного мышления ясно следует, что революционное мышление только тогда успешно овладеет всеми методами борьбы, преодолеет все опасности, без которых невозможна никакая политическая борьба, и поведет к победе организованные массы, когда оно в высшем совершенстве овладеет диалектическими методами исследования общественных и политических явлений. Революция есть нечто живое, растущее, протекающее с необходимостью естественно-закономерного процесса, и, повторяя уже сказанное по иному поводу, замечательная особенность марксизма заключается в том, что теорию, трезво констатирующую объективное положение вещей, всесторонне изучающую объективный ход процесса развития данного революционного периода, он соединяет с энтузиазмом, энергией, исторической инициативой масс более, чем какая бы то ни была другая „теория". Но, именно, такова диалектическая природа марксистского политического

[1]) „О двух линиях революции", 20 ноября 1915 (Избр. ст. и речи, II, 485).
[2]) Избр. ст. и речи, II, 30.

мышления. Теперь уже можно сказать, каким образом материалистически-диалектический принцип помогает нам, на арене политической борьбы, „от слов переходить к делу". Маркс недаром говорил, что „в своей рациональной форме диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели". Материалистическая диалектика подчиняет нас законам естественного хода развития, чтобы мы овладели этими законами и направили бы дальше, к победе, дело революции. Но она ставит определенные требования нашему политическому мышлению, которые, в сущности, сводятся к одному требованию—правильно понимать и правильно применять диалектический метод. Диалектический метод есть категория диалектической логики. „Основное положение марксистской диалектики состоит в том, что все грани в природе и обществе условны и подвижны, что нет ни одного явления, которое бы не могло, при известных условиях, превратиться в свою противоположность. Национальная война может превратиться в империалистскую и обратно"; но „только софист мог бы открыть разницу между империалистской и национальной войной на том основании, что одна **может** превратиться в другую. Диалектика не раз служила—и в истории греческой философии—мостиком к софистике. Но мы остаемся диалектиками, борясь с софизмами не посредством отрицания возможности всяких превращений вообще, а посредством конкретного анализа **данного** в его обстановке и его развитии"[1]). Наоборот, мышление формальной логики берет лишь формальные определения, руководясь тем, что наиболее обычно или что чаще всего бросается в глаза, и ограничивается этим. Если при этом берутся два или более различных определения и соединяются вместе совершенно случайно..., то мы получаем эклектическое определение, указывающее на разные стороны предмета—и только. Логика диалектическая требует того, чтобы мы шли дальше. Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и „опосредствования". Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения. Это во-первых. Во-вторых, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, „самодвижении" (как говорит Гегель), „изменении". На примере политики и экономики это значит, что диалектическое соотношение между политикой и экономикой (которому учит нас марксизм) подменяется эклектизмом. „И то, и другое", „с одной стороны, с другой стороны"—это и есть эклектизм. „Диалектика требует всестороннего учета соотношений в их конкретном развитии, а не выдергивания кусочка одного, кусочка другого"[2]). В-третьих, вся человеческая практика должна войти в

[1]) Против течения, 432.
[2]) Собр. соч., XVIII, ч. I, стр. 57.

полное „определение“ предмета и как критика истины, и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку“ [1]). Точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания. Этот критерий настолько „неопределенен“, чтобы не позволять знаниям человека превратиться в „абсолют“, и в то же время настолько определенен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма.

Совершенно очевидно, что дело не в отрицании формальной логики [2]) или даже не в одном „критерии практики“, истинный смысл которого мы уже установили выше, а в той связи, в какой определяемый предмет находится с „тем, что нужно человеку“. Оплодотворенная революционным опытом, живой политической борьбой, непосредственным претворением массами, алгебра революции ставит мышление революционера перед практической необходимостью определять любой исторический, социально-экономический, политический предмет не только в его целостности, не только в его конкретном развитии, в его конкретном месте во всей совокупности условий развития революции, как об этом утверждает „буква“ практической теории марксизма,—но и в живой непосредственной связи с тем что нужно человеку: этого требует „дух“ теоретической практики марксизма, для которой не существует никакого фетишизма понятий. Упускать из виду „то, что нужно человеку“—это и было как раз то, что оттолкнуло Маркса от Фейербаха: критика оказалась недостаточной, так как познание не служило тому, что нужно человеку. Поэтому и любое самое добросовестное штудирование диалектической логики останется пустой абстрактной формулой, никому не нужной схемой, поднимающейся выше всяких определенных исторических периодов,—если мы упустим из виду эту революционную сущность диалектической логики. Будучи логикой развития, конкретного становления вещей и, следовательно, логикой непрерывности развития, она образует такие процессы суждений, в основе которых нет ни непрерывного господства законов эволюционного мышления, ни постоянства и неизменности законов формально-логического мышления. Как она подходит к вещам? Если иметь в виду социальные и политические явления, то, во-первых, в каждом единичном явлении она ищет природу всего целого процесса, один из моментов которого оно есть; во-вторых, развивает и утверждает в каждом единичном при

[1]) Там же, стр. 60.

[2]) Следует заметить, однако, что Ленин высоко ставил и формальную логику. Можно привести десятки примеров, когда в полемике он разбивает доводы своих противников тонким анализом формально-логических ошибок в рассуждениях последних. Напр., „Логика у Ларина из рук вон плоха. Стихийную политическую стачку он противопоставляет не планомерной политической стачке, а планомерному участию, скажем, в Булыгинской Думе. Стихийное восстание не планомерному восстанию, а планомерной профессиональной борьбе. И поэтому его марксистский анализ сбивается на мещански-плоский апофеоз контр-революции“.

роду целого для того, чтобы данное единичное стало для человека ближайшим звеном в цепи причинного ряда событий; в-третьих, обратная зависимость целого от всесторонне, в его же плоскости, изученного единичного и определяет то, что нужно человеку; и в-четвертых познание того, что нужно человеку, другими словами, рост сознания, позволяет и требует ухватиться за ближайшее звено, чтобы воздействовать на ближайшие звенья всей исторической цепи событий. Такова внешняя логическая оболочка ленинских анализов революционных ситуаций,—но здесь это только оболочка и в этом смысле есть абстракция, которой в действительности в таком виде, в каком мы изобразили здесь, конечно, никак не сыщешь. Да и формулировка наша очень мало напоминает обычные построения логики, вообще логическое отношение к вещам! Материалистическая диалектика только в абстракции, теоретически может быть уложена в логическую схему методологии в обычном смысле этого слова. К этому вопросу мы еще вернемся, чтобы сделать необходимые выводы, а до тех пор остановимся на двух-трех примерах того, в каком смысле и в каких формах применял Ленин диалектику. Прежде всего о необходимости применения диалектического метода в социальных и политических анализах он говорит сам неоднократно, давая как бы руководящие замечания относительно того, как следует применять диалектику. Об известной книжке Юниуса он пишет: „Говоря, что классовая борьба есть лучшее средство против нашествия, Юниус применил Марксову диалектику лишь наполовину, сделав один шаг по верному пути и сейчас же уклонившись с него. Марксова диалектика требует конкретного анализа каждой особой исторической ситуации. Что классовая борьба есть лучшее средство против нашествия,— это верно и по отношению к буржуазии, свергающей феодализм, и по отношению к пролетариату, свергающему буржуазию. Именно потому, что это верно по отношению ко всякому классовому угнетению, это слишком обще и потому недостаточно по отношению к данному особому случаю“ [1]. В письме к Мясникову он пишет: „В начале статьи вы правильно применяете диалектику. Да кто не понимает смены лозунга гражданской войны лозунгом гражданского мира, тот смешон, если не хуже... Но меня удивляет, что вы забыли вами самими правильно примененную диалектику при своих выводах“ [1]). Посмотрим теперь, как он сам применяет диалектику. Вот несколько случаев.

Когда в марте 1905 г. Ленин полемизировал с оппортунистами, противниками идеи участия социал-демократов в революционном буржуазном правительстве, он, приводя мнение, что участие во временном революционном правительстве есть жоресизм, т.-е. бессознательное предательство интересов пролетариата, замечает: „Это рассуждение не менее ошибочно. Оно показывает, что авторы его выучили на память

[1]) „Против течения“, стр. 438.

хорошие резолюции, но не поняли значения их;—зазубрили некоторые антижоресистские словечки, но не продумали их, и применяют поэтому совсем некстати; усвоили себе букву, но не дух последних уроков международной революционной социал-демократии. Кто хочет с диалектически-материалистической точки зрения оценить жоресизм, тот должен строго отделить субъективные мотивы и объективные исторические условия. Субъективно Жорес хотел спасать республику, вступая для этого в союз с буржуазной демократией. Объективные условия для этого „опыта" состояли в том, что республика во Франции была уже фактом и никакой опасности ей не грозило; что рабочий класс имел полную возможность развития самостоятельной классовой политической организации и недостаточно пользовался этой возможностью"[1]).

В „Двух тактиках" имеется глава под заглавием: „Откуда грозит пролетариату опасность оказаться со связанными руками в борьбе с непоследовательной буржуазией?". Она начинается анализом „категории: буржуазная революция". Этот анализ один из замечательных примеров диалектически-логического силлогизма, разбросанных почти во всех произведениях В. И. Ленина. Совершенно невозможно передать во всей подробности рассуждение В. И. Ленина: для этого пришлось бы выписать около полулиста. Сущность его мысли может быть очерчена таким образом. Социалисты-революционеры не могут понять буржуазного характера русской революции 1905 г., потому что не знают азбуки о законах развития товарного и капиталистического производства. Отсюда—необходимость обоснования буржуазности этой революции. Но буржуазная революция, давая то, что выгодно буржуазии, может и неизбежно должна протекать и в форме, выгодной для крестьянина и для рабочего, а в России, где рабочий класс страдает не столько от капитализма, сколько от недостатка развития капитализма, буржуазная революция в высшей степени выгодна пролетариату. Чем полнее и решительнее, чем последовательнее будет буржуазная революция, тем обеспеченнее будет борьба пролетариата с буржуазией за социализм. Только людям, не знающим азбуки научного социализма, этот вывод может показаться странным, „парадоксальным". Между тем рабочим тем легче будет... „переложить ружье с одного плеча на другое", т.-е. направить против самой буржуазии те оружия, которыми снабдит их буржуазная революция, ту свободу, которую она даст: „Победа буржуазной революции у нас невозможна, как победа буржуазии. Это кажется парадоксальным, но это факт. Преобладание крестьянского населения, страшная придавленность его крепостническим (на половину) крупным землевладением, сила и сознательность организованного уже в социалистическую партию пролетариата,—все эти обстоятельства придают нашей буржуазной революции особый характер"[1]). В ней буржуазия, получившая власть и поле деятельности, сама себе роет могилу.

[1]) См. в сборн. „Тактика большевизма", ст. 20 и 55

В эпоху нарождающегося конституционализма он со всей беспощадностью разоблачает иллюзии конституции. Меньшевикам, по его словам, „всегда казалось, что борьба с конституционными иллюзиями в эпоху зарождающегося конституционализма есть нелепость, бессмыслица“. Меньшевики опошляли вопрос „при помощи благовидной ссылки на простой здравый смысл“. Фактически это опошление заключалось в том, что подменивали „конкретные ступени пройденного нашей революцией пути общим обозначением всей, прошлой и будущей нашей революции в целом, как революции, порождающей конституционализм. Это—образчик нарушения методов диалектического материализма“, заключает Ленин.

Вот три примера применения марксистской диалектики. Во всех трех случаях один и тот же принцип: брать единичный предмет во всем целостном и конкретном содержании, в связи со всей совокупностью породивших его условий, исторических и экономических особенностей данной совокупности явлений. И во всех тех случаях этот общий диалектический принцип, в одном, трудно поддающемся нашему учету, моменте переходит в практику, так что мы не замечаем, как, применяя—теоретическую в своих исходных пунктах—диалектику, мы движемся в области практики, борьбы реальных интересов и политических партий. И эти три случая, это практическое „вырастание“ диалектики обнаруживаются в трех возможных формах: в первом случае вывод сводится к тому, чего мы не должны делать, и он обосновывается доказательством, если хотите, „ложного практицизма“ жоресизма,—„ложного“ в силу противоречия между его субъективными мотивами и объективными историческими условиями. Во втором случае, перед нами раскрывается при помощи анализа диалектической природы живого растущего исторического движения, дающего „плоть и кровь“ буржуазии, необходимость участия в нем пролетариата, который должен помочь буржуазии довершить буржуазную революцию, чтобы бороться с буржуазией! Третий пример как бы противоположен второму. Если во втором еще не утвержден „тезис“ и пролетариат должен активно бороться за „тезис“, чтобы выступить против него, то в третьем примере этот „тезис“ торжествует, а пролетариат „заранее“ выступает против него, чтобы утвердить великий „антитезис“ социализма Здесь „здравому рассудку“ вообще нечего делать: для него „борьба с конституционными иллюзиями в эпоху зарождающегося конституционализма есть нелепость, бессмыслица, „парадоксальность“.

Теперь вернемся к нашей формулировке логических проблем материалистической диалектики. Совершенно ясно, что примеры, которыми мы иллюстрировали диалектическую логику революции,—бесконечно маленькие по сравнению с тем, что можно еще найти в великом идейном наследстве вождя-теоретика,—оправдывают наше последнее наблюдение, наш последний вывод из всего выше сказанного: диалектическая логика не вмещается в логические рамки мето-

дологии, постоянно вовлекая нас в практику, толкая к реальным „выводам“ в форме действий, а не к теоретическим и общим рассуждениям об уроках практического опыта. Эта своеобразная черта правильно применяемой диалектики отражается и, с точки зрения марксизма, не может не отражаться, и в области теории. Именно, в действительности диалектическая логика, незаметно для исследователя переходит или в политику, или в теорию тактики, или в экономику, или социологию, смотря по тому, в какой области ее применяют. „С точки зрения Маркса и Энгельса,—говорит Ленин,—философия не имеет никакого права на отдельное самостоятельное существование, и ее материал распадается между разными отраслями положительной науки“ [1]). Это относится к старой метафизической философии в том смысле, что она не имеет самостоятельного предмета, а предметы, изучаемые ею, должны быть познаны научным путем, т.-е. методом, которого она не имеет и которому она враждебна. Диалектический материализм, как философия марксизма, не есть система, но метод, и в этом смысле, конечно, также не имеет самостоятельного существования на подобие „рычага“, рода конструкции, но он лежит в основе развития всей природы, всего человеческого познания, всей деятельности человека, как члена данного класса, как участника данных исторических событий. И о каждом из нас, участников исторических событий, должно быть истиной то, что было сказано В. И. относительно Маркса по поводу его оценки Коммуны и что в величайшей степени верно относительно самого В. И.: именно, что Маркс отбросил прочь „премудрость пискарей, боящихся обсуждать технику высших форм революционной борьбы“. Для этого—надо учиться в том диалектически-материалистическом смысле, в каком употреблял это слово В. И. Ленин. А для того, чтобы учиться материалистической диалектике, т.-е., другими словами, для того, чтобы быть диалектическим логиком, нужно быть больше, чем диалектическим логиком! А для этого—нужно желать и уметь быть больше, чем логиком!

Гр. Баммель.

16 февраля 1924 г.

---

[1]) Собр. соч., II, 5.

Ленин, как тип революционного вождя.

(Из лекции на курсах секретарей укомов).

Товарищи!..

...Я думаю, что я вам нового ничего не сумею рассказать по этому поводу. Я хочу остановиться на двух вопросах, которых, по-моему, не касались до сих пор ни в статьях, ни в речах, хотя прочесть все статьи, появившиеся о Вл. Ильиче за последнее время,—задача абсолютно неразрешимая. Не исключено, что, может быть, были статьи и на ту тему, о которой я хочу говорить. А затем, хотя тов. Зиновьев очень не одобрительно отозвался о стремлении провести некоторые исторические параллели (т. Зиновьев сказал в своей речи на съезде Советов, что „буржуазные писаки“ подыскивают Ленину параллели в прошлом), по-моему, эти параллели все же интересны, потому что они рельефнее обрисовывают перед нами личность и значение Ильича. Так что и на этих параллелях позвольте остановиться. А говорить вообще о значении Ильича такому собранию, как ваше, совершенно не приходится. Старые партийные товарищи, вы великолепно знаете, какое значение имел Ленин в истории нашей партии.

Первый из вопросов, которых я хотел бы коснуться, звучит так: что именно сделало Ленина **вождем**? Мы, марксисты, не можем рассматривать личность, как творца истории. Для вас личность есть тот аппарат, через который история действует. Может быть, когда-нибудь эти аппараты будут создаваться искусственно, как мы теперь строим искусственно электрические аккумуляторы. Но пока этого нет. Пока эти аппараты, через которые действует история, эти аккумуляторы общественного процесса, рождаются стихийно. И вот какие качества делают человека пригодным для роли вождя? На Ленине и на некоторых параллелях Ленина с другими политическими деятелями это, по моему, вырисовывается с чрезвычайной яркостью.

Мне кажется, что основным качеством Ильича теперь, когда оглядываешься на прошлое, является его колоссальное политическое мужество. Политическое мужество, это не—то, что обычная храбрость. Среди революционеров масса храбрых людей, которые не боятся ни виселицы, ни веревки, ни каторги. Но эти люди боятся взять на свою

ответственность большие политические решения. Характерная черта Ильича заключалась в том, что он не боялся брать на свою ответственность политические решения какого-угодно размера. Он не отступал в этом отношении ни перед каким риском, брал на свою ответственность шаги, от которых зависела участь не только его личности, не только его партии, но всей страны и до некоторой степени мировой революции. Это было до такой степени необыкновенное явление, что Ильич всегда все свои выступления начинал с очень маленькой кучкой, потому что находилось очень немного столь же дерзких людей, которые осмеливались за ним итти. Я вам напомню историю проповеди вооруженного восстания в 1904—1905 г.г. Эта картина нам кажется сейчас грандиозной, когда мы знаем дальнейшее, но современным обывателям она казалась смешной. Человек в разорванном пиджаке, сидя в г. Женеве, объявил войну не на жизнь, а на смерть—кому? — российскому самодержавию, управляющему 120-миллионною страною, с сотнями тысяч шпиков и миллионом штыков. Он бросил этот вызов. Я помню, как к этому относилась буржуазная профессура. Там слово „товарищ" произносилось не иначе, как с усмешкой. Это явный дурак. Человек, который идет за Лениным—это один из тех дураков, которые думают, что в России можно устроить вооруженное восстание. Ленин не убоялся этих насмешек, и вообще не убоялся грандиозности этой задачи, не убоялся и того, что это значило звать к пролитию крови, и что кровь будет пролита. Несмотря на то, что первая попытка не удалась, Ильич не пал духом Много было людей, которые после декабря 1905 года впадали в истерику и говорили, что теперь Ленину ничего не осталось, как пустить себе пулю в лоб.—но он не пустил себе пули в лоб. Первое не удалось—удастся второе, третье. Февраль 1917 года оправдал эту тактику Ленина, тактику призыва к вооруженному восстанию.

Это одна сторона. Но у него было политическое мужество и в другую сторону. Первая революция не удалась. Начался отлив. Начались споры о том, находимся ли мы перед маленькой паузой революции — точка зрения подавляющего большинства революционеров, или же перед длительным антрактом, когда нужно расположиться по-иному, снять с себя грим, революционные костюмы и перегримироваться по-новому? Ильич не сразу решил в пользу антракта, но после приблизительно годичных размышлений он пришел к заключению — не пауза, а длительный антракт. Надо перестраиваться по-мирному. И вот человек, который призывал к вооруженному восстанию, начинает призывать к чтению газеты „Россия", где печатались стенографические отчеты о заседаниях Государственной Думы. Какой град насмешек вызвало это на Ленина—на этот раз не из буржуазной, а из нашей среды! Кто над ним не издевался, кто

не вешал на него собак. Человек размагнитился, в нем ничего от революционера не осталось. Надо отозвать фракцию, ликвидировать думскую фракцию, надо призывать немедленно к вооруженному восстанию. Я не буду называть имен, но я не могу забыть, как один товарищ, теперь с честью работающий в одной из союзных республик, выступал среди парижской эмиграции с речью о немедленном вооруженном восстании. По его мнению, для восстания все элементы на-лицо. Правда, матушка-революция немного прилегла отдохнуть, но она сейчас же встанет, и опять все начнет полыхать, как прежде. Я не стану скрывать, что и я был из тех, которые так думали. Я зашел к Ильичу и имел с ним длительный разговор, часа два,—может быть, самый длительный их всех моих разговоров с ним. Я ему доказывал, что тот курс, который он берет, прямехонько ведет в болото реформизма и ревизионизма, что он толкает русских рабочих от революции к бернштейнианству. Ильич мне ответил, что русская история совершенно гарантировала русского рабочего от такого поворота. У нас, говорил он, классовые противоречия так остры, что можно не беспокоиться о том, что русский рабочий пойдет за реформистами. Он в то же самое время защищал легальную печать и думскую фракцию. Думу мы используем, говорил он. Я с ним не согласился и ушел в группу „Вперед", хотя не разделял взгляда названного мною товарища, что сейчас нужно делать вооруженное восстание,—но я думал, что пройдет 3-4 года, опять наступит революционная ситуация. Я имел в виду тогда уже ясно обрисовывавшуюся в перспективе войну, которая должна была выбить рабочее движение из „мирной колеи". Стоит ли перестраивать всю партию, стоит ли производить, выражаясь словами тов. Бухарина, грандиозную бузу, раскол партии, для того, чтобы перестроиться на 3—4 года? Это операция, которая не окупит издержек. Что же оказалось? Фракция была использована именно во время войны чрезвычайно удачно. Легальная печать еще лучше была использована. Вы знаете, что „Правда" из Питера явилась инициатором забастовок в Харькове. Харьковские печатники забастовали после статей „Правды" о забастовке в других производствах в Харьковской губ. В Харькове на месте они не могли связаться. Всякая организация была задушена. Из Питера „Правда" могла дирижировать, и очень удачно. Таким образом и думская фракция, и газеты легальные были использованы наилучшим образом и, несомненно, сыграли огромную роль в том пролетарском движении, которое началось после Лены и закончилось, летом 1914 года, чем-то, действительно, напоминавшим революцию. Если бы не было легальной печати и думской фракции, ничего этого не было бы достигнуто. Подпольные кружки этого добиться не смогли бы. Но он отнюдь не переоценивал „возможностей". В газетах мелькнуло воспоминание о том, как

Ильич давал инструкции думской фракции, как он разговаривал с тов. Бадаевым. Бадаев пришел к Ильичу от думской фракции с вопросом, как ему говорить по поводу какого-то довольно сложного кадетского проекта. Ильич расхохотался и сказал (приблизительно): „Чего тебе слушаться, просто выйди на трибуну и обругай буржуев. Затем тебя и послали в Думу, чтобы там был слышен голос рабочего, а это ты предоставь литераторской группе при фракции, она все это разработает, а сам над этим головы не ломай. Это совершенно ненужно". Ильич правильно оценивал роль фракции. Он оценивал ее, как известного рода рупор, через который рабочий класс мог говорить. Без этого рупора обойтись было нельзя. Но для того, чтобы сделать этот поворот к „думизму", Ильичу нужно было исключительное политическое мужество. Больше, чем для того, чтобы призвать к вооруженному восстанию. Его меньшевиком в глаза называли. Ему говорили: какая же теперь разница между вами и Мартовым? Разница, однако, как вы знаете, была...

Совершенно та же история повторилась с Брестским миром. Центральный Комитет все время официально вел на революционную войну. Нас в этом направлении воспитывали. В Бресте мне пришлось иметь чрезвычайно трогательный, почти трагический разговор с нашими военнопленными, которые меня спрашивали, скоро ли они смогут вернуться на родину. Я им сказал: „Товарищи, запаситесь терпением,— очень не скоро, потому что немцы ставят невозможные условия. Стать на колени перед немецким империализмом мы не можем. Мы будем воевать". Представьте, эти несчастные люди, которые протомились в плену уже очень долго, были со мною согласны. Они проводили меня возгласами: „Да, да, товарищ, не уступайте! Мы потерпим". Так что совершенно серьезно—не хочется употреблять с.-р.-овского термина, мы находились в „жертвенном" настроении. Мы знали, что в этой революционной борьбе большая часть из нас погибнет. Мы не знали, что Ильич в это время внутри Центрального Комитета уже протестовал против революционной фразы и говорил, что войны вести не с чем и не для чего, и что она кроме разгрома Советской России ни к чему не приведет. Поэтому для нас было как удар грома из ясного неба, что по инициативе Ильича Ц.К. принял немецкий ультиматум. Я помню, я был до такой степени возмущен, что у меня не хватило духу подойти к Ильичу в Екатерининском зале Таврического дворца и с ним поздороваться. Мне казалось, что случилось морально ужасное до невероятных пределов. Этим объясняется тот факт, что известная часть откололась в группу левых коммунистов на той почве, что мы, стоя за осуществление лозунга, который мы фактически провозгласили,—потому что мы, подписав и заявив в Бресте, что мы войну прекращаем, но мира не заключаем, факти-

чески пошли уже на революционную войну в случае немецкого нападения,—теперь, когда на нас напали, на это разбойничье нападение должны были отвечать. Мы спрашивали немецких офицеров в Бресте: возможно ли, что немцы пойдут на нас войною? Я помню ответ одного офицера: - „Мы не разбойники“. На это разбойничье нападение оставалось, как будто, одно—защищаться. Вдруг Ильич говорит: не защищаться, а сдаваться. Повторяю, для этого нужно было колоссальное политическое мужество, колоссальная уверенность в том, что иного выхода нет.

В Питере было огромное одушевление в то время среди рабочих. Целые заводы приходили записываться в Красную гвардию. Я приехал в Москву, стал выступать здесь перед рабочими собраниями и увидел, что настроение ниже на 50%, что даже московский пролетариат не идет на революционную войну, а о крестьянстве и говорить нечего. Ясно, что воевать не с чем, даже независимо от того, правильна ли была дипломатическая линия Ильича, которую оправдала германская революция. Но, независимо от этого, нельзя было воевать, когда масса не хотела воевать. Ильич был глубочайшим образом в данном случае прав. Но в верхах партии настроение было такое, что нужно было иметь громадное политическое мужество, чтобы взять на себя ответственность, чтобы сказать среди общей атмосферы революционной войны: нет, надо заключить мир во что бы то ни стало.

Вот вам три образчика, которые по моему иллюстрируют эту сторону Ленина. Попробуйте теперь сравнить с вождем большевиков вождей других партий. Возьмите эс-эров. Люди, несомненно, храбрые. Мы их судили. Я выступал в качестве прокурора и могу сказать совершенно объективно, что они держались на процессе великолепно, хотя на 90% им угрожал расстрел. Стали они у власти летом 1917 года. На их знамени было написано: „Социализация земли“. Что же они сделали из социализации земли? Ничего не сделали. Они топтались перед этой проблемой, ссылаясь на то, что ужотка соберется Учредительное Собрание, даст землю, но не умели придвинуть само Учредительное Собрание ни на вершок и позволяли к.-д. его всячески оттягивать. В конце концов перед самым октябрем принялись разгонять крестьянские комитеты, которые сами стали брать землю. Что тут нужно было? Личное мужество? Оно было у с.-р. в достаточной степени. Нужно было политическое мужество и в гораздо меньшей степени, чем во время Брестского мира. Отнять землю у помещиков это гораздо меньше, чем призыв к вооруженному восстанию в 1905 году. Достаточно было сказать—помещичьи земли конфискуются, переходят к крестьянам. Ничего подобного. Возьмите с.-р ский проект Маслова, выпущенный в октябре. Он так средактирован, что помещики могли все свои земли сохранить, потому что на усадьбу оставалось

достаточное количество земли, потребное для владельца, для семьи и всех работающих в усадьбе. Что же можно было взять? Ничего не возьмешь. При чем идут всякие оговорки: если хозяйство культурное, если заведены усовершенствования — тоже трогать нельзя. Что же оставалось для крестьян? Крестьянам, оказывается, перейдут земли, находящиеся в крестьянской аренде, т.-е. то, что предлагали к.-д. Это был проект Маслова, который не осуществился. Даже на этом настоять они не сумели. Вот вам параллель.

Возьмите лидера с.-р.—Чернова. Он был циммервальдец, т.-е. сторонник мира, враг войны. Он стоял у власти, был министром—все время шла война. И он ни разу,—Керенский в своих статьях это ядовито подчеркивал, у нас, говорит, в министерстве было полное согласие,—ни разу Чернов не голосовал против войны, против наступления не голосовал, против смертной казни на фронте не голосовал, а циммервальдец был и, должно быть, искренно. Я не имею основания думать, что Чернов—человек неискренний, что он обманывал публику, а на самом деле в душе был оборонец. Просто человек политически не мужественный, политически не храбрый и в вожди поэтому не годящийся.

Вот основное качество Ильича, как вождя. Но, конечно, этого одного мало. Тут приходится говорить о его качествах, дополняющих первое, которые вам известны и на которых мы долго останавливаться не будем. Это, во-первых, его колоссальная проницательность, которая под конец внушила мне некоторое суеверное чувство. Я с ним часто спорил по практическим вопросам, всякий раз садился в калошу и после того, как эта операция повторилась раз семь. я перестал спорить и подчинялся Ильичу, даже когда логика говорила—не так нужно действовать,—но думал, он лучше понимает, он на три аршина в землю видит. Я не вижу. Эта его изумительная проницательность обнаруживалась неоднократно и рельефнее всего на факте, который вам всем известен,—в споре о первом параграфе устава. Теперь мы понимаем, что тут шел вопрос о том, по какому направлению пойдет партия, будет ли партия западно-европейского парламентского типа на подобие германской соц.-демократии, или же это будет то совершенно своеобразное сочетание сил рабочих и интеллигенции, та совершенно своеобразная группировка, которая называется большевистской партией и которая является, как показал опыт, единственным средством реально провести коммунистическую революцию. Другого средства нет, потому что над проблемой организации такой партии бьется пролетариат всего мира. Теперь это не трудно понять. А думаете, в 1903 году многие понимали, когда началась волосянка между меньшевиками и большевиками? Не только обыватели, даже мы, „молодые“ партийцы, были скандализированы. Из-за чего ругаются,—из-за редак-

ции первого параграфа устава! Обыватель зубоскалил—до чего узколобые люди—из-за трех слов как они поливают грязью друг друга! Какая отвратительная картина! А между тем тут действительно решался вопрос всей судьбы партии. Если бы по рецепту Мартова мы нагнали в партию интеллигенцию, всех профессоров и студентов, о которых мечтал Мартов, то партия превратилась бы в рыхлую дряблую интеллигентскую организацию, которая никогда бы никакой революции не произвела. Курьезный факт, что Мартов потом это понял. И тот Мартов, который отстаивал свою редакцию первого параграфа устава тем, что надо вводить профессоров и студентов, усмотрев на Лондонском съезде 1907 года в большевистской делегации двух профессоров, напал на них и громко вопил о том, как губят партию эти два профессора (при этом подчинявшиеся вполне партийной дисциплине). Они не погубили партии, но все-таки не могу не сказать: одним из этих профессоров был Рожков, который теперь от нас ушел. Так что прогноз Ленина о значении профессоров оказался в значительной степени правильным.

Вот вам один образчик проницательности Ильича,—первый параграф устава.

Я еще могу вам привести его спор с Богдановым, где он открыл политическое зерно в массе шелухи, не имевшей, казалось бы, тени отношения к политике. Для этого нужна была проницательность. Когда начался спор Ильича с Богдановым по поводу эмпириомонизма, мы руками разводили и решили, что просто за границей от безделья Ленин немножко повихнулся. Момент критический. Революция идет на убыль. Стоит вопрос о какой-то крутой перемене тактики, а в это время Ильич погрузился в Национальную библиотеку, сидит там целыми днями и в результате пишет философскую книгу. Зубоскальства было без конца. В конце концов Ильич оказался прав. „Рабочая правда“ на-лицо, хотя сам Богданов к ней неприкосновенен, но это не мешает тому, что она вышла из богдановщины. Старая платформа коллективистов написана так, что у них все богдановские идеи, так что и тут Ильич на три аршина видел и нос его чуял далеко, добирался до таких глубин, до которых никогда никому из нас добираться не приходилось.

Затем, во время самой революции, как он говорил о государственном капитализме в 1918 году, как он предсказывал нэп еще в своей брошюре: „Детская болезнь „левизны“ в коммунизме“, где есть ряд страниц о том, как из мелкого производства автоматически растет буржуазия и автоматически растет капитализм,—это все всем вам известно и на этом не стоит останавливаться. Все это более или менее помнят. Это второе качество, которое является неразрывным с первым качеством, потому что способность принимать большие

эшения, она, в сущности говоря, была и у того, кого французские азеты, думая польстить Ильичу, с ним сравнивали,—у Наполеона. 8 брюмера, конечно, большое решение и Ватерлоо тоже большое эшение. У Наполеона эта особенность политического вождя ыла, но политического чутья у Наполеона не было, благодаря чему н провалился со всей своей системой. Он был великолепным, деальным военным организатором и в этом смысле он был, вероятно, ыше Ильича. Ильич не сумел бы сделать такую штуку, какую сделал Наполеон, когда он в 1815 году с голыми руками высадился во Франции, где не было ни армии, ни боевых запасов, и через три месяца, в тот век, когда не было ни телеграфов, ни железных дорог, стоял на границе с 200.000 штыков, и таких штыков, которые в дребезги разбили великолепную прусскую армию и едва не разбили англичан. Это был шедевр военного искусства. У Наполеона была большая политическая смелость и организаторский талант, но политического чутья не было. Он не понял, что начинает безнадежную игру, что он ее проиграет, и проиграл ее гораздо раньше, чем на это рассчитывал. Таким образом одного этого качества мало. Нужна еще проницательность.

Товарищи, мне кажется, что этими основными чертами—огромным политическим мужеством, проницательностью и огромным чутьем исчерпываются, в основном, качества Вл. Ильича, как вождя. Я не буду говорить о его громадном теоретическом образовании, потому что это не столько качество самого Вл. Ильича, сколько необходимое качество всякого теперешнего вождя. Теперь нельзя быть вождем, в особенности пролетариата, с той слабой грамотностью, которую проявляли вожди предшествующих поколений. Тем нужен был только практический навык. Сейчас нельзя без теории. Сейчас всякая передовая статья в любой буржуазной газете есть теоретический трактат, и иногда марксистский трактат, хотя автор и не марксист. Об этом говорить не приходится. И вот эти качества выделяют Ильича не только из среды простых смертных, как великого вождя, но они выделяют его даже из среды вождей. Тут я хочу провести параллели, о которых говорил в начале. Параллели возможны только две. Что касается древнего мира, разных Периклов, Гракхов и Цезарей, то с Юлием Цезарем сравнивали Ильича белые. В одной белой газете было сравнение (после первого удара весной 1922 года), что смерть Ленина теперь имела бы то же значение, как смерть Юлия Цезаря в 43 г. до Р. Хр. Я не буду делать этого сравнения, потому что древние—это литературные типы, а не живые лица. Мы в сущности подлинного о них ничего не знаем, потому что документов почти не сохранилось. Сохранилась история, в научном отношении немного превосходящая нашу „Историю“ Карамзина, и на основании этого древней-

шего Карамзина мы должны судить. Представьте себе, что у нас для царствования Ивана Грозного был бы только Карамзин. Много бы мы знали? Но есть два вождя нового времени, являющихся для нас подлинной исторической реальностью, это Кромвель и Робеспьер, с которыми Ильича невольно сравниваешь, потому что это были тоже два больших революционных вождя.

Сравнение с Робеспьером очень преувеличено—для Робеспьера О Робеспьере вы слыхали, так как курс истории запада слушали. Робеспьер был несомненно большой революционный вождь, обладавший способностью принимать большие решения, обладавший в известной степени предусмотрительностью. Но на чем собственно он погиб, на чем сорвался? Вы знаете, конечно, что термидорский заговор не был непосредственно заговором правой буржуазии, в нем участвовали левые якобинцы, например, участвовали Бильо Варенн и Колло д'Эрбуа, которые тогда были революционерами, и первый засвидетельствовал свое якобинство достойным образом. Бильо был сослан в Кайенну. Наполеон I его амнистировал. Он гордо это отверг и не согласился стать подданным Наполеона I, чтобы вернуться во Францию. На чем же Робеспьер попался? На том, что он наделал много ошибок, вначале безжалостно истребив крайних левых типа Эбера и Шометта весною 1794 года, а затем окончательно себя добил злосчастным культом верховного существа, культом, который решительно никому не был нужен, кроме самого Робеспьера. После его падения ни один человек во Франции не интересовался этим культом верховного существа. Зато на всех левых якобинцев, учеников энциклопедистов XVIII века, эта религиозная реакция произвела самое отрицательное впечатление. Мы имеем ряд заявлений людей из этой среды, говоривших: „Поглядите, тут культ верховного существа, в Нотрдам попы начинают служить обедню. Это форменная реакция“: и во главе этой реакции самодовольно идет Робеспьер, введя культ верховного существа, который никогда никому не был нужен. Сравните с Ильичем, который никогда никаких субъективных идей в историю не вколачивал, который всегда чутко прислушивался к тому, куда идет исторический процесс, и всегда даже с огромным ущербом для личного самолюбия ставил проблему так, как это нужно для исторического процесса в данный момент. Сравните Ильича во время Брестского мира—многие знают, как он субъективно к этому миру относился,—и сравните Робеспьера, который вколачивал культ верховного существа независимо от того, что никто им не интересовался, что это была его личная идея, которая отталкивала от него союзников. И если решительности у Робеспьера было не меньше, чем у Ильича,—думаю, что и ее было меньше, потому что, если бы ее было побольше, он, несомненно понимавший значение социализма в прежних рудиментарных формах, провел бы

тот „аграрный закон", о котором он иногда говорил, и принял бы более решительные меры для защиты бедняков, о чем он также любил распространяться,—то в смысле предусмотрительности Робеспьер был неизмеримо ниже Ильича.

Наиболее популярным является сопоставление с Ильичем Кромвеля. Это сопоставление нашло себе отражение в литературе. Драма Луначарского пропитана этим сравнением. Что Луначарского привлекло? Конечно, то сочетание громадного государственного ума и необычайной внешней простоты, которые одинаково характеризуют как Кромвеля, так и Ильича. Мне приходилось на митингах рассказывать, как глава 120-миллионного государства жил в двух комнатах и водил свой секретариат в разорванных башмаках. Это была изумительная картина. Возьмите секретарей Пуанкарэ, Кулиджа,—они, вероятно, даже не подозревают, что на свете есть разорванные башмаки. Это внешнее пуританство характерно чрезвычайно. Но это не существенное и не главное. Это очень симпатичное в Ильиче, но не это делало его вождем и не в этом его историческое значение. Сходство с Кромвелем на этом и кончается—громадный государственный ум и громадная внешняя простота; простой человек, который живет, как все люди, и который в то же время ворочает судьбами миллионов. Надо брать с политической стороны, а с политической стороны что такое Кромвель? Солдат и мистик. В чем его главное дело в английской революции? Главное дело Кромвеля в английской революции сводилось к тому, что он сформировал парламентскую тяжелую кавалерию, знаменитых „железнобоких". Это был главный род оружия той эпохи, все равно, что артиллерия теперь, который решал судьбу сражений. В то время как в королевской армии, составленной из дворян, прирожденных рыцарей,—этот род оружия был представлен хорошо, парламентская армия, состоявшая из подмастерьев, из рабочих и крестьян, сразу не могла создать такого рода оружия, и громадный организаторский успех Кромвеля заключался в том, что он в армии подмастерьев, крестьян, приказчиков и т. д. создал тяжелую кавалерию, т. е. тот род оружия, который тогда решал судьбу сражений и казался специально дворянским. Это одна сторона. Другая сторона,— Кромвель был мистик. Кромвель говорил, что хотя он слабый ничтожный человек, но господь бог ведет его и т. д. Это вторая сторона, которая больше всего напрашивается на контраст с нашим Ильичем. Ильич был самым прогрессивным мыслителем, какие только есть из пишущих на земном шаре. Вы со мною согласитесь, что марксисты являются самой передовой группой общественной мысли. В средине XVII века, когда жил Кромвель, это был век Галилея, Ньютона, Гоббса. Вот какие люди одновременно с Кромвелем действовали и писали. Поставьте рядом с формулой Ньютона и зрительной трубой

Галилея Кромвеля с его рассуждениями, что пуритане—„святые", что бог ведет его и т. под.—это был один из самых отсталых людей. Английское пуританство было не новым течением, как коммунизм и большевизм,- это был последний всплеск той волны, которая поднялась в начале предыдущего XVI века. И, в сущности, если уже искать родственных черт с Ильичем, то можно найти скорее их не в Кромвеле, а в родоначальнике пуританизма и воинствующего протестантизма—в Кальвине. Кальвин—это догматик начала XVI века. В нем есть кое-что сходное с Ильичем. Правда, не в той плоскости, в какой находил Луначарский сходство с Кромвелем, ибо Кальвин в сущности узкий, сухой и жестокий человек, доктринер, типичный богослов-теоретик. Но кое-в-чем сходство все же есть. Во-первых, он создал для первой половины XVI века боевую доктрину, своего рода протестантский ленинизм, боевую доктрину кальвинизма. Кроме того, любопытно его государственное построение. Оно очень напоминает построение нашего советского государства. Два типа учреждений. С одной стороны учреждения гражданские, но они фактически подчинены учреждениям церковным—консистории и высшему церковному собору, которые легально никаких прав не имеют, но на практике руководят всем управлением. Это очень напоминает нашу партийную систему: Политбюро, с одной стороны, и наша советская система—Совнарком и т. д.—с другой. Так что тут кое-какие черты можно найти. Но черты эти объясняются не личностью Кальвина. Кальвин был сухой доктринер, профессор богословия и т. д. Его личность не имела ничего общего с Ильичем, а ситуация, положение, поскольку кальвинизм начал борьбу, поскольку это был зародыш боевой организации протестантизма, постольку тут есть общее с ленинизмом, который является таким же точно зародышем коммунистической революции. Что же касается Кромвеля, то это был человек отсталый. В середине XVI века его идеи отжили, и он, конечно, в этом отношении ни в какое сравнение с Вл. Ильичем не идет.

Если вы сопоставите Ильича с крупнейшими революционными вождями, которых мы до сих пор знали, то придется объективно признать, что из этих трех революционных поколений вождей Ленин—самый большой. Это для меня исторический объективный факт, а вовсе не какая-нибудь некрологическая фраза. Я глубочайшим образом убежден, что когда через 200 лет будут расценивать, то будут расценивать в таком порядке: на первом месте Ленин, на втором Кромвель и на третьем Робеспьер. Мы можем гордиться, что мы были современниками и сотрудниками величайшего революционного вождя нового времени, вообще величайшего вождя, которого мир знает реально ибо, повторяю, античных, древних вождей мы не знаем и никогда не узнаем.

М. Покровский.

Ленин, партия, рабочий класс.

Теория исторического материализма, в результате ее применения к конкретным историческим исследованиям, прежде всего повлекла за собой ниспровержение мифов о героях, которых Майн-Риды историографии, начиная с занятных и кончая бездарными и глупыми типа Иловайского, превратили в демиургов исторического процесса. Начиная анализ всех коренных изменений в общественно-исторической жизни с изучения состояния производительных сил и изменений в экономической структуре общества, марксизм тем самым делает демиургом истории массу, коллектив, миллионы, а не единицы. Но это перемещение центра тяжести на массу не освобождает нас от необходимости изучать роль выдающихся людей в историческом процессе: наоборот, только теория исторического материализма делает возможным заменить здесь простое библиографическое описание научно-социологическим анализом, чрезвычайно плодотворным для понимания всего процесса в целом. И чем глубже будет сделан анализ, тем с более ощутительной ясностью предстанет перед нами динамика каждого великого массового процесса исторического значения, тем более бесспорным будет звучать утверждение, что не великие массовые движения зависят в своем развитии и ходе от руководящих ими гениальных людей, а гениальность этих людей зависит от величины и глубины массовых движений. Гениальность вождя масс есть функция массового движения, это есть само массовое движение в одной из его сторон, в одном из его проявлений. Лишь при такой постановке вопроса делается ненужным и скучным занятие по арифметическому вымериванию индивидуальной роли выдающейся личности в истории, смешными кажутся опасения насчет того, что эту роль можно преувеличить за счет массового движения и стихийных процессов.

В этой заметке я хотел бы остановиться на той совершенно исключительной роли, которую играл Ленин в жизни нашей партии, а в последние годы и среди пролетариата и трудящихся масс вообще, как известный организующий и руководящий центр. С этой сто-

роны исследование Ленина, как социологического феномена, представляет глубочайший интерес. Вопрос об отношении Ленина к партии и пролетариату непосредственно переходит в вопрос о внутренней организационной структуре всего инструмента диктатуры пролетариата в нашей стране за шесть лет революции. При этом я понимаю организационную структуру, разумеется, не в техническом, а в широко социологическом смысле слова.

Для нас представляет наибольший интерес социологическая проблема Ленина с 1917 г., т.-е. с того времени, когда он быстро начал приобретать функцию не только вождя партии пролетариата, но и вождя трудящихся масс вообще. Однако для освещения этой проблемы надо посмотреть и на то, что было раньше. Это тем более необходимо, что молодые члены нашей партии совершенно неправильно представляют себе роль Ленина в прошлом нашей партии. Им кажется, что Ленин всегда был тем, чем они его знают за последние годы. Они не знают, как постепенно приобретал Ленин в партии ту исключительную роль, которая характерна для последних 6 лет революции.

Я оставляю в стороне период до II съезда 1903 года, когда Ленин был лишь самым деятельным и самым последовательным из искровцев. Он не имел тогда за собой оформленной фракции, как она стала слагаться, начиная с раскола 1903 г. Наиболее интересным для понимания будущего является из этого периода вышедшая в 1902 г. его брошюра „Что делать?“, в которой дан набросок организационной структуры большевистской партии, структуры, отвечавшей прежде всего условиям подпольного существования партии, но вместе с тем заключавшей в себе много характерного для большевизма вообще. Лишь после раскола Ленин делается главным лидером фракции большевиков или большевистов, как мы первое время тогда назывались, но отнюдь не лидером такого авторитета и значения, каким мы его видим после. В это время общепризнанным теоретическим вождем всей партии, в том числе и большевистской фракции, считался Плеханов. Лишь очень немногие из наиболее ответственных большевиков имели дерзость развенчать (не публично, а внутренно, для себя только) Плеханова из вождей и начали практическим вождем партии, в лице нашей фракции, считать Ленина. В этот период вокруг Ленина постепенно начало группироваться ядро большевиков революционеров, которое начало проводить в России, на практической работе ту форму организации партии, которую отстаивал Ленин в „Что делать?“, в своих выступлениях против меньшевиков на II съезде партии, в своей брошюре „Шаг вперед, два шага назад“, а также в отдельных статьях. Когда к организационным разногласиям с меньшевиками присоединились в конце 1904 года („земская кампа-

ния") и в 1905 году тактические разногласия, большевистская фракция оформилась не только организационно, но и идейно. Однако, и после того, как Плеханов дискредитировал себя своей оппортунистической оценкой Московского восстания („не надо было браться за оружие"), а также защитой лозунга поддержки ответственного кадетского министерства, руководящая роль Ленина в большевистской фракции весьма усилилась, но не сделалась еще доминирующей, как в последующее время. Достаточно вспомнить в этом отношении те настроения, которые были тогда в наших российских большевистских организациях. В конце 1905 года и в начале 1906 наметилась очень сильная тяга к объединению с меньшевиками, под влиянием революции и полевения меньшевиков. (Стокгольмский съезд был назван „объединительным" не только потому, что меньшевики не признавали полномочным нашего III съезда в 1905 году; этот дипломатический выход характеризовал общее настроение наших организаций.) В наших большевистских российских организациях авторитет Ленина был велик, но никогда никому в голову не пришло бы рассматривать каждую его статью, каждое предложение, как мнение всей фракции, как нечто такое, о чем нет смысла дискутировать. И это несмотря на то, что борьба с меньшевиками заставляла большевиков всемерно тушить все свои разногласия внутри, чтобы выступать против другой фракции единым фронтом.

Все у нас знают, какое огромное влияние имел всегда Ленин на всех, кто имел возможность лично его слышать, с ним говорить. Из наших российских организаций лишь питерская имела в период первой революции возможность видеть и слышать Ленина[1]). Все остальные организации знали о нем лишь по его статьям и книжкам и по рассказам лично его видевших. Зато те, кто лично соприкасался с ним, относились к нему как-то совершенно особенно в сравнении с теми, кто его лично не знал. Они видели в нем несравненно больше того, что можно было прочесть в его литературных произведениях. Я знаю одного старого марксиста, члена комитета, который поехал в 1905 году на наш III съезд меньшевистски настроенным, а вернулся убежденным большевиком к ужасу меньшевистской части организации. Однако и в среде своих близких единомышленников по партии Ленин в тот период был только первым, но не был еще тем одиноким великаном, с совершенно исключительным авторитетом среди масс, каким его сделали две последние революции. Ему приходилось очень часто, очень долго и очень терпеливо убеждать своих ближайших товарищей в своей правоте перед принятием того или иного формального решения. Не раз приходилось ему оставаться в своей собственной фракции не только в меньшинстве, но и—были

[1]) Я не говорю о Москве, куда тов. Ленин приезжал в 1906 г. не надолго и виделся только с верхами организации.

случаи — в одиночестве, хотя, впрочем, очень не на долго. Об этом расскажет нам картинно со временем тот историк или те историки нашей партии, появление которых мы так безуспешно ждем целые годы. Если бы Левину удалось работать в России в 1905—1907 годах в наших главных партийных центрах, если бы он не был отделен от массы большевиков, и прежде всего рабочих большевиков, полицейскими преградами, он уже в первую революцию установил бы гораздо более тесную внутреннюю связь с рабочими, чем это было на самом деле, когда ему приходилось руководить партией через „посредников". Тем более трагичным было положение этого „капитана большого плавания", когда ему приходилось сколачивать в 1908—1911 годах разгромленную партию, находясь в эмиграции, вносить бодрость в расстроенные ряды, посылать отдельных работников в Россию, радоваться каждой новой группе партии, возникающей здесь или там, поддерживать переписку даже с отдельными своими сторонниками, инструктировать и т. д. Что знали тогда рабочие массы о своем классовом вожде, что знали они тогда о Левине?

И когда начался подъем в рабочем движении и в партийной работе 1911—1914 годов, то хотя это движение шло под лозунгами, которые формулировал Ленин, но даже в самой большой и в самой пролетарской организации партии, в питерской организации, в ее массе, имя Ленина не пользовалось и третью того авторитета, какой он завоевал себе впоследствии. Настоящую цену Левину знала лишь незначительная, руководящая часть партии, в большинстве встречавшаяся с ним лично. Правильность всех его решений и прогнозов за весь период реакции только она одна могла проверить, потому что широкие массы партии, не говоря о пролетариате, переживавшем период политической апатии, была недостаточно в курсе всех партийных проблем, за исключением важнейших, которые стояли перед нашим Ц. К. за границей. Впрочем, и эта вера в Ильича не помешала многим старым большевикам уйти из партии или отойти от партии в период реакции 1908—1911 годов, с тем, чтобы притти в ее ряды значительно позже, часто лишь после победы пролетариата. Вера рабочих в Ильича была крепче, органичней, как показали события позже.

Лишь после февральской революции, когда Левин вернулся в Россию, правильность его лозунгов **начала проверяться массами, на опыте их собственной борьбы**. С этого времени он делается вождем масс, работа его мозга превращается постепенно в необходимейшую составную часть коллективного разума рабочего класса. Вопрос: „а как думает об этом Ленин?" является первым вопросом массовика-рабочего всегда, когда ему приходится определять свое отношение к тем или иным событиям. Этот авторитет Ленина в огромной степени вырос после Бреста, хотя внутри соб-

ственной партии Ленину приходилось и в этом вопросе и в других, более мелких, преодолевать весьма значительное сопротивление.

Отношение к войне, временному правительству, октябрьской революции, завоевание земли для крестьян, Брестский мир, гражданская война, отношение к иностранным капиталистическим государствам и т. п. — вот те основные проблемы, на которых гений Ленина был проверен массами и проверка потом подкреплена окончательно победой пролетариата и систематическим улучшением его материального положения.

При таком грузе доверия миллионов к Ленину должно было существенным образом измениться и отношение партии и ее руководящей части ко всем предложениям Ленина в коренных вопросах. Формально, разумеется, ничто не изменилось в функциях Ц. К., конференциях и партийных съездах. Но удельный вес слова и мнения Ленина стал другим. В партию стучалась с этими предложениями воля миллионов. Это знала и партия, и сам Ленин. Установление в партии отношений, которые, в свою очередь, опирались на отношения, сложившиеся стихийно и незаметно за стенами партии, зависело уже не только от партии и, пожалуй, еще меньше от него лично. Его авторитет в массах носил какой-то сверхличный характер. Ленин превратился в своеобразный организационный центр, непосредственно связанный с миллионами. Этот центр никогда не был противопоставлен официальным партийным и советским центрам, он действовал через них, но в то же время какими-то путями также наряду с ними. Кроме отношений партии к Ц.К., имелось еще отношение партии к Ленину. Кроме отношений беспартийных рабоче-крестьянских масс к партии коммунистов, имелось отношение их к Ленину. Единственный раз, когда Ленин разошелся с большинством Ц. К. по основному вопросу, по вопросу о немедленном заключении мира с немцами, расхождение не было поставлено на решение партии и рабочего класса тогда же, когда оно возникло, Ленин подчинился решению, с которым был не согласен; проверка произошла позднее. Но если б по какому-либо из коренных вопросов, которые вообще стояли перед партией и революцией, произошло расхождение между, скажем, Ц. К. и Лениным или партсъездом и Лениным и вопрос был бы поставлен на референдум как партии, так и рабочего класса вообще, то очень мало шансов, чтобы именно Ленин остался в меньшинстве. Это могло коснуться разве тех вопросов, где Ленин оказался бы против каких-либо предрассудков массы или против автоматизма классовой ненависти, затруднявшей маневрирование (например, вопрос о спецах и т. д.). Но если, к счастью для нашей партии и нашей революции, не было еще случая, чтобы рабочая масса решала голосованием спор между Лениным и большинством партии,

если Ленин всегда выступал от имени партии и от имени Советской власти, то сами массы не раз проводили борозду между тем и другим. Достаточно вспомнить о крестьянской вере в большевика Ленина, которого деревня противопоставляла коммунистам. Но еще более важным является тот факт, что в наиболее трудные моменты жизни нашей партии, в период голодовки пролетариата, несомненно, среди малосознательных рядовых рабочих Ленин пользовался большим авторитетом, чем коллектив Р.К.П.

Коммунистическая партия есть инструмент для руководства борьбой рабочих масс. Здесь этот инструмент был вздвоен, при чем второй инструмент руководства никогда не противостоял первому.

В результате непрерывного роста авторитета Ленина и в партии и в рабочем классе, увеличивавшегося с каждым правильно принятым под его руководством решением, внутри партии установилась такая система отношений между всеми коммунистами и их вождем, которая напоминала что-то вроде деловой диктатуры, основанной на доверии. Я употребляю этот термин „диктатура" условно, потому что он не определяет полностью и точно те отношения, которые здесь создались. Быть может, нужно было бы придумать какое-либо иное слово, которое верно характеризовало бы существо дела. Важно лишь здесь подчеркнуть, что эта диктатура вытекала не только из отношения Ленина к партии, но и из непосредственных отношений Ленина к рабочему классу.

Именно поэтому было бы доктринерством и педантизмом рассматривать фактическую роль Ленина в партии и государственном аппарате с чисто-формальной, конституционной точки зрения, не перенося центр тяжести на классовый смысл Ленинского авторитета. Наши политические противники совершенно сознательно и с точки зрения защиты интересов контр-революции совершенно правильно игнорировали этот последний факт и несколько лет вопили на весь мир о Ленинской диктатуре, как об узурпации власти народных масс. Здесь принципиальные защитники не только фактической, но и формальной диктатуры Колчаков, Врангелей и Деникиных ничем не отличались от „демократов" меньшевистско-эс-эровского толка. В этом отношении характерна передовица в № 2 „Социалистического Вестника" за 1924 г., посвященная смерти Ленина. В этой передовице о Ленине мы читаем:

„Его гений состоял в том, что он умел уловить все колебания стихии, ее подземные порывы, как и судороги ее разложения, умел нащупать родственные ей струи и в мировом рабочем движении, отравленном войной, и всем этим умел воспользоваться, чтобы на этом зыбком фундаменте возводить трон своей *идее*, которая воплощалась в *нем самом*. Ибо *таким* вождем *такой* стихии только и может быть человек, который фанатично верит в свою историческую

иссию, в свою историческую предназначенность и потому свою погрешимость.

„Ленин в высочайшей степени обладал всеми этими свойствами вождя секты. Лично он был совершенно лишен тщеславия, бескорыстен, в буквальном смысле слова „горел идеей". Но сквозь все о шатания и колебания... красной нитью проходит за все тридцать от один незыблемый руководящий принцип: Партия — это я! Рабочий класс — это я! Коммунизм — это я! Государство пролетарской диктатуры — это я!"

Меньшевики, которые обычно кичатся своим умением передразнивать марксистский жаргон и приводить нужные цитаты, потому становятся в этой характеристике роли Ленина на чисто-идеалистическую точку зрения или, если хотите, на точку зрения „субъективной социологии" Михайловского, что им невыгодно поставить на обсуждение основной факт, а именно непосредственную поддержку Ленина миллионами рабочих и крестьянских масс, глубоко классовый характер его „личного" авторитета. Этот факт, подтвержденный той совершенно изумительной реакцией, которую мы видели и видим, на смерть Ленина со стороны рабочего класса, еще ярче подчеркивает всю тупость и эмигрантский кретинизм этого некролога".

Если так называемая „диктатура" Ленина существовала как факт в том смысле, как мы раньше очертили, то она существовала волею рабочего класса, который сам выбрал Ленина из ста пятидесяти миллионов индивидуумов России, сам сделал своим рулевым, сам установил с ним непосредственную связь и сделал организующим центром в процессе своего революционного классового самоопределения. Таким бы „диктатором" в мировом рабочем движении был бы Маркс (каким он был и остается в области теории пролетариата), если бы он жил в эпоху пролетарских революций, если бы ему не было суждено умереть в обстановке приспособления верхов рабочего класса к капитализму, умереть почти не понятым в окружении пошляков и ослов из германской социал-демократии. Но Ленину суждена была лучшая доля. Вместе с рабочим классом, которым он руководил, Ленин перевел на язык реальной классовой борьбы и реальной революции те знаменитые слова „Капитала", где Маркс говорил: „Капиталистическая оболочка разрывается. Бьет час капиталистической собственности. Экспроприаторы экспроприируются". Он первый начал рвать эту оболочку, провозгласив перед октябрем свое бессмертное „момент назрел", и провел через прорыв этой оболочки капитала рабочий класс к победе. С этого момента он стал неразрывной составной частью тела и мозга пролетариата, всеми признанный вождь, за которым с верой и надеждой на лучшие дни плелся, падая от го-

лода и усталости, даже самый последний, отсталый и малосознательный сын рабочего класса в 1918—1923 г.г.

А они: „вождь секты“, „коммунизм — это я“!

Надо быть жалкими пошляками и тупицами, чтобы на сантиметры своей ограниченности мерить как грандиозный исторический переворот, так и его великого вождя, не понимая внутренней связи этого переворота с гением Ленина.

Уже из сказанного выше видно, что существо той роли, которую играл в нашей партии Ленин, не имело в своей основе ни грани случайности или произвольности. Его так называемая „диктатура“ была лишь функцией диктатуры пролетариата в условиях Советской действительности. Рабочий класс и партия нащупали тут чисто-практически, более стихийно, чем сознательно такую форму организации и расстановки людей и такое распределение ответственности, которые обеспечивали достижение классовых целей пролетариата с наименьшей тратой сил. Что достижение этих целей было в максимальной мере обеспечено, благодаря тому авторитету, каким пользовался в партии Ленин, проверено на опыте.

В централизованной партии, остающейся одновременно массовой партией рабочего класса, выработка наиболее целесообразных решений при сохранении максимального единства и быстроты в действии, представляет из себя крайне сложную и трудную проблему. Решение этой проблемы при наличии такого вождя, как Ленин, и без такого вождя не может быть одинаковым. Это две разные ситуации, здесь перед нами, если говорить не о формальной стороне дела, а по существу, два разных варианта в области идейной и практической организации масс. Вариант с вождем исключительного значения, оставляя без изменения форму организации, а, может быть даже усложняя вопрос о формальных моментах, упрощает и облегчает решение проблемы по существу. Вариант без вождя усложняет самый вопрос по существу и требует замены той социальной функции, которую выполнял вождь, соответствующим эквивалентом в отношении партии и ее центров к рабочей массе и в изменении, в связи с этим, методов работы внутри партии.

Тот совершенно изумительный мощный поток в нашу партию беспартийных рабочих от станка, который начался после кончины Ленина, говорит о том, что рабочий класс сам пытается нащупать решение проблемы. Пролетариат сам пытается заместить ту брешь, которая образовалась в системе рабочей диктатуры со смертью Ленина, и восстановить в прежнем объеме связь класса с партией при отсутствии гения Ленина. Этот процесс в рабочем классе, с одной стороны, является логическим развитием той нигде в мире не виданной формы отношений класса к партии, которая наметилась еще во время чистки

Р. К. П. Буржуазная демократия знает систему выборов в парламент, т.-е. в правительство страны избирателями представителей политических партий и беспартийных кандидатов, но только при рабочей диктатуре впервые намечается тенденция не только к выбору представителей партии в советы, т.-е. в органы власти, но и к контролю, а теперь, во многих случаях, прямо к выборам пролетариатом состава своей правящей рабочей партии. Быть может, здесь вписывается новая страница в теорию и практику советского государства вообще. С другой стороны, весь этот процесс с совершенно неожиданной стороны и с необычайной убедительностью подтверждает положение о том, что гений Ленина был и продуктом и функцией классового движения пролетариата, был и продуктом и функцией рабочей революции, которая теперь сама массовым порывом пытается залечить на своем теле эту зияющую рану.

Вот тот исходный пункт для социологического анализа организующей роли Ленинского гения в нашей революции, которую я в дальнейшем постараюсь развить в более обстоятельное исследование.

Е. Преображенский.

Российские корни ленинизма.

Социалистические противники III Интернационала с презрительной насмешкой указывали всегда на тот по внешности парадоксальный факт, что руководящую роль в нем играют *русские* большевики и их вождь Ленин, т.-е. представители страны, наиболее отсталой и в экономическом и в культурном отношении. Один этот факт, по мнению таких противников, этот неожиданный „свет с востока“, как бы осуществлявший славянофильские и мессианско-народнические мечты о всемирной миссии русского славянства (их в свое время Маркс вышутил своей известной фразой о калмыцкой крови, призванной обновить Европу), один этот факт должен был скомпрометировать в широких кругах европейского пролетариата *самую идею* III Интернационала и во всяком случае доказать его, якобы, немарксистский и даже антимарксистский характер.

Но именно строгий марксистский анализ убедительно показывает нам, что этот „парадоксальный“ факт отнюдь не является простой исторической случайностью, что в нем, наоборот, видна глубокая закономерность: ленинизм, как особый этап в развитии мирового социализма, ленинизм, этот *революционный марксизм в действии*, осложненный всей грандиозной обстановкой разлагающегося империализма, должен был зародиться именно в России, и вождем всего мирового революционного движения *против* империализма должен был стать русский. И характерно, что эту роль России в грядущей социалистической революции отчасти предвидели сами Маркс и Энгельс в последние годы их жизни, когда революционное движение в России стало серьезным фактором. Кроме всем известного места из их предисловия к русскому изданию „Манифеста“ в 1882 г., кроме ряда отдельных, вскользь брошенных ими мыслей на эту тему в их переписке,—вот что говорил Энгельс в том же 1882 или 1883 г.г. *Герману Лопатину*: „*Все зависит* теперь от того, что будет сделано в ближайшем будущем в Петербурге, на который устремлены ныне глаза всех мыслящих, дальновидных и проницательных людей целой Европы. *Россия, это—Франция нынешнего века*. Ей

законно и правомерно принадлежит революционная инициатива нового социального переустройства... Гибель царизма, уничтожив последний оплот монархизма в Европе,... вызовет во всех странах могучий толчок в сторону внутреннего переустройства" (Курсив наш. Напечатано с разрешения Энгельса в заграничном народовольческом журнальчике „С родины и на родину").

В это время, как известно, Маркс еще не возлагал надежд на русский пролетариат. Для него грядущая русская революция была революцией крестьянской, которая должна была дополнить пролетарскую революцию на Западе и тем закрепить ее победоносный характер. Но по мере того, как развивался в России капитализм и росла экономическая и политическая борьба российского пролетариата, некоторые проницательные европейские марксисты начинали возлагать на Россию надежды и социалистического характера. Так, Каутский, бывший тогда в апогее своей революционности, уже в самом начале XX в. писал в „Искре", что из России следует ожидать первого толчка к социалистической революции в Европе; а в эпоху первой русской революции он высказывал даже ту мысль, что эта революция является одновременно последней буржуазной революцией в Европе и первой в ряду социалистических или полусоциалистических переворотов.

Какие же особенности России содействовали тому, что все эти предсказания осуществились в гораздо бо́льшей степени, чем думали сами их авторы? Почему Россия не только первая из европейских государств произвела, пользуясь выражением Маркса (из программы французских гедистов 1880 г.), „политическую и экономическую экспроприацию" помещиков и капиталистов и установила у себя диктатуру пролетариата, но и выдвинула на международную арену величайшего теоретика, идеолога, вождя и знаменосца всего мирового революционного движения? Иначе говоря — почему революционный марксизм нашей эпохи останется в истории под названием ленинизма?

Все эти вопросы давно выдвигались и освещались самими коммунистами (как, впрочем, с противоположной точки зрения, и их противниками) и, конечно, в первую очередь Лениным. Не мало о них говорилось и в газетных статьях, посвященных памяти Ленина. Но нам представляется, что не все элементы этой глубоко интересной темы нашли свое отражение в печати; поэтому нам хотелось бы в настоящей заметке подвести некоторые итоги, остановиться вкратце и на социально-политических, и на идеологических предпосылках ленинизма, как идеологии, выросшей на русской почве, с тем, чтоб стать международной.

Развитие новейшего империализма имеет свою диалектическую

логику. Развращая сознание значительных и притом наиболее передовых и организованных слоев пролетариата на Западе, т.-е. в Европе и Северной Америке, приручая их экономическими подачками, участием в грабеже колоний и отсталых стран, а также фикцией „демократии",—этот империализм одновременно своей грабительской и насильнической политикой, как и своими внутренними распрями будил и революционизировал Восток, т.-е. экономически, культурно и политически отсталые народы, порабощаемые и местными деспотами, и хищническим капиталом Запада.

Но сущность империализма именно в том, что капитализм при этой фазе своего развития становится, действительно, всемирным, что он может существовать и расширяться только при помощи эксплоатации отсталых стран. Следовательно, создавая одной рукой у себя дома, в лице II Интернационала и примыкающих к нему профсоюзов, оплот против пролетарской революции, империализм другой рукой неизбежно создает осложнения на Востоке и тем подтачивает основы своего политического и экономического могущества, что, в свою очередь, влияет отраженно на положение Запада: на рост дороговизны, безработицы и т. д., следовательно, на усиление революционности более отсталых и менее организованных слоев пролетариата.

Не даром первый грозный международный конфликт, подстрекаемый империалистическими державами,—Русско-Японская война—ускорил революцию в России, которая затем сопровождалась революциями в Персии, Турции и Китае и обострением классовой борьбы во всей Европе.

Ибо все диалектические противоречия, свойственные мировому империализму, сконцентрировались, как в фокусе, в России последних десятилетий. Россия находится на рубеже двух миров, двух культур, империалистического Запада и полуфеодального Востока, и, понятно, именно в России должны были проявиться с наибольшей остротой и яркостью все противоречия и Запада, и Востока одновременно.

В самом деле, хотя на Западе первые зародышевые пролетарские движения, сопровождаемые крестьянскими восстаниями, возникали уже при зарождении капиталистического строя и составляли принадлежность всех буржуазных революций, но современная классовая борьба пролетариата началась в передовых европейских государствах лишь после того, как буржуазия фактически пришла к власти, и после того, как крестьянство, избавившись от остатков крепостного права, утратило былую революционность и прониклось социальным консерватизмом. В России же все эти моменты, борьба буржуазной и мелко-буржуазной интеллигенции за политическую свободу и стрем-

ление буржуазии к политическому господству, классовая борьба растущего пролетариата с капиталом и охраняющим его государством и стихийное движение крестьян против помещиков,—все эти моменты совпадали во времени и тем усиливали, обостряли и концентрировали революционные процессы, углубляли и оттачивали революционную идеологию. Наконец, как государство, составленное путем ряда последовательных завоеваний, как государство с одной великодержавной народностью и массой угнетенных национальностей и племен, Россия выдвинула еще национальный вопрос, в наиболее острой своей форме, так как покоренные народы стонали под тяжестью тройного гнета: социального, национального и политического.

Таким образом в России конца XIX и начала XX века, наряду с чисто-восточным деспотизмом и остатками полуфеодальных, крепостнических отношений в деревне, среди темного, отсталого, но разоряемого и озлобленного крестьянства, бешено развивался капитализм в его новейших, технически наиболее прогрессивных формах, в значительной степени притом насаждаемый европейской, империалистической буржуазией. Это последнее обстоятельство придавало классовой борьбе части русских рабочих также и национальный оттенок борьбы против иностранного капитала, что сближало в некоторых отношениях Россию с эксплоатируемыми странами Востока. Наконец, ко всему этому присоединялся целый ряд собственных Ирландий и клубков национальной вражды, раздуваемой правительством по старым, искусным, испытанным рецептам Меттерниха.

В результате, в то самое время, как в Западной Европе наступила характерная для эпохи II Интернационала полоса „демократии" и мирного, „парламентского" развития, в России—как следствие все растущих бесчисленных социальных, политических и национальных противоречий—накоплялись огромные запасы революционной энергии, которая и разрядилась на протяжении 12 лет в трех потрясших мир революциях.

Напряженность этой энергии усиливалась особенно исключительным характером русского самодержавия, которое сумело внушить длинному ряду поколений революционеров столь же исключительную ненависть. А отсутствие сколько-нибудь серьезных и активных либеральных партий, которые вбирали бы в себя накоплявшееся недовольство и тем умеряли бы революционность радикальной, мелко-буржуазной интеллигенции, приводило к окрашиванию в ярко-революционный и даже революционно-социалистический, почти анархический цвет такие движения и социальные слои, в которых по существу было очень мало революционного.

Наконец, немалую роль в усилении революционности русской интеллигенции играли воспоминания о грозных крестьянских восста-

ниях прошлых столетий (а также отчасти и революционно-коммунистический или анархический характер некоторых крестьянских религиозных сект, переносивших в трезвую капиталистическую обстановку России 2-й половины XIX века нечто от европейской атмосферы конца средних веков и эпохи реформации) и о многочисленных дворцовых переворотах, столь типичных для русского царизма. Если явления первого порядка, т.-е. крестьянские восстания и анархо-коммунистические секты, питали анархические настроения революционной русской интеллигенции, то воспоминания о дворцовых переворотах будили надежды на легкость свержения Романовых и захвата власти революционерами, т.-е. по существу настроения бланкистские.

Вот почему, между прочим, мы, начиная с декабристов, встречаем так часто планы „истребления императорской фамилии". Вот почему, далее, уже в самом начале 60-х г.г., немедленно после освобождения крестьян возникает первый кружок русских якобинцев (Зайчневского и др.), который в знаменитой прокламации „Молодая Россия" дает лозунг „революции, революции кровавой и неумолимой,— революции, которая должна изменить радикально все, все без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка", при чем революционная партия, истребив „императорскую партию", „должна захватить диктатуру в свои руки и не останавливаться ни перед чем." Выборы в национальное собрание должны происходить под влиянием правительства, которое тотчас же и позаботится, чтобы в состав его не вошли сторонники современного порядка (если только они останутся живы)".

И в высшей степени характерно, что уже эта первая смелая прокламация пореформенной России, вместе с целым рядом переходных мер к социализму, требует „полной независимости Польши и Литвы, как областей, заявивших свое нежелание оставаться соединенными с Россией". Это—первое требование „дезаннексии"!

Вот почему, наконец, целый ряд русских революционеров, не говоря уже о таких громких международных именах, как Бакунин или Кропоткин, действуют на воображение европейского „общественного мнения" и европейского пролетариата больше, чем какие бы то ни было другие революционеры в прошлом и настоящем, за исключением, может быть, Бланки и Гарибальди. В числе этих революционеров мы встречаем уже в 60-х годах такую яркую фигуру, с совершенно исключительной революционной страстью и силой воли, как Нечаев, затем целую галлерею героических бакунистов 70-х г.г. и, наконец, не менее героических деятелей „Народной Воли".

В то же время, на-ряду с бакунизмом, инстинктивно предчувствующим грозный социальный размах грядущей крестьянской революции, и в борьбе с этим бакунизмом, непрерывно продолжается

заложенная Зайчневским якобинско-бланкистская традиция, которая через Ткачева передается части „Народной Воли“. А Ткачев, человек ясного и сильного логического ума, разрабатывает эту якобинско-бабувистскую традицию в целую продуманную систему, которая многими своими сторонами, несмотря на ее наивный рационализм, как бы предвосхищает нашу современность. „Ближайшая, непосредственная цель революции,—читаем мы в программе „Набата“,—должна заключаться ни в чем ином, как только в том, чтобы овладеть правительственною властью и превратить данное, консервативное государство в государство революционное... Но захват власти, являясь необходимым условием революции,—не есть еще революция. Это только ее прелюдия. Революция осуществляется революционным государством, которое, с одной стороны, борется и уничтожает консервативные и реакционные элементы общества, упраздняет все те учреждения, которые препятствуют установлению равенства и братства, с другой,—вводит в жизнь учреждения, благоприятствующие их развитию. Таким образом деятельность революционного государства должна быть двоякая: революционно-разрушительная и революционно-устроительная“. Первая требует „централизации, строгой дисциплины, быстроты, решительности и единства действий. Всякие уступки, всякие колебания, всякие компромиссы, многоначалие, децентрализация борющихся сил ослабляют их энергию, парализуют их деятельность, лишают борьбу всех шансов на победу“.

Наоборот, „конституционная деятельность“ революционного государства „должна отличаться эластичностью, умением приспособляться к данному уровню народных потребностей и народного развития“ (Курсив наш. *Б. Г.*).

И, наконец: „Насильственным переворотом не оканчивается дело революционеров, напротив,—им оно начинается. Захватив в свои руки власть, они должны суметь удержать ее и воспользоваться ею для осуществления своих идеалов; а для этого у них должна быть, прежде всего, ясная, точная, строго определенная, последовательно выдержанная программа. Не имея ее, они будут действовать ощупью, впадать в постоянные, неизбежные противоречия и своей непоследовательностью погубят себя“ [1]).

---

[1]) Первые такие программы впоследствии были выработаны при участии рабочих „Северно-русским рабочим союзом“ и „рабочими членами партии Народной Воли“. Любопытно отметить, что вторая из этих программ определенно выдвигает диктатуру трудящихся: „Все станут равны и свободны, добьются справедливых порядков только тогда, когда делами страны будет заправлять рабочее сословие, т.-е. крестьянство и городские рабочие, потому что все другие сословия, если и добивались свободы и равенства, то лишь для себя, а не для всего народа“. Вместе с тем эта программа, выдвигая

Ленин не только всем существом своим усвоил глубоко-революционную теорию Маркса. Он не только использовал наново весь огромный опыт европейской классовой борьбы. Он в то же время впитал в себя все традиции и настроения героической эпохи русского революционного движения и вместе с тем сумел оценить роль империализма с точки зрения отсталых, колонизуемых европейским капиталом стран, наиболее революционной из которых была объективно именно Россия.

В этом отношении Ленин резко отличается от Плеханова. Плеханов перешел от русского революционного народничества к европейскому марксизму в ту эпоху, когда в Европе наступил „мирный", „органический" период развития, когда во всех странах складывались социал-демократические партии, перед которыми стоял долгий путь пропаганды и организационного собирания сил. Поэтому его никогда впоследствии не интересовали вопросы колониальные, не интересовали, в частности, грядущие судьбы Востока и его отношение к империализму, мало интересовала также и самая природа империализма, как всемирного этапа в развитии капитализма. Марксизм Плеханова был чисто „европейским", слишком европейским, приспособленным к узко-европейским, особенно германским, формам новейшего организованного рабочего движения. Поэтому также он первые свои марксистские выступления обрушил со всей силой своего таланта и страстностью полемиста на оба полюса прежнего революционного движения: и на бакунизм, и на ткачевизм, и это несмотря на то, что якобинские симпатии и настроения самого Плеханова не подлежат сомнению.

Ленин же выступил на историческую арену значительно позже Плеханова, когда становился ясным империалистический характер мирового капитализма, когда во II Интернационале уже обнаружилась его оппортунистическая шуйца и когда, с другой стороны, в России явно кончался период реакции (который Плехановым был использован в эмиграции для создания теоретических предпосылок грядущего революционного движения) и начинался предреволюционный подъем.

По всем этим причинам для Ленина революционный марксизм был не только теорией, но и непосредственным действием и притом с самого начала опирался не только на организованных рабочих,

---

принцип федеративного устройства государства, с „Областными управлениями" и единым „Союзным правительством", в то же время повторяет в более принципиальном и обобщенном виде лозунг „дезаннексии", провозглашенный еще „Молодой Россией": „Народы, насильственно присоединенные к русскому царству, вольны отделиться или остаться в обще-русском союзе". Эта формулировка почти целиком совпадает с той, которую дал Ленин...

но и на те запасы потенциальной революционной энергии, которые накоплялись развитием капитализма в разоряемом и все более расслоявшемся крестьянстве. И если Плеханов, по отношению к прежним формам революционного движения, явился их марксистским антитезисом, то Ленин объединил в высшем марксистском синтезе оба прежних полюса 70-х годов, бакунизм и ткачевизм, не просто устранив их, как Плеханов, а диалектически преодолев, т.-е. сохранив в своем действенном марксистском миросозерцании, все жизнеспособные, одновременно революционные и реалистические элементы этих течений.

Никогда не следует забывать, что если к эпигонам народничества, публицистам „Русского Богатства", а впоследствии к с.-р-ам Ленин питал глубокое презрение и беспощадно их разоблачал, то, наоборот, к бунтарскому народничеству 70-х годов и к „Народной Воле" он всегда питал большое уважение: либеральных народников Ленин бичевал за отказ от революции, за полное неумение понять революционность русского марксизма, а с.-р-ов за революционную фразу, за террористическую и аграрно-социалистическую шумиху, которая прикрывала ревизионизм теории Маркса и непонимание действительных классовых отношений России; наоборот, к землевольцам и народовольцам он относился, как к великим историческим предтечам (подобно тому, как Маркс с уважением относился к утопистам начала XIX века, презрительно третируя их учеников), опыт которых он использовал и революционную страсть которых, соединенную (у народовольцев) с холодным политическим расчетом, он полностью наследовал.

В обстановке назревающих империалистических конфликтов, которым совершенно не соответствовала „умеренность и аккуратность" II Интернационала даже во времена его молодости, в эпоху начавшегося обострения революционно-диалектических противоречий в самой России, которая одновременно эксплоатировала покоренные ею народы и сама служила объектом эксплоатации европейского капитала,—Ленин в первой же своей революционно-полемической брошюре заговорил языком, отнюдь не свойственным большинству деятелей II Интернационала: „Тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **русский пролетариат** (рядом с пролетариатом всех стран) **прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции**" (Курсив принадлежит Ленину).

В этих энергичных словах уже слышатся отзвуки бурь 1905 и 1917 г.г. И вся дальнейшая деятельность Ленина была **идеологией непосредственной революции**, дыхание которой он чувство-

вая задолго до ее возникновения и всемирно-исторический характер которой он видел яснее, чем кто-либо.

Ленинизм, это—революционный марксизм, вышедший за узкие рамки старой Европы, впитавший в себя революционную ненависть отсталых народов к собственным деспотам и к хищническому европейскому капиталу. Ленинизм, это—революционный марксизм, из европейского ставший всемирным, ибо всемирным стало и господство капитала. Ленинизм, наконец,—это марксизм эпохи разлагающегося империализма и социальных бурь и потрясений. Вот почему ленинизм должен был зародиться и развиться в России, с ее политическими, социальными и национальными противоречиями, равных которым не знает никакая другая страна.

Б. Горев.

Архивная справка к рукописи Владимира Ильича.

„Иенский съезд германской с.-д. рабочей партии".

Печатаемая ниже запись Владимира Ильича сделана на почтовой бумаге обыкновенного формата. Всего четыре листа. На углу каждого из двух листов, слева, чернилами, рукою Владимира Ильича тщательно замазан отпечатанный бланк: „Société de Lecture, Grand Rue, N°". Рядом с зачеркнутым бланком в заглавном месте листа отпечатано: „Genève, le...". Около зачеркнутого места, слева же, карандашом произведены какие-то вычисления, и рукою Владимира Ильича около окончательной суммы поставлено: „Ц на Б".

Рукопись почти без поправок, но так как она писана, видимо, очень быстро, в ней есть описки, исправленные нами. Так, например, в одном месте Владимир Ильич говорит: „...принадлежности каждого социал демократа к одной из партийной организации" нами исправлено: „к одной из партийных организаций". Или в другом месте Ленин пишет: „...до насмешек над партией вообще, на социализмом вообще", мы исправили: „над социализмом".

Всего таких поправок, кроме указанных уже нами, сделано еще две.

Рукопись относится к концу 1905 г., так как в ней говорится о Иенском съезде германской с. д. рабочей партии, имевшем место 17—23 сентября 1905 г.

Институт Ленина.

В. И. Ленин.

Иенский съезд германской с.-д. рабочей партии.

Съезды немецких с.-д. давно уже приобрели значение далеко выходящих за пределы германского рабочего движения событий. Германская социал-демократия стоит впереди всех по своей организованности, по цельности и сплоченности движения, по богатству и содержательности марксистской литературы. Естественно, что при таких условиях и решения немецких с.-д. съездов приобретают зачастую почти международное значение. Так было с вопросом о новейших оппортунистических течениях в социализме (бернштениада). Решение Дрезденского с.-д. съезда, подтвердившее старую испытанную тактику революционной с.-д-тии, было воспринято Амстердамским международным социалистическим конгрессом и стало теперь общим решением всего сознательного пролетариата во всем мире. Так и теперь. Вопрос о массовой политической стачке—главный вопрос Иенского съезда,—волнует всю международную социал-демократию. Его выдвинули на первый план в последнее время события в целом ряде стран, в том числе и, пожалуй, даже в особенности, в России. И решение германской с.-д.-тии окажет, несомненно, немалое влияние на все международное рабочее движение в смысле поддержки и укрепления революционного духа борющихся рабочих.

Но отметим сначала вкратце и остальные, менее важные вопросы, расмотренные и разрешенные Иенским съездом. Он занимался, прежде всего, вопросом об организации партии. На частностях пересмотра партийного устава германской партии мы, конечно, не будем останавливаться здесь. Важно подчеркнуть крайне характерную основную черту этого пересмотра: тенденцию к дальнейшему, более полному и более строгому проведению централизма, к созданию более крепкой организации. Эта тенденция выразилась, во-1-х, в том, что в устав включено было прямое постановление об обязательной принадлежности каждого социал-демократа к одной из партийных организаций за исключением случаев, когда этого не допускают особенно

серьезные причины. Во-вторых, она выразилась в замене системы доверенных лиц системой местных с.-д. организаций, в замене принципа единоличного полномочия, доверия к личности, принципом коллективной, организационной связи. В-третьих, она выразилась в постановлении, по которому все организации партии обязаны вносить 25% своих доходов в центральную кассу партии.

В общем и целом, мы ясно видим тут, что рост с.-д. движения и усиление его революционности ведут непременно и неизбежно к более последовательному проведению централизма. Развитие немецкой с.-д-тии в этом отношении крайне поучительно для нас русских. Организационные вопросы недавно занимали у нас, отчасти даже и теперь занимают, непропорционально большое место в ряду злободневных вопросов партийной жизни. Со времени 3-го съезда две организационные тенденции в партии определились вполне: одна—к последовательному централизму и к выдержанному расширению демократизма в партийной организации не для демагогии, не для красного словца, а для осуществления на деле по мере расширения свободы поприща для с.-д.-тии в России. Другая—к организационной расплывчатости, к „организационной туманности“, весь вред которой понял теперь даже столь долго защищавший ее Плеханов (будем надеяться, что события скоро заставят его понять и связь этой организационной туманности с тактической туманностью).

Вспомните споры о § 1 нашего устава. Конференция новоискровцев, раньше отстаивавших горячо „идею“ их ошибочной формулировки, просто выбросила теперь за борт и весь § и всю идею. 3-й съезд подтвердил принцип централизма и организованной связи. Новоискровцы сразу попытались поставить на почву общих принципов вопрос о принадлежности каждого члена партии к организации. Теперь мы видим, что немцы—и оппортунисты и революционеры одинаково—не подвергают даже сомнению принципиальную законность такого требования. Внося прямо в свой устав это требование (чтобы каждый член партии принадлежал к одной из партийных организаций) они мотивируют необходимость исключений из этого правила отнюдь не принципами, а... отсутствием достаточной свободы в Германии! Фольмар, бывший в Иене докладчиком по организационному вопросу, оправдывал допущение исключений из правила тем, что таким людям (мелкие чиновники) невозможно будет открыто принадлежать к партии с.-д. Само собою разумеется, что у нас в России ситуация иная: при отсутствии свободы все организации одинаково тайные. При революционной свободе особенно важно строго ограничивать партии и не допускать „расплывчатости“ в этом отношении. Принцип же желательного укрепления организационных связей остается непоколебимым.

Что касается до системы доверенных лиц, от которой теперь отказались немецкие с.-д., то ее существование всецело связано с исключительным законом против социалистов. Чем дальше отходил в область прошлого этот закон, тем естественнее и неизбежнее становился переход к базированию всей партии на системе связи между организациями непосредственно, а не чрез посредство доверенных лиц.

Другой вопрос, обсуждавшийся в Иене до вопроса о политической стачке, тоже чрезвычайно поучителен для России. Это—вопрос о майском празднике или, вернее (если взять сущность вопроса, а не пункт, послуживший поводом к дискуссии), вопрос об отношении профессионального движения к с.-д. партии. Мы уже не раз говорили в Пролетарие о том, какое глубокое впечатление произвел на немецких, да и не только на немецких с.-д. Кельнский съезд профессиональных союзов. На этом съезде самым явственным образом обнаружилось, что даже в Германии, где всего сильнее традиции марксизма и влияние его, у профессиональных союзов—заметьте: социал-демократических профессиональных союзов—развиваются тенденции анти-социалистические, тенденции к „чистому трэд-юнионизму" в английском, т.-е. безусловно-буржуазном духе. И вот, из вопроса о майской демонстрации в собственном смысле слова на Иенском съезде неизбежно вырос поэтому вопрос о трэд-юнионизме и социал-демократии, вопрос об „экономизме", если говорить применительно к направлениям внутри русских с.-д.

Фишер, докладчик по вопросу о 1-м мае, сказал прямо, что было бы большой ошибкой закрывать глаза на факт: в профес. союзах то здесь, то там исчезает социалистический дух. Дело доходило до того, что, напр., Брингман, представитель союза (столяров) плотников, говорил и печатал фразы вроде следующих: „Забастовка 1-го мая есть чуждое тело в человеческом организме". „Профессиональные союзы при данных условиях единственное средство к улучшению положения рабочих" и т. п. И к этим „симптомам болезни", по меткому выражению Фишера, прибавляется ряд других. Узкий профессионализм, или „экономизм", связывается в Германии, как и в России, как и везде, с оппортунизмом (ревизионизмом). Газета того же самого союза (столяров) плотников писала о разрушении основ научного социализма, о неверности теории кризисов, теории катастроф и т. д. Ревизионист Кальвер призывал рабочих не к недовольству, не к увеличению своих потребностей, а к скромности и т. д. и т. д. Либкнехт встретил одобрение съезда, когда высказался против идеи „нейтральности" профессиональных союзов и заметил, что „Бебель, правда, тоже говорил в пользу нейтральности, но, по моему мнению, это один из тех немногих пунктов, когда за Бебелем не стоит большинство партии".

Сам Бебель отрицал, чтобы он советывал нейтральность профессиональных союзов в отношении к социал-демократии. Опасность узкого профессионализма Бебель признавал безусловно. Бебель говорил далее, что ему известны еще худшие образчики этого цехового отупения: дело доходит у молодых вожаков профессиональных союзов до насмешек над партией вообще, над социализмом вообще, над теорией классовой борьбы! Общие крики возмущения с.-д. съезда встретили эти заявления Бебеля. Раздались горячие аплодисменты, когда он решительно заявил: „товарищи, будьте на своем посту; подумайте, что вы делаете; вы идете по роковому пути, конец которого несет вам гибель!".

К чести немецкой с.-д-тии следует, таким образом, сказать, что она встретила опасность лицом к лицу. Она не затушевывала крайностей экономизма, не выдумывала плохих отговорок и увертон (которых так много сочинил, напр., у нас Плеханов после 2-го съезда). Нет, она резко констатировала болезнь, решительно осудила вредные тенденции и прямо, открыто призвала всех членов партии к борьбе с ними. Поучительное событие для русских с.-д., некоторые из которых заслужили похвалы г-на Струве за „просветление" в вопросе о профессиональном движении!

Ленин и проблема движущих сил социальной революции.

I.

Основная задача настоящего исторического периода заключается в овладении рабочим классом государственной властью, в целях уничтожения капиталистического строя и организации нового социалистического. Путь к решению этой задачи—социальная революция, которая началась и дала уже определенные результаты для мирового пролетариата. Советская Россия—это первый шаг победоносного шествия социальной революции, современная гражданская война в центральной Европе, которая в недалеком будущем должна закончиться победой пролетариата — второй шаг, остальные шаги на Востоке и за океаном—в Америке—должны будут последовать с исторической неизбежностью.

Диктатура пролетариата—поставлена как реальная, практическая, очередная задача в порядок дня мировой истории.

Никто так ясно не осознал и не выдвинул всей этой задачи, во всем ее объеме, на первый план, как Ленин, который задолго, оценивая процесс современного общественного развития, анализируя мировую империалистическую войну, указал, что наступил момент практического осуществления диктатуры пролетариата. Тогда встал вопрос о движущих силах социальной революции. Сюда нужно направить теоретический анализ и в разрешении этой проблемы достичь практических результатов.

Последние десятилетия эпохи капитализма значительно усложнили понимание развития современного общества.

Империализм усложнил и осложнил мировые отношения, приведя к империалистским войнам и поставив под угрозу не только развитие, но и самое существование человечества. Старые организации рабочего класса—во главе с II-м Интернационалом—оказались совершенно неприспособленными к задачам переломного момента истории, к задачам начавшейся социальной революции. Старые организации пролетариата, благодаря своему консерватизму, оказались в подавляющем числе—реакционным фактором развертывающейся социальной революции, II-ой Интернационал—верным оплотом

падающего капитализма, его вожди—предателями мирового пролетариата. Потребовалась новая организация рабочего класса всего мира, выросло коммунистическое движение, вырос III-й Интернационал—и вождем его, его теоретиком и самым выдающимся практиком был т. Ленин. Будучи последовательнейшим марксистом, в совершенстве владея марксистским методом, Ленин продолжил Маркса и своими теоретическими работами и своей практической работой, словом и делом продвинул марксизм вперед.

Современная переходная эпоха с ее сложными внешними и внутренними отношениями, особенно нуждалась в ясном теоретическом освещении проблем, встающих на пути ее развития, и в намечении тактики и стратегии рабочего класса и, главным образом, в правильном учете борющихся сил.

И вот Ленин, для которого, по его словам, „теория есть обоснование предпринимаемых действий", применяет марксизм в этом отношении на деле. Крайне поучительно в этом отношении сопоставление теоретического вождя II Интернационала, бывшего ортодоксального марксиста—Карла Каутского, не сумевшего не только применить марксизм на деле, когда того потребовало революционное дело, но изменившего ему и в теории и на практике и перешедшего в своём попятном движении по пути реформизма—дальше Бернштейна, с Лениным, теоретически и практически двинувшим марксизм вперед и давшим ключ к пониманию и действию в современной переходной эпохе.

„Наше учение не догма,—говорит он,—а руководство к деятельности. Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму, во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически это покажет лишь опыт миллионов, когда они возьмутся за дело".

Тов. Ленин дал ясный и глубокий анализ современного положения капитализма и движущих сил мировой революции, при чем, можно сказать, заново исследовал и осветил последний вопрос: обрисовывая задачи, тактику и стратегию главной движущей силы пролетариата, он по-новому поставил вопрос о крестьянстве и о порабощенных нациях в переходную эпоху.

Исходная позиция тов. Ленина в ясном и определенном вскрытии сущности современного империалистического строя. „Характерная черта империализма,—говорит он,—состоит в том, что весь мир, как это мы видим, разделяется в настоящее время на большое число угнетенных народов и ничтожное число народов угнетающих, располагающих колоссальными богатствами и могучей военной силой. Громадное большинство, насчитывающее больше 1 миллиарда—вероятно $1\frac{1}{4}$ миллиарда человек, если примем численность всего населения

земли в $1^3/_4$ миллиарда, т. е. около 70% населения земли, принадлежит к угнетенным народам, которые или находятся в непосредственной колониальной зависимости и относятся к окраинам колоссальных государств, как, например, Персия, Турция, Китай, или, будучи побеждены армией крупной капиталистической державы, по договору оказались в зависимости от нее".

В этих фактах заключается сущность империализма: 70% угнетенного населения—вот центральный факт современных общественных отношений. К подобному положению капитализм подошел в результате экономического развития последних десятилетий, когда он превращался в монополистический капитализм. „По своей экономической сущности, империализм есть монополистический капитализм. Уже этим определяется историческое место империализма, ибо монополия, вырастающая на почве свободной конкуренции, именно из свободной конкуренции, есть переход от капиталистического к более высокому общественно-экономическому укладу". Внутренние силы капиталистического развития, возникновение картелей, синдикатов, трестов, развитие техники, делающее необходимым захват источников топлива и сырья, роль финансового капитала, все увеличивающаяся и определяющая направление производства и, наконец, колониальная политика буржуазных стран—вот те условия, которые привели капитализм на последнюю его ступень. Порождая непримиримые противоречия между частной собственностью на средства производства и тем общественным характером отношений, которого достиг капитализм,—эти условия приводят, с одной стороны, к империалистическим войнам, с другой стороны—к неизбежному развитию мировой социальной революции. Неизбежность разрушения современного капиталистического строя поставлена и экономически и политически. Мировой экономический кризис, переживаемый в настоящее время капиталистическими странами, главным образом Европой, является не обычным экономическим кризисом, ряд которых мы наблюдали в течение последних столетий. Но по своей сущности он является тем безвыходным, для капитализма, тупиком, разрушение которого возможно только путем смены самой капиталистической системы.

К этому приводят в области экономической два основные фактора: с одной стороны отсутствие планового хозяйства, необходимость которого начинает признаваться лучшими экономистами буржуазного строя, но невозможность которого, при частной собственности на средства производства, очевидна, с другой стороны—факт разрыва капиталистической системы, что выражается уже в существовании на-ряду с капиталистическими странами—стран с новым экономическим и социальным строем в виде Советской России.

В области политической кризис капитализма приводит к обо-

строению классовой борьбы, принявшей в настоящее время формы непрекращающейся гражданской войны, охватившей центр современного капитализма—Европу.

В своей знаменитой работе „Государство и революция" Ленин ставит общую задачу перед рабочим классом, говоря, что буржуазное государство „смениться государством пролетарским (диктатурой пролетариата) не может путем „отмирания", а может по общему правилу лишь насильственной революцией... Необходимость систематически воспитывать массы в **таком** именно взгляде на насильственную революцию лежит в основе **всего** учения Энгельса и Маркса... Смена буржуазного государства пролетарским невозможна без насильственной революции"... Такова постановка задачи перед пролетариатом. В этой постановке, явившейся в результате теоретического и практического анализа общественного развития, объявляется беспощадная борьба всяким оппортунистическим, реформистским направлениям. И жизнь полностью подтверждает подобную постановку задачи. Действительно за последние годы мы уже неоднократно видели у власти социалистические правительства, пришедшие к ней „мирным", „парламентарным" путем, без потрясения буржуазных основ—в Германии, Швеции, теперь в Англии—мы имели их,—все это оказывалась власть „милостью буржуазии", уходившая со сцены, ни на шаг не подвинувши современный строй в сторону социализма. Пролетариат может победить только путем революции. В эту сторону идет сейчас развитие истории.

„Пролетариату необходима государственная власть, централизованная организация силы, организация насилия и для подавления эксплоататоров и для руководства громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями в деле „налаживания" социалистического хозяйства". Следует особенное внимание обратить на эти слова, так как они, будучи написаны до **октябрьского** переворота, заключают в себе тактику, которую наша партия проводила в течение всех последних лет. Рассматривая рабочий класс, как главную, движущую силу социальной революции, т. Ленин—ставит перед ним задачу руководства крестьянской, мелкобуржуазной, полупролетарской массой. **Социальная революция есть экономическая, политическая и военно-техническая задача.** Для решения этой задачи—пролетариат должен мобилизовать не только свои силы, но и все другие силы, какие могут быть использованы для этой цели.

И **тов. Ленин обращает внимание на эти силы**, которые в разгорающейся борьбе могут явиться **решающими**: **крестьянство и угнетенные народности.** С ними пролетариат **должен** установить **единый фронт борьбы**, ими, их борьбой—он должен руководить.

Только поняв это—мы поймем ход революции и способы ведения борьбы.

II.

В своей статье „Рабочая партия и крестьянство“, написанной почти 25 лет тому назад, тов. Ленин указывает, что: „От гнета капитала мелкое крестьянство может избавиться, только примыкая к рабочему движению, помогая ему в его борьбе за социалистический строй“...

Объективные экономические условия направляют крестьянскую массу в ее движении в том же направлении, что и пролетариат.

Но это основное направление не выступает с определенной ясностью и отчетливостью. Мелкая собственность, зависимость от рыночных отношений, разнородность крестьянской массы—делает ее колеблющейся и неустойчивой. Этот двойственный характер крестьянской массы тов. Ленин прекрасно понимал, но за ним он не упускал из вида огромного, сплошь и рядом решающего значения участия многомиллионных крестьянских масс в революции, в перевороте и затем в участии после переворота в социалистическом движении. Учитывая всю важность этого вопроса, тов. Ленин бо́льшую часть своих литературных работ по экономическим вопросам посвящает аграрному вопросу и выяснению роли крестьянства.

Но одновременно он зорко следит за практикой крестьянского движения.

Крестьянское движение 1905 года в России он сразу учитывает и указывает, что: „Вопрос об отношении сознательного авангарда пролетариата, социал-демократии, к крестьянскому движению приобретает непосредственное практическое значение и должен быть поставлен на ближайшую очередь дня во всех наших организациях“.

Практика крестьянского движения, руководство крестьянской массой органами диктатуры пролетариата привлекают особое внимание тов. Ленина в течение всех лет его работы в Советской России.

Основные выводы тов. Ленина в области крестьянского вопроса касались трех областей: 1) анализа развития сельского хозяйства. Вскрыть действительный характер этого развития, установить общность этого развития с развитием промышленности. Показать зависимость его от капитализма. Вскрыть лицемерие мелко-буржуазных и буржуазных экономистов, выработавших теории „особенностей“ сельского хозяйства и в частности мелкого сельского хозяйства с тем, чтобы лучше доказать возможность „эволюции“ и благосостояния мелкого сельского собственника в рамках капитализма. Показать путь развития крестьянского хозяйства в направлении социализма.

2) Крестьянская масса во время революции. Необходимость руководства ею пролетариатом. Установка „единого фронта“ с ней. Это важнейшая практическая задача. Приходится признать, что она далеко еще не усвоена нашими коммунистическими партиями Запада в том широком, конкретном, революционном значении,—как

это указывал тов. Ленин. Вместе с этим нужно сказать, что, только решая ее, мы решаем в значительной степени и исход нашей борьбы. Только вовлекая крестьянство в борьбу за конкретные экономические лозунги и за захват власти, мы сможем с ним установить единый фронт борьбы.

Наконец, в 3-х, при диктатуре пролетариата—„Крестьянство, как и вся мелкая буржуазия вообще, занимает и при диктатуре пролетариата среднее, промежуточное положение... По отношению к этому классу—или к этим элементам—задача пролетариата состоит в руководстве, в борьбе за влияние на него. Вести за собой колеблющихся, неустойчивых,—вот что должен делать пролетариат".

И делать это мы должны путем нашей конкретной работы. Мы должны доказать крестьянину преимущества нового строя. Только тогда, когда он на деле увидит это, он будет итти с нами. „Наша цель,—говорит тов. Ленин в 1922 г.,—восстановить смычку, доказать крестьянину делами, что мы начинаем с того, что ему понятно, знакомо и сейчас доступно"...

В большинстве стран крестьянская масса и полупролетарская масса составляют большинство населения. Естественно возникает вопрос, как может пролетариат, численно меньший, играть руководящую роль в революции и после революции. В чем заключается залог этого руководства? И не правы ли мелко-буржуазные мечтатели главенства мелкобуржуазной массы.

„Сила пролетариата в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения. Это потому, что пролетариат экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма, а также потому, что пролетариат, экономически и политически, выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме". Это дает для пролетариата возможность привлечь и вести за собой крестьянскую, мелко-буржуазную и полупролетарскую массу, а также играть руководящую роль в революции.

III.

В области национальной проблемы тов. Лениным проложены совершенно новые пути. Теория марксизма в течение всего времени уделяла значительное внимание национальному вопросу. Но проблема национальная никем так не связывалась, как тов. Лениным, с проблемой социального переворота. Не говоря уже о тех уклонах в сторону от действительно марксистского понимания национальной проблемы, какое проявилось в трудах, напр., Отто Бауэра или Розы Люксембург, но даже у Каутского довоенного периода, в то время являвшегося одним из главных представителей ортодоксального марксизма, национальная проблема, право нации на самоопределение не

связывались с задачами социальной революции и диктатурой пролетариата.

Как мы видели из предыдущего угнетение наций неразрывно и тесно связано с современной империалистической системой. Разрешение этого вопроса неразрывно связано с разрешением вопроса о методах и средствах борьбы с империализмом. 70% населения земного шара принадлежит к угнетенным народам. Современный капитализм держится на системе национального порабощения и на системе колоний, обслуживающих метрополии.

В учете сил, борющихся против капитализма, национальное движение является одним из важнейших основных факторов. В этом смысле правильная постановка и в области теории, и в области практики разрешения вопроса является важнейшей проблемой для современного международного движения пролетариата. Результаты мировой социальной революции в значительной степени будут зависеть от того, каким образом будет установлен единый фронт борьбы пролетариата и угнетенных национальностей против капитализма. Проблема национальная имеет значение не только, как это думают некоторые совершенно ошибочно, для стран угнетенных, но и для стран, которые являются угнетателями. Пролетариат Англии, Франции, Германии и других стран Европы в этом вопросе должен занять вполне ясную, определенную позицию, которая бы вела, действительно, в сторону создания единого фронта угнетенных наций с борющимся пролетариатом Европы против капитализма. Это одна из важнейших, хотя и труднейших задач современности.

В своих уже ранних работах и затем в течение всей своей жизни тов. Ленин в этом вопросе проводил определенную линию, а последние годы после октябрьского переворота дали ему возможность применить теорию на практике и показать, как должна применяться эта теория в действительной жизни.

Основным вопросом в разрешении национального вопроса с этой точки зрения является: 1) рассмотрение национального вопроса в связи с вопросом экономического развития, 2) рассмотрение национального вопроса в связи с классовой борьбой пролетариата и с борьбой пролетариата за захват власти, 3) рассмотрение национальной проблемы в связи с общими перспективами развития социальной революции.

Основным положением марксизма в области разрешения национальной проблемы было право нации на самоопределение, вплоть до отделения. Правильное понимание содержания этого положения определяет практику в этом вопросе. Тем более, что даже у марксистов в тех или иных формах еще до известной степени не изжиты ошибочные представления о национальной проблеме и в некоторых выводах, даже ортодоксальных марксистов, может отражаться

влияние современной империалистической системы. Тов. Ленин особенное внимание посвятил ясному, точному вскрытию содержания лозунга „право нации на самоопределение вплоть до отделения". Ответа на этот вопрос тов. Ленин ищет в историко-экономическом изучении национальных движений и резко протестует против подмена такого изучения рассмотрением проблемы „права нации на самоопределение" только в области „общих понятий" права. Тов. Ленин устанавливает, что раскрепощение национальностей, „право нации на самоопределение вплоть до отделения" совпадает прежде всего с экономическим развитием. Эпоха развивающегося капитализма диктовала необходимость освобождения национальностей и только современная империалистическая эпоха, эпоха, когда капитализм стоит перед своей собственной гибелью, привела к жестокому подавлению национальностей и к закрепощению их сравнительно небольшими группами империалистических государств.

„Во всем мире,—говорит тов. Ленин [1]),—эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальным движением. Экономическая основа этого движения состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутренних рынков буржуазии. Необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всех препятствий развития этого языка и закрепления его в литературе... Образование национального государства, наиболее удовлетворяющего этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией всяких национальных движений. Самые глубокие экономические факторы толкают к этому, и для всей Западной Европы, более того, для всего цивилизованного мира типичным, нормальным для капиталистического периода является поэтому национальное государство... Под самоопределением наций разумеется отделение их от чуженационального коллектива, разумеется образование самостоятельного национального государства..." и далее: „с точки зрения национальных отношений наилучшие условия для развития капитализма несомненно представляет национальное государство. Это не значит, разумеется, чтобы такое государство на почве буржуазных отношений могло исключить эксплоатацию и угнетение наций. Это значит лишь, что марксизм не мог упускать из вида могучего экономического фактора, порождающего стремление к созданию национальных государств. Это значит, что „самоопределение наций" в программе марксистов не может иметь с историко-экономической точки зрения другого значения, кроме как политического самоопределения, государственной самостоятельности, образования национального государства"...

Такова основная постановка национальной проблемы, которую тов. Ленин сделал еще в 1914 году, полемизируя с Розой Люксембург

[1]) См. „О праве наций на самоопределение", т. XIX, стр. 98

по этому вопросу. Здесь, как видим, выдвигается крайне важное положение с точки зрения историко-экономического развития. Вне всякого сомнения, что экономическое развитие ведет к созданию обще-мирового хозяйства, а следовательно, к объединению наций. Не будет ли поэтому постановка вопроса „права нации на самоопределение вплоть до отделения“ противоречием с этой общей тенденцией экономического развития? Или, иными словами, не дает ли империалистическая система нечто положительное с точки зрения экономического развития, как это утверждают поборники колониальной системы или некоторые доктринеры. Подобная постановка вопроса в корне ошибочна, ибо именно империалистская система в целом задерживает сейчас мировое экономическое развитие. Именно в интересах мирового экономического развития нужно сначала разбить эту систему и освободить порабощенные нации. Значит ли это, что уже в настоящую эпоху, т.-е. в эпоху переходную, в эпоху борьбы с империалистским капитализмом, когда нужно как раз разбить эту проблему обязательного объединения на первый план, как практическую проблему? Вне всякого сомнения, что такая постановка вопроса была бы отвлеченной постановкой, т.-е. книжной теоретической постановкой, которую так ненавидел тов. Ленин. Рассматривая позицию Маркса в 1869 г. по вопросу об отделении Ирландии от Англии, тов. Ленин указывает, что Маркс также решительно стоял на неизбежности в интересах революционного движения выдвигать проблему освобождения угнетенных наций, выдвигать проблему отделения Ирландии от Англии, „хотя бы после отделения дело и пришло к федерации“. И тов. Ленин добавляет: „Только так Маркс мог в противовес апологетам капитала, кричащим об утопичности и неосуществимости свободы самоопределения мелких наций и прогрессивной не только экономической, но и политической концентрации, отстаивать прогрессивность этой концентрации не по империалистически, отстаивать сближение наций на базе не насилия, а свободного союза пролетариев всех стран“. И экономически, и политически мы должны будем пройти через фазу распадения современной империалистической системы, что означает отделение наций, образование независимых государств и уже только после победы пролетариата, после установления диктатуры пролетариата экономическое развитие и добровольное соглашение между народами приведет к образованию того экономического и политического единства, которое является выражением законосообразности современного общественного развития и целесообразности как с экономической, так и политической точки зрения, но явится, как вторая ступень, на иной базе, чем современная система „объединения“ под флагом капитализма. Затушевывание этой революционной постановки вопроса, с какой бы стороны мы ни подходили,

со стороны ли естественных сторонников и апологетов современного империализма или со стороны тех оппортунистов и каутскианцев, которые под прикрытием экономической целесообразности оправдывают империалистическую политику, или, наконец, даже со стороны тех „левых" взглядов, которые защищают конечную цель, забывая текущую действительность и практические задачи социальной революции,—тов. Ленин беспощадно вскрывает, со всей решительностью и энергией, бросаясь в борьбу с нею. Право наций на самоопределение—это означает право наций на отделение.

Вторым важным вопросом в области разрешения национальной проблемы является тактика пролетариата. Развитие классовой борьбы против капитализма необходимо соединить с развитием борьбы за освобождение угнетенных народностей. В этом вопросе тов. Ленин намечает тактику для пролетариата угнетающих наций и тактику для пролетариата угнетенных наций. Пролетариат наций угнетающих, т.-е., главным образом, следовательно, нашей Европы, не может ограничиваться только фразами против аннексии, или же за равноправие наций вообще, но должен поставить конкретно вопрос об отделении и независимости тех народностей, которых угнетает данная нация или данное государство, и о границах государства, которое является угнетателем. Пролетариат этих государств должен бороться против насильственного удержания угнетенных наций в границах данного государства. Только такой политикой будет выявлен действительный интернационализм рабочих, и всякое отклонение от подобного рода политики является неизбежным лицемерием, реформистским соглашательством с буржуазией данной страны. Но, с другой стороны, пролетариат угнетаемых наций должен проводить в жизнь идеи единства рабочих угнетенных наций с рабочими угнетающих наций, должен вести линию к созданию общих организаций борьбы, должен быть установлен единый фронт не только на словах, но и на деле, пролетариата наций угнетенных с нациями угнетающими. В борьбе за национальное освобождение примет участие не только рабочий класс данной колонии или данной угнетенной области, но точно также и мелко-буржуазные, особенно крестьянские массы, на которых гнет современных капиталистических стран особенно тяжело ложится. Среди тех 70% угнетенных народностей, на которые указывает тов. Ленин, значительная часть несомненно принадлежит к мелко-буржуазной массе, к мелким собственникам. Для борющегося пролетариата в особенности важно сочетать борьбу этой миллионной массы крестьянства, мелкой буржуазии за национальное освобождение, за освобождение против давящего их капиталистического строя с борьбой более глубокой, которую ведет пролетариат за свержение власти капитала, за установление нового общественного строя. Освобождение наций может произойти только путем низвержения существующей капиталистической системы. Поэтому для пролетариата, сознательно идущего к этой цели, особенно важно становится объединение всех

сил, которые могут быть использованы для этой задачи. В этой области должна быть намечена конкретная деловая программа действий за освобождение наций, которая бы создала почву для такого рода совместных действий. Понимая всю важность правильного разрешения этого вопроса, тов. Ленин и предложил в 1920 г. II съезду Коммунистического Интернационала подробно разработанную программу по национальному и колониальному вопросам. „Для пролетариата и Коммунистического Интернационала,—сказал он в своем вступительном слове по этому вопросу,—особенно важно в эпоху империализма констатировать конкретные экономические факты и при решении всех национальных и колониальных вопросов исходить не из абстрактных положений, а из явлений конкретной действительности“. Поэтому он и разработал детально проект нашей тактики в отношении главнейших группировок государств и наций и особенно обращает внимание на необходимость поддерживать специально крестьянское движение в отсталых странах и придать крестьянскому движению наиболее революционный характер, осуществляя возможно более тесный союз западно-европейского коммунистического пролетариата с революционным движением крестьянства на Востоке, в колониях и отсталых странах вообще“. „Коммунистический Интернационал,—говорит он,—должен поддерживать буржуазно-демократическое национальное движение в колониях и отсталых странах лишь на том условии, чтобы элементы будущей пролетарской партии, коммунистической не только по названию, во всех отсталых странах были группируемы и воспитываемы в сознании своих особых задач, задач борьбы с буржуазно-демократическим движением внутри их нации. Коммунистический Интернационал должен итти во временном союзе с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не сливаться с ней и безусловно сохранить самостоятельное пролетарское движение даже в самой зачаточной его форме“.

Такова должна быть тактика пролетариата в этом вопросе. Коммунистическая партия и в области освобождения наций от империалистического гнета должна итти впереди, во главе этого движения, так же, как и во главе борьбы крестьянства с капитализмом. В значительной степени от умения направить революционное движение борющихся наций в определенное русло зависит исход борьбы с капитализмом.

Уже будучи больным, в одной из своих статей тов. Ленин так определяет эту тактику: „Исход борьбы,—говорит он,—зависит в конечном счете от того, что Россия, Индия, Китай и т. п. составляют гигантское большинство населения. А именно это большинство населения и втягивается с необычайной быстротой в последние годы в борьбу за свое освобождение, так что в этом смысле не может быть ни тени сомнения в том, каково будет окончательное решение мировой борьбы. В этом смысле окончательная победа наций вполне и безусловно обеспечена... Для того, чтобы обеспечить наше (Советской

России) существование до следующего военного столкновения между контр-революционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком, между цивилизованнейшими государствами мира и государствами по восточному отсталыми, которые, однако, составляют большинство, этому большинству нужно успеть цивилизоваться"...

Исход социальной революции определяется не только движением на Западе, но и движением на Востоке. Борющиеся против современного капиталистического строя силы находятся не только в странах европейских, но и порабощенных колониях, на юге Африки, в Азии, в Австралии. Национальное движение в этих странах является важнейшим фактором в развитии социальной революции, и тов. Ленин, как вождь мировой революции, отдал полный отчет в значении этой силы и наметил план и тактику, которая приведет к единству борющихся сил, к единству пролетарского движения всего мира с движением трудящихся наций во всем мире, иными словами—к союзу, который только и может дать окончательную победу над капитализмом.

Если К. Маркс открыл рабочий класс, по выражению Розы Люксембург, и раскрыл сущность капитализма, то Ленин показал рабочему классу как нужно свергать капитализм, дал научное обоснование тактики и стратегии мирового пролетариата во время социальной революции. Он учил рабочий класс, как нужно побеждать, и он вел его к победе, к организации нового строя...

В. Милютин.

„Друзья народа“ и современность.

Еще Пушкин печаловался, что мы русские—ленивы и нелюбопытны. Приходит на память это изречение и при мысли о первых работах Ленина. Ведь стоит вдуматься в тот факт, что каким-то образом случилось, что напечатанная, пусть нелегально, но все же в нескольких стах экземплярах, его большая работа „Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов“ пропала. А между тем эта работа крайне важна для правильной установки вопроса истории русского коммунизма.

Говоря о задачах с.-д. в России, Ленин повторяет завет Вильгельма Либкнехта: научать, пропагандировать и организовать. И если мы вспомним два имени и две работы, появившиеся почти одновременно, и посмотрим, как к каждой из них применим завет Либкнехта, то увидим, что в самый момент своего рождения русский марксизм сразу же распался на две группы. Я здесь имею в виду их, Плеханова и Ленина, первые (это для Плеханова, конечно, формально неверно) работы: „Монизм“ 1895 и названную выше работу Ленина, первый выпуск которой написан в апреле 1894 г.

Если Плеханов дает историю марксизма и его теоретическую формулировку, не касаясь практических выводов данного места и времени, дает как бы алгебру капиталистического развития, пригодную для пропагандиста, желающего это развитие понять (вспомним, что одновременно Плеханов пишет свою немецкую работу о материализме, отчасти совпадающую по содержанию с „Монизмом“ и там ни слова не говорит о практике—значит дело не только в одной старушке-цензуре), то Ленин присоединяет и практические выводы, что должны делать русские социал-демократы или коммунисты. Ниже мы попытаемся показать, что в этой его работе заложены многие основные черты большевизма.

Одной из интереснейших задач исследователя является работа над выяснением развития любого явления, в том числе и процесса развития миросозерцания того или другого человека. И вот тут мы пока стоим перед очень интересным явлением. После работ т. Рязанова мы теперь довольно точно знаем тот мучительный процесс, каким выработали свои взгляды наши учителя, Маркс и Энгельс, как им нелегко дался путь от идеализма к материализму и коммунизму.

вспомним тот путь, которым Плеханов пришел к марксизму, то впечатление, какое на него и его друзей оказала катастрофа „Народной Воли“, тот путь ощупью и нечеткий, каким он сперва шел, уже выступая как марксист в 80 г.г. (достаточно вспомнить программы группы „Освобождение Труда“), приняв все это в соображение, мы не можем не поразиться той кристальной ясности теоретической мысли, какую мы имеем в этой первой большой работе Ленина. Сразу же перед нами выступает вполне сложившийся человек, который не только знает хорошо смысл окружающего его общественного процесса, но также хорошо знает, что и ему нужно делать в этом процессе. Выступает дотоле неизвестный человек, ополчающийся на весь тогдашний Олимп радикализма и подобно андерсеновскому герою показывает всему недоумевающему миру, что король-то ведь гол, что собственно он и не король, а так, по Гоголю, неизвестно что. При чем за каждым утверждением автора вы чувствуете не только веру, но и знание самых мелких мелочей, для доказательства своих положений он шаг за шагом разбирает любые примеры: будь то крестьянские бюджеты Острогожского уезда, или Богородское кирпичное производство Московской губ., или гончарное кустарное дело Московской губ. И читатель не может не поразиться тому умению, с каким автор увязывает эти мелочи с общими теоретическими вопросами, как он умеет и в капле воды показать весь мир, выражаясь фигурально. И это умение увязки любого самого малюсенького фактика мелкой повседневной жизни с основными линиями теории и практики отличает Ленина от первого его выступления до его последних статей 1922 г. Его раньше в статье „Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни“ (Сб. „К 25-летию первого съезда партии“, стр. 375—434), написанной в 1893 г., мы имеем Ленина уже вполне сложившимся марксистом. А впервые с Капиталом он познакомился в Казани зимою 1888—1889 г. Но пока мы еще не знаем процесса оформления его в марксиста и перед нами в этих работах стоит не только марксист, а человек, знающий, что нужно русскому рабочему и русскому крестьянину для их освобождения.

В 1893—1894 гг. „Русское Богатство“—орган эпигонов народничества—обеспокоенное тем „поветрием“, с каким распространялся марксизм, решило, с одной стороны, разнести марксистов, а с другой, ответить на вопрос, что делать. Вот против этих-то статей и направлена работа Ленина. В первом выпуске он разбирает социологию Михайловского, а в двух других политическую экономию у Южакова (2-й пока не найденный вып.) и программу работы у Кривенко (3-й вып.) Но автор не ограничивается защитой, он переходит в нападение и в этом сказывается будущий вождь партии. Он не следит за сложными извивами мыслей господ друзей народа, а попросту уличает их в том, что они говорят обычно с ученым видом знатока о тех предметах, о которых они ничего не знают, и даже больше того, обычно они занимаются передержками. Михайловский выдумает какую-нибудь глупость, при-

пишет ее потом Марксу или, еще лучше, „русским марксистам" и затем победоносно опровергает свои же измышления. Все это дела давно минувших дней, преданья старины глубокой и кроме историка русской революции мало кого теперь заинтересует.

Что интересно отметить уже в первом выступлении Ленина—это стиль его и уменье дать эпитет, пригвождающий противника. Надо только на одну минуту представить себе то преклонение, которым пользовался Михайловский, в то время уже свыше 30 лет стоявший на „славном посту" (название юбилейного сборника в его честь), чтобы понять, какое впечатление должна была произвести картинка того, как „Михайловский сел в лужу, сидит себе, охорашивается и брыжжет кругом грязью" (27 стр.), или что „Михайловский лает на Маркса неподворотни сомнительных похвал" (54).

Но одновременно Ленин настойчиво показывает, что же на самом деле представляет из себя марксизм и какие требования к нему можно предъявлять. Прежде всего Маркс всегда в противоположность субъективистам, указывал, что он дает картину развития одной общественной формации: именно капиталистической. Как же он дал это? „Уже сама по себе эта идея материализма в социологии была гениальная идея" (11). „Материализм состоит в объяснении общественных форм материальными условиями" (53). И это было сделано Марксом „посредством выделения из разных областей общественной жизни области экономической, посредством выделения из всех общественных отношений—отношений производственных, как основных первоначальных, определяющих все остальные отношения" (9). При чем Маркс претендовал только на то, чтобы указать единственно научный прием объяснения истории (18). При чем единственным критерием является верность этого с действительностью (35). Вот почему эта гипотеза после проработки в „Капитале" делается уже не только гипотезой, „а научно доказанное положение... и до появления новой попытки научно объяснить, которая точно также сумела бы внести порядок в соответствующие факты, как это сумел сделать материализм, точно также сумела дать живую картину известной формации, при строго научном объяснении ее—до тех пор материалистическое понимание истории будет синонимом общественной науки" (14). При такой постановке вопроса, где критерием является соответствие теории и объяснения действительности, или, как говорил Маркс, практике, мы поймем пренебрежительное отношение Ленина к вопросу о пресловутой триаде, с которой так прежде носились, и, что греха таить, носятся и теперь. „В простоте душевной г. Михайловский принял, что этот метод (диалектический) состоит в разрешении всех социологических вопросов по законам гегелевской триады. Отнесись он к делу хот чуточку внимательнее, он не мог бы не убедиться в нелепости этого представления". И Ленин поучает: „Диалектическим методом в противоположность метафизическому Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что

общество рассматривается, как живой, находящийся в постоянном развитии организм... для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития" (37). Далее приводится описание диал. метода, данное проф. Кауфманом в „Вестнике Европы", которое Маркс считал совершенно правильным и привел в послесловии ко 2 изд. I т. „Капитала". И Ленин опять восклицает: „спрашивается, упоминается ли тут хоть бы одним словом о триадах, трихотомиях, непререкаемости диалектического (метода) процесса и т. п. чепухе" (стр. 39. Разрядка наша, *Ст. Кр.*) И дальше: „Диалектический метод состоит совсем не в триадах, он состоит именно в отрицании приемов идеализма и субъективизма в социологии" (55). Михайловский при помощи Дюринга „подсунул Марксу невероятный вздор, будто он доказывает необходимость гибели капитализма триадами" (55). И наконец еще одна цитата, которая, боимся, весьма не понравится т. Гоникману: „Не может быть и речи о том, чтобы доказывать что-либо триадами, или о том, чтобы подсовывать в изображение действительного процесса „условные члены" этих триад (заявление Маркса и Энгельса),— совершенно достаточно, чтобы понять нелепость обвинения марксизма в гегелевской диалектике" (46, подчеркнуто нами. *Ст. Кр.*). „И Маркс вслед за описанием (Кауфман) прямо говорит, что его метод прямо противоположен методу Гегеля. По Гегелю, развитие идеи по диалектическим законам триады определяет собою развитие действительности. Только в этом случае, разумеется, и можно толковать о значении триад, о непререкаемости диалектического процесса. По моему—наоборот—говорит Маркс:—идеальное есть только отражение материального. И все дело сводится таким образом „к позитивному пониманию настоящего и его необходимого развития": для триад не остается и другого места, как роль крышки и шелухи („я кокетничал гегелевским языком"—говорит Маркс в этом же Послесловии"), которой способны интересоваться одни филистеры" (39).

Взамен этой схоластики, интересной одним филистерам, Маркс с самого начала своей работы заявил „требование от социологической теории; она должна точно изображать действительный процесс и ничего больше (см. напр. „Комманифест" о критерии теории коммунистов) А в „Капитале" он показал, что развитие капиталистической общественной формации „имеет такую-то тенденцию, что она неизбежно должна погибнуть и превратиться в другую, высшую организацию" (50). Или в ином месте: „экономическая теория Маркса с ее выводом о революционной роли пролетариата, как организатора коммунизма при посредстве капитализма" (165). Капитализм рассматривается, как средство, которое и сможет вывести коммунизм из области утопии в действительность. Вместе с тем мы ясно в этой фразе видим разницу между Струве и Лениным, недаром Ленин указывает на свое несогласие с рядом положений даже первой не-

мецкой работы Струве 1893 о роли капитализма и капиталистического развития России.

Поэтому-то Ленин и старается увязать учение марксизма о диктатуре пролетариата, строителя коммунизма, с повседневной практикой русских социал-демократов.

Но тут уже начинается форменная вакханалия со стороны „друзей народа“: позвольте, о каких таких задачах пролетариата русского вы говорите, так как и пролетариата-то у нас нет (всего де 1%, всего населения), да и капитализма нет, а так, какой-то оранжерейный, искусственный, а в деревне целы все устои социализма и не пахнет капитализмом. Уже давно Плеханов отвел нелепый вопрос о том, „должна ли Россия итти по пути капитализма“—формулировка чисто субъективная, и ответил в „Наших разногласиях“: „Россия вступила на капиталистический путь“ (65 и сл.). Тогда друзья народа стали инсинуировать, что по марксистам „в России“ должен быть „капитализм“, потому что „он был на Западе“, на что Ленин с негодованием ответил: „ни один из марксистов нигде и никогда не аргументировал таким образом“ (64). Даже больше, в том, что в России мы имеем уже капитализм, мы опираемся не на личный авторитет Маркса (65), „а критерий своей оценки этих отношений марксисты видят совсем не в абстрактных схемах и т. п. вздоре, а в верности и в соответствии ее с действительностью“ (66).

Это и заставляет Ленина показать, что „друзья народа“, хлопоча о бедном русском народе, не знают реальных условий жизни этого самого народа. Они противопоставляют капитализму „народное производство“, каким, по Кривенко, является кустарное производство. Они победоносно указывают на малое развитие у нас крупной промышленности и на незначительность пролетариата. На это Ленин отвечает убийственно и метко. „Важны совсем (разрядка подлинника) не абсолютные цифры, а отношения (опять ленинская разрядка), вскрываемые ими, по сущности своей буржуазные и не перестающие быть таковыми ни при сильно выраженной буржуазности, ни при выраженной слабо“ (68); относительное значение числа рабочих еще указывается на стр. 182 в примечании. Этого „друзья народа“ понять не могут. „Они никак не в состоянии вместить, что капитал (разрядка Ленина)—это известное отношение между людьми, отношение, остающееся таковым же и при большей и при меньшей степени развития сравниваемых категорий“ (90). У „друзей“ такие понятия, что „Южаков прямо начинал капитализм с машинной индустрии, минуя простую кооперацию и мануфактуру“ (82), а Кривенко все время противопоставляет кустарное или, по его терминологии, „народное“ производство капиталистическому, совершенно по простоте душевной не подозревая, что кустарная промышленность является типичной формой домашней системы крупного производства. „Совершенно не подозревая того, что домашняя система крупного производства не только капиталистическая система, но еще и наихудшая капита-

листическая система, соединяющая с наисильнейшей эксплоатацией трудящихся наименьшую возможность для рабочих вести борьбу за свое освобождение" (84 прим.). „Друзья народа" рассуждают примерно так: „безземельные рабочие—капитализм; владеют землей—нет капитализма" (83). „Они и не знают, кажется, что капитализм нигде не был в состоянии—находясь на низких сравнительно ступенях развития—оторвать совершенно рабочего от земли" (83).

Поэтому Ленин показывает, что капитализм не только в русском городе. Он предоставляет сравнительно легкую задачу подсчитать число фабричных труб и написать историю русской фабрики Туган-Барановскому; нет, он идет в гущу обычных деревенских отношений, где уж, казалось бы, нет капитализма, и показывает путем кропотливого анализа, что капитализм давно уже внедрился в русскую деревню. И не только в область кустарного производства (в настоящей работе даются детальные анализы кустарного кирпичного, гончарного и ножевого промыслов), но и в области земельных отношений торговый капитал, несмотря на рогатки, торжествует победу за победой. И характерно, что и основную работу о „Развитии капитализма" Ленин построил на продолжении той работы, какую он дал здесь в интереснейшем детальном анализе 24 крестьянских бюджетов Воронежской губ.

А раз так, то мы поймем и задачи русских социал-демократов". „Их практическая программа сводилась к тому, чтобы примкнуть к этой борьбе пролетариев с буржуазией, борьбе неимущих классов с имущими, которая составляет главное содержание экономической действительности России, *начиная с глухой деревушки* (курсив наш. *Ст. Кр.*) и кончая новейшей: усовершенствованной фабрикой" (62). Как примкнуть?.. Пролетариат поставлен в особо выгодные условия по отношению к своему освобождению: он уже ничем не связан со старым, целиком построенным на эксплоатации, обществом; самые условия его труда и обстановка жизни организуют его, заставляют мыслить, дают возможность выступить на арену политической борьбы. Естественно, что с.-д. обратили все свое внимание и все свои надежды на этот класс, что они свели свою программу к развитию его классового самосознания, направили всю свою деятельность к тому, чтобы помочь ему подняться на прямую политическую борьбу против современного режима и втянуть в эту борьбу весь русский пролетариат" (62). Если внимательно вдуматься в этот набросок программы, то мы увидим в нем всю организационную структуру большевизма и основное его теоретическое построение о роли стихийности и сознательности в коммунистическом движении, незадолго перед смертью выраженном Лениным в афоризме: лучше меньше, да лучше.

„Что российский капитализм создает пролетариев, способных к „классовой борьбе с буржуазией",—доказывает правильность теории с.-д. о прогрессивной революционной работе русского капитализма" (104). И дальше: „Это подчинение является прогрессивным по сравнению с тем, несмотря на все ужасы угнетения труда, вымирания, одича-

ния, калечения женского и детского организмов и т. д., потому что оно будит мысль (разрядка подлинника), превращает глухое, неясное недовольство в сознательный протест, превращает раздробленный, мелкий, бессмысленный бунт в организованную классовую борьбу за освобождение всего трудящегося люда, которая черпает свою силу из самых условий существования этого крупного капитализма и потому может безусловно рассчитывать на верный успех" (разрядка подлинника) (108—109) Отсюда и выводится „историческая роль русского рабочего, как борца за освобождение всего трудящегося населения" (165). Но это же положение возлагает на русского городского рабочего ряд обязательств по отношению к деревне, так как „поддержка русского сельского пролетариата—необходимое условие для победы рабочего класса" (168). Обращаем самое пристальное внимание товарищей на это поистине замечательное место. Ведь, если Плеханов правильно показал нам роль русского рабочего, как вожака, гегемона революции, то бессмертной заслугой всего жизненного подвига Ленина, что теперь признал и О. Бауэр, является правильное понимание роли крестьянства в пролетарской революции. Под сельским пролетариатом в этой работе Ленин понимает беднейшее и середняцкое крестьянство (см. его анализ крестьянских бюджетов). И вся практика нашей революции с ее завершением нэпом и смычкой и является осуществлением заветов Ленина еще в 1894 г., т.-е. тому тридцать лет назад. Вдумайтесь, читатель, не только в писания „друзей народа", но и большинства марксистов тех дней, и вы увидите, как правильно смотрел Ленин в далекую даль. Отсюда же проистекает и аграрная программа „и социал-демократы будут самым энергичным образом настаивать на немедленном возвращении крестьянам отнятой у них земли (вспомните знаменитые отрезки. *Ст. Кр.*), на полной экспроприации помещичьего землевладения (что было принято только на 3 съезде в 1905 г. и не вошло в аграрную программу 1903 г., *Ст. Кр.*)—этого оплота крепостнических учреждений и традиций. Этот последний пункт, совпадающий с национализацией земли, не заключает в себе ничего социалистического, потому что складывающиеся уже у нас фермерские отношения только пышнее и быстрее расцвели бы при этом, но он крайне важен в демократическом смысле, как единственная мера, которая могла бы окончательно сломить благородных помещиков" (161). И в этом заинтересованы сами рабочие. „Рабочие должны знать, что без ниспровержения этих столпов реакции (особенно внушительным является отечественная бюрократия,—говорится в примечании) им не будет никакой возможности вести успешную борьбу с буржуазией, так как при существовании их русскому сельскому пролетариату, поддержка которого—необходимое условие победы рабочего класса никогда не выйти из положения забитого, загнанного люда, способного только на тупое отчаяние, а не на разумный и стойкий протест и борьбу" (162—163).

И в этой развертывающейся борьбе „друзья народа“ играют поистине реакционную роль. На этом вопросе следовало бы остановиться и показать, как Ленин применяет марксизм к объяснению идей или как он говорит сам: „Необходимо еще объяснить народнические идеи (друзей народа), показать их материальное (разрядка автора) основание в современных наших общественно-экономических отношениях“ (106). Для этого он дает интереснейший очерк развития русского народничества и его вырождение (147) и показывает реакционность эпигонов (158) и отражение в их идеологии интересов мелкой буржуазии с ее двойственностью. Поэтому Ленин предостерегает от объединения с ними. Тема эта особенно интересна потому, что эта литературная полемика уже предвосхищает борьбу с эс-эрами с ее логическим увенчанием—московским процессом лета 1922 г. Интереснейшие замечания разбросаны в книге касательно русского исторического процесса, оценки русского государства и чиновничества. Но недостаток места лишает нас возможности на этом остановиться поподробнее. Мы думаем, что настоящая книга, воскресшая после 30-летнего погребения, должна быть усвоена всяким сознательным марксистом на-ряду с указанными книгами Струве и Плеханова. Интересно, что Ленин часто говорит коммунист вместе марксист или с.-д.

Закончим следующими пророческими словами, намечающими программу будущей истории русского революционного рабочего движения, которая для нас теперь воплотилась в реальную историю. „На класс рабочих и обращают с.-д. все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение, и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну в сознательную классовую борьбу—тогда русский рабочий (разрядка автора), поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом других стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции (разрядка автора, стр. 172).

Ст. Кривцов.

В. И. Ленин и искусство вооруженного восстания в свете первой русской революции.

Как ставился вопрос о вооруженном восстании во II Интернационале до Ленина.

В сущности говоря, в марксистской литературе вопрос о вооруженном восстании был скорее вопросом теории. Одно—революционное—крыло социал-демократии стояло за вооруженное восстание,—другое крыло—оппортунисты—отвергало его.

Но все эти споры велись лишь принципиально, отвлеченно, вообще, и поэтому они не приводили практически к мероприятиям, к выработке организационных форм, которые подготовляли бы пролетариат к нему.

Наоборот, социал-демократия в наиболее передовых странах, возникшая как революционная партия насильственного переворота, как партия вооруженного восстания, в длительную эпоху мирного развития и парламентской борьбы выработала в себе много элементов реформизма, и партийную организацию постепенно и незаметно приспосабливала к этим мирным задачам, отодвигая все дальше и дальше перспективу вооруженного восстания, насильственного переворота, диктатуры пролетариата и все то, что разрушало общую картину „демократического благополучия" парламентских кретинов.

На заре организации социал-демократии В. Либкнехт заявлял гордо и в полном согласии с теорией своего учителя: „Социализм теперь уже не теоретический вопрос, а вопрос силы, который не может быть решен в парламенте: он может быть решен только на улице, на поле битвы, подобно всякому другому вопросу силы".

А уже спустя каких-нибудь два десятка лет „молодые" вынуждены были констатировать начало „угасания революционного духа", убиваемого отдельными вожаками.

А отдельные вожаки неустанно вели свое дело оппортунистического опошления учения Маркса.

„Органический переход старого мира в новый", парламентские речи, мелкие повседневные успехи в борьбе, длительное мирное развитие, растянувшееся на целых два, а то и больше поколений чле

гов партии, не могли не оказать притупляющего влияния на идеологию западно-европейских социал-демократических партий.

Вопрос о вооруженном восстании, о возможностях гражданской войны, вопросы сурового революционного террора—квалифицировались, как пережитки старых революций, как воспоминания героической поры буржуазных революций. Число вождей II Интернационала, последовательно отстаивающих идею необходимости насильственного переворота, диктатуры пролетариата со всеми вытекающими из нее последствиями, было очень не велико: Каутский, Бебель, Либкнехт, Ж. Гэд, Г. Плеханов, а дальше следуют неопределенные имена и матерые оппортунисты.

Когда Бебель на эрфуртском партейтаге сказал: „Не буду скрывать, я был страшно рад, когда мой друг Фридрих Энгельс в известном своем письме в „Socialist", опубликованном и нашей прессой, предсказывал полный переворот всего существующего приблизительно на 1898 г. По мнению Фольмара, это было смешно; я же, напротив, написал Энгельсу: „Старина, ты да я—мы единственные „молодые" в партии. Можно иронизировать и смеяться над пророчествами—мыслящие люди без них не обходятся", то вызвал бешеный вой немецких оппортунистов и иронические усмешки у оппортунистов других социал-демократических партий. „Бебелем овладела иллюзия катастрофы", говорили они.

На самом же деле ни Бебель, ни Энгельс не были столь наивны, чтобы быть охваченными случайными настроениями, увлечься фантазиями, предаваться иллюзиям.

То, что казалось случайным и иллюзорным—было лишь ярким показателем революционного темперамента. Если на что и указывает пророчество Энгельса, так это на то, что великий старик замечательно ясно видел, сколько бури принесет с собой XX век, в какой водоворот вступает человечество, переваливаясь в XX столетие.

XX век предвещал не одну бурю. И о том, что революционные потрясения должны были быть неизмеримо более сильные, должны были захватить несравненно бо̀льшие массы и должны итти гораздо далее в своих целях, чем революции XIX в., свидетельствовал неимоверно быстрый рост капитализма, захватывающего весь мир и уже успевшего вовлечь в свою сферу одну из самых великих и самых отсталых стран—Россию.

Именно потому, что в России с особой интенсивностью сталкивались старо-феодальные, почти первобытные юридические отношения с быстро развивающимся капитализмом,—Россия должна была стать ареной, новым очагом революции. Энгельс видел это и не даром он ожидал видеть в России Францию новой эпохи.

Дворянско-крепостническое самодержавие, загонявшее в подполье всякое движение, даже либеральное, было наилучшим условием для того, чтобы именно в России старые подлинно-революци-

ные воззрения Маркса приняли надлежащие формы. На самом деле марксизм в России с самого же начала принял революционный боевой характер.

Решение Плехановым всех основных вопросов пролетарского движения, его тактики и его программы были в строжайше выдержанном боевом марксистском духе.

Но и Плеханов носил в себе все следы отчетливо выраженного теоретического уклона. Практически поставить революционную работу и борьбу ему не было под силу и прежде всего потому, что он был очень далек от рабочего движения России, он слишком долгое время наблюдал „издалека“ рабочее движение и потерял темп его.

Он о самом себе писал в 1891 г.: „В России пролетариат растет, мужает и крепнет буквально не по дням, а по часам, как сказочный богатырь. В какие-нибудь десять-двенадцать лет он изменился до неузнаваемости. Следя за русской общественной жизнью настоящего времени и наблюдая проявление умственных и политических стремлений русского пролетариата—той жажды знаний, которая овладела им теперь, и той жажды борьбы, которая нераздельна у него с жаждой знания,—испытываешь впечатление человека, который, встретив носящего хорошо известное имя здорового, полного сил юношу, со сложившимися уже убеждениями и с непоколебимой верой в будущее, удивленно спрашивает себя: „Да неужели это тот самый X., которого я знал ребенком,—понятливым, бойким, но все-таки ребенком?“ Именно так. Плеханов оставил русский пролетариат в стадии совершенно младенческой, когда все грядущее вложено в нем, но когда этих задатков в надлежащих пропорциях видеть и понять нельзя было. А когда в девяностых годах младенец уже стал полным сил юношей, увы, он уже был вдали и наблюдал издалека за баснословно быстрым ростом подлинного богатыря.

Нужен был новый человек, кто был связан с новым рабочим движением, кто в себе синтезировал бы весь опыт проделанной революционной борьбы и смог бы приложить великую западно-европейскую теорию к русским условиям, к практическому решению тех проблем, которые ставила перед русской революцией жизнь.

Таким новым человеком мог быть и был В. И. Ленин.

Ленину потому и удалось с такой гениальной простотой решить вопрос о практическом создании боевой подпольной политической партии пролетариата, наметить в общих чертах тот боевой путь, который ему предстоит пройти, что он вышел из самой гущи пролетарской борьбы, концентрировал всю волю пролетариата к победе и сумел найти в русских условиях те силы, которые могли привести пролетариат к победе.

Нас сейчас интересует вопрос о том, как ставил и решал он одну из самых сложных и самых опошленных на Западе оппортунистами проблем марксизма—вопрос о вооруженном восстании.

II. Постановка вопроса о вооруженном восстании до первой революции.

Прежде всего, что всего характернее, Ленин высказался по вопросу о вооруженном восстании в связи со строительством партии. В своей знаменитой брошюре „Что делать?", на вопрос „какого типа организация нам нужна", Ленин отвечает: гибкая боевая организация, задача которой не ограничивается отнюдь одними боевыми действиями. „Было бы величайшей ошибкой строить партийную организацию в расчете только на взрыв и уличную борьбу или только на „поступательный ход серой текущей борьбы". Мы должны всегда вести нашу будничную работу и всегда быть готовыми ко всему, потому что предвидеть заранее смену периодов взрыва периодами затишья очень часто бывает почти невозможно, а в тех случаях, когда возможно, нельзя было воспользоваться этим предвидением для перестройки организации, ибо смена эта в самодержавной стране происходит поразительно быстро, будучи иногда связана с одним ночным набегом царских янычар"[1]). Для мелко-буржуазных интеллигентов это слишком не вяжется с революционностью. В этом „будничном" мало революционного, говорили они.

Самое революционное это не террористический акт единиц, как склонны думать эти интеллигентские филистеры, надо представить наиболее революционное „в форме нескольких быстрых смен более или менее сильного взрыва и более или менее сильного затишья"[2]). Самое революционное—это то, что дает больше всего полезных результатов в классовой борьбе, в борьбе за революцию.

Отсюда и своеобразие организационных задач. „Основным содержанием деятельности нашей партийной организации, фокусом этой деятельности должна быть такая работа, которая и возможна и нужна как в период самого сильного взрыва, так и в период полнейшего затишья, именно: работа политической агитации, объединенной по всей России, освещающей все стороны жизни и направленной в самые широкие массы. А эта работа немыслима в современной России без общерусской очень часто выходящей газеты. Организация, складывающаяся сама собой вокруг этой газеты, организация ее сотрудников (в широком смысле слова, т. е. всех трудящихся над ней) будет именно готова на все, начиная от спасения чести, престижа и преемственности партии в момент наибольшего революционного „угнетения" и кончая подготовкой, назначением и проведением всенародного вооруженного восстания.

„В самом деле, представьте себе очень обычный у нас случай полного провала в одной или нескольких местностях. При отсутствии

[1]) Н. Ленин (В. Ульянов). Собр. сочин., том V, стр. 263.
[2]) Там же, стр. 264.

у всех местных организаций одного общего регулярного дела такие провалы сопровождаются часто перерывом работы на многие месяцы. При наличии же общего дела у всех,—достаточно было бы, при самом сильном провале, нескольких недель работы двух-трех энергичных людей, чтобы связать с общим центром новые кружки молодежи, возникающие, как известно, весьма быстро даже теперь; а когда это общее дело, страдающее от провала, у всех на виду, то новые кружки могут возникать и связываться с ними еще быстрее.

„С другой стороны, представьте себе народное восстание. В настоящее время, вероятно, все согласятся, что мы должны думать о нем и готовиться к нему (Курсив мой. *В. В.*). Но как готовиться? Не назначить же Центральному Комитету агентов по всем местам для подготовки восстания. Если бы у нас и был Ц.К., он таким назначением ровно ничего не достиг бы при современных русских условиях. Наоборот, сеть агентов, складывающаяся сама собой на работе по постановке и распространению общей газеты, не должна была бы „сидеть и ждать" лозунга к восстанию, а делала бы именно такое регулярное дело, которое гарантировало бы ей наибольшую вероятность успеха в случае восстания. Именно такое дело закрепляло бы связи и с самыми широкими массами рабочих, и со всеми недовольными самодержавием слоями, что так важно для восстания. Именно на таком деле выработалась бы способность верно оценивать общее политическое положение и, следовательно, способность выбрать подходящий момент для восстания. Именно такое дело приучало бы все местные организации откликаться одновременно на одни и те же волнующие всю Россию политические вопросы, случаи и происшествия, отвечать на эти „происшествия" возможно энергичнее, возможно единообразнее и целесообразнее, а, ведь, восстание есть, в сущности, самый энергичный, самый единообразный и самый целесообразный „ответ" всего народа правительству. Именно такое дело, наконец, приучало бы все революционные организации во всех концах России вести самые постоянные и в то же время самые конспиративные сношения, создающие фактическое единство партии,— а без таких сношений невозможно коллективно обсудить план восстания и принять те необходимые подготовительные меры накануне его, которые должны быть сохранены в строжайшей тайне.

„Одним словом, план общерусской политической газеты не только не представляет из себя плод кабинетной работы лиц, зараженных доктринерством и литературщиной (как это показалось плохо вдумавшимся в него людям), а, наоборот, он является самым практическим планом начать со всех сторон и сейчас же готовиться к восстанию, не забывая в то же время ни на минуту своей будничной насущной работы" [1]).

[1]) Там же, стр. 264—266.

Весь этот отрывок, написанный в 1902 г., столь характерен для Ленина, что я не мог не привести его целиком.

Что есть партийная организация? Это орудие успешной борьбы пролетариата за свое освобождение, — говорили теоретики до него. Это слишком отвлеченно,—говорит Ленин:—партийная организация—это есть аппарат успешного ведения вооруженного восстания, ибо было совершенно очевидно, что ближайшей революции—русской революции—без вооруженной борьбы не обойтись. Если не обойтись, то значит нужно его подготовить, а подготовить это и означает строить партию, сообразуясь с этой потребностью.

По существу говоря, в этом блестящем отрывке дана вся принципиальная постановка вопроса о вооруженном восстании.

Меньшевики особенно много мошенничали именно вокруг этих страниц „Что делать?".

„Назначать и проводить вооруженное восстание",—вопили они, помилуйте, да ведь это же подлинный бланкизм!

Читателю теперь, когда меньшевики обанкротились и на этом сложнейшем вопросе, как и на всех других, показали себя типичнейшими филистерами и мелкими буржуа, теперь особенно бросается в глаза, как неискусно подтасовывали слова Ленина и как нарочно не хотели понимать его так, как он говорил, а приписывали ему свои измышления, и на этой основе строили всю свою проницательную „критику" „якобинца" и „бланкиста" Ленина.

На самом деле Ленин пишет: „Не назначить же Центральному Комитету агентов по всем местам для подготовки восстания? Если бы у вас и был Ц.К., он таким назначением ровно ничего не достиг бы при современных русских условиях"; значит, говоря о назначении, Ленин имеет в виду нечто такое, что меньшевики не понимали просто как мелко-буржуазные оппортунисты, для которых народная революция все еще мыслилась как стихийное движение к „преобразованию", а не война, где передовому отряду не раз и не мало приходилось бы ввести организованность и волю, сознательность и планомерность в буйную стихию событий.

Отвечая им, Ленин писал: „Не может быть назначена народная революция, это справедливо"... „Но назначить восстание, если мы его действительно готовили и если народное восстание возможно, в силу с о в е р ш и в ш и х с я переворотов в общественных отношениях, вещь вполне осуществимая. Постараемся пояснить это для новоискровцев простым примером. Можно ли назначить рабочее движение? Нет, нельзя, потому что оно слагается из тысячи отдельных актов, порождаемых переворотом в общественных отношениях. Можно ли назначить стачку? Можно, н е с м о т р я на то, что каждая стачка является результатом переворота в общественных отношениях. Когда можно бывает назначить стачку? Тогда, когда организация или кружок, назначающие ее, пользуются влиянием среди м а с с ы данных рабочих и умеют правильно оценить момент растущего недовольства и

раздражения в массе рабочих"... „Потрудитесь теперь сопоставить восстание с народной революцией". „Народная революция не может быть заранее назначена". „Восстание может быть назначено, когда назначающие его пользуются влиянием среди массы и умеют правильно оценить момент" [1]).

При чем тут якобинизм? И какие это якобинцы строили политическую партию пролетариата, вели всестороннюю массовую агитацию при помощи политической газеты, с целью завоевать рабочий класс для ведения его в нужный момент на вооруженное восстание?

Повторяю, теперь мошенничество меньшевиков особенно бросается в глаза.

Но вернемся к „Что делать?". Не в политической общерусской газете гвоздь вопроса. Идея такой газеты сыграла свою огромную роль в ту эпоху, но это—то временное, что из приведенного „плана" без ущерба выбыло, как устаревшее, уже очень скоро, почти на II съезде партии.

Основа всей позиции Ленина, что выделяет его из рядов соц.-демократии не только русской, заключается в том, что „в настоящее время", т.-е. в начале XX века, „мы должны думать" о вооруженном восстании народа, „готовиться к нему". Великая его заслуга в том, что вопрос о том, как именно готовиться к нему, был поставлен им на пороге нового столетия и был решен на первом же опыте народной революции.

Русская революция разразилась в момент, когда социал-демократия, российский пролетариат не только не успел еще подготовить себя к вооруженному восстанию, а вел еще суровую борьбу за признание тех организационных форм, которые бы давали ему возможность подготовки его.

На самом деле, чем была борьба с меньшевиками, борьба за строго централизованную, дисциплинированную партийную организацию с ясными границами, как не борьбой за собирание и подготовку того самого авангарда, который и должен был „назначить" и руководить народным восстанием?

В самый жестокий разгар этой борьбы и разразилась российская революция.

III. Начало революции и лозунг вооруженного восстания.

Конец 1904 года еще представлял собой время все расширяющегося рабочего движения: демонстрации, митинги, протесты, стачки увеличивались в числе с невероятной быстротой. Однако принципиальной грани между движением 1903 года и конца 1904 года еще не было, еще не установился такой предел между эпохами, которые определяют их качественно отличное, собственное лицо новой эпохи.

---

[1]) Н. Ленин (В. Ульянов), Собр. сочин., том VI, стр. 78.

Но над самодержавцем уже висел дамоклов меч и это не мог не чувствовать передовой авангард пролетариата.

Только мелко-буржуазные радикалы, каковыми по существу уже тогда были меньшевики, продолжали думать по шаблону вчерашнего дня, учитывая каждую новую подробность демонстрации, как „новый шаг", новый „метод", новый прием, создавая новые теории о „высшем типе мобилизации сил пролетариата" на основании частных успехов отдельных отрядов.

Для пролетарского авангарда, который прекрасно знал, что за определенным пределом демонстрации должны превратиться в восстание, ежели не хотят бесславно погибнуть, который ясно видел, с какой басносnовной быстротой наступает этот роковой предел,—с точки зрения этого авангарда, разумеется, меньшевистские „рассуждения" являлись только вредным фактором: „мы будем только развращать сознание пролетариата, мы будем только отвлекать его внимание от быстро надвигающихся задач настоящей, серьезной, открытой борьбы, если будем превозносить, под именем нового метода, именно те черты обычных наших демонстраций, которые всего меньше похожи на активную борьбу, которые только на-смех можно объявлять дающими особо плодотворные результаты, особо повышающими чувство политической правоспособности и проч." [1]).

Не прошло и полумесяца от этой статьи, как наступил решительный момент в развитии движения, поставивший начало первой революции.

9 января было началом русской революции, ибо в это кровавое воскресенье демонстрация протеста превратилась в восстание против самодержавия. „Величайшие исторические события происходят в России. Пролетариат восстал против царизма. Пролетариат был доведен до восстания правительством" [2]). Самодержавие рассчитывало в крови петербургских рабочих потопить назревавшую революцию, однако в расчетах просчиталось, и „рабочий класс получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни. Лозунг геройского петербургского пролетариата: „смерть или свобода" эхом перекатывается теперь по всей России".

Пролетариат имел один лишь ответ на расстрелы безоружных, он его и произнес: во всех крупнейших пролетарских центрах началась борьба.

Какова должна была быть задача партии пролетариата в этой борьбе?

Организовать успешное проведение всеобщего восстания. „Всеобщая стачка подымает и мобилизует все более широкие массы рабочего

[1]) Там же, стр. 27—28.
[2]) Там же, стр. 59.

класса и городской бедноты. Вооружение народа становится одной из ближайших задач революционного момента. Только вооруженный народ может быть действительно оплотом народной свободы. И чем скорее удастся вооружиться пролетариату, чем дольше продержится он на своей военной позиции забастовщика-революционера, тем скорее дрогнет войско, тем больше найдется среди солдат людей, которые поймут, наконец, что они делают, которые станут на сторону народа против извергов, против тирана, против убийц безоружных рабочих, их жен и детей. Как бы ни кончилось теперешнее восстание в самом Петербурге, во всяком случае, оно неизбежно и неминуемо станет первой ступенью к еще более широкому, более сознательному, более подготовленному восстанию" [1]). Пусть в этой борьбе правительству удастся отсрочить час решительной расплаты — всякая отсрочка только увеличит силу революционного натиска. Практическая задача дня—организовать и вооружать рабочих, готовя их к восстанию: „немедленное вооружение рабочих и всех граждан вообще, подготовка и организация революционных сил для уничтожения правительственных властей и учреждений—вот та практическая основа, на которой могут и должны соединиться для общего удара все и всякие революционеры. Пролетариат всегда должен итти своим самостоятельным путем, не ослабляя своей связи с социал-демократической партией, памятуя о своих великих конечных целях избавления всего человечества от всякой эксплоатации. Но эта самостоятельность социал-демократической пролетарской партии никогда не заставит нас забыть о важности общего революционного натиска в момент настоящей революции. Мы, социал-демократы, можем и должны итти независимо от революционеров буржуазной демократии, охраняя классовую самостоятельность пролетариата, но мы должны итти рука об руку во время восстания, при нанесении прямых ударов царизму, при отпоре войску, при нападении на бастилии проклятого врага русского народа" [1]). Со всеми, кто способен и желает прямо ударить в грудь царизму! Свалить самодержавие—это такая огромная задача, которая выпала на долю рабочему классу и ответственность за эту борьбу несет его авангард—социал-демократия. „Пусть каждый социал-демократ, пусть каждый сознательный рабочий помнит о том, какие величайшие задачи всенародной борьбы лежат теперь на его плечах. Пусть не забывает, что он представляет нужды и интересы всего крестьянства, всей массы трудящихся и эксплоатируемых, всего народа против общенародного врага" [2]).

Именно теперь следовало говорить о высшей ступени революции, а не тогда, когда меньшевистские филистеры объявляли каждое новое отличие очередной демонстрацией за „высший тип" и своими очень громкими фразами лишь заглушали малоопытных.

---

[1]) Там же, стр. 60.

[2]) Там же, стр. 61.

Именно теперь, когда вопрос об общенародном восстании стал в порядок дня, меньшевики растерялись, стали лепетать зады и лишь большевики во главе с Лениным поняли и увидели поднятие на высшую ступень революции и сделали из этого факта все выводы, вытекающие как неизбежное следствие его. „Правительство нарочно довело до восстания пролетариат, вызвав баррикады избиением безоружных, чтобы подавить это восстание в море крови. Пролетариат будет учиться этим военным урокам правительства. И пролетариат научится искусству гражданской войны, раз он начал уже революцию. Революция есть война. Это—единственная законная, правомерная, справедливая, действительно великая война из всех войн, какие знает история. Эта война ведется не в корыстных интересах кучки правителей и эксплоататоров, как все и всякие войны, а в интересах массы народа против тиранов, в интересах миллионов и десятков миллионов эксплоатируемых и трудящихся против произвола и насилия“ [1]).

Но раз война, так по-военному, последовательно и сурово.

А тот, кто на войне не действует по-военному—терпит жестокое поражение. Это правило практически, на уроках царского дяди, рабочие изучили превосходно и непосредственно. Вслед за 9 января повсеместно рабочие, наиболее передовые отряды, начали сами вооружаться и призывать к вооружению всех.

На фоне такого лихорадочно-революционного роста потребности в оружии, в вооружении, особенно нелепое впечатление произвели и не могли не произвести слова меньшевистской „Искры“ о том, что центр тяжести не в снабжении вооружением рабочих, а в вооружении народа „жгучей потребностью напасть на самодержавие и вооружиться для этого“. Слова меньшевистской „Искры“, что с.-д. должна направить все свои усилия на „пропаганду в массах самовооружения для целей восстания“, производят впечатление подлинного издевательства, когда сравниваешь их с делами рабочих масс.

Что было в этой невпопад брошенной цветистой фразе от революции? Ничего. Социал-демократия всегда и везде делает одно только дело—„вооружает жгучей потребностью вооружаться“, но то, что было применимо в обычное время и в любой стране, то совершенно не могло найти себе место в России, где народ уже восстал и, следовательно, через край вооружен „жгучей потребностью вооружаться“.

Меньшевистские мелко-буржуазные радикалы это как раз и просмотрели, в то время как „революционные социал-демократы, которые до сих пор никогда не говорили: к оружию, но всегда вооружали рабочих жгучей потребностью вооружаться, теперь все революционные социал-демократы, идя вслед за революционно-инициатив-

[1]) Там же, стр. 71.

ными рабочими, дали лозунг: к оружию!" [1]) Вооружаться во что бы то ни стало, — на это стремление, охватившее рабочих, соц.-демократия не могла, не должна ответить иное, как своим прямым руководством.

А меньшевики пугались перспективы вынужденного руководства восстанием пролетариата. „Они не понимают, что чем усерднее будем мы стремиться взять всецело в свои руки проведение восстания, тем большую часть этого дела возьмем мы в свои руки, и что чем больше будет эта часть, тем меньше будет влияние антипролетарской или непролетарской демократии" [2]). Этого они не понимали, а, ведь, в этом был весь вопрос!

На чем было основано подобное удивительно упорное непонимание меньшевиков? На безусловном недоверии к массе, к ее творческой силе, на неверии в ее сознательность, на излишней „осторожности". Отсюда их странная теория и практика минимализма, то, что на языке того времени носило весьма яркое, хотя неблагозвучное название „хвостизма".

„Революционный социал-демократ с презрением отбросит от себя подобную теорию. Накануне революции он не только будет указывать „худой конец" ее. Нет, он будет также указывать на возможность лучшего конца. Он будет мечтать,—он обязан мечтать, если он не безнадежный филистер,—о том, что после гигантского опыта Европы, после невиданного размаха энергии рабочего класса в России, нам удастся разжечь, как никогда, светильник революционного света перед темной и забитой массой, нам удастся,—благодаря тому, что мы стоим на плечах целого ряда революционных поколений Европы,— осуществить с невиданной еще полнотой все демократические преобразования, всю нашу программу-минимум; нам удастся добиться того, чтобы русская революция была не движением нескольких месяцев, а движением многих лет, чтобы она привела не к одним только мелким уступкам со стороны власть предержащих, а к полному ниспровержению этих властей! А если это удастся,—тогда... тогда революционный пожар зажжет Европу; истомившийся в буржуазной реакции европейский рабочий поднимется в свою очередь и покажет нам, „как это делается"; тогда революционный подъем Европы окажет обратное действие на Россию и из эпохи нескольких революционных лет сделает эпоху нескольких десятилетий" [3]). В этой пламенной „мечте"—сила Ленина, сила подлинного революционизма; сегодняшние филистеры из приведенных ярких слов не в первый раз могут убедиться, что „кремлевский мечтатель" не в последние годы научился „мечтать" о мировой революции, что подобная мечта,— непохожая на мечты филистеров тем, что имеет своим основанием достаточно прочный научный фундамент,—есть одна из самых характерных черт, отличающих революционера от мелко-буржуазного

[1]) Там же, стр. 93.

[2]) Там же, стр. 94.

[3]) Там же. стр. 129.

истера. Но мечта о результатах победного восстания не только эешает, но еще более остро и еще настоятельнее выдвигает про- ıу самого восстания.

Начиная с января вся Россия была охвачена буйным револю- нным ураганом. То там, то тут воздвигаются баррикады, то дном, то в другом из промышленных центров и окраин происходят гичные восстания.

V. III съезд партии и лозунг вооруженного восстания.

Очередная задача—практическая координация всего дви- ния, создание единого, всенародного восстания. Так именно и вил вопрос Ленин на III съезде партии. „В предисловии к бро- ре Рабочего т. Аксельрод говорит, что дело может итти лишь о стании „одичалых масс народа". Жизнь показала, что дело идет о восстании „одичалых масс", а о восстании сознательной массы, особной к организованной борьбе. Вся история последнего года казала, что мы не дооценивали значение и неизбежность восстания. до обратить внимание на практическую сторону дела. Тут чрезвы- іно важен опыт практиков и рабочих—Петербургских, Рижских, вказских. Поэтому я высказался бы за то, чтобы товарищи поде- лись своим опытом,—это придаст практический, а не схоласти- ский характер нашим прениям. Надо выяснить, каково настроение олетариата, сознают ли рабочие себя способными бороться и руко- дить борьбой. Необходимо подвести итог коллективному опыту, торый до сих пор не был обобщен" [1]).

Во второй речи он говорит против тех членов съезда, которые тались ввести в резолюции съезда элемент догматической катего- чности. „Решит ли исход революции пролетариат, — безусловно верждать нельзя. То же и относительно роли вождя. В резолюции Луначарского выражение осторожнее. С.-д-тия может организовать сстание, может даже решить его, но будет ли обеспечена за ней ководящая роль, этого предрешить нельзя,—это будет зависеть от ілы, организованности пролетариата. Мелкая буржуазия может быть ганизована лучше, и ее дипломаты могут оказаться сильнее, учше подготовленными. Т. Луначарский осторожней—он говорит: Ты можешь выполнить". „Ты выполнишь",—говорит т. Михайлов. ожет быть, решающий исход революции даст пролетариат, но без- словно утверждать этого нельзя. Т.т. Михайлов и Сосновский впали ту ошибку, которую они приписывали т. Луначарскому: „Не хва- сь, на рать идучи". „Для обеспечения необходимо",—говорит Луна- рский, а они говорят: „необходимо и достаточно" [2]).

[1]) Там же, стр. 166.
[2]) Там же. стр. 167.

Мы не останавливаемся на речи тов. Луначарского на III съезде, потому что идеи, высказанные там, представляют собою развитие идей, высказанных Лениным до того. Третий съезд не выдвинул никакого противника лозунга восстания, кроме тех товарищей, которые стремились еще более усилить формулировки резолюции. После прений третий съезд принял резолюцию, гласящую:

„Принимая во внимание:

1) что пролетариат, будучи по положению своему наиболее передовым и единственным последовательно революционным классом, тем самым призван сыграть руководящую роль в общедемократическом революционном движении России;

2) что это движение в настоящий момент уже привело к необходимости вооруженного восстания;

3) что пролетариат неизбежно примет в этом восстании самое энергичное участие, которое определит судьбу революции в России;

4) что руководящую роль в этой революции пролетариат может сыграть, лишь будучи сплочен в единую и самостоятельную политическую силу под знаменем социал-демократической рабочей партии, руководящей не только идейно, но и практически его борьбой;

5) что только выполнение такой роли может обеспечить за пролетариатом наиболее выгодные условия для борьбы за социализм против имущих классов буржуазно-демократической России,—

Третий съезд Р.С.-Д.Р.П. признает, что задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент.

Поэтому съезд поручает всем партийным организациям:

а) выяснять пролетариату путем пропаганды и агитации не только политическое значение, но и практически-организационную сторону предстоящего вооруженного восстания;

б) выяснять при этой пропаганде и агитации роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания;

в) принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников".

О последнем предложении—организовать особые группы—Ленин на съезде сказал: „По вопросу об образовании особых боевых групп я могу сказать, что считаю их необходимыми. Нам нечего бояться образования особых групп" [1]. Может показаться странным то обстоятельство, что он спешит успокоить членов съезда о последствиях образования „особых боевых групп". Но это имело основанием то, что именно в этом меньшевики стремились видеть проявление заго-

[1]) Там же, стр. 167.

ворщичества, бланкизма. В подпольной организации образование подобных групп неизбежно приведет к отказу от массовой борьбы, к переходу на почву заговоров меньшинства,—вопили они.

Но это соображение имело бы смысл, если бы съезд действительно упустил из виду эту опасность. Резолюция же, приведенная выше, ясно показывает, что съезд не только не забыл, но принял ряд мер прямо и непосредственно направленных к тому, чтобы восстание сделалось делом масс, делом народа.

Соображения меньшевиков были бы правильны лишь при одном условии—если на-ряду с образованием особых боевых групп, революционные социал-демократы питали бы недоверие к массам, к их революционной энергии, к их мощи. Полная гарантия от заговорщичества в духе бланкизма в этом именно и скрывалась—в вере большевиков к массам, к рабочему классу, в доверии, питаемом ими к пролетариату.

Понадобилось полгода напряженной революционной борьбы, чтобы меньшевики, плетясь во хвосте событий, заметили, каковы тенденции событий, а тем временем рабочие вели жестокую войну, разрозненно восставали и накапливали опыт и вырабатывали новые формы борьбы. „Их вооружение еще слабо, крайне слабо, их восстание еще по-прежнему частично, оторвано от связи с общим движением, но все же они делают шаг вперед, они с громадной быстротой покрывают городские улицы десятками баррикад, они наносят серьезный ущерб войскам царизма, они защищаются отчаянно, в отдельных домах. Вооруженное восстание растет и в глубь и в ширь. Новые жертвы царских палачей—в Лодзи убито и ранено до 2.000 чел.—зажигают пламенной ненавистью к проклятому самодержавию новые десятки и сотни тысяч граждан. Новые вооруженные битвы показывают все нагляднее и нагляднее неизбежность решительной вооруженной борьбы народа с вооруженными силами царизма. Из отдельных вспышек все больше вырисовывается картина общероссийского разгорающегося пожара“ [1]).

Лозунг, который был выдвинут III съездом партии в ходе стихийной борьбы становится общим лозунгом революции. Самым энергичным образом готовиться к восстанию—стало неизбежной необходимостью; настоятельной потребностью движения было объединение разрозненных вспышек в единую войну. „Эти вспышки бессильны каждая по одиночке. Организованная сила царского правительства может раздавить повстанцев одних за другими, если движение так же стихийно-медленно будет перекидываться с города на город, с района на район. Но, объединенные вместе, эти вспышки могут слиться в такой могучий поток революционного пламени, перед которым не устоит никакая сила на свете. И это объединение идет, идет тысячами путей, которых мы не знаем и не подозреваем. Народ учится революции на этих отдельных вспышках и схватках,—наше дело только не отставать от задач момента, уметь показывать всегда сле-

[1]) Там же, стр 250.

дующую, высшую ступень борьбы, извлекая опыт и указания из прошлого и настоящего, призывая смелее и шире рабочих и крестьян вперед и вперед, к полной победе народа, к полному уничтожению той самодержавной шайки, которая борется теперь с отчаянием осужденного на смерть" [1]).

Были мудрецы, которые утверждали, что раз революция демократическая, а не социалистическая, то незачем пролетариату брать на себя бремя восстания. Они не соображали, что только пролетариат способен из всех современных классов вести и довести революцию до конца и что, если революция была полная, ему не избежать взять на себя руководство и главную роль в ней. Пролетариату не миновать подготовки, инициативы и руководства восстанием: „Социал-демократия не сгоряча выдвинула лозунг восстания. Она всегда боролась и будет бороться с революционной фразой, будет требовать трезвого учета сил и анализа момента. Социал-демократия говорила о подготовке восстания еще с 1902 года, никогда не смешивая эту подготовку с бессмысленным подстраиванием бунтов, искусственное устройство которых только бесплодно растратило бы наши силы. И лишь теперь, после 9 января, лозунг восстания выдвинут на очередь рабочей партией, признана необходимость восстания и необходимость задачи готовиться к нему. Самодержавие само сделало этот лозунг практическим лозунгом рабочего движения. Самодержавие дало первые, широкие и массовые уроки гражданской войны. Эта война началась и ведется все шире, все в более острой форме. Мы должны лишь обобщать ее уроки, разъяснять весь великий смысл слов „гражданская война", извлекать практические указания из отдельных сражений этой войны, организовывать силы, готовить непосредственно и немедленно все, что необходимо для настоящей войны" [2]).

Но как раз к концу первого полугодия разразилось событие, которое не могло не оказать решающего влияния на работу по подготовке вооруженного восстания.

V. Восстание во флоте и вопрос о вооруженном восстании.

Я говорю о восстании „Потемкина". Гигантское значение этого факта нельзя было переоценивать. Крупнейший отряд царского оплота—войска—переходит к восставшему народу в самый разгар войны,—разумеется, это факт первостепенной важности. „Бунты—демонстрации—уличные сражения—таковы этапы развития народного восстания. Теперь мы дошли, наконец, и до последнего этапа. Это не значит, разумеется, что все движение стоит уже в целом на этой новой высшей ступени. Нет, в движении еще много неразвитости, в одесских событиях есть еще явные черты старого бунта. Но это значит, что передовые волны стихийного потока докатились уже до

[1]) Там же, стр. 251.
[2]) Там же, стр. 252.

самого порога самодержавной „твердыни". Это значит, что передовые представители самой народной массы дошли уже не в силу теоретических соображений, а под давлением растущего движения до новых, высших задач борьбы, окончательной борьбы с врагом русского народа"[1]). Такой высшей задачей является выделение из армии отдельных отрядов будущей революционной армии.

Какова будет задача революционной армии—ясно, гораздо яснее, чем задачи этих, пока еще отдельных, отрядов ее. Что должны делать эти первые вестники будущего оплота всенародного восстания, эта армия гражданской войны? „Дело таких отрядов—провозгласить восстание, дать массам военное руководство, необходимое для гражданской войны, как и для всякой другой войны, создать опорные пункты открытой всенародной борьбы, перебросить восстание в соседние местности, обеспечить,—сначала хотя бы в небольшой части территории государства,—полную политическую свободу, начать революционную перестройку прогнившего самодержавного строя, развернуть во всю ширь революционное творчество народных низов, которые мало участвуют в этом творчестве и в мирные времена, но которые выступают на первый план в эпохи революций. Только сознав эти новые задачи, только поставив их смело и широко,—отряды революционной армии могут одержать полную победу, послужить опорой революционного правительства. А революционное правительство—такая же насущно необходимая вещь на данной стадии народного восстания, как революционная армия. Революционная армия нужна для военной борьбы и для военного руководства массами народа против остатков военной силы самодержавия. Революционная армия необходима потому, что только силой могут быть решены великие исторические вопросы, а организация силы в современной борьбе есть военная организация. И кроме остатков военной силы самодержавия есть военные силы соседних государств, у которых молит уже поддержки падающее правительство, о чем мы расскажем ниже"[2]).

Это гениальное предвосхищение событий, свидетелями которых мы были во время нашей революции. Схема, приведенная нами, чрезвычайно похожа на ту, по которой шла наша борьба за революционную армию, которая послужила опорой революционному правительству, чтобы затем уже самой уйти, уступив место Красной армии, на долю которой выпала задача борьбы с „военными силами соседних государств". „Революционная армия и революционное правительство, это—две стороны одной медали. Это—два учреждения, одинаково необходимые для успеха восстания и закрепления плодов его. Это—два лозунга, которые необходимо должны быть выдвинуты и разъяснены, как единственные последовательные революционные лозунги. У нас много теперь есть людей, называющих себя демократами. Но

[1]) Там же, стр. 267—268

[2]) Там же, стр. 268

много званых, да мало избранных. Много говорунов „конституционно-демократической партии“, да мало среди пресловутого „общества“, среди якобы демократического земства истинных демократов,—т.-е. людей, которые искренно стоят за полное самодержавие народа, которые способны бороться не на жизнь, а на смерть с врагами народного самодержавия, защитниками царского самодержавия“ [1]).

Это действительно так. Революционная армия и революционное правительство две стороны одной линии, чего не понимали не только буржуазные демократы, но и мелко-буржуазные революционеры.

Революция есть война за преобразование политического и экономического строя России. Одно из двух: либо дело может закончиться решительной победой революции, либо—сделкой между господствующими классами за счет народа.

Но что такое решительная победа революции? „Решительная победа революции над царизмом есть революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства“ [2]). Никто более не одержит победы „решительно“ над царизмом кроме рабочих и крестьян, и иной не может быть власти победителей, кроме как диктатурой, ибо ведь это власть, вышедшая из восстания, из войны. „Она неизбежно должна будет опираться на военную силу, на вооруженные массы, на восстание, а не на те или иные „легальные“ „мирным путем“ созданные учреждения. Это может быть только диктатура, потому что осуществление преобразований, немедленно и непременно нужных для пролетариата и крестьянства, вызовет отчаянное сопротивление и помещиков, и крупных буржуа, и царизма. Без диктатуры сломить это сопротивление, отразить контр-революционные попытки невозможно. Но это будет, разумеется, не социалистическая, а демократическая диктатура“ [3]). Демократическая, ибо задачи революции—борьба с остатками феодализма, но она не может не быть диктатурой, властью, опирающейся на силу, на принуждение“. „Наступит время—кончится борьба с русским самодержавием—минет для России эпоха демократической революции,—тогда смешно будет и говорить о „единстве воли“ пролетариата и крестьянства, о демократической диктатуре и т. д. Тогда мы подумаем непосредственно о социалистической диктатуре пролетариата и подробнее поговорим о ней. Теперь же партия передового класса не может не стремиться самым энергичным образом к решительной победе демократической революции над царизмом. А решительная победа и есть не что иное, как революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства“ [4]),—неустанно твердит тов. Ленин колеблющимся и сомневающимся.

Другой исход может быть сделка буржуазии с царизмом, которая принесет в лучшем случае „куцую конституцию“.

[1]) Там же, стр. 272.
[2]) Там же, стр. 335.
[3]) Там же, та же стр.
[4]) Там же, стр. 361.

„Удастся буржуазии сорвать русскую революцию посредством сделки с царизмом,—тогда у социал-демократии фактически руки окажутся именно связанными против непоследовательной буржуазии,—тогда социал-демократия окажется растворившейся „в буржуазной демократии" в том смысле, что пролетариату не удастся наложить своего яркого отпечатка на революцию, не удастся по-пролетарски или, как говорил некогда Маркс, „по-плебейски" разделаться с царизмом.

„Удастся решительная победа революции,—тогда мы разделаемся с царизмом по-якобински, или, если хотите, по-плебейски. „Весь французский терроризм,—писал Маркс в знаменитой „Новой Рейнской Газете" в 1848 г.,—был не чем иным, как плебейским способом разделаться с врагами буржуазии, с абсолютизмом, феодализмом и мещанством". Думали ли когда-нибудь о значении этих слов Маркса те люди, которые пугают социал-демократических русских рабочих пугалом „якобинизма" в эпоху демократической революции?" [1]). Действительно, многие ли из социал-демократических жирондистов подумали об этой фразе Маркса? Когда Бернштейн и его друзья зачисляют в регистр якобинцев всех ортодоксальных последователей Маркса во главе с ним—они поступают куда последовательнее, чем их русские последователи, стыдливо обходящие Маркса и весь свой „гнев" направлявших против тех, кто последовательно мыслил вслед за Марксом.

Говоря о „плебейском" способе расправы, не следует понимать в том смысле, будто российские якобинцы от соц.-демократии—большевики ставили себе задачей перенять целиком методы борьбы старых якобинцев. „У нас будут, коли доживем мы до настоящей победы революции, и новые способы действия, соответствующие характеру и целям стремящейся к полному социалистическому перевороту партии рабочего класса" [2]).

Мы не намерены останавливаться на вопросе о временном рабоче-крестьянском правительстве, мы хотим лишь показать, что действительно революционная армия есть оборотная сторона революционного правительства, диктатуры рабочих и крестьян.

Вернемся к вопросу о вооруженном восстании.

Крупная буржуазия очень скоро почувствовала, какую опасную форму принимает революция, насколько ей не выгодно дальнейшее развертывание ее, поэтому уже в начале лета 1905 г. она начала искать сближения с крепостническим дворянством, нащупывая общую почву.

Булыгинская Дума была одной из подобных попыток „сгово-

[1]) Там же, стр. 337.
[2]) Там же, стр. 338.

риться" господствующих классов на какой-либо куцой реформе — против революции, с целью задушить ее.

Революционная партия пролетариата не могла реагировать на эту попытку „сговора" иначе, как активным вмешательством с целью помешать, а если удастся—сорвать его.

VI. Тактика активного бойкота и лозунг вооруженного восстания.

Бойкот Булыгинской Думы и был тактикой, рассчитанной на это, поскольку левая часть буржуазной демократии говорила недвусмысленно о бойкоте.

Но сам по себе бойкот должен быть использован не только в целях вмешательства в „сговор", но и в целях наибольшей организации собственных сил. Бойкот не может быть лишь пассивным бойкотом, он должен с этой целью стать „активным бойкотом". „Активный бойкот" есть агитация, вербовка, организация революционных сил в увеличенном масштабе, с двойной энергией, под тройным давлением. Но такая работа немыслима без ясного, точного, прямого лозунга. Таким лозунгом может быть только вооруженное восстание. Созыв правительством грубо-подделанного „народного" представительства дает великолепные поводы для агитации за настоящее народное представительство, для разъяснения самым широким массам, что созвать это настоящее представительство может теперь (после таких обманов царя и такой издевки его над народом) лишь Временное Революционное Правительство, для учреждения которого необходима победа вооруженного восстания, фактическое свержение царской власти. Лучшего момента для широкой агитации за восстание нельзя себе представить" [1]). Лучшего момента и лучшего повода, поскольку вопрос о бойкоте Булыгинской Думы становился вопросом общенародным, вопросом, где даже широкие круги демократической мелкой буржуазии являлись благосклонными союзниками.

„Самая энергичная поддержка идей бойкота; изобличение правого крыла буржуазной демократии, отвергающего ее, в предательстве; превращение этого бойкота в активный, т.-е. развитие самой широкой агитации; проповедь вооруженного восстания, призыв к немедленной организации дружин и отрядов революционной армии для свержения самодержавия и учреждения Временного Революционного Правительства; распространение и разъяснение основной и безусловно обязательной программы этого Временного Революционного Правительства, которая должна быть знаменем восстания и образцом при всех предстоящих повторениях одесских событий" [2]),—

[1]) Там же, стр. 411.
[2]) Там же, стр. 412—413.

вот тактика, которую должна проводить партия революционного пролетариата.

До какой степени эта тактика была общепонятна, показывает то, что даже меньшевистская „Искра" проповедовала идею активного бойкота. Однако, как всегда бывало с ней, она давая положительные лозунги, путалась в трех соснах, советуя организовать „революционные органы самоуправления", как пролог восстания и т. д.

Ленин, отвечая ей, справедливо отмечает: „Организация революционного самоуправления, выбора народом своих уполномоченных есть не пролог, а эпилог восстания. Ставить себе цель осуществить эту организацию теперь, до восстания, помимо восстания, значит ставить себе нелепую цель и вносить путаницу в сознание революционного пролетариата. Надо сначала победить в восстании (хотя бы в отдельном городе) и учредить Временное Революционное Правительство, чтобы это последнее, как орган восстания, как признанный вождь революционного народа, могло приступить к организации революционного самоуправления" [1]). Эта неясность, вносимая сбивчивыми лозунгами меньшевиков, заслоняет собой ясный лозунг подготовки восстания. „Мы должны ясно и решительно показывать необходимость восстания при теперешнем положении дел, прямо звать к восстанию (не определяя, разумеется, заранее момента его), звать к немедленной организации революционной армии. Только самая смелая, широкая организация такой армии может быть прологом восстания. Только восстание может на деле обеспечить победу революции,—при чем, разумеется, тот, кто знает местные условия, всегда будет предостерегать от преждевременных попыток восстания. Только эпилогом победоносного восстания может быть действительная организация действительно народного действительно самоуправления" [2]).

Тактика революционной социал-демократии в вопросе об использовании Булыгинской Думы должна сводиться, следовательно, к следующим пяти пунктам: „1) усиленная агитация по поводу закона о Государственной Думе и по поводу выборов в нее, устройство собраний, использование выборной агитации, демонстрации, и пр., и т. д.; 2) сосредоточение всей этой агитационной кампании вокруг лозунгов: вооруженное восстание, революционная армия, Временное Революционное Правительство; распространение программы этого Временного Правительства; 3) присоединение для этой агитации и для вооруженной борьбы всех элементов революционной демократии и только их, т. е. только тех, кто принимает на деле вышеуказанные лозунги; 4) поддержка идеи бойкота, возникшей у левого крыла буржуазной демократии, с тем, чтобы это был активный бойкот в смысле очерченной выше самой широкой агитации. Привлечение левых представителей буржуазной демократии на сторону революционно-демократической

[1]) Там же, стр. 412—413.

[2]) Там же, стр. 414—415.

программы и к деятельности, сближающей их с мелкой буржуазией и крестьянством; 5) беспощадное разоблачение и клеймение перед самыми широкими массами рабочих и крестьян буржуазной теории „соглашения“ и буржуазных „соглашателей“; оглашение и разъяснение каждого предательского и нетвердого шага их как до Думы, так и в Думе; предостережение рабочего класса от этих буржуазных предателей революции“ [1]).

Дальнейший ход событий показал всю целесообразность тактики активного бойкота. „Бойкот Булыгинской Думы был единственно правильной тактикой, которую всецело подтвердили события. Кто забывает об этом, кто толкует о бойкоте, обходя уроки Булыгинской Думы (как обходят их всегда меньшевики), тот выдает себе полное свидетельство о бедности, свидетельство о неумении объяснить и учесть одну из самых важных и самых богатых событиями эпох русской революции. Тактика бойкота по отношению к Булыгинской Думе верно учла и настроение революционного пролетариата, и объективные особенности момента, вызывавшие неизбежность близкого общего взрыва“ [2]). Именно тактика активного бойкота привела к тому, что Булыгинская Дума была сметена и только те грандиозные результаты, которые приняло движение против совещательной Думы, привели к изданию манифеста 17 октября.

Манифест 17 октября был попыткой, и не без успеха, разбить этот единый фронт революционной демократии.

Дума, предложенная Витте, была той уступкой, на которой либеральная буржуазия могла сговориться с правительством.

Последующий ход событий показал, что расчеты Витте не были безосновательны. Но нас теперь интересует не самая оценка событий, и даже не история послеоктябрьской революционной полосы. Важно для нас то, что после октября не только среди рабочего класса и крестьянства и войска не наступило умиротворение, а, наоборот, последняя четверть 1905 года представляет собой непрерывный рост и развитие революции, пока она не дошла до баррикадной войны в Москве.

VII. Декабрьское восстание в Москве.

Московское восстание представляло собой огромный шаг вперед в деле накопления массами революционного опыта. Это уже несомненно было еще одной ступенью, поднявшей революцию на высшую степень развития и с этой точки зрения учет опыта Московского восстания имел грандиозный смысл, самый опыт Москвы должен был пролить совершенно исключительный свет на искусство восстания.

Ход событий в Москве столь известен, что нам здесь восстановить его нет по нашему разумению никакой нужды.

[1]) Там же, стр. 439.
[2]) Н. Ленин (В. Ульянов), Собр. сочин., том VII, часть II, стр. 29.

Все союзы и революционные организации объявляют всеобщую ачку. 6 декабря Сов. Р. Д. решает перевести всеобщую стачку на сстание, 7 и 8 мирные демонстрации, с вечера 8 начинается вос. анне с осады Аквариума, и к 17 семеновцы разгромили Пресню. кова внешняя канва событий.

Каковы же те уроки, которые должен и может вынести из него олетариат? „От стачки и демонстраций к единичным баррикадам. единичных баррикад к массовой постройке баррикад и к уличной рьбе с войском. Через голову организаций массовая пролетарская рьба перешла от стачки к восстанию. В этом величайшее истори. ское приобретение русской революции, достигнутое декабрем 05 года,—приобретение, купленное, как и все предыдущие, ценой личайших жертв" [1]).

Это и было то, что подняло движение сразу на более высокую упень. Представление о всеобщей стачке, как о наисильном сред. ве борьбы в руках у пролетариата, на практике тем самым пере. атривался. „Мы должны, наконец, открыто и во всеуслышание при. ать недостаточность политических забастовок, должны агитировать самых широких массах за вооруженное восстание, не прикрывая ого вопроса никакими „предварительными ступенями", не набра. ивая никакого флера. Скрывать от масс необходимость отчаянной, ровавой, истребительной войны, как непосредственной задачи гря. ущего выступления, значит, обманывать и себя, и народ. Таков пер. ый урок декабрьских событий [2]).

На самом деле не только теоретические, но и конкретные усло. ия делают стачку подчиненной формой: „Соединение массовой, по. итической стачки с вооруженным восстанием диктуется опять-таки сем положением вещей. При этом слабые стороны стачки, как само. тоятельного средства борьбы, выступают особенно наглядно. Все убе. ились, что чрезвычайно важным условием успеха политической за. астовки является ее внезапность, возможность застигнуть прави. ельство врасплох. Теперь это невозможно. Правительство научилось декабре бороться со стачкой и подготовилось очень солидно к этой орьбе в настоящий момент. Все указывают на крайнюю важность елезных дорог во всеобщей стачке. Остановятся железные дороги— абастовка имеет все шансы стать всеобщей. Не удастся добиться олной остановки жел. дорог—и забастовка, почти наверное, не будет сеобщей. А железнодорожникам забастовать особенно трудно: кара. ельные поезда стоят в полной готовности; вооруженные отряды вой. ка рассыпаны по всей линии, по станциям, иногда даже по отдель. ым поездам. Забастовка может означать при таких условиях,—мало ого: неизбежно будет означать в большинстве случаев,—прямое и епосредственное столкновение с вооруженной силой" [3]). Логика все-

[1]) Там же, стр. 48.
[2]) Там же, стр. 49.
[3]) Там же, стр. 14—15.

общей стачки такова, что оно не может не привести в революционные части к восстанию.

Но это лишь первый урок Московского восстания. Московский пролетариат показал блестяще на деле, что обработка войск и возможна и неизбежна в момент и в процессе восстания и это является вторым уроком Московского восстания. „Декабрь подтвердил наглядно еще одно глубокое и забытое оппортунистами положение Маркса, писавшего, что восстание есть искусство и что главное правило этого искусства—отчаянно-смелое, бесповоротно-решительное наступление. Мы недостаточно усвоили себе эту истину. Мы недостаточно учились сами и учили массы этому искусству, этому правилу наступления во что бы то ни стало. Мы должны наверстать теперь упущенное нами со всей энергией. Недостаточно группировок по отношению к политическим лозунгам, необходима еще группировка по отношению к вооруженному восстанию. Кто против него, кто не готовится к нему,—того надо беспощадно выкидывать вон из числа сторонников революции, выкидывать к противникам ее, предателям или трусам, ибо близится день, когда сила событий, когда обстановка борьбы заставит нас разделять врагов и друзей по этому признаку. Не пассивность должны проповедывать мы, не простое „ожидание“ того, когда „перейдет“ войско,—нет, мы должны звонить во все колокола о необходимости смелого наступления и нападения с оружием в руках, о необходимости истребления при этом начальствующих лиц и самой энергичной борьбой за колеблющееся войско“ [1]).

Роль войска нельзя достаточно переоценивать, но тем самым нельзя переоценивать и роль работы в войсках. „Подчиненное значение стачки по отношению к восстанию вытекает, таким образом, с неумолимой неизбежностью из данного положения вещей, как оно сложилось после декабря 1905 года. Независимо от нашей воли, наперекор каким угодно „директивам“ обострившееся революционное положение превратит демонстрацию в стачку, протест—в борьбу, стачку—в восстание. Разумеется, восстание, как вооруженная массовая борьба, может разгореться лишь при активном участии войска в той или иной его части. Поэтому забастовка войска, отказ стрелять в народ может, несомненно, привести в тех или иных случаях к победе одной только мирной забастовки. Но едва ли есть надобность доказывать, что такие случаи явились бы лишь частными эпизодами исключительного успешного восстания и что для учащения таких случаев, для возможно большего приближения к ним есть лишь одно средство: успешная подготовка восстания, энергия и сила первых повстанческих действий, деморализация войска отчаянно-смелыми нападениями или отпадениями крупной части армии и т. д. [2]).

Со времени Энгельса установилось неправильное представление

---

[1]) Там же, стр. 51.
[2]) Там же стр. 15.

восстании. Москва выдвинула новую баррикадную тактику. „Эта ктика была тактикой партизанской войны. Организацией, которая условлена такой тактикой, были подвижные и чрезвычайно мелкие ряды: десятки, тройки, даже двойки. У нас часто можно встретить іерь социал-демократов, которые хихикают, когда речь заходит о тках и тройках. Но хихикание есть только дешевый способ закрыть аза на новый вопрос о тактике и организации, вызываемой улич- й борьбой при современной военной технике. Вчитайтесь в расска Московском восстании, господа, и вы поймете, какую связь имеют ятки“ с вопросом о новой баррикадной тактике [1]), а если малень е отряды эти вооружатся новейшими достижениями техники—руч- ыми гранатами и автоматическими ружьями, то сила их будет гро- дна.

Роль партизанства в революции вообще мало оценивалась, а эта ль громадна. В грандиозной и бдительной гражданской войне роль место революционой партизанщины гигантское. А что граждан- ая война явится реальной формой восстаний—это бессомненно овершенно естественно и неизбежно поэтому, что в такую эпоху, эпоху всенародных политических стачек, восстание не сможет илиться в старую форму единичных актов, ограниченных очень ко- тким промежутком времени и очень небольшой местностью. Совер- енно естественно и неизбежно, что восстание принимает более вы- кие и сложные формы продолжительной, охватывающей всю стра- гражданской войны, т.-е. вооруженной борьбы между двумя ча- ями народа. Такую войну нельзя себе мыслить иначе, как ряд не- іогих, отделенных большими сравнительно промежутками времени, упных сражений и массу мелких стычек в течение этих промежут- в. Раз это так,—а это несомненно так,—то социал-демократия не- еменно должна ставить своей задачей создание таких организаций, торые бы в наибольшей мере способны были руководить массами в этих крупных сражениях и, по возможности, в этих мелких ычках. Социал-демократия в эпоху обострившейся до гражданской йны борьбы классов должна ставить своей задачей не только уча- тие, но и руководящую роль в этой гражданской войне. Со- иал-демократия должна воспитывать и подготовлять свои организа- ии к тому, чтобы они действительно выступали, как воюющая торона, не упускающая ни одного случая нанести ущерб силам еприятеля“ [2]).

Недаром Ленин говорит несколько выше: „В эпоху гражданской йны идеалом партии пролетариата является воюющая пар- ия“ [3]). Партия воюющая должна иметь свою организацию для вой- ы, для борьбы. Какова должна быть эта организация? И для раз-

[1]) Там же, стр. 51.
[2]) Там же, стр. 85.
[3]) Там же, стр. 83.

решения этого вопроса опыт Москвы дал массу материала. „Советы Рабочих Депутатов — органы массовой непосредственной борьбы. Они возникли, как органы борьбы стачечной. Они стали очень быстро, под давлением необходимости, органами общереволюционной борьбы с правительством. Они превратились неудержимо, в силу развития событий и перехода от стачки к восстанию,—в органы восстания“ [1]). Но они не достаточны. „Они необходимы для сплочения масс, для боевого объединения, для передачи партийных (или по соглашению партии выдвинутых) лозунгов политического руководства, для заинтересования, пробуждения, привлечения масс. Но они недостаточны для организации непосредственно боевых сил, для организации восстания в самом тесном значении слова“ [2]). Для подобного непосредственного руководства военными силами нужны боевые организации. „Эти, если можно так выразиться, „военные организации“, о которых мы говорим, должны стремиться к тому, чтобы охватить массу не через посредство выборных, а массу непосредственных участников уличной борьбы и гражданской войны. Эти организации должны иметь своей ячейкой очень мелкие, вольные союзы, десятки, пятки, даже, может быть, тройки. Надо проповедывать самым усиленным образом, что близится бой, когда всякий частный гражданин обязан жертвовать собой и сражаться против угнетателей народа. Поменьше формальностей, поменьше волокиты, побольше простоты в организации, которая должна обладать максимумом подвижности и гибкости. Все и каждый, кто хочет стоять на стороне свободы, должны немедленно объединиться в боевые „пятки“,—вольные союзы людей одной профессии, одной фабрики, или людей, связанных товариществом, партийной связью, наконец, просто местожительством (одна деревня, один дом в городе или одна квартира). Эти союзы должны быть и партийные и беспартийные, связанные одной непосредственной революционной задачей: восстанием против правительства. Эти союзы должны основываться самым широким образом и непременно до получения оружия, независимо от вопроса об оружии.

Никакая партийная организация не „вооружит“ массы. Напротив, организованность масс в легкоподвижные мелкие боевые союзы сослужат в момент движения громадную службу в деле добывания оружия.

Вольные боевые союзы, союзы „дружинников“, если взять название, которое сделали столь почетным великие декабрьские дни в Москве, принесут гигантскую пользу в момент взрыва. Дружина, умеющая стрелять, обезоружит городового, нападет внезапно на патруль, добудет себе оружие. Дружина неумеющих стрелять или не добывших оружие поможет строить баррикады, делать разведки, организо-

[1]) Там же, стр. 18
[2]) Там же, стр. 18.

ть сношения, устроить засаду врагу, поджечь здание, где засел не иятель, занять квартиры, которые могут стать базой для повстан. в,—одним словом, тысячи самых разнообразных функций выпол. т вольные союзы людей, решивших биться не на жизнь, а на ерть, знающих превосходно местность, связанных всего теснее с .селением" [1]).

Таков тот гениальный, простой и одновременно детально про. 'манный план организации гражданской войны, которую построил енин на основе опыта декабря 1905 года.

До декабрьского восстания существовало еще одно суеверие, эновой которому служило все то же длительное мирное развитие.

Утверждали, что при существующих усовершенствованиях воен. эй техники никакого восстания не учинишь. В установлении по. эбной точки зрения отчасти был повинен Ф. Энгельс, и Каутский праведливо в 1905 году утверждал, что русская революция и ее эрьба против царских войск заставляют пересматривать это утвержде ие Энгельса.

Московское восстание разбило на деле вдребезги это суеверие, оказав, как мыслима борьба с войсками, вооруженными по послед. iему слову техники. „Декабрьская борьба 1905 года доказала, что ιооруженное восстание может победить при современных условиях ιоенной техники и военной организации. Декабрьская борьба дала :о, что все международное движение должно отныне считаться с ве. эоятностью подобных же форм сражения в ближайших пролетарских эеволюциях. Вот какие выводы действительно вытекают из опыта зашей революции,—вот какие уроки должны быть усвоены самыми широкими массами" [2]).

Вопрос об оценке уроков декабрьского восстания не просто вопрос исторической любознательности. „Вопрос об оценке нашей революции имеет отнюдь не теоретическое только, а и самое непосредственное, практически злободневное значение. Вся наша работа пропаганды, агитации и организации непрерывно связана в настоящий момент с процессом усвоения самыми широкими массами рабочего класса и полупролетарского населения уроков 3-х лет. Мы не можем ограничиться в настоящий момент голым заявлением, что данные не позволяют сейчас установить, путь ли революционного взрыва или путь долгих, медленных, мелких шагов вперед лежит сейчас перед нами. Конечно, установить этого не сможет сейчас никакая статистика в мире. Конечно, нашу работу мы должны вести так, чтобы она была вся проникнута общим социалистическим духом и содержанием, какие бы тяжелые испытания ни ставило нам будущее. Но это еще не все. Остановиться на этом, значит не уметь дать никакого фактического руководства пролетарской партии. Мы

[1]) Там же, часть II, стр. 19.

[2]) Н. Ленин (В. Ульянов), т XI, ч. I, стр. 82.

должны прямо поставить и твердо решить вопрос, в каком направлении будем мы теперь вести работу переработки опыта трех лет революции. Мы должны заявить открыто и во всеуслышание, в поучение колеблющихся и падающих духом, в посрамление ренегатствующих и отходящих от социализма, что рабочая партия видит в непосредственно-революционной борьбе масс, в октябрьской и декабрьской борьбе 1905 года, величайшие движения пролетариата после Коммуны, что только в развитии таких форм борьбы лежит залог грядущих успехов революции, что эти образцы борьбы должны служить нам маяком в деле воспитания новых поколений борцов" [1]).

Мы не ставим себе задачей дать исчерпывающий очерк развития его воззрения на вооруженное восстание—наша задача была более ограниченная: мы хотели показать, как в процессе первой русской революции искусство вооружённого восстания из теоретического положения стало реальным искусством.

Искусство восстания в революции, по крайней мере для революции начала XX века, было совершенно точно очерчено и приняло чрезвычайно детально разработанные, конкретные формы.

Сохранило ли оно свою силу для наших дней? Без всякого колебания ответ на этот вопрос должен быть положительным.

По крайней мере вторая и третья российские революции с величайшим успехом применяли именно это искусство под гениальным руководством самого В. И. Ленина.

VIII. Что же такое вооруженное восстание.

Когда читаешь вышеприведенное толкование Лениным искусства восстания, невольно встает вопрос о том, что же такое вооруженное восстание?

На самом деле, то, что на первый взгляд кажется очень простым и ясным, при более внимательном рассмотрении оказывается в достаточной мере сложным явлением: по крайней мере, не достаточно устойчивым и застывшим, изменчивым явлением.

До 1905 г., говоря о вооруженном восстании, автоматически припоминались северо-американское, польское и иные восстания, т.-е. ясно очерченные два военных лагеря, правильные военные действия, войска, действующие по определенному стратегическому плану и т. д.

Если подойти с этой точки зрения, то вряд ли можно было бы говорить о восстании в революции 1905 г. Там дело не пошло далее разрозненных местных вооруженных столкновений партизанских отрядов и восстаний в отдельных военных единицах и судах, далее комбинации вообще и массовой стачки с частичным вооруженным столкновением.

[1]) Там же, стр. 83.

Меньшевики по существу так и рассматривали восстание. Когда впоследствии некоторые из них говорили, что вооруженного восстания „в действительном смысле слова", „формального", „настоящего" и т. д. не было в первой революции, они исходили из того, до того установившегося понимания, не столько ложного по существу, сколько устаревшего, отжившего, и тем самым ставшего ложным для революций нашего времени.

Большевики не так смотрели на вооруженное восстание. Стоит только просмотреть вновь резолюцию III съезда, чтобы видеть всю гигантскую разницу между трафаретным старым пониманием и тем новым, что внесла революция, под гегемонией пролетариата, в это понятие. То была неразрывная связь восстания с массовой стачкой: „задолго до восстания, на III съезде, т.-е. весной 1905 г., они (т.-е. большевики. *В.В.*) в особой резолюции подчеркнули связь массовой стачки с восстанием. Меньшевики любят обходить это молчанием. Напрасно. Резолюция III съезда—фактическое доказательство того, что мы с максимальной возможной степенью приближения предвидели особенности народной борьбы в конце 1905 года. И восстание мы мыслим совсем не „по типу" С. Америки или Польши, где и речи не могло быть о массовой стачке. А после декабря мы указывали на изменение отношений стачки к восстанию, на роль крестьянства и войска, на недостаточность военных вспышек, на необходимость соглашения с революционно-демократическими элементами войска. И события подтвердили еще раз, в течение думского периода, неизбежность восстания в русской освободительной борьбе" [1]).

События действительно доказывали это с удивительной последовательностью всем, даже слепым. Если в России революция мыслима как революционное движение рабочих, а у рабочего класса самым могучим оружием является массовая стачка, то разве не ясно, что форма борьбы за осуществление своей исторической миссии для пролетариата предопределена объективно?

В эпохи революции всеобщая стачка, массовые забастовки суть средства, которые не могут не привести к восстанию. Без восстания, не перейдя в вооруженное столкновение, они теряют свою силу в огромной мере. Наш проект резолюции о вооруженном восстании, выработанный к IV съезду (Объединительному) об этом говорит чрезвычайно ясно: „мирная всеобщая стачка оказалась при дальнейшем росте движения недостаточной, а частое применение ее недостигающим цели и растрачивающим силы пролетариата". На этом основании проект в части положительной вносит основательный коррективв установившийся взгляд на массовую стачку. „Всеобщая политическая стачка должна быть рассматриваема в данный момент движения не столько как самостоятельное средство борьбы, сколько, как

[1]) Н. Ленин (В. Ульянов). Собр. сочин., том VIII, стр. 36.

подсобное по отношению к восстанию, что, следовательно, выбор момента для такой стачки, выбор местности и областей труда, которые она должна охватить, желательно подчинить моменту и условиям главной формы борьбы—восстанию"...

Итак, вооруженное восстание в революциях, руководимых пролетариатом, это нечто фундаментально отличное от тех, которые протекали до них.

Пролетариат наложил свой неизгладимый отпечаток на всю революцию, на все стороны ее, он наложил свою печать, печать своеобразия и на искусство вооруженного восстания.

IX. Судьбы лозунга вооруженного восстания.

Декабрьское восстание и предшествующие ему стачки были наивысшей точкой подъема революции. Уже с начала 1906 г. появились первые признаки наступающего снижения революционной волны.

Правительство, переменив тактику, шло на подкуп сельской буржуазии, кулачества, вело переговоры с либеральной буржуазией и все признаки были за то, что ему это удастся.

Речь шла о том, насколько революционной демократии (пролетариату и крестьянской бедноте) удастся быстро собрать достаточно сил для борьбы по новому разделу и удастся ли?

Большевистская тактика недоверия к либеральной буржуазии оправдалась полностью.

Первая Дума, а Вторая особенно продемонстрировали уход от революции в лагерь реакции и охранительства буржуазии.

Меньшевикам это было ясно не менее, чем большевикам. Однако вывод, который был сделан из этого факта ими, был особенно замечателен тем, что обнаруживал их мелко-буржуазную природу чрезвычайно выпукло.

Если буржуазия отходит к реакции—это было заранее известно марксистам и резолюция еще II съезда это отмечала,—то задача партии заняться перестройкой рядов для новой борьбы с новой комбинацией в вражеском лагере,—говорили большевики. Нужно вместе с передовыми элементами буржуазии заняться выработкой таких условий, которые гарантировали бы нас от полной реставрации,—твердили меньшевики. Фактически к этому сводилась вся их тактика, начиная от начала 1906 г.

Нереволюционный, оппортунистический характер этой тактики бросается в глаза самому малоискушенному революционеру. „Нисколько не заблуждаясь насчет противоречивости интересов и задач разных классов в буржуазной революции, большевики тогда же прямо заявляли: возможно, что русская революция кончится конституционным выкидышем. Как сторонники и идеологи революционного пролетариата, мы выполним свой долг до конца,—мы через все измены и подлости либералов, через все шатания, через всю робость и

неуверенность мелких буржуа пронесем наши революционные лозунги,—мы исчерпаем до конца все революционные возможности,—мы будем гордиться тем, что первые вступили на путь восстания и последние покинули этот путь, если он на самом деле стал невозможен. И в настоящее время мы далеко, далеко не признаем еще всех революционных возможностей и перспектив исчерпанными. Мы прямо и открыто проповедуем восстание и упорную, настойчивую, длительную подготовку к нему"... „Мы снимем с нашей платформы перед всем народом все наши непосредственно-революционные лозунги. Мы не будем обманывать себя и других иезуитскими софизмами. Мы не будем оправдывать реакции, называть реакционный конституционализм почвой для здорового реализма. Мы скажем и докажем пролетариату, что измены буржуазии и шатания мелких хозяйчиков погубили революцию буржуазную, и что сам пролетариат подготовит и проведет теперь новую, социалистическую революцию" [1]).

И пронесли, и пронесли их до того момента, пока не выяснилось совершенно несомненно, что революция побеждена, что революция кончена.

Большевикам с самого начала было также ясно, каково должно быть поведение их в моменты поражения. Так именно и поступили большевики, как обещали еще в конце 1906 г., когда они не считали все революционные возможности исчерпанными.

Что подготовка новой социалистической революции шла более успешно после поражения первой революции, доказала Октябрьская революция; успешно в двух направлениях: идеологически подготовляемая—нашей партией, материально—объективным, хозяйственным развитием.

Контр-революция сменила революцию с момента разгона II Думы, а лето 1907 г. было тем самым моментом, когда революционеру ничего не оставалось, как произнести свое последнее слово „кончилась".

Русская революция была окончена, но задачи, которые стояли перед ней—далеко не разрешены. „Задачи, которые поставлены перед русской революцией ходом истории и объективным положением широких масс, не разрешены. Элементы нового, общенародного политического кризиса не только не устранены, а, напротив, еще углубились и расширились. Наступление этого кризиса поставит опять пролетариат во главе общенародного движения. К этой роли должна быть готова Рабочая С.-Д. Партия. И на почве, удобренной событиями 1905 и последующих годов, посев даст вдесятеро лучший урожай. Если за партией в несколько тысяч сознательных передовиков рабочего класса поднялся в конце 1905 года миллион пролетариев, то теперь наша партия насчитывает десятки тысяч искушен-

[1]) Там же, стр. 49.

ных в революции и теснее в самой борьбе связавших себя с массой рабочих социал-демократов, поведет за собой десяток миллионов и сломит врага" [1]).

Такой оптимистический взгляд на грядущее был прекрасным залогом того, что контр-революция ближайших лет лишь укрепит позицию революции.

Мне кажется наиболее целесообразным именно здесь прервать дальнейшее рассуждение. Высказывая все приведенное, В. И. Ленин ввел в искусство не только вооруженного восстания, но в искусство делать революцию свой великий вклад, которым не только русский но и международный пролетариат непременно будет пользоваться до момента решительного уничтожения угнетения, до момента, который Маркс так энергично назвал „экспроприация экспроприаторов".

В. Ваганян.

---

[1]) Там же, стр. 493.

В. И. Ленин и война 1914—1918 г.г.

I.

Основной чертой ленинизма, каким он вышел из рук его творца, является историзм. Историзм не в созерцательном, а в действенном смысле этого слова. Ленин был гениальным продолжателем и учеником Маркса. Но если чутье конкретности, как доминирующая черта в деятельности В. И., общепризнана, то вытекающее отсюда следствие — необходимость рассматривать его идеи в их развитии— еще далеко не стало руководящим принципом при изучении ленинизма. Ленина можно цитировать вкривь и вкось, но идеи Ленина можно понять лишь в соответствии со всей сложной и изменяющейся обстановкой первой четверти XX века. Поэтому, какой бы вопрос ни занимал нас при исследовании богатого наследства, мы должны рассматривать его в связи со всем литературным целым, в его развитии. Так и только так мы думаем подойти к вопросу об отношении Ленина к войне 1914 г., т.-е. к тому периоду, когда ленинизм, большевизм, из специального русского явления, стал идеологией революционного пролетариата всего мира. Мы проследим год за годом отношение Ленина к войнам: русско-китайской, русско-японской, аннексии Боснии и Герцоговины, балканской, в свете его оценки западно-европейского рабочего движения. Тогда только мы сможем лишний раз убедиться, что большевизм в годы войны (и после войны) есть органическое продолжение идей эпохи первой революции и реакции, в изменившейся европейской обстановке: от расцвета империализма к его конвульсиям и краху. Нас интересуют исключительно вопросы войны. Мы суживаем, таким образом, нашу задачу, но и эту частичную задачу в настоящий момент, в начале работ по изучению ленинизма, можно разрешить только в самых грубых чертах.

Несколько слов о диалектике Ленина. В своей статье о Ленине К. Радек удачно отмечает, что особенностью меньшевизма в прошлом была попытка перенести без изменений западно-европейские методы борьбы в русские условия. И один из интереснейших вопросов — как ленинизм установил своеобразие русских условий в их зависимости от западно-европейского капитализма. На этом вопросе следует остановиться. В газете „Вперед" № 1 от 1906 г., в статье „Как рассуждает

т. Плеханов о тактике с.-д.", В. И. выдвинул следующее обвинение против меньшевиков: „русские с.-д. эпохи буржуазной революции не умеют ничего сказать о русской буржуазии разных цветов, кроме того, что говорят европейцы всех стран 100 лет спустя после буржуазной революции". Здесь отмечены две особенности революционной тактики: конкретность ее, так сказать, во времени и пространстве. Своеобразие русской революции в том, что она — революция „крестьянская, буржуазная, в эпоху очень высокого развития капитализма во всем мире и сравнительно высокого в России с 1905 г.". Здесь даны те основные положения ленинской диалектики, которые определяют и всю концепцию. Ошибка оппортунистов в том, что они подменяют конкретный исторический вопрос абстрактными соображениями, и что, благодаря своему неисторическому мировоззрению, они рассматривают войну „независимо от ее исторического значения"; марксистская диалектика требует всестороннего исследования данного общественного явления в его развитии и связи с развитием производительных сил и классовой борьбой. Но диалектика часто превращается в софистику, и с нею надо вести борьбу „не посредством отрицания возможности всяких превращений вообще, а посредством конкретного анализа данного превращения в его обстановке и его развитии". Вот почему В. И. требует всегда строго-марксистской, теоретической проверки всякого практического положения. „Было бы, конечно, глубоко печально,— пишет он,—если бы „левые" стали проявлять беззаботность к теории марксизма в такое время, когда создание III Интернационала возможно только на базе невульгаризованного марксизма". И если исходным пунктом его революционной практики является учет и оценка своеобразной русской действительности, то само это своеобразие Ленин видит в зависимости России от западно-европейского капитализма. Свою революционную практику он проверяет на опыте европейского рабочего движения, и вскоре (после 1905 г.) широко раздвигает рамки мира, устанавливая значение Азии для судеб Европы. „Россия,— писал он в статье „Демократия и народничество в Китае" (1912), — в очень многих и очень существенных отношениях представляет собой одно из азиатских государств...", а вместе с тем она, как авангард этих государств, идет всецело в русле „европейской цивилизации". Не лишни будут поэтому несколько замечаний о том, как Ильич мыслил себе взаимозависимость русского и западно-европейского исторического процесса.

Для Ленина эта связь представляется в виде тесного содружества, с одной стороны, реакционных, а с другой,— революционных сил. Но не только это. Судьбы революции, как и реакции в России, тесно переплетены. Где прорвется эта цепь? Меньшевики утверждают, что только тогда с.-д. по своей инициативе должна стремиться захватить власть в России, когда в З. Европе победила бы революция. Но это оппортунизм: „только в одном случае революция в России перекинется на передовые страны Западн. Европы, — именно, если Р.С.-Д.Р.П. удастся

захватить власть в свои руки и удержать ее на долгое время",—так писал Ленин еще в 1905 г. Правда, он тут же и прибавляет: „впрочем, о захвате власти партией никто и не говорит". Но это замечание отнюдь не уничтожает значения указанного положения для оценки связи революционного развития России и Запада. Почему здесь такая тесная связь? Причина в реакционности европейской буржуазии, союзника русского царизма. Во время русско-японской войны связь их выступила наружу." Для европейской буржуазии развитие русской революции было угрожающим, как и ослабление военной мощи царизма. Крах его для нее означал „гигантское ускорение истории", а буржуазия очень хорошо знает по горькому опыту, что такое ускорение есть ускорение социальной революции пролетариата. „Западно-европейская буржуазия чувствовала себя так спокойно в атмосфере долгого застоя, под крылышком „могучей империи"! И когда предложение мира могло спасти царизм, европейский капитал стал подгонять дело мира, чтобы сохранить „общественный порядок", основанный на эксплоатации общества, от чрезмерных потрясений, чтобы сохранить русскую монархию конституционной, или „якобы-конституционной монархией... Она спекулирует на мир в интересах противопролетарских и антиреволюционных"[1]). Этот союз становился все более и более тесным, и в 1909 г. В. И. дает нам еще более яркую формулировку союза реакции против союза революции. Победа народа в России колеблет значение царизма, как врага свободы в Европе. Реакция все более сближает европейский капитал с царизмом и русской буржуазией. Фронт реакции становится международным, как и фронт революции. Но, когда монархи вступают в союз друг с другом для заговора, народы тогда готовятся к отпору, к революции. Во имя чего? Пролетариат имеет свои особые задачи, чуждые и враждебные буржуазному миру, но на пути к своим целям он с исторической неизбежностью осуществляет идеалы буржуазной демократии, осуществляет их полнее и последовательнее, чем могли бы это сделать сами творцы этих идеалов"[2]). Пролетариат делается руководителем этой борьбы, проявляя свое участие в самой революционной форме. Так формулирует В. И. связь революц. движения России и Запада. И если мы цитировали его статьи, относящиеся преимущественно к 1905 году, то лишь для того, чтобы доказать, что мы имеем здесь дело не со случайной, а с постоянной идеей.

[1]) Мы цитируем здесь след. статьи: „Европейская реакция и европейская революция", „Буржуазия и монархия" (газ. „Пролетарий" №№ 13 и 11 за 1905 г.) и „Европейский капитал и самодержавие" („Вперед" № 13). Первая статья, как ленинская, указана в библиографическом указателе Л. Б. Каменева, но ее нет в „Собрании сочинений". Третья статья принадлежит В. И., по его собственным указаниям (см. статью „Падение Порт-Артура"). Сомнение вызывает авторство второй статьи: чья она? В ней дана блестящая по сжатости характеристика истории буржуазии, как класса. По стилю она или написана Лениным, или исправлена им очень и очень значительно. Третья статья, как и первая, в „Собрание сочинений" не вошли. Было бы очень важно точно установить, кто их автор. Мы ссылаемся поэтому, как на статьи Ленина, лишь на первую и третью.

От Ленина, как и от ленинизма, „пахнет русской землей“, говоря словами П. Аксельрода. Однако это национальное было пропущено через реторту марксизма и связано с учетом европейской действительности.

При этом не забудем и еще одного. В 1905 г. и позже Ленин преимущественно имел в виду революцию буржуазно-демократическую для России и „чистую демократию“ для Запада. Между этим периодом и эпохой социальной революции лежит война 1914 г. Можно было бы и здесь в вопросе о целях революции шаг за шагом проследить формирование ленинизма, но не будем отвлекаться. Важно установить, что для Ленина не только события 1914—1918 г.г. определили его взгляд на сущность и характер русской революции, но и события 1905 г. в России помогли ему разобраться в европейском рабочем движении.

Зависимость русской революции 1905 г. от европейского капитала не могла не вызвать у Ильича усиленного интереса к европейскому рабочему движению. Он реагирует теперь на малейшее явление в европейском робочем движении и в основу оценки кладет свой революционный опыт и трезвость. Притупляются ли классовые противоречия в Европе? Нет, отвечает он: „Обострение борьбы пролетариата с буржуазией наблюдается во всех передовых капиталистических странах“. Правда, в зависимости от различных политических порядков и форм рабочего движения, эта борьба проявляется по-разному, но в общем и целом она приводит к обострению борьбы двух станов. „Мы видим ясно громадный шаг вперед международного социализма, сплочение миллионных армий пролетариата в целом ряде конкретных столкновений с врагом, приближение революционной борьбы с буржуазией — борьбы, во много раз более *подготовленной* со стороны рабочего класса, чем во время Коммуны, этого последнего великого восстания пролетариев“. Подобная революционная перспектива приводит его к необходимости подвергнуть жестокой критике европейский ревизионизм, чьей разновидностью были меньшевизм и с.-р. в России. Для него существует несколько последовательных этапов извращения революционного социализма. *Первый* относится к эпохе 40-х годов, годам формирования марксизма. Но домарксовский социализм был разбит, и „он продолжает теперь борьбу уже не на своей самостоятельной почве, а на общей почве марксизма, как ревизионизм“. И если легализм эпохи закона о социалистах был зачаточной формой этого ревизионизма, то в развитом виде он стал социал-шовинизмом. В. И. критикует обще-философские и теоретические основы ревизионизма, но особенное внимание уделяет вопросам классовой борьбы в его трактовке. Еще в 1908 г. Ленин совершенно ясно формулирует следующее положение: ревизионизм — это система либерально-буржуазных взглядов. Отказ от классовой борьбы, от революции привел к парламентскому кретинизму и соглашательству с буржуазией. „Кто не понимает неизбежной внутренней диалектики парламентаризма и буржуазного демократизма, приводящей к еще более резкому, чем в прежние времена, решению

спора массовым насилием", тот не сможет революционно использовать парламентскую трибуну. Парламентский кретинизм порождает мильерановщину. Но ревизионизм неизбежен в капиталистическом обществе, потому что капитализм рождается из мелкого производства. Идеология мелкой буржуазии беспрерывно врывается в ряды пролетариата. И это будет повторяться вплоть до пролетарской революции. Потому что нелепо думать, будто эта революция наступит только тогда, когда все население будет пролетаризировано. И то, что теперь прорывается от случая к случаю, то придется еще пережить в большем масштабе во время социальной революции. „Идейная борьба революционного марксизма с ревизионизмом в конце XIX в. есть лишь преддверие великих революционных битв пролетариата, идущего вперед к политической победе своего дела, вопреки всем шатаниям и слабостям мещанства". Так писал Ленин еще в 1908 г. в статье „Марксизм и ревизионизм" (Сборник „К. Маркс"). Это поставило его на крайне левом фланге II Интернационала. И во всех вопросах рабочей политики он достаточно отчетливо видел оппортунизм в рядах II Интернационала. Стоит вспомнить только статьи В. И. по поводу заседаний М. С. Б. после штутгартского или копенгагенского конгрессов. Когда на заседании М. С. Б. (11 октября 1908 г.) стал вопрос о принятии в ряды Интернационала „Рабочей партии", Каутский предложил резолюцию о ее принятии, где не была дана достаточно резкая характеристика ее практики. В. И. Ленин голосовал за принятие Р. П., но во внесенной поправке подчеркнул, что ее практика пока ничего общего не имеет с классовой борьбой. Он в статье о Квельче от 13 сентября 1913 г. дал нам объяснение оппортунизма английского движения: монопольное положение английского капитала расслаивает английский пролетариат, растет рабочая аристократия, которая, отделившись от масс, стоит на стороне либеральной буржуазии. Правда, т. Ленин думает, что с конца XIX в. положение меняется: Англия теряет свою монополию, и массы поднимают голову. Но эта минутная уверенность приходит в столкновение с реальными фактами и вынуждает его давать чрезвычайно трезвую оценку положению дел. В этом отношении особого внимания заслуживает его статья о съезде английских с.-д. в 1912 г. в связи с обсуждением вопроса о войне. Но об этом ниже.

Борьба с ревизионизмом внутри европейского рабочего движения не заслоняет перед Ильичем основной тенденции: приближающейся революции в Европе. В статье о Пауле Зингере (февраль 1911 г.) Ленин замечает: „Слов нет, выходцы из буржуазии в наше время гораздо чаще несут пролетариату свою робость, узость мысли или любовь к фразе, чем твердость революционных убеждений. Но пусть не ликуют враги раньше времени. Рабочая масса в Германии и в других странах все больше сплачивается в армию революции, и эта армия развернет свои силы в недалеком будущем, ибо революция нарастает и в Германии, и в других странах". Только прошедший

школу русской революции вождь мог так оценить в ту пору перспективу европейского рабочего движения. Опыт декабрьского восстания, баррикадной борьбы и всеобщей стачки сделали для него реальностью социальную революцию в Европе. Но в годы 1907 — 1914 центр тяжести переносится на проблемы внешней политики, и создается новая арена для борьбы ленинизма с оппортунизмом.

II.

„Русская революция открыла эпоху демократической революции в Азии, и 800 милл. людей входят теперь участниками в демократическое движение всего цивилизованного мира", — писал Ленин в 1911 г. Но еще гораздо раньше он отметил значение колониального вопроса в революционной борьбе, его место на плацдарме войны европейской реакции и революции.

Просыпается Восток. Его разбудил капитализм и революция 1905 г. Но разно отношение к этому факту европейской буржуазии и пролетариата. „Вся командующая Европа, вся европейская буржуазия вступила в союз со всеми силами реакции и средневековья в Китае". И это потому, что она перепугана революцией в Европе. Ведь, буржуазия сознает, что у европейских пролетариев появились азиатские товарищи. „Пробуждение Азии и начало борьбы за власть в Европе передового пролетариата знаменует открывшуюся в начале XX века новую полосу всемирной истории". Но перепуганная буржуазия не забывает своих экономических целей. Она смотрит на Китай, на Турцию, на Персию лишь как на кусок добычи, „которую теперь — после нежного обнимания Монголии Россией — будут рвать японцы, англичане, немцы и т. д.". Так в разное время еще до войны Ленин формулировал свой взгляд на колониальный вопрос в его связи с усилением реакции и перспективами революции. Но внимание буржуазной реакции к Востоку и ее единство в деле удушения революции не противоречило, а, наоборот, совпадало с антагонистическими интересами этих держав на Востоке. Отсюда ряд международных конфликтов и войн с начала XX ст.

В № 1 „Искры" В. И. посвятил статью китайской войне, и в ней вскрывает основные причины, побуждающие буржуазную Европу к грабежу колоний. Он в этой статье показывает, как европейская буржуазия вместе с русским правительством, и последнее в первую голову, потянулись к грабежу. Царское правительство хочет избежать банкротства, и оно бросается в политику завоеваний. „Набросившиеся на Китай европейские державы начинают уже ссориться из-за дележа добычи, и никто не в состоянии сказать, как кончится эта ссора". И если капиталисты стараются углубить военный конфликт, то рабочий класс должен войну эту прекратить свержением царского правительства. Эта статья не ставит пока основных вопросов „внешней политики". Эти вопросы встали в связи с русско-японской войной.

Мы пытались выше показать, как на примере русско-японской войны В. И. установил взаимозависимость русского капитализма и западно-европейского. Победа Японии нанесла удар и европейскому капитализму, так как показала ему, что азиатские народы выходят из его повиновения. „Возвращение Порт-Артура Японией есть удар, нанесенный всей реакционной Европе“. Эта война обнаружила и гнилость царизма. Как должен бороться пролетариат с войной? Исключительно путем революции. „Мир во что бы то ни стало“, à la Жорес, не поможет пролетариату. „Борясь против свободной конкуренции, мы не можем забывать ее прогрессивности по сравнению с полукрепостным строем. Борясь против всякой войны и всякой буржуазии, мы строго должны отличать в своей агитации прогрессивную буржуазию от крепостнического самодержавия“... И если со стороны Японии эта война в известном смысле прогрессивна, то со стороны России она реакционна. Не „мир во что бы то ни стало“, а поражение своего правительства в этой войне, как развязка революции. „Еще одно поражение — и с миллионов и миллионов еще не родившихся русских спали бы цепи“, — сочувственно цитирует В. И. Ленин слова Твена.

Таким образом резко осуждается пацифизм, и вопрос об отношении к войне ставится в связь с вопросом о гражданской войне, которую надо готовить, так как революция — искусство. Всеобщая стачка стала приобретением европейского пролетариата. Но дело не только в стачке. Декабрьское восстание показало европейскому пролетариату, при каких условиях эта стачка должна и может перейти в восстание. А восстание в эпоху войны выдвигает вопрос о революционной армии и революционном правительстве. Так и только так, — утверждает Ленин, — может перед революционерами стать вопрос о войне и борьбе с нею. Мы видим, как уже в 1905 г. вырисовываются основные принципы пролетарской „внешней политики“.

В дальнейшем в связи с аннексией Боснии и Герцоговины и балканской войной вопросы милитаризма неоднократно ставились перед В. И. Конкуренция европейских держав, борьба за колонии и боязнь революционного движения на Востоке — вот что служит стимулом иностранной политики Европы. Прикрывая Австрию, наложившую свою лапу на Боснию и Герцоговину, Россия, Австрия, Германия, Италия, Франция и Англия в той или другой комбинации групп готовятся к нападению на Турцию, Персию, Балканы. Империалистические державы составили заговор „во имя подавления революции в Азии... во имя продолжения колониального грабежа и территориальных завоеваний сегодня на Балканах, завтра в Персии, послезавтра, может быть, в М. Азии, в Египте и т. д.“. И, что особенно важно, в этом заговоре принимают участие не только европейская буржуазия и царское правительство, но и российские либералы. „Все буржуазные партии, вплоть до самых либеральных и „демократических“ по названию, в том числе вплоть до наших кадетов — стоят на точке зрения капиталистической внешней политики“. И борьба с ними возможна лишь

путем пролетарской революции. Дело разоблачения буржуазного хищничества следует начать немедленно против **всех союзных держав**. Так в 1908 г. углубляется и расширяется в представлении Ленина вопрос о борьбе с империализмом международного пролетариата. Сентябрьский заговор (1908 г.) европейских держав был преддверием грызни 1912 г., в связи с балканской войной. Пользуясь некоторым ослаблением тройственного союза (Италия вела войну с Турцией, на Балканах интересы Италии и Австрии не совпадали), Россия пытается опереться на своих союзников, чтобы расшириться за счет Турции. Балканские народы становятся игрушкой в руках царизма. „Поддержка реакции внутри и колониального империалистического грабежа во вне — такова суть грубой „патриотической", „славянской политики" России". **Национальные** войны на Балканах — предлог для **империалистических** поползновений европейских держав и единства фронта мировой буржуазии. В отношении к балканской войне важно отметить проводимое В. И. разграничение между национально-революционными и империалистически-реакционными войнами. Что интересы империалистов определяют ход событий,— это ясно, но победа балканских народов и союз монархий, вопреки тому, что они, монархии, и созданы войной, а не революцией, представляет собой „шаг вперед" к разрушению остатков средневековья во всей Восточной Европе. И социальное значение сербско-болгарских побед — в торжестве принципов 1789 г. на Балканах, против турецких помещиков и правителей. Конечно, в войне гражданской погибло бы меньше людей, и результаты были бы стократно больше, если бы освобождение балканских народов было делом восстания **турецких и балканских крестьян**, но и без этих условий мы имеем все-таки революционную войну в обстановке обостряющихся конфликтов в среде империалистических держав. Полное освобождение балканских народов, победа революции на Востоке возможны лишь с победой революции в европейских странах. Так расценивая основные проблемы международной политики, В. И. не мог не обратить внимания на шовинизм, внедрившийся в рабочие партии II Интернационала. Он вместе с Р. Люксембург внес известную поправку на штуттгартском конгрессе. И от 1907 по 1914 гг. Ленин бдительно следит за шовинизмом, как наиболее опасной разновидностью оппортунизма. На заседании М. С. Б. после штуттгартского конгресса он резко отрицательно отнесся к программе положительной колониальной политики, выставленной Ван-Колем. Но особенно любопытна с этой точки зрения его статья о конгрессе английских социалистов. По поводу выступления Гайндмана на съезде с.-д. Англии он пишет: „Гайндман дал себя запугать криками английской буржуазной печати о „немецкой опасности" и дошел до защиты того, что Англия поставлена в необходимость вооружаться для обороны, что Англии нужен сильный флот"... Примерно об этом же говорила поправка Квельча. По этому поводу В. И. замечает: „Вот как быстро катятся вниз люди, попавшие на наклонную плоскость оппортунизма"...

Но, даже оценивая так шовинизм в рядах рабочего движения, он все еще выражает уверенность, что дух пролетарской борьбы возьмет верх в Англии.

Таким образом до эпохи до 1914 г. выясняются следующие черты ленинской оценки войны. Прежде всего война рассматривается исключительно в связи с капитализмом, ее породившим. Проводится резкая грань между революционными и реакционными войнами, а потому отделяется прогрессивная буржуазия от реакционной. При этом не признается разграничение понятий оборонительной и наступательной войны. Резко В. И. отмежевывается и от пацифизма и выдвигает лозунг поражения своего отечества в войне, как путь к развязке революции. Борьба с войной трактуется лишь в плоскости организации революции, как гражданской войны. Все эти положения носят на себе отпечаток эпохи переходной, предреволюционной. Вот почему далеко не полно подчеркнут обще-империалистический характер войн и весьма мало выяснена идея соц. революции, как прямая задача борющегося с войной европейского пролетариата. В данном случае поправка „радикалов“ на штуттгартском конгрессе должна рассматриваться скорее как прогноз, чем как практическая программа, требующая немедленного осуществления. Впервые эта потребность стала во весь рост в 1914 г., но, благодаря измене вождей, задача эта не была разрешена. До войны 1914 г. не формулирована была также программа раскола в среде рабочего движения[1]), не была еще дана в полном виде критика демократизма и парламентского государства, нет еще контуров советского государства. Подчеркивая идею диктатуры в буржуазно-демократической революции, диктатуры рабочих и крестьян, В. И. связывает ее с понятием демократии, а не государства типа Коммуны. Для всего этого довоенная эпоха не давала достаточных материалов. Но сравните постановку проблемы революции к 1905 — 1906 г.г. с тем, как эти вопросы разрешались в 1912 г., накануне войны, и вы увидите заметное развитие идей и их связь с оценкой европейского общественного развития и рабочего движения. „Революционное движение в разных государствах Европы и Азии дало знать о себе за самое последнее время так внушительно, что перед нами обрисовывается довольно ясно новый и несравненно более высокий, чем прежде, этап международной борьбы пролетариата“. Так писал Ленин в августе 1908 г. Этот новый этап, с одной стороны, делал более явственным реакционное лицо европейской буржуазии, хищнический характер ее империалистической политики, выявлял союз если не формальный, то фактический всей массы буржуазных классов во всех европейских государствах, как реакционной массы; с другой стороны, наружу выступали язвы оппортунизма в рядах рабочего класса. Вместе с нарастанием революционной волны предстояло усилить еди-

[1]) Нельзя, однако, забывать, что еще до войны В. И. положительно расценивал и приветствовал раскол в итальянской партии, как и в голландской.

ство в рабочих рядах **без** мелко-буржуазных попутчиков, следовало **готовить** революцию, т.-е. наметить практические шаги для проведения в жизнь резолюций конгресса II Интернационала о войне. Новый этап сблизил Европу с Россией, уменьшил дистанцию „своеобразия“, несколько видоизменил проблему о союзниках пролетариата в ближайшей буржуазно-демократической революции, хотя бы потому, что рамки последней расширились. Я, конечно, не могу здесь проследить развитие взглядов В. И. на революционную тактику в связи с изменением эпохи. Оставляя в целом формулу диктатуры рабочих и крестьян в буржуазно-демократической революции, ведя борьбу с меньшевиками, идущими па поводу у либеральной буржуазии, и с Троцким, по словам Ленина, не понимающим сущности эпохи перехода от б.-д. к социалистической революции, В. И. вместе с тем не устает подчеркивать процесс расслоения самого крестьянства в России, в связи с ростом капитализма в стране и подчинения части крестьянства, как и мелкой буржуазии вообще (в России и Европе), идеям буржуазии. Уже в этом — основа расширения пролетарских задач в грядущей революции. Но наступает война, накопившиеся „количественно“ изменения превращаются в „качественные“ социальные сдвиги. И война, будучи продолжением предшествующей эпохи, вместе с тем создает возможность преодоления ее.

III.

Пришла война. Ожидали ли ее социалисты? Предвидел ли ее В. И.? Мы видели выше, как внимательно он следит за растущей агрессивностью империалистов Европы, как тщательно он подмечает шовинистические наросты на теле пролетариата. И все-таки война, как и ее социальные последствия, по своей грандиозности наступила неожиданно. Война и революция — неизбежные попутчики капитализма в диалектическом процессе истории. Но самый момент поворота в этом процессе всегда наступает неожиданно. И если среди европейских социалистов измена распространялась с быстротой эпидемии, если дезорганизованная масса не видела путей к выходу из катастрофы, то можно с полной уверенностью сказать: В. И. уже в первые дни занял определенную боевую позицию. И, в отличие от других, неприемлющих войну, он протест превращает в **систему** пролетарской политики, разрабатывает постепенно самым подробным образом план революционной гражданской войны. Если еще в 1908 г. он видел приближение новой эпохи в жизни человечества, то теперь, с 1914 г., он с точки зрения этой эпохи расценивает прошлое, критикует настоящее и намечает пути для будущего. Он закладывает систему того революционного мировоззрения, которое получило позже название коммунизма, антипода империализма, столь же всеобъемлющего, как последний. Прежде всего Ленин формулирует свою концепцию империализма. „Империализм есть особая историческая стадия капитализма.

Особенность эта троякая: империализм есть 1) монополистический капитализм, 2) паразитический или загнивающий капитализм, 3) умирающий капитализм". Определяя капитализм, как „монополистическую стадию капитализма", В. И. отграничивает себя от Гильфердинга, хотя и признает значение финансового капитала, как определяющей силы эпохи. Признание роли и значения финансового капитала отличает точку зрения Ленина от взглядов на империализм Каутского. Империализм предполагает: 1) концентрацию производства, дошедшую до такой степени, что монополии уничтожают почти всякую свободную конкуренцию. Последняя существует рядом с монополиями и тем все более и более выявляет экономические противоречия и беспомощность капитализма; 2) „слияние банкового капитала с промышленным и создание на базе этого финансового капитала финансовой олигархии". Здесь создаются социальные противоречия империализма. Он становится паразитарным и развращает широкие массы мелкой буржуазии; 3) „Вывоз капитала в отличие от вывоза товаров приобретает особо важное значение". Это объясняет рабское подчинение и эксплоатацию монополистическими хищниками империализма малых народов и колоний; 4) образуются международные монополистические союзы капиталистов, делящие мир, и 5) „закончен территориальный раздел земли между крупнейшими капиталистическими державами". Это означает, что социальные и экономические противоречия капитализма в эпоху империализма приняли интернациональный характер, что дальнейшее его существование не может продолжаться в интересах общества, что он не способен закончить экономическую централизацию, и неминуемо связан с неизбежными войнами, так как мир между державами уже разделен. Борьба пойдет за новый передел мира. Особенностью подобной трактовки империализма в констатировании органической связи политики и экономики империализма: в его паразитизме и в том, что он „умирающий капитализм". Империализм — последняя и не только новейшая фаза капитализма,— переходная к социализму, потому что „монополия, вырастающая из капитализма, есть уже отмирание капитализма, начало перехода его в социализм. Гигантское обобществление труда империализмом (то, что апологеты — буржуазные экономисты зовут „переплетением") означает то же самое". Эта концепция и определяет отношение Ильича к социал-шовинистам и к социал-пацифистам, к „защите отечества" и к теории „ультра империализма".

В чем основной теоретический грех первых? — Они отрицают империалистический характер современной войны. Они ставят вопрос об отечестве, игнорируя конкретно-исторический характер современной войны. Оппортунисты извращают истину, перенося то, что верно по отношению к эпохе возникновения капитализма, на эпоху конца капитализма. Современная война ничего общего не имеет с национально-революционными войнами. Перед нами борьба реакционнейших группировок международного империализма. Пролетариат не

должен выбирать между ними, а одинаково желает их гибели. Но есл социал-шовинисты не понимают империалистического характера войн или, вернее, часто принимают ее цели, выдавая их за национально ос вободительные, то социал-пацифисты смотрят на нее, как на временно обострение противоречий. Каутский пытался наметить тенденции, пр тупляющие агрессивность империализма. Для Каутского наступает эпо ха ослабления протекционистского движения в Англии, понижения пош лин в Америке, стремления к разоружению, о чем свидетельствует умен шение перед войной вывоза капитала из Франции и Германии и пе реплетение интересов капиталистов всех стран. Наступает эпоха „ул траимпериалистическая", которая поставит на место борьбы финанс вых национальных капиталов между собой общую эксплоатацию мир интернационально объединенным финансовым капиталом. Из этих те ретических положений для социал-пацифизма вытекало отрицани возможности войн в будущем и отказ от революции пролетариат Против подобных „теорий" резко выступает В. И. Ленин. Для нег важно разбить прежде всего эту теорию потому, что в ней, как в фо кусе, собрались все дефекты II Интернационала: „решительность н словах, трусость на деле". В чем сущность империализма? В моно полии, существующей на-ряду со свободной конкуренцией; в ин тернационализации экономической жизни мира на-ряду с суще ствованием агрессивных, вооруженных до зубов отдельных государств в росте богатств и мощи на верхушке общественной пирамиды—вер хушке, уменьшающейся количественно, паразитарной, на-ряд с обостряющейся нуждой трудящихся и угнетением народов Европ и всего мира. В существовании рядом этих противоречивых элемен тов—причина и сущность неустойчивого социального и экономиче ского равновесия Европы. Война 1914 г., как и всякая последующая будет стремиться найти выход из этих противоречий с точки зрени буржуазии, но отсюда лишь еще большее обострение этих противо речий: усиление монополий и борьба этих монополий. Пролетариа разрешает задачу и устанавливает общественное равновесие на ново социальной базе через революцию. Может ли дело обойтись без борьбы Борьба—естественное состояние общества, разъедаемого противоре чиями. Ослабить ее—значит попытаться повернуть от империализм не вперед, а назад к фритредерству, но это реакционная, мелко-бур жуазная утопия, и В. И. повторяет за Лассалем: „Филистер есть пу стая кишка, полная страха и надежды, что бог сжалится".

Война воспроизводит противоречия на еще более высокой основе „Война есть продолжение политики. И политика тоже продолжаетс во время войны". Когда Плеханов в „Истории русской общественно мысли" утверждал, что классовая борьба перестает действовать в время острого военного столкновения народов, он занял позицию резко противоположную Ленину. Плеханов отказался от марксизм в основном. Для В. И. во время войны империалистические держав продолжают свои дипломатические комбинации, в интересах свое

классовой политики. Война приносит классу капиталистов гигантские прибыли и перспективы новых грабежей. Она усиливает их политическую мощь, превращая государство в грубо действующий военно-полицейский аппарат; она ликвидирует парламентаризм и демократию, развращает широкие круги мелкой буржуазии и раскалывает ряды пролетариата. Массы во время войны беднеют, их организации распадаются, но из горнила войны они выходят готовые вести смертельную борьбу с капитализмом. Таким образом для Ленина война, как и революция,—социальный процесс. Если угодно: война есть революция буржуазии против пролетариата, как и революция последнего есть война против буржуазии. Не следует забывать, что при оценке причин войны В. И. отмечает значение ее для подавления нараставшей с 1905 г. революционной волны в Европе. Эти политические цели особенно руководили интересами русского правительства и русской буржуазии. Не напрасно еще в 1908 г. он писал о европейском либерализме, как „идейном черносотенстве".

Итак, война — исторический процесс воспроизводства социальных противоречий. И если „война есть продолжение средствами насилия той политики, которую вели господствующие классы воюющих держав задолго до войны, то мир есть продолжение той же политики с записью тех изменений в отношении между силами противников, которые созданы военными действиями". Вот почему война 1914 г. не только в смысле своего происхождения, исторического места своего, отличается от национальных войн эпохи промышленного капитала, но и по своим последствиям сугубо отлична. Те войны ускоряли развитие в направлении прогрессивном, буржуазно-демократическом, эта—или в сторону социальной революции, или в сторону социальной реакции. Поэтому можно было раньше революционерам выставлять программу демократического мира,--ныне подобная программа есть обман масс. „Ее надо искать и добиваться, — но не позади, в реакционной утопии неимпериалистического капитализма или союза равноправных наций при капитализме, — а впереди, в социалистической революции пролетариата". Да и сама идея прекращения войны, поворот в политике держав мог наступить лишь благодаря экономическим и политическим кризисам. Огромные расходы и затяжной характер войны обнаружили, что при помощи данной войны не сдерешь больше шкур с волов наемного труда, а вместе с тем опасность революции усиливается. Вот основные причины поворота буржуазии к миру. Программа мира у пролетариата может быть лишь на завтра после победы. До этой победы всякая программа мира есть передышка, испрашиваемая у истории буржуазией для подготовки к следующей войне.

В заключение, чтобы явственнее выступили особенности теоретического анализа Ленина, разберемся в вопросе о связи элементов современной войны: империализма и национально-освободительных движений. Можно ли утверждать, как это делает Юниус в своей бро-

шюре, что в нашу эпоху вообще невозможны национально-освободительные и революционные войны на-ряду с реакционными и империалистическими? Нет, это не так. „Освободительные“ цели войны 1914 г. — выдумка буржуазии, в которую поверили глупцы и использовали изменники. Кто бы ни победил—союзники или Германия—дело закончится порабощением народов. Если война окончится „вничью“, останется старое порабощение. Но вместе с тем в войне 1914 г. есть национальный элемент: „он представлен только войной Сербии против Австрии“. Сербия ведет свою освободительную войну в империалистическом окружении, и тройственное согласие, освобождая Сербию, продает ее интересы итальянскому империализму для грабежа Австрии. Но „ошибкой было-бы преувеличение истины (о том, что война империалистическая), отступление от марксистского требования быть конкретным, перенесение оценки данной войны на все возможные при империализме войны, забвение национальных движений против империализма“. Если допустить, что пролетариат Европы окажется лет на 20 бессильным, что данная война кончится победами вроде наполеоновских, и т. д., то тогда мыслимо превращение войны одного из империалистических государств в национальную войну. Но „это было бы развитием Европы назад на несколько десятилетий“. Эта-то возможность осуществилась, благодаря Версальскому миру с Германией. К этим же освободительным войнам в эпоху империализма относятся войны колоний,* или война национальности угнетенной против империалистической державы в Европе. Подобная конкретность не уничтожает, а поясняет понятие империалистических войн, как исторической категории. Так теоретически оценивал Ильич наступившую с XX ст. новую фазу капитализма, и мировую войну, стоящую на рубеже двух эпох. Посмотрим теперь, как определял он пути и средства перехода от капитализма к социализму.

Если мы, желая выяснить отношение В. И. к войне 1914 г. начали с теории империализма, то это не потому, что создание теоретической концепции у него предшествовало практической деятельности. Нельзя не вспомнить приводимые Л. Троцким слова В. И.: „on s'engage et puis on voit“, т.-е. действуй, изменяй мир и в процессе его изменения формируй свое мировоззрение. Но последнее следует построить исключительно на теоретически правильных принципах, научно-проверенных положениях. Самое важное с точки зрения практической для В. И. было выяснение причин краха социалистического движения и измены вождей. Критикуя социал-шовинизм и каутскианство, он не рвет со своим прошлым, он его продолжает и углубляет. Основное идейно-политическое содержание социал-шовинизма вполне совпадает с сущностью оппортунизма. Это одно и то же и по своей социальной природе. Социал-шовинизм требует отказа от классовой борьбы, принесения в жертву конечных целей рабочего класса интересам минуты. Но это и есть оппортунизм эпохи II Интернационала. „Социал-шовинизм—оппортунизм, созревший до

такой степени, что существование этого буржуазного нарыва по-прежнему внутри социалистических партий стало невозможным". Теоретически мы имеем пред собой в лице шовинизма не рабочую социалистическую партию, а партию либеральной рабочей политики. Оппортунисты—это буржуазные враги рабочего класса, которые раньше ютились на задворках рабочих партий, прикрывались плащом с.-д., а ныне выступили в открытый поход против рев. пролетариата. Это чужеродное тело следует назвать „зюдекумовщиной", нарицательным именем для самодовольных, бессовестных оппортунистов и социал-шовинистов. Оппортунизм вырос в эпоху 1871 — 1914 г. г. и стал, „благодаря объективным условиям эпохи, командующим, паразитическим слоем в рабочем движении". В. И. в оценке социал-шовинизма, ревизионизма и реформизма безустанно подчеркивает, что здесь мы имеем глубокое буржуазное и мелко-буржуазное влияние на рабочий класс, коренящееся в выросшем внутри рабочего класса слое рабочей аристократии, верхушке, живущей не только за счет своего труда, но и сверх прибыли империализма. Ленин ссылается на письмо Энгельса от 19 апреля 1890 г.: „движение (рабочего класса в Англии) идет вперед под поверхностью, захватывает все более широкие слои и притом большей частью среди неподвижной доселе самой низшей массы, и не далек уж день, когда эта масса найдет сама себя, когда ей станет ясным, что она сама является колоссальной двигающей силой", чтобы подтвердить свою мысль о социал-реформизме, как идеологии нац.-либеральной рабочей партии.

Только теперь, после многих лет войны и социальной революции, мы можем оценить историческое значение подобного положения. Еще в 1905 г. в статье „Буржуазия и монархия" отмечалось значение восхождения к власти отдельных слоев буржуазии до того момента, пока государственная власть не станет учреждением, представляющим интересы всего буржуазного класса в целом. Восходящая линия фр. революции представляла собой быструю смену у власти отдельных группировок буржуазии: от финансовой буржуазии в эпоху Нац. собрания к власти деловой буржуазии и мелкой буржуазии в эпоху Конвента, до 9 термидора 1794 г. И этот процесс после фр. революции начался сызнова и растянулся на много десятилетий, пока ко второй половине XIX столетия в Европе не создалась госуд. власть, агент всего буржуазного класса в целом. Не идет ли исторический процесс восхождения пролетариата к государственной власти теми же путями? Верхний слой рабочего класса, рабочая аристократия, ублюдочный слой подобно буржуазной аристократии первых дней Вел. франц., будучи смежным с имущими соц. группировками, поддается их влиянию, он может лишь служить их интересам. Рабочая масса, как класс, отгораживает себя все более резко от этих ублюдочных слоев, пролетариат идет в революции за той партией, которая представляет интересы не того или иного слоя рабочего класса, а класс в целом, не интересы данного мо-

мента, а конечную цель трудящихся—**коммунизм**. Не случайное явление—гражданская война внутри рабочего класса. Социал-шовинисты у власти—такое же неизбежное проявление эпохи социальной революции в ее первых ублюдочных шагах, как и власть коммунистов, которая есть исторически наиболее полное и окончательное выражение идей рабочего класса. И поэтому власть социал-шовинистов — явление переходное,—это попытка буржуазии спасти свой порядок на почве рабочего класса. Рабочая масса в борьбе с капитализмом и его побочными продуктами ликвидирует власть социал-шовинистов и оппортунистов. По всему этому видно, что не может итти речь об оппортунизме, как случайности. „Оппортунизм—не случайность, не грех, не оплошность, не измена отдельных лиц, а социальный продукт целой исторической эпохи". Он выращен легализмом. Та же причина, которая питала войну 1914 г., вскармливала и оппортунизм. Он „продолжался в течение десятилетий особенностями такой эпохи развития, когда сравнительно мирное и культурное существование слоя привелигированных рабочих обуржуазивало их, давало им крохи от прибылей своего национального капитала, отрывало их от бедствий, страданий и нищеты масс"... Если это питало рабочий аристократизм на верхах, то разорение мелкой буржуазии снизу давало армию попутчиков, создавало базу для социал-шовинизма. Но дело не только в этом. Так же, как война воспроизводит на высшей основе экономические и социальные противоречия эпохи, она расширяет и углубляет расхождение внутри рабочего класса. Война усиливает коррупцию рабочих верхов. Капиталистический мир в случае побед уделяет крохи верхней пролетарской тысяче, а в случае п ражения влияет на нее своей националистической идеологией, идеей реванша. Таким образом слой рабочей аристократии уплотняется, с.-д. становится нац.-либеральной рабочей партией, тысячей нитей связанной с буржуазией. Но вместе с войной на поверхность подымаются все новые и новые миллионы; они все более и более беднеют под влиянием войны; условием их освобождения является теперь уничтожение капиталистического строя основной причины их постоянной нищеты. Эти массы идут в бой под старым лозунгом: „пролетариату нечего терять, кроме своих цепей,—приобрегает он весь мир". В тяжелой борьбе они имеют на своей стороне угнетенные народы и широкие массы трудящихся, социально-смежные им слои; против себя—буржуазную и либеральную рабочую партию, выступающих как единый реакционный стан. Между теми и другими болтается „центр", который составлен или из элементов прошлой „мирной" эпохи, или из тех, кого колесо истории еще „не определило". В том и другом случае мы имеем временное явление. Оно тем более опасно, чем слабее процесс размежевания основных сил в той или другой стране, и тем ничтожнее их значение, чем глубже прошел в рабочей массе плуг истории.

Итак, В. И. дает нам строго-научный анализ основ социал-шовинизма и вместе с тем он не перестает утверждать: **вожди**

изменили. Пред нами на скамье подсудимых социалистические партии. Для Ленина смысл событий — в крахе социалистических партий и кризисе социализма. Почему, несмотря на строго объективный анализ, во главу угла В. И. поставлен субъективный момент? Прежде всего мы имеем дело с изменой партий своим убеждениям, торжественным заявлением на Штуттгартском и Базельском международных конгрессах. Каутский иронически спрашивает: „Как могло случиться, чтобы 4 милл. масса по приказу горсточки парламентариев повернула направо кругом". Ленин отвечает: во-первых, не 4 милл., а 1 милл. организованных в партию, при чем волю этих масс выражал только единый политический центр, который предал массы. Массы не были опрошены. Чтобы не дать массам высказаться, их гнали „по приказу", с разрешения руководящей кучки на фронт. „Военная организация была на-лицо, в ней измены вождей не было, она призывала „массу" по-одиночке, ставя ультиматум: иди в войско (по совету твоих вождей), или расстрел." Масса не могла поступить организованно, ибо организация ее, созданная заранее, организация, воплощенная в „горстке Легинов, Каутских, Шейдеманов, предала массу, а для создания новой организации нужно было время, нужна решимость выбросить вон старую, гнилую, отжившую организацию". Но больше того: социал-шовинисты стали гигантской силой, благодаря союзу с буржуазией, правительствами и генеральными штабами. Вот почему особенно опасно впускать изменников, предателей рабочего класса, в ряды его партий, его Интернационала. Конечно, если думать, что в дальнейшем социалистическое движение остается только организацией „единомыслящих", но не организацией „единодействующих", тогда можно допустить участие „инакомыслящих" в партии. Дело, однако, идет о создании организации боевого действия, а в таковой нет места предателям. В. И. переносит теперь на европейское рабочее движение старую большевистскую максиму: „прежде чем объединяться—следует разъединиться".

Для борьбы с войной есть одно средство—революция. „Не революционная борьба с войной, а революционная борьба с правительством". И, провозглашая революцию, как оружие пролетарской „критики войны", Ленин резко отгораживается от пацифизма, от идей разоружения, мирных программ и т. д. „Если теперешняя война вызывает у реакционных христианских социалистов, у плаксивых, мелких буржуа только ужас и запуганность, только отвращение ко всякому употреблению оружия, к крови, смерти и пр., то мы должны сказать: капиталистическое общество было и всегда является ужасом без конца. И если теперь этому обществу настоящая реакционнейшая из всех войн подготовляет конец с ужасом, то мы не имеем никаких оснований приходить в отчаяние". Отсюда понятно пренебрежительное отношение его к идее разоружения в эпоху, когда вооружение пролетариата — необходимость. Критикуя лозунг разоружения, Ленин метит в „полевевших социалистов", у которых выросли крылья

вместе с мирным поветрием среди империалистических держав. Против пацифизма и всяких идей рев. оборончества В. И. выдвигает идею поражения своего отечества в этой войне. Но в отличие или, вернее, в дополнение к этому лозунгу в прошлом, Ленин подчеркивает, что речь идет о поражении всех правительств. Нельзя не желать поражения, если хочешь революции. „Революция во время войны есть гражданская война, а превращение войны правительств в войну гражданскую, с одной стороны, облегчается военными неудачами („поражениями") правительств, а с другой стороны — невозможно на деле стремиться к такому превращению, не содействуя тем самым поражению". Та же задача остается и в случае победы в той или другой стране паидемократичной или национально-либеральной, социал-шовинистской рабочей партии. Империалистическая война становится революционной лишь на завтра после социальной революции и победы пролетариата. До того момента готовить революцию — значит желать поражения своего отечества.

Война — искусство, войну надо подготовлять, армию организовать, но то же должен делать штаб революционной армии. Для марксиста ясно, что всякая революция требует революционной ситуации, но не всякая революционная ситуация приводит к революции. Каковы признаки революционной ситуации? 1) „Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство"; 2) „обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов"; 3) „значительное повышение активности масс", что часто создается самими руководящими слоями. Имеется ли на-лицо в связи с этой войной революционная ситуация? Бесспорно. Но наступит ли революция и когда? Этого никогда никакой марксист сказать не может. Наступление революции зависит от революционной ситуации, но для революции необходима, как предварительная предпосылка, организация революционной армии, ее сознательность и готовность к борьбе. Приведет ли данная революционная ситуация к революции — это может показать опыт, революционные действия. Социалист обязан: „вскрывать перед массами наличность революционной ситуации, разъяснять ее ширину и глубину, будить революционное сознание и революционную решимость пролетариата, помогать ему переходить к революционным действиям и создавать соответствующие революционной ситуации организации для работы в этом направлении". Поэтому не может итти речь о преждевременности революции. Революционеры тем и отличаются от либералов, что они до революции ее готовят. Критерий лишь в целесообразности того или иного действия по подготовке революции.

Но о какой революции идет речь? Какова задача революции? Эпоха промышленного капитализма знала национально-освободительные войны и революции с буржуазно-демократической программой, эпоха империализма имеет дело с империалистическими войнами и поэтому с социальной революцией пролетариата. Ленин подчеркивает

неизбежность наступления эпохи социальной революции, подобно исторической и логической преемственности империализма и промышленного-капитализма. Но, как марксист, он учитывает конкретную обстановку эпохи и страны. Наступить революция может не сразу во всей Европе, а лишь в немногих или в одной стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и помещиков, организовав социалистическое производство, восстанет против всего капиталистического мира, сделавшись центром для недовольных, угнетенных масс всего мира. Путь к социализму лежит через диктатуру пролетариата, жестокую борьбу с имущими классами всего мира. Наступление социальной революции — результат не только общих противоречий эпохи,— оно стало возможным, благодаря созреванию предпосылок социализма в эпоху войны, когда производством из центра руководила группа капиталистов и военных. История контрреволюции, как и история революции, есть история развития, созревания и перераспределения социальных сил, — утверждает Ленин. Но возможна ли победа социальной революции, как единый акт непосредственного действия масс? Социалистическая революция—не один акт,—это „эпоха бурных политических и экономических потрясений, самой обостренной классовой борьбы, гражданской войны, революций и контр-революций". А если так, то рассматривать всякую попытку борьбы на пути социальной революции за политическую реформу, как бесполезную,—неправильно. Политические преобразования в действительно демократическом направлении, а тем более политические революции не ослабляют и не заслоняют лозунга социалистической революции,—напротив, их значение в том, что они „втягивают в социальную борьбу новые слои мелкой буржуазии и полупролетарских масс". Отсюда борьба ленинизма за революционно-положительную постановку национального вопроса. Для Ленина борьба за всякую реформу есть побочный продукт социальной революции, но подобная связь реформы и конечной цели отнюдь не означает отказа от борьбы за частичные политические требования масс. В годы войны созрело еще одно положение ленинизма.

Диктатура пролетариата—единственно возможная государственная организация победившей социальной революции,—утверждает Ленин, и особенно в годы войны он начал критически относиться к идее демократической республики и парламентского государства. Ленин решительно отметает, правда, анархистские попытки игнорировать значение государственной организации в деле освобождения пролетариата, но вместе с тем считает совершенно недостаточным общие суждения о диктатуре пролетариата. В. И. Ленин уже в эти годы выдвигает идею государства-коммуны (см. заметку о журнале Интернационала молодежи в сборнике „Социал-Демократ" № 2). Таким образом понятие о „переходном периоде" приобретает ясные очертания. Нельзя не поставить в связь идею Ленина о государстве-коммуне, особой формы „отмирающего государства", с войной, окончательно

покончившей с иллюзией демократии и давшей нам образчик не рассуждающего, а действующего государственного аппарата.

Но война видоизменила и постановку проблем русской революции. Имеем ли мы здесь дело с буржуазно-демократической или какой либо другой революцией? В опубликованных еще в октябре 1915 г. „тезисах" дан ответ на этот вопрос. „Задача пролетариата России — довести до конца буржуазно-демократическую революцию в Европе. Эта вторая задача чрезвычайно приблизилась теперь к первой, но она остается все же особой и второй задачей; ибо речь идет о разных классах, сотрудничающих с пролетариатом России: для первой задачи сотрудник — мелко-буржуазное крестьянство России, для второй — пролетариат других стран". Перед нами положение огромной важности, — оно свидетельствует об уменьшении дистанции между „своеобразием" русских условий и европейских и в то же время требует учета этих своеобразий уже в русле эпохи социальной революции. Международное значение этого положения велико еще и потому, что здесь дана формулировка вопроса о союзниках пролетариата в социальной революции. Речь идет о широких слоях мелкой буржуазии и полупролетарских масс, о крестьянстве, об угнетенных народах Востока. Поскольку речь идет о крестьянстве, может казаться, будто нет никаких изменений по сравнению с 1905 годом, но так только кажется. Есть две линии революции: восходящая — в 1889 г., когда народные массы победили абсолютизм, и нисходящая — в 1848 г., когда измена пролетариату со стороны мелкой буржуазии вызвала поражение революции. Это следует твердо помнить. „Перед нами (1915) те же две линии революции, то же соотношение классов (что и в 1905 г. в России), только видоизмененное видоизменившейся международной обстановкой". Либеральная буржуазия стала еще более реакционной, мелкая буржуазия „качнулась вправо". Крестьянство подверглось воздействию капитализма, оно расслоилось, внутри его началась борьба. Но противоречия между крестьянством в целом и строем Марковых-Романовых-Хвостовых теперь еще более обострились; вот почему, как и раньше, естественным союзником пролетариата в борьбе с царизмом остается крестьянство. Но рядом с этим, над этим стоит борьба рука-об-руку с европейским пролетариатом за социалистическую революцию.

Без многих слов ясно значение этого положения. Социальная революция не единый акт, но эпоха; в борьбе своей пролетариат имеет широкую социальную базу, многочисленных союзников, которые помогают ему осуществлять конечную цель и отпадают от него по мере разрешения своих частичных задач. И в свете этих положений особенно ярко вырисовывается роль колониального вопроса. Без колониальной эксплоатации немыслим империализм, сверхприбыль способствует расслоению пролетариата, но в колониях и в их отчаянной борьбе с империализмом европейский пролетариат имеет могучего союзника: крестьянскую массу. Борьба колоний за свою неза-

висимость имеет то же значение с точки зрения социальной революции, что и борьба крестьянства за землю и волю в ряде европейских государств.

Большевизм становится „мировым" и в той части своей, где он формирует идею партии пролетариата и Интернационала, как централизованной международной организации, руководящей пролетарскими массами в эпоху социальной революции. Мы видели выше, как понимал В. И. причину победы социал-шовинизма в эпоху войны. Поведение того слоя рабочей аристократии, который предал и изменил пролетариату, требует резкого отмежевания низов и организации новой партии и нового Интернационала. Мы не будем останавливаться на этом вопросе,— более или менее этот пункт выяснен. Важно здесь отметить источник идеи централизованной революционной партии. В статье „Крах II Интернационала" В. И. писал: „Возьмем современное войско. Вот один из хороших образчиков „организации". Организация эта хороша тем, что она **гибка**, имея **единую волю**. Сегодня миллионы сидят по домам, завтра приказ и они уходят на фронт; сегодня они проявляют чудеса, прячась от пуль и шрапнели, завтра они проявляют чудеса в открытом бою. Эта бесподобная организация миллионов для битв во имя известной цели. Но то же самое относится к борьбе рабочего класса с буржуазией. Его организация, его партия должна быть тем же. „Сегодня нет на-лицо революционной ситуации, и... тебе дают избирательный бюллетень—бери его, умей организоваться для того, чтобы бить им своих врагов, а не для того, чтобы проводить в парламент, на теплые местечки людей, цепляющихся за свое кресло из-за боязни тюрьмы. Завтра у тебя отняли избирательный бюллетень, дали ружье в руки и великолепную, по последнему слову машинной техники оборудованную скорострельную пушку,—бери это орудие смерти и разрушения, не слушай сантиментальных нытиков, боящихся войны, на свете еще слишком много осталось такого, что должно быть уничтожено огнем и железом для освобождения рабочего класса. И если в массах нарастает злоба и отчаяние, если на-лицо революционная ситуация, готовься создать **новые** организации и **пустить в ход** столь полезные орудия смерти и разрушения против **своего** правительства и **своей** буржуазии". Могла ли быть эта задача выполнена в союзе с предателями и колеблющимися? Отсюда идея железной партии и боеспособного III Интернационала, возрождающего социализм.

Самой интересной страницей в борьбе рабочих с империализмом в годы войны — это история „Циммервальда". В. И. принял живейшее участие в его организации и с неослабным интересом следил за его деятельностью. Он был, по очень остроумному замечанию одного польского товарища, III Интернационалом еще до II-м. Циммервальд и Кинталь для него имели значение лишь постольку, поскольку они организовывали революционное движение масс, подготовляли создание III Интернационала. И очень интересно присмотреться к тактике Ленина

в Циммервальде. После первого съезда он жестоко критикует оппортунизм, но вместе с тем дорожит этой организацией, объеди щей „левые“ элементы. Он подобно Марксу в I-м Интернационале, счит с уровнем рабочего движения, принижает, до поры-до времени, революционную тактику. Но уже после второго съезда, после Кинт и особенно после марта 1917 г. ставит себе другую задачу: рев ционное единство снизу, а потому организацию Коммунистичес Интернационала, не только разрыв с правыми и центром, но и с блющимися в рядах Циммервальда. Так постепенно и неустанно в войны он готовит революцию для ее прекращения и ликвидации жуазного строя.

IV.

Мы могли бы на этом кончить свою статью, но, прерыва февpале 1917 г., мы вряд ли бы имели полное изложение взгл Ильича на войну 1914—1918 г.г. Русская революция внесла р кальные изменения в постановку вопроса о войне. Не потому, она изменила задачи борьбы с войной, а потому, что, поставив у сти пролетариат в октябре 1917 г., русская революция создала рабочего класса одной и только одной страны веобходимость на революционно-социалистическое строительство. Ленинизм дал грамму действий для борьбы за диктатуру пролетариата, он мог только метод для соц. строительства на другой день после соци ной революции.

Победа буржуазии в феврале не изменила внешней поли большевизма. „В области внешней политики, которая теперь в объективных условий выдвинута на первый план, новое правител является правительством продолжения империалистической в в союзе с империалистическими державами“, писал Ленин в с „Задачи пролетариата в нашей революции“. Вот почему разоблач этого правительства, его целей, срыв его внешней политики, туется интересами революции. Братание на фронте, демократиз армии способствует поражению „своего отечества“, но помогает рев ционной борьбе. Однако борьба с правительством не должна з нять необходимости терпеливой работы по разъяснению илл революционного оборончества. От февраля до октября Ленин борьбу за широкие крестьянские массы, которых он хочет „кач влево“, за большинство пролетариата. Свою революционную так борьбу за диктатуру пролетариата, он ведет, приноравливаясь к зам большевиков над предрассудками широких народных масс. тральным пунктом обстрела для него является война, и он учит ждународный пролетариат, как наилучшим образом использо войну для подготовки социальной революции. Прорывая цепь и риалистической войны, В. И. Ленин имеет прежде всего в виду мочь делу социальной революции на Западе.

В октябре 1917 г. рабочий класс России стал у власти. Империалистическая война не была еще окончена, пролетарская революция на Западе запоздала, Россия стояла перед Брестским миром. Мы не можем здесь, конечно, останавливаться даже бегло на выяснении этого момента в истории взглядов Ильича на войну 1914—1918 г.г. Но нельзя также обойти молчанием этот пункт. После 1905 г. опыт революционной борьбы в России руководил Ильичем в оценке западно-европейского рабочего движения. И если в годы войны оценка империализма и эпохи наступающей социальной революции во всемирном масштабе были исходным пунктом дальнейших видоизменений тактики ленинизма в русской революции, то, начиная с октября, русский опыт снова становится школой для западно европейского пролетариата. Что мог заимствовать европейский пролетариат из опыта Брестского мира? Объявляя войну германскому империализму или заключая с ним мир, утверждает Ленин, „в обоих случаях мы не вырываемся полностью из той или иной империалистической связи, да и очевидно, что нельзя вырваться из нее полностью, не свергнув всемирного империализма. Правильный вывод отсюда тот, что со времени победы социалистического правительства в одной из стран, надо решать вопросы не с точки зрения предпочтительности того или другого империализма, а исключительно с точки зрения наилучших условий для развития и укрепления социалистической революции, которая уже началась". Значит ли это, что мы можем предсказать день наступления этой революции и на этом предвидении строить нашу тактику? Конечно, нет. А поскольку это так, поскольку в России армии нет, и солдаты „начали ногами голосовать" против войны,—может итти речь лишь о подготовке рев. войны, о строительстве армии для этой войны, но не о немедленной революционной войне. Наша задача—ценою всяческих жертв сохранить государство рабочих и крестьян. Но отсюда еще один чрезвычайно существенный вывод: революционный процесс в З. Европе может завершиться успешно лишь как процесс созревания внутри европейских государств. Россия социальную революцию начала, но ее закончит З. Европа. Еще до революции в России Ленин предвидел возможность такой комбинации: диктатура пролетариата, победив в одной стране, ведет борьбу со всем капиталистическим миром. В 1918 г. это предположение стало фактом и, желая продержаться до международной революции, Россия должна была подписать „похабный" мир.

Германская революция сорвала „Брестский мир", но не смогла избежать Версальского мира. Россия вырвалась из петли германского империализма, но на длительный период оказалась в империалистическом окружении. В. И. Ленину пришлось теперь определять свое отношение не к империалистической войне, а к империалистическому миру в послевоенной Европе. На II конгрессе Коминтерна он дал оценку наступившим изменениям и указал задачи пролетариата в этой изменившейся обстановке. До войны,— говорил Ленин в своей знаме-

нитой речи на II конгрессе, — 600 милл. человек в колониях, а если к этому прибавить такие страны, как Персия, Турция, Китай, то 1½ мрд. человек, находились в подчинении нескольких государств, вернее — привилегированной группы в этих государствах. Война способствовала переразделу мира, и получилась такая картина: „1¼ мрд. угнетенных колоний, — стран, которые делят заживо, как Персия, Турция, Китай; стран, которые побеждены и брошены в положение колоний. Не больше ¼ мрд., — это страны, которые уцелели на старом положении, но они все попали в экономическую зависимость от Америки, и все время войны были в зависимости военной, ибо война захватила весь мир, она не позволила ни одному государству оставаться нейтральным на деле. И мы имеем, наконец, не больше четверти миллиарда жителей в странах, в которых, разумеется, лишь верхушка, лишь капиталисты воспользовались дележкой земли“. Таким образом Версальский мир на новой основе воспроизвел главные противоречия империализма и тем самым поставил человечество перед новой угрозой войны; социальные противоречия еще больше углубились, расхождение между пролетариатом и национально-либеральной рабочей верхушкой еще более усилилось, и революция не только не снимается с порядка дня, — она является теперь единственным спасением Европы от гибели. Ленинизм не только учил пролетариат, как бороться с войной в прошлом, — он дает ему указания и на будущее время. Ленинизм становится идеологией всего борющегося с империализмом человечества. Но он выполняет теперь и еще одну задачу, — он становится школой социалистического строительства на другой день после победы революции. Вот почему Советское государство должно быть хранимо, как зеница ока. Это центр, вокруг которого собираются международные революционные силы. Советская Россия, Комм. партия и III Интернационал — это те международные организации пролетариата, которые недоставали ему в августе 1914 г., и которые созданы историей вместо организаций эпохи II Интернационала.

Так формулировал Ленин основные принципы „военной политики“ рабочего класса. Он сделал их составными элементами целой революционной концепции. В. И. Ленин применял при этом исключительно метод марксизма. Он остается более чем кто-либо ортодоксальным марксистом. Марксизм складывался в бурную революционную эпоху 40-х г.г. XIX ст., эпоху буржуазно-демократических революций, ленинизм формировался в революционных битвах XX ст. и особенно во время войны, в эпоху империализма, последней фазы капитализма. Вот почему ленинизм не мог быть простым повторением буквы марксизма, а его продолжением, его практическим применением в новой исторической обстановке. Это сделало ленинизм в годы войны не национальным явлением, а идеологией борющегося международного пролетариата.

Более чем какая-либо другая концепция, ленинизм связан с ее творцом, В. И. Лениным. Историческое значение его личности может быть

пока нами лишь интуитивно понято. Война 1914 — 1918 г.г. повергла человечество в бездну отчаяния. Не только пустоцветом оказались идеалы буржуазии, но и социализм в руках его вождей оказался обманом. Пессимизм и отчаяние широко распространились в массах. Отчаяние это было углублено миром после войны. Народные массы не видели выхода из тупика. Не было ни единой личности, которой можно было довериться и которая на весь мир светилась бы, как звезда надежды. Пусть все это „невесомая" величина, но в период краха европейской культуры этот „идеологический" фактор имеет свое значение. В. И. Ленин был этой личностью. Его сила в том, что он не только всему миру **сказал**, в чем спасение, но и **показал** на опыте, как его добиться. Его значение в том, что он пришел не как создатель новой религии, не как творец новой утопической системы, а как **зодчий**. Он строил из обломков войны, он был „человек от мира сего" и знал только земные пути создания будущего. В. И. мыслил „континентами и тысячелетиями" и в то же время был бдителен к требованиям минуты; он знал: „лес рубят — щепки летят" и в то же время любил каждого из трудящейся массы. Трудно пока уяснить себе все значение этой особенности его личности для возрождения веры в человека, для поднятия боеспособности и пробуждения творческих сил в массах, но это делает его не только замечательным человеком столетия, а одним из тех немногих исторических личностей, которые стоят на рубеже двух эпох, оставаясь навсегда действенно бессмертными для человечества.

Ленин не только понял сущность мировой войны, — Ленин показал человечеству дорогу из царства нищеты и кровавых потрясений.

Ц. Фридлянд.

Ленин как теоретик пролетарского государства.

Марксист—лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата.

Н. Ленин.

I.

Охарактеризовать учение Ленина о пролетарском государстве на нескольких страницах, быть может, значительно труднее, чем представить его в немногих ярких и боевых с искусительным пафосом словах или чем изложить это учение в объемистой книге. Первый путь, путь краткой эпитафии, уже выполнен пролетариатом в надгробной надписи, в которой исчерпывающая полнота диалектически претворилась в исчерпывающую краткость: ЛЕНИН. Второй путь, путь обширных монографий, только открывается и может быть пройдет лишь в несколько лет. Остается средний путь, путь журнальной статьи, пожалуй, наиболее тернистый, ибо отделить от всегда и везде ценного материала из наследия Ленина материал ценнейший—дело нелегкое. С другой стороны, все мы, и не только активные участники пролетарской революции в России, но и созерцатели ее, настолько впитали в себя учение Ленина о пролетарском государстве, настолько сжились с ним, что оно стало нашим общим достоянием, элементарным обиходом действительности, в котором имя творца учения как бы растворилось полностью.

Как алгебра выводит определенную величину из-под знака радикала, так русская революция вывела, т.-е. осуществила, советскую республику, которая с первых минут февральского „бунта" уже стояла под знаком Ленина. И потому теперь, совершая обратное действие, подводя теорию и практику пролетарского государства под знак Ленина, рискуешь неминуемо навлечь на себя упрек в повторении общеизвестных истин, в „открытии" того, что еще никем не забыто, что еще не сделалось достоянием истории.

Заслуга Ленина была бы таким же „открытием", если бы не было забыто, больше того, если бы не было умышленно и неумышленно погребено учение марксизма о государстве, в частности о про-

летарском государстве. Именно потому, что было заброшено и во всяком случае осталось непонятым марксистское учение о государстве в связи с революцией, первым делом Ленина в 1917 году была марксистская революция в учении о государстве. И прежде чем учение Маркса о пролетарском государстве осуществилось в революции, осуществилась революция Ленина в учении о пролетарском государстве.

Ленин восстановил учение Маркса о государстве; это—азбучная истина. Но он не восстановил, да и не мог восстановить, это учение так, как восстанавливает картину реставратор. Ленин—меньше всего реставратор. Мысли Маркса и Энгельса о государстве не были собраны ими ни в „трактате", ни в „монографии", ни в „учебнике". Они разбросаны ими в десятках произведений на протяжении полусотни лет. Но было бы неправильно думать, что вся заслуга Ленина,—а это уже—заслуга,—в том, что он собрал эти мысли в одну книжку, реконструировал марксистское учение о государстве, как археолог реконструирует по нескольким обломкам статую или палеонтолог по нескольким костям—скелет вымершего животного. Ленин—меньше всего реконструктор. Он не только реставрировал и реконструировал марксову теорию государства, но и истолковал ее, развил то, что было в ней заложено.

Ленин истолковал учение Маркса о государстве,—вторая азбучная истина. Но как истолковал? Каутский, Кунов и другие тоже истолковывают это учение. „Открывает ли его (Ленина) истолкование „истинного" Маркса, стало предметом проникнутого политическим пылом спора. Мы знаем, почему этот спор полностью никогда не разрешится, мы ясно видим, что ленинское истолкование служит не филологическим, а исключительно политическим целям. К действию (zum Handeln) призывает ленинское учение о революционном переходном времени 1917 года еще непосредственнее, чем такое же учение его учителя Маркса начиная с 1848 года"[1]).

Оставляя буржуазному критику Ф. Ленцу его тайну неразрешимости спора (действительность уже разрешила этот спор), мы должны сказать, что он правильно подметил действенный момент учения Ленина. Именно не „филологическим" целям служит ленинское истолкование учения Маркса, а целям политическим. Всуе законы писать, коли их не исполнять. Всуе писать о понимании Марксом диктатуры пролетариата, если не стремиться перевести ее из возможности в действительность. Моменты „филологической" и логической интерпретации марксизма, которые тоже имеются у Ленина, должны быть подчинены высшему моменту осуществления марксизма в революции.

Ленин не только восстановил и действенно истолковал учение

[1]) Friedrich Lenz. „Staat und Marxismus". Grundlegung und Kritik der marxistischen Gesellschaftslehre. Stuttgart, 1922.

Маркса о пролетарском государстве, но и провел его в жизнь. Этим мы высказываем, вероятно, третью азбучную истину. Но так как все относящееся к ней уже выходит за пределы очерченных нами рамок, в дальнейшем мы ограничимся указанием того, что было подчеркнуто, дополнено и развито Лениным в марксистском учении о государстве в связи с пролетарской революцией.

II.

Бесклассовое коммунистическое общество будущего не появляется на мировой арене как deus ex machina, оно не вылетает подобно Афине из головы Зевса; его возникновение—не мгновенная химическая реакция, проистекающая из соединения двух разнородных элементов. В долгой и мучительной борьбе рождается оно из недр старого капиталистического общества. Это последнее в самом себе таит зародыш будущего хозяйственного строя, в корне отличного от анархической системы производства строя настоящего. Обе экономических системы персонифицируются в двух основных общественных классах: буржуазии и пролетариата.

С развитием капиталистического строя, которое на известной ступени является уже скрытой его деградацией, происходит все больше и больше обострение классовой борьбы. В то время как буржуазия стремится беспрерывно воспроизводить капиталистический строй, а в нем самое себя, пролетариат, сплачиваемый теснее и теснее силою самих вещей, стремится этот строй уничтожить и поставить на его место строй планомерного хозяйства, при котором, говоря словами советской конституции, „не будет ни деления на классы, ни государственной власти".

Государство, продукт классового общества, является его „официальным резюме". Господствующий экономически класс именно в государстве конституируется как господствующий. Государство—та организация буржуазии, в которой она воспроизводит себя, тот аппарат, которым она подавляет и угнетает пролетариат, та оболочка общества, которая до поры до времени служит буржуазии гарантией сохранности капитализма.

Неудивительно поэтому, что вся борьба классов есть борьба политическая, что пролетариат все силы свои устремляет на разрыв этой предохранительной оболочки капиталистического общества. А стремясь к коммунизму, к обществу бесклассовому, он тем самым стремится к уничтожению государства вообще. Там, где нет классов, нет объективно и нужды в аппарате для подавления одного класса другим. Государство—категория историческая, преходящая. Будущее безгосударственное состояние диалектически вмещает в себе и коммунистический момент прошлого, и развитой технический момент настоящего. Эта азбука марксистской диалектики извращается рене-

гатами марксизма и служит исходным пунктом их в лучшем случае непонимания учения Маркса и Ленина о государстве.

Один из самых серьезных теоретических противников ленинизма в вопросах государства, Г. Кунов, заявляет: „Если угодно выражаться гегельянски-диалектически, то с правом можно сказать, что, исходя из Гегеля, Маркс хотя и по праву отрицал одну часть гегелевской идеи государства, но застрял на первом отрицании и вовсе не дошел до отрицания отрицания, до разрешения (Aufhebung) своего антитетического понимания в высшее единство, до идеи о государстве, которая связывает понимание государства, как организации господства, с его значением, как великой этнической жизненной общины" (Lebensgemeinschaft) [1]. Здесь не только чудовищное насилие над материалистической диалектикой, но и полное извращение, решительный отказ от теории Маркса. В этом утверждении вечности государства содержится ведь утверждение вечности классового общества, следовательно, вечности капитализма. Так думает не один Кунов, так думают многие социалисты и марксисты в кавычках, и потому первое, что нам хотелось бы отметить, это — ортодоксальность Ленина, его верность теоретическим положениям Маркса по вопросу о расправе с государством, как организацией для подавления одного класса другим.

Мы сказали, что коммунистическое общество в муках рождается из недр общества капиталистического. Эти родовые муки, созерцаемые sub specie aeternitatis, представляются скачком—„прыжком из царства необходимости в царство свободы", но для их современников, для, быть может, нескольких поколений их, они представляют собою известный период времени, „период революционного превращения" одного общества в другое, ибо рождение коммунизма означает смерть капитализма.

Ленин, подобно Марксу, не изображает в деталях коммунистического строя, он не дает картины-утопии, но всем существом своим решает задачу своего времени. Развившиеся классовые различия давно перешли уже в противоположности, а эти последние в противоречия. Когда противоречия классовых интересов достигают высшей точки, начинается их разрешение в революции. Противоречия капитализма разрешаются в пролетарской революции ценою уничтожения классов. Этот переходный революционный период имеет свою экономику, первым актом которой является экспроприация средств и орудий производства из рук капиталистов. Экспроприация буржуазии, означающая уничтожение ее, как класса, не может быть проведена до конца в одно мгновение. Рудименты капитализма остаются на известное время в экономике переходного периода, а это означает и рудименты классов. Поскольку же есть классы, постольку не может не

[1] H. Cunow. „Die Marxsche Geschichts-, Gesellschafts- und Staatstheorie". Berlin 1923, S. 310.

быть государства. Экономике переходного периода соответствует его „политика", его политическая надстройка, т.-е. государство. Эту неизбежность и необходимость государства переходного периода и подчеркивает в особенности Ленин.

Но государство переходного периода, очевидно, не является простым продолжением, хотя бы и ускоренно развивающимся, государства буржуазного, как надстройки над капиталистическим обществом. Если оно—момент развития последнего, то такой момент, когда количественное нарастание дает новое качество. Можно установить пропорцию: государство переходного периода, пролетарское государство, так относится к государству буржуазному, как экономика переходного периода относится к экономике капитализма. Поскольку в последней замечаются остатки, „следы", по выражению Ленина, капитализма, только постольку в пролетарском государстве замечаются „следы" государства буржуазного.

Над выяснением радикальных отличий пролетарского государства от буржуазного особенно потрудился Ленин. Он в нескольких местах усиленно подчеркивает, что „ввести" коммунизм нельзя, коммунизм приходит сам, но необходимо „ввести" пролетарское государство, как первый шаг, исключительно открывающий возможность появления коммунизма. Чем характеризуется пролетарское государство? Как и всякое государство, оно есть насилие. Понятие государства коррелятивно понятию насилия. Пока есть государство, нет свободы; когда есть свобода, уже нет государства. Государство есть зло, по наследству от буржуазии переходящее к пролетариату. Государство пролетариата не есть для него самоцель, каким было государство для буржуазии, но лишь средство вовсе покончить с государством, как формой общежития, вовсе покончив с разделением общества на классы.

Что такое пролетарское государство? Это—„организовавшийся в господствующий класс пролетариат". Организуясь в господствующий класс, начиная подавление буржуазии, как класса, пролетариат тем самым делает первый шаг к уничтожению себя, как класса, первый шаг к бесклассовому, безгосударственному обществу. Аппарат государства в руках пролетариата, обращаясь против буржуазии, тем самым обращается против государства вообще. Но чтобы этот аппарат работал хорошо по своему назначению, он должен быть хорошо организован. „Технически" пролетарское государство должно быть организовано не хуже, а еще лучше, чем буржуазное. Его функции насилия, подавления противоположного класса должны выполняться более быстро, более метко и с большим полезным эффектом, ибо дело идет не об удерживании подавляемого класса в известных рамках угнетения и о воспроизведении его в тех же рамках, как это делала в своем государстве буржуазия, но о полном уничтожении противоположного класса.

Аппарат государства представляет для пролетариата определен-

ную революционную ценность. В самый момент, когда разражается социалистическая революция, пролетариат, первым делом, должен захватить власть в свои руки, ибо начинающееся подавление буржуазии невозможно только путем давления „снизу“, путем стихийных выступлений масс, но должно совершаться и „сверху“, путем организованного давления со стороны пролетарской государственной власти.

Таким образом на первые годы переходного периода устроение, организация и укрепление государства являются одной из основных задач пролетариата. Теоретик и, в то же время, реальный политик Ленин и работает над построением пролетарского государства. Отсюда вовсе не следует, что он признает этот тип государства вечным, что он отказывается в своем коммунистическом мировоззрении от безгосударственного общества будущего. Оно придет само тогда, когда „отомрет“ пролетарское государство по мере исчезновения классов в обществе.

Этого не могут понять буржуазные критики Ленина, „спокойные и беспристрастные“ исследователи марксизма, застывающие на его „филологическом“ и, надо сказать, произвольном толковании. „В качестве синтеза ленинской социологии замечу я, что в основном он переносит центр тяжести с конечной цели на революционное движение к этой цели“,—и далее:—„в то время как Ленин провозглашает, без сомнения, вопреки Марксу (?), революционный путь, „конечная цель“ безгосударственного общества удаляется у него в глубь будущего, по сю сторону которого дело идет о том, чтобы воздвигнуть здание пролетарского государства на развалинах революционизированных государств“, наконец: „Автор „Государства и революции“ таким образом, вопреки собственной воле и мыслям (?), становится из преследователя всякой мысли о государстве государственным человеком и передовым борцом своего собственного государства“ [1]).

В приведенных положениях, взятых нами у того же критика Ленина—Ф. Ленца, единственно правильно то, что он заметил, какую огромную роль признает Ленин за пролетарским государством. Любопытно, что буржуа по идеологии Ленц упрекает Ленина в пристрастии к „государственности“, в то время, как „социалист“ Кунов ставит ему в упрек решительное отрицание этой самой государственности. По Ленцу, Ленин слишком отодвинул в глубь веков безгосударственное общество, оставив его лишь как „литературный постулат“; по Кунову, Ленин слишком придвинул это безгосударственное состояние, в то время как и Марксу уже следовало отказаться от него, хотя бы и в качестве литературного постулата. В чем же дело и почему критики Ленина оказываются как будто бы в противоположных лагерях? Вопрос разрешается просто, критикам договориться между собой легко, а на противоположном полюсе марксизма остается Ленин.

---

[1]) F. Lenz op. cit. S. 163—167.

Вся суть в том, о каком государстве, какого типа государстве идет речь. И Ленц, идеолог буржуазии, и Кунов, идеолог мелкой буржуазии,—против пролетарского государства, за сохранение государства буржуазного. Ленин же, идеолог пролетариата и беднейшего крестьянства, за пролетарское государство, как политическую надстройку над экономикой переходного периода и против государства буржуазного. Ленц не против безгосударственного общества, как литературного постулата, лишь бы было сохранено в действительности буржуазное государство. Кунов не против социализма, лишь бы его пытались осуществить в рамках правового государства, т. е. того же буржуазного. Ленин знает, что ни о каком коммунистическом строе не может быть и речи, пока поле действительности занимает буржуазное государство, и потому он за его уничтожение.

Ни о каком освобождении трудящихся нельзя говорить, пока существует буржуазное государство, как бы ни расширяло оно демократию. Только „расширение“ демократии до степени пролетарского государства служит трудящимся залогом успеха их дела. Но пролетарское государство качественно отлично от буржуазного. Ленин неоднократно подчеркивает принципиально иной тип пролетарского государства. Оно—государство социально высшего типа, как некогда буржуазное государство было социально высшего типа по сравнению с государством феодальным. Для диалектика, рассматривающего общественные явления в их становлении, все это само собой понятно, но это непонятно для людей с метафизической складкой мышления типа Кунова, которые в буржуазной, по существу, демократии видят предел, его же не прейдеши. При всех „издержках“ революции экономика переходного от капитализма периода социально выше экономики капитализма. В той же мере политическая надстройка первого выше политической надстройки второго.

Это расположение государств по лестнице их социальных типов есть ленинское приложение диалектики к вопросам государства, есть дальнейшее развитие и обогащение теории марксизма. Относительно можно говорить, что демократическая республика выше, напр., конституционной монархии,—такое понимание вполне укладывается в ленинское построение, он так и расценивает, с точки зрения интересов пролетариата, формы правления внутри буржуазного, так называемого, правового государства,—но не следует забывать, что эти различия имеют свою ценность только внутри определенного типа государства, именно государства буржуазного. Для Ленина конституционная монархия, парламентарная монархия, демократическая республика имеют значение, но все это—лишь формы правления внутри одной формы государства, внутри одной политической структуры общества. Между указанными формами правления разница лишь количественная, между формами государства—разница качественная.

Ленин признает, что демократическая республика есть лучшая из возможных политических надстроек капитализма. „Мы за демокра-

тическую республику, как наилучшую для пролетариата форму государства при капитализме, но мы не вправе забывать, что наемное рабство есть удел народа и в самой демократической буржуазной республике" [1]). Демократическая республика есть „ближайший подход" к пролетарскому государству, но только подход. Между демократической республикой, как формой правления буржуазного государства, и между пролетарским государством—скачок, который совершает пролетарская революция. Буржуазная демократия не может быть ни фактически, ни логически формою пролетарского государства.

III.

Буржуазное государство, вся его машина должна быть сломлена, разбита, разрушена в процессе пролетарской революции и чем скорее, тем лучше—это неустанно повторяет Ленин в своем учении о государстве. Даже если этим государством является демократическая республика, она должна быть уничтожена не менее безжалостно. Она—детище капиталистического общества, и провозглашаемое ею формальное равенство является лишь скрытой формой, „справедливой" видимостью, за которой скрывается все та же эксплоатация трудящихся. Это разрушение и уничтожение старого государства совершается, очевидно, насильственным способом, но чем является, по существу, революция, как не насилием? Однако в то время, как буржуазные политические революции являются в конечном счете насилием меньшинства над большинством не менее, чем дворянские государственные и дворцовые перевороты, пролетарская социальная революция является впервые за все время существования капиталистического строя насилием большинства над меньшинством в интересах этого большинства, а через него и всего человечества.

Нельзя считать насилие абсолютным злом, ибо абсолютного зла нет. Метафизический метод мышления не может охватить революции, ибо революция глубоко диалектична. Пролетарское государство силою вещей не может утвердиться без насилия. „Без насилия по отношению к насильникам, имеющим в руках орудия и органы власти, нельзя избавить народ от насильников",—так писал Ленин еще в 1906 году, и такова диалектика революции.

Пролетарское государство не только не может утвердиться без насилия, но и само оно, поскольку оно государство, есть насилие, орудие, как сказано, для подавления. И если буржуазное государство было, по существу, диктатурой буржуазии, в какие бы демократические оболочки оно ни облекалось, то государство пролетариата не может быть ни чем иным, как диктатурой пролетариата. Эти два понятия вполне идентичны и могут с полным правом заменять одно другое. Ленину принадлежит подчеркивание и исчерпывающее разъ-

[1]) Н. Ленин. „Государство и революция". М. 1919, стр. 29.

яснение идентичности этих понятий. Диктатура пролетариата не „форма правления" пролетарского государства, не специфическая форма российского государства пролетариата и беднейшего крестьянства, но его alter ego, его синоним.

Что такое диктатура? В этом понятии вовсе не кроется тот смысл, что диктатором может быть лишь одно лицо и что, следовательно, нельзя говорить о диктатуре, как о политическом господстве класса, как того хочет Каутский. Ленин несколько раз давал определение этого понятия именно в связи с господством класса. Первое определение дано им еще в 1906 году, когда он учитывал опыт первой русской революции. Касаясь роли советов рабочих депутатов в 1905 году, он говорит: „Описанные нами органы власти были в зародыше диктатурой, ибо эта власть не признавала никакой другой власти, никакого закона, никакой нормы, от кого бы то ни было исходящей. Неограниченная, внезаконная, опирающаяся на силу, в самом прямом смысле слова, власть,—это и есть диктатура" [1]). Власть, не признающая никакой другой нормы, кроме своей, есть диктатура. Но в то время, как диктатура буржуазии опирается, говоря коротко, на вооруженную силу против масс, диктатура пролетариата опирается на народную массу, на вооруженную силу самих масс.

„Развитие вперед, т.-е. к коммунизму, идет через диктатуру пролетариата и иначе итти не может, ибо сломить сопротивление эксплоататоров-капиталистов больше некому и иным путем нельзя". За это положение, разъясняющее Маркса и Энгельса и оправданное всем опытом Парижской Коммуны 1871 г. и российской революции 1917 г., Ленин подвергся ожесточенной критике и не столько из лагеря буржуазного, сколько из право-социалистического лагеря Каутского, Кунова и других. Проблема сводится к взаимоотношению диктатуры и демократии. Каутский договорился до „словечка о диктатуре пролетариата, употребленного Марксом однажды в 1875 году, в письме". Он и Кунов согласны видеть в Парижской Коммуне диктатуру пролетариата, но ведь Коммуна была избрана на основе всеобщего избирательного права, значит никаких изъятий из этого принципа, из этой культурной ценности быть не может. Диктатура пролетариата и есть действие всеобщего избирательного права: „Оба, Маркс и Энгельс, видят в Парижской Коммуне пример пролетарской диктатуры; но являлась ли Парижская Коммуна родом советской диктатуры? Нет, ее деятели были избраны на основе всеобщего избирательного права, и это распространение всеобщего избирательного права было оценено Марксом и Энгельсом как положительное достижение Коммуны" [2]).

Кунов не хочет понять, что вопрос о построении избирательного права является уже второстепенным по сравнению с принципиальной

[1]) Н. Ленин. Собрание сочинений, том VII, ч. I, стр. 122.
[2]) H. Cunow, op. cit. S. 330

формой государства, как диктатуры пролетариата. Он не хочет видеть, что не всеобщее избирательное право дало основание Марксу назвать Парижскую Коммуну диктатурой пролетариата, а ее деятельность, равно как название первого пролетарского государства она получила при всеобщ. избират. праве и вопреки ему потому, что она была принципиально иным типом государства, именно одной из форм государства переходного периода. Наконец, Кунов не хочет замечать тех исторических условий, при которых происходили „всеобщие" выборы в Коммуну. К моменту выборов, 26 марта, в Париже почти уже не было буржуазии. Наиболее активная ее часть бежала в Версаль после неудачной попытки завладеть пушками национальной гвардии на рассвете 18 марта. Бегство продолжалось и после аристократической (белогвардейской,—сказали бы мы теперь) демонстрации 22 марта. Тьеровские войска также были уведены из Парижа. Остатки буржуазии были терроризованы и в выборах почти не принимали участия, что видно из количества выбиравших. При двух миллионах жителей Коммуна была избрана 230 тысячами голосов (это соотношение особенно следовало бы Кунову иметь в виду при его рассуждениях о втором принципе формальной демократии: о большинстве и меньшинстве). Наконец, 15 радикалов из общего числа 90 членов Коммуны также вскоре исчезли из Парижа. Только таким образом Коммуна получила пролетарскую власть с небольшой примесью мелкобуржуазных элементов.

Все это мало интересует критика Ленина, для него важно установить, что Коммуна не была советским государством, а значит Советская Россия является не пролетарским государством, осуществившимся учением Маркса, но просто „произвольным господством пролетарского партийного меньшинства или, скорей, определенных руководящих групп". Перечислив все мероприятия Коммуны, он замечает: „Конечно, можно сомневаться в полезности и совершенной плодотворности всех этих столь глубоко нарушающих старую систему управления мероприятий при тогдашних разрушенных войной отношениях внутри страны,—но во всяком случае они вовсе не устанавливали советской диктатуры".

Критик Ленина сомневается в полезности и плодотворности всех мероприятий Коммуны, а между тем именно эти мероприятия и дали Коммуне название диктатуры пролетариата. Ленин вслед за Марксом обвиняет Коммуну как раз в обратном: в недостаточности этих мероприятий, в недостаточном разрушении буржуазного государства, в слишком мягкой политике по отношению к буржуазии.

Парижский пролетариат не установил советов, как органов власти, именно потому, что он установил Коммуну, как властный орган пролетарского государства. Маркс не говорит ничего о советах, что особенно подчеркивает Кунов, по той же причине, по какой он ничего не говорил о Коммуне до 1871 года, ибо он теоретически указал место диктатуры пролетариата, но не занимался частными вопросами

о конкретной форме построения пролетарского государства. Заслуга Ленина именно в том, что он, давая учение о пролетарском государстве, указывал на возможность в зависимости от исторических и местных условий различных форм правления внутри диктатуры пролетариата, как формы государства. В частности для России уже ясно было с 1905 года, что органами власти в пролетарской России будут только советы. Но Ленин не обобщал этой формы власти до степени универсальности. Иное дело, когда ближайшие пролетарские революции, напр., в Венгрии, показали действительную универсальность и гибкость советов, как властных органов трудящихся. Теперь, пожалуй, можно сказать, что русским советам суждено стать таким же прообразом (прообразом, но не обязательно жесткой моделью) пролетарских органов власти, как некогда английский парламент стал прообразом органов власти буржуазии.

Когда противники Ленина и русской революции выступают против советов, а в скрытой форме и против марксова понимания диктатуры пролетариата, они боятся за судьбу буржуазной демократии. Они согласны на расширение ее, на „усовершенствование" буржуазного государства, но они возражают против его разрушения, уничтожения, к чему призывает Ленин. Для последнего демократия не есть предел, его же не прейдеши, а лишь один из этапов по дороге от феодализма к капитализму и от капитализма к коммунизму.

Коль дело серьезно идет о такой дороге, нужно быстро подвигаться от этапа к этапу и не задерживаться на этапе, хотя бы и „демократическом". По мысли Ленина, вся буржуазная государственная машина на три четверти, если не больше, должна быть уничтожена и заменена новой, а в известной своей части коренным образом реорганизована.

Отличительная черта Ленина в его учении о государстве состоит в том, что он не замыкается, подобно цеховым юристам, в рамки „науки о государстве", в рамки государственного права. Говоря об одной стороне государственного аппарата, „угнетательской" (самые органы власти и их орудия подавления: постоянная армия, полиция и т. п.), он не забывает и о другой стороне, которая еще более исчезает от внимания государствоведов. Это—„связанный особенно тесно с банками и синдикатами аппарат, который выполняет массу работы учетно-регистрационной, если так можно выразиться. Этого аппарата разбивать нельзя и не надо. Его надо вырвать из подчинения капиталистам, от него надо отрезать, отсечь, отрубить капиталистов с их нитями влияния, его надо подчинить пролетарским советам... И это можно сделать, опираясь на завоевания, уже осуществленные крупнейшим капитализмом" (как и вообще пролетарская революция, только опираясь на эти завоевания, способна достигнуть своей цели) [1]. Здесь то, что теперь принято называть „консерватиз-

[1] Н. Ленин. Удержат ли большевики государственную власть.

мом" Ленина. По существу, это лишь признание коммунизма, как диалектического высшего единства, в котором в снятой форме должны находиться все предшествующие моменты. Но такой „консерватизм" не распространяется на собственно политический аппарат, не распространяется на буржуазную демократию. Или буржуазная демократия= диктатура буржуазии, или диктатура пролетариата,—третьего нет.

Но для революционного класса нет не только третьего, но и выбора между этими двумя путями. Так называемое рабочее правительство Англии 1924 года не знаменует начала пролетарского государства, поскольку им не сделан шаг к ниспровержению буржуазной демократии, поскольку оно остается в рамках парламентаризма. В лучшем случае, смотря по делам его, можно говорить лишь о подготовительных мерах. Но самый переход количества в качество, момент, когда „исполняется мера" совершенствования парламентарной власти, совпадает уже с революцией. Революция доводит до совершенства буржуазную демократию затем, чтобы иметь возможность ниспровергнуть ее. Так было в начале 1918 года, когда усовершенствованное до последнего предела открытием Учредительного Собрания буржуазное государство было ниспровергнуто государством пролетарским, противопоставившим ему новый орган власти, съезд советов. Можно сказать, что это—общий закон развития всех успешных революций. Так в конце XVIII столетия усовершенствованное до последнего предела собранием генеральных штатов феодальное государство было ниспровергнуто государством буржуазным, противопоставившим новый орган власти, национальное собрание.

Не в полном уничтожении государства вообще смысл ленинского учения, какой ему хочет навязать Кунов, а в уничтожении государства одного типа и замене его государством принципиально иного типа, в данном случае „отмирающим государством, т. е. устроенным так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать".

Диалектик Ленин не берет явления абстрактно: государство, демократия, но конкретизирует понятия: какое государство, какая демократия. Поставленный конкретно вопрос уже предопределяет ответ: буржуазная демократия оказывается диктатурой против пролетариата, диктатура последнего против буржуазии оказывается демократией для пролетариата и беднейшего крестьянства, ибо пока существуют различные классы, можно говорить только о классовой демократии. „История знает буржуазную демократию, сменяющую средневековье, и пролетарскую демократию, которая идет на смену буржуазной".

Но очевидно, что демократия для буржуазии, для меньшинства, уже, уродливее, чем демократия для трудящихся, для большинства. Вопрос, значит, ставится так: может ли быть в классовом обществе установлена демократия и для буржуазии, и для пролетариата? При единственно возможном отрицательном ответе, вопрос изменяется так:

может ли быть демократия сохранена и для богатых, и для эксплуататоров в исторический период уничтожения их, как общественной группы? Но не менее очевидно, что пролетариат не может победить, не подавив насильственно своих противников, а там, где есть насилие, не может быть свободы для насилуемых, не может быть, значит, для них и демократии. Вывод Ленина указывает на это диалектическое развитие демократии: „В демократическом обществе мы имеем демократию урезанную, убогую, фальшивую, демократию только для богатых, для меньшинства. Диктатура пролетариата, период перехода к коммунизму, впервые даст демократию для народа, для большинства, на-ряду с необходимым подавлением меньшинства, эксплоататоров. Коммунизм один только в состоянии дать демократию действительно полную, и чем она полнее, тем скорее она станет ненужной, отомрет сама собой" [1]).

IV.

Для установления демократии второго типа пролетариат должен завоевать, захватить власть. Вопрос о захвате государственной власти имеет не только тактическое значение, но и определенный теоретический интерес, поскольку этим актом пролетариат конституирует себя как господствующий класс, поскольку этим актом кладется основа пролетарскому государству. Ленин практически принимает участие в этом процессе и теоретически следит за ним. Объектами его анализа являются, во-первых, Парижская Коммуна и, во-вторых, русская революция 1917 года.

„Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве",—таков исходный пункт его наблюдений и принцип его анализа. Революции могут совершаться так, что сопротивление общественной группы, стоявшей у власти, быстро ослабевает и государственная власть почти мгновенно переходит в руки новой господствующей группы. Так было в буржуазную революцию 1917 г. Далее,—второй тип развития революции,—возможно, что господствующий класс не сдается без боя, а класс наступающий еще не настолько силен, чтобы вырвать из его рук власть, но достаточно сорганизован, чтобы выставить уже свои органы власти. Это—состояние двоевластия, в чем Ленин видел особенность октябрьской революции. Только что получив известие о февральских событиях, Ленин пишет еще в Швейцарии: „Рядом с временным правительством буржуазии возникло новое, неофициальное, неразвитое еще, сравнительно слабое рабочее правительство, выражающее интересы пролетариата и всей беднейшей части городского и сельского населения. Это—советы рабочих и солдатских депутатов в Питере". Теоретическое значение этого признания Лениным в советах рабочего правительства (а не органи-

[1]) Н. Ленин. „Государство и революция", стр. 111.

зации самоуправления) заключается в том, что органы власти пролетарского государства появляются не на другой день после низвержения буржуазной власти, а в зародышевом состоянии, порождаемые все же революцией, они существуют первое время на ряду со старой властью, как „власть неофициальная".

Но может ли такое состояние двоевластия продолжаться долго? Две власти в одном государстве, две государственных власти, означают две диктатуры, а диктатура по самому понятию своему есть власть, ни с кем не разделяемая. В наличии временного правительства, с одной стороны, и советов депутатов, с другой, Ленин усматривал еще в апреле 1917 г. переплетение двух диктатур. И он ставил прогноз: так долго продолжаться не может. „Двух властей в государстве быть не может. Двоевластие выражает лишь переходный момент". Из двух властей одна должна победить и, очевидно, победит сильнейшая. Эта победа знаменует начало нового государства. Победа советов в России означала победу пролетарского государства, как победа национального собрания во Франции 1789 г. означала шаг к победе буржуазного государства.

„Захват" власти пролетариатом вовсе не есть захват в смысле похищения, обмана бдительности сильного противника, его обхода путем хитрости или, наконец, удачного акта небольшой группы заговорщиков. Захват власти пролетариатом есть военная победа, открытая атака на сильнейшего противника, прямое завоевание со стороны большинства. Сравнение Куновa Ленина с Бакуниным, сравнения его с Бланки не выдерживают критики и свидетельствуют лишь о непонимании и невежестве сравнивающих в вопросах пролетарского государства. „Чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону: пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством. Мы—марксисты, сторонники пролетарской классовой борьбы против мелко-буржуазного угара, шовинизма оборончества, фразы зависимости от буржуазии" [1]).

Категории большинства и меньшинства вовсе не предполагают точного подсчета голосов при выборах в представительные учреждения в условиях диктатуры буржуазии. Базироваться исключительно на итогах выборов, значит заниматься „позорной игрой в формальность", значит пытаться, само собой понятно, безуспешно формально-логическим методом охватить диалектическую действительность. Большинство голосов, отданных кандидатам пролетариата, должно быть последним учтено, как показатель возможности и необходимости приступить к более решительным действиям. Большинство в парламенте, как и легальное условие его проявления—всеобщее избирательное право—есть лишь,—говоря словами, Энгель-

1) Н. Ленин. Собрание сочинений, т. XIV, ч. I, стр. 26.

са,—„показатель зрелости рабочего класса. Дать больше оно не может и никогда не даст в теперешнем государстве".

Куновская и ленинская арифметики оказываются различными. Один, боясь ошибиться и опасаясь в самом деле большинства, осторожно подсчитывает голоса, полученные трудящимися при выборах, и, найдя все-таки большинство, рекомендует консервировать буржуазное государство; другой учитывает „активное большинство революционных элементов народа обеих столиц" и говорит, что этого достаточно, чтобы увлечь массы. Выводы Ленина, сделанные на канве русской революционной действительности, не есть нечто индивидуальное, только в данной обстановке и в данное время имеющее ценность. Это—формулы первого уравнения в задаче о пролетарской революции. Когда он говорит, что „ждать «формального» большинства у большевиков наивно: ни одна революция этого не ждет",—слово „большевики" выражает общее понятие, алгебраическую величину авангарда революционного класса.

Ленин анализирует выборы в районные думы в Москве: в июне 1917 года меньшевики получили 70% голосов, в августе 18%; соответственно—кадеты 67 тысяч голосов и 62 тыс.; большевики 34 тыс. и 82 тыс. (47—49%, а вместе с левыми эс-эрами,—большинство). Эти цифры для Ленина не мертвы, они живут: это—не постоянные величины: одни из них уменьшаются, другие увеличиваются; это—своего рода „арифметика переменных величин". Учитывая всю обстановку текущего момента, он видит, что большевистское число к началу октября увеличилось еще больше, и он заключает, что при таких условиях „ждать"—преступление: „ждать съезда советов—ребяческая игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции".

Повторяем, у Ленина это—не частная à propos партийная директива, не особенный не имеющий подобия „случай" русской революции, но теоретическое положение, намечение момента рождения пролетарского государства; и даже не тактическое указание: „когда должен начаться захват власти", но закон рождения пролетарского государства: „когда этот захват начинается". Таким образом устраняется двоевластие.

Этот принцип нащупывания большинства не в цифрах, а в реальном соотношении сил и в среде самого революционного класса, как один из устоев ленинского учения о пролетарском государстве, был выведен им из опыта Парижской Коммуны, в которой в конце концов формальное большинство было за мелкой буржуазией. И тем не менее Энгельс называл ее диктатурой пролетариата по делам ее, имея в виду идейно-руководящее участие в ней представителей пролетариата в революционном правительстве Парижа[1]). Точно так же и Советская Россия не перестает быть диктатурой про-

[1]) Н. Ленин, Собрание сочинений, т. VI, стр. 281.

летариата, если на ее съездах советов формальное большинство оказывается за трудовым крестьянством.

Указанный принцип был заострен и отточен при октябрьском захвате власти и еще раз проверен с успехом на практике при устранении второго, запоздавшего двоевластия, при ликвидации Учредительного Собрания. Выборы в столицах, в промышленных районах, в армиях Северного фронта, находившихся под идейным воздействием пролетариата, дали подавляющее большинство большевистских депутатов. Значительное количество их пришло вообще из армии, т.-е. из крестьянской среды, ставшей во время войны более сознательной и из губерний северо-западного края, опять таки находившихся под идейным влиянием пролетариата Питера и Москвы. Это было большинство, достаточное для устранения нового двоевластия и увлечения за собой и руководства громадной массой населения, крестьянством, мелкой буржуазией, полупролетариями. И двоевластие было устранено

Тут же осуществился и тот принцип, о котором мы говорили выше: революция „совершенствует" старое государство, доводит его верховный орган до высшего предела, когда „исполняется мера", чтобы вовсе уничтожить его.

V.

В предшествующем мы сосредоточили все внимание на самом основном в учении Ленина о государстве: на противоположении пролетарского государства государству буржуазному, на необходимости первого, как условия для достижения конечной цели трудящихся и на важнейшем моменте всякого учения о государстве, именно вопросе о власти. Разработка детальной конструкции пролетарского государства, то или иное построение того или иного орудия его, аппарата, учреждения не входит в задачу Ленина—теоретика государства; это—дело Ленина-политика, Ленина—„государственного человека", наконец, Ленина—председателя Совета Народных Комиссаров. Однако теоретическое обоснование основных политических, публично-правовых,—как сказали бы государствоведы профессионалы,—устоев пролетарского государства не является деталью, мелочью, о которых теоретик не может и не должен высказывать общих принципиальных соображений. Мы могли бы сказать, что эти устои не носят столь общеобязательного характера, как диктатура пролетариата, это conditio sine qua non переходного от капитализма периода, что они допускают варианты в зависимости от места и времени, но должны добавить, что пролетарское государство налагает на них свой особый отпечаток, дает определенные директивы, уклонение от которых принципиально невозможно. Стараясь быть менее всего юристом, мы все же вслед за Лениным должны в нескольких словах наметить эти общие нормы государственного права переходного периода

Прежде всего вопрос о государственном строении. Каким должно быть принципиально пролетарское государство, государство революции, единым централизованным или федеративным децентрализованным? В данном контексте нас, конечно, не интересует отличие принципа автономии от принципа федерации и последнего от принципа конфедерации. По этому вопросу Ленин-теоретик следует за Энгельсом, Ленин-политик останавливается на одной из возможностей, не альтернативных, а директивных, указанных также Энгельсом.

С точки зрения пролетариата и пролетарской революции, Ленин, как и Маркс и Энгельс, отстаивает принцип демократического централизма, единую и нераздельную республику. Федеративная республика возможна как исключение, ибо она, в сущности, является помехой развитию-отмиранию пролетарского государства, помехой развитию коммунизму, а скорее способствует идеалу анархизма.

Пролетарское государство должно быть сильным, мощным, должно обладать единой волей и единым центром действия. Ему приходится вести ожесточенную вооруженную борьбу с капиталистическим окружением; оно представляет собою, по крайней мере, на первых порах вооруженный и окруженный лагерь. Команда должна подаваться решительная и с уверенностью в ее выполнении; команда эта должна исполняться беспрекословно. Опыт Коммуны 1871 года подтвердила в этом отношении русская революция. Корректив к крайности централизма вносится его демократизмом: выборностью вышестоящих органов власти органами нижестоящими вплоть до полноправных граждан. Этот принцип применялся Лениным в партии до революции, он же переходит в пролетарское государство после революции.

Но принципиально централизованное пролетарское государство допускает исключения ввиду особых условий. Единственным, пожалуй, таким условием является наличие внутри одного государства нескольких наций. Ленин вслед за основоположниками марксизма не отмахивается от национального вопроса; напротив, при наличии различных наций он допускает изъятие из принципа единства. Принципы пролетарского государства, в глазах Ленина, не прокрустово ложе, в которое должны быть так просто, „ради самого принципа," уложены нации. Больше того, провозглашается и Лениным-политиком проводится в жизнь требование самоопределения наций. „Мы не сторонники мелких государств",—пишет Ленин в 1917 году, признавая за Украиной, так же, как и за Финляндией, право на отделение,—но д р у ж б у нельзя навязывать; ее можно завоевать дружественным же расположением, но ее нельзя захватить.

Иное дело, когда пролетариат двух наций, совершив в двух национально-территориальных единицах революцию, соединяется в одном, таким образом, более крупном и сильном, пролетарском государстве. Поскольку на-лицо национальные различия, постольку подобное государство, очевидно, конституируется как государство федеративное.

Вопрос о федерировании не стоит в прямой связи с вопросом о большей или меньшей „свободе“ в государстве. Единое государство, построенное на основе демократического централизма, может предоставить больше „свободы“, чем, скажем, федерация наподобие бывшей Германской империи, т.-е. когда автономная от общефедеральной власти местная власть сама не демократична. Эту точку зрения высказывает Ленин в 1917 году в небольшой статье с показательным заглавием: „Один принципиальный вопрос“. Итак, централизованное государство может быть демократическим, федеративное может им не быть; федерация пролетарских государств, как изъятие из общего правила вследствие национальных различий государств, из которых каждое будет построено по принципу демократического централизма, будет самым демократическим государством, предоставит трудящимся больше всего свободы, поскольку можно говорить о свободе при государственной форме общежития.

Более конкретно поставленный вопрос о демократии соприкасается с вопросом о системе избирательного права. Очевидно, что в сколько-нибудь крупном государстве прямое народоправство не возможно. Значит, органы власти и в пролетарском государстве должны строиться по типу представительных учреждений. Опять-таки иное дело, как именно строятся эти учреждения, как они многочисленны, сколь широкие массы привлекаются к участию в них, какова пропорция между делегатами и делегирующими.

Представительные учреждения переходят как форма по наследству от буржуазного государства к пролетарскому, подобно тому как они, тоже лишь как форма, перешли от сословно-представительной феодальной монархии к буржуазной парламентарной республике.

„Без представительных учреждений,—пишет Ленин,—мы не можем себе представить демократии, даже пролетарской демократии, без парламентаризма,—добавляет он, о чем речь будет ниже,—можем и должны, если критика буржуазного общества для нас не пустые слова, если стремление свергнуть господство буржуазии есть наше серьезное и искреннее стремление, а не „избирательная“ фраза для уловления голосов рабочих“ [1]).

Представительные учреждения, как органы власти,—форма; тип государства определяет их содержание. Но представительные учреждения предполагают определенно построенную избирательную систему. Ленин считает вопрос об избирательном праве частным, не принципиальным; по его мнению, „теория, т.-е. рассуждение об общих (а не национально-особых) классовых основах демократии и диктатуры“, не должна заниматься таким специальным и второстепенным вопросом, как проблема избирательного права. Его мысль такова: для пролетариата, как класса, вопросы избирательного права в

[1]) Н. Ленин. „Государство и революция“, стр. 63.

такой же мере зависят от обстоятельств, места и времени революции, как для буржуазии вопрос, скажем, о саботаже пролетарской власти.

„Лишение буржуазии избирательных прав не составляет обязательного и необходимого признака диктатуры пролетариата. И в России большевики, задолго до октября выставившие лозунг такой диктатуры, не говорили заранее о лишении эксплуататоров избирательных прав. Эта составная часть диктатуры явилась на свет не „по плану“ какой-либо партии, а выросла сама собой в ходе борьбы“ [1]). В этих своих положениях Ленин не совсем прав. Детальное построение избирательной системы, ее „техника“, действительно, не является принципиальной проблемой. Конструкция и техника самих выборов в Советской Венгрии отличалась от таковых же у нас. Но избирательное право и в пролетарском государстве имеет свои принципиальные, теоретические стороны. Заслуга русской революции, между прочим, в том, что она эти стороны оттенила и подчеркнула.

Ленин прав, когда он говорит, что наша система возникла стихийно. Действительно, выборы в советы рабочих депутатов происходили по фабрикам и заводам на общих собраниях рабочих без какого бы то ни было „избирательного закона“ и т. п.; сами собой рушились такие перлы избирательного права буржуазного государства его классической эпохи, как недопущение женщин, высокий возрастной ценз, ценз оседлости, хотя бы и минимальный. Но, ведь, не эти достижения характеризуют в существенном советскую избирательную систему, а именно лишение права голоса буржуазии, изъятие ее в этом отношении из сферы публичных прав. Это изъятие возникло, действительно, стихийно: выбирали в свой совет рабочие, выбирали своих депутатов; не выбирал предприниматель, не его посылали рабочие. Но Ленин совершает здесь методологическую ошибку: он возводит в принцип небольшой опыт Парижской Коммуны, между тем как имело бы больше оснований обобщение опыта революции с таким грандиозным размахом, как российская, практика которой после опыта Советской Венгрии и собственных нескольких лет жизни, по праву, может быть возведена в теорию.

Советская избирательная система существенно характеризуется лишением буржуазии избирательных прав, т.-е. разрушением принципа всеобщего избирательного права. Подавляемая при диктатуре пролетариата буржуазия не может не ущемляться и в своих политических правах, а одним из таких прав и является всеобщее избирательное право. В последнем счете, конечно, безразлично, каким способом буржуазия будет отставлена от пролетарских представительных учреждений, как органов власти, но всякое ее отсюда изъятие фактически будет изъятием всеобщего избирательного права из сферы

[1]) Н. Ленин „Пролетарская революция и ренегат К. Каутский“, Птг. 1919 г., стр. 48.

осударственного оборота. Оно возвратится в общество тогда, когда но не будет уже публично-правовой институцией, т.-е. в обществе эзгосударственном. Пролетарское же государство в данном случае вляется диалектическим антитезисом, поскольку оно „возвращается“ к цензовому избирательному праву, именно к трудовому цензу.

Ленин прав, когда он изъемлет из теоретического рассмотрения детали пролетарского избирательного права. При несомненном возникновении новых пролетарских государств в них возможны различные построения избирательных систем,—теория революции не есть застывшая догма,—но что опыт и достижения Советской России будут учтены западно-европейским пролетариатом, это несомненно, как показывает пример самой системы советов.

Эти советы, впервые ставшие органами власти пролетарского государства в октябрьской революции теоретически считаются Лениным продуктом русской революции. Советы с точки зрения Ленина не единственная „форма правления“ пролетарских государств, хотя в самой России они выявили себя таковыми уже в революции 1905 года. Быть может, в какой-либо иной стране революционный класс создаст иную форму для пролетарской диктатуры (форму,—содержание ее в общем будет повсюду одинаково), ибо органы власти стихийно создаются революцией.

Таким образом Ленин не определяет положительно властные органы пролетарского государства, но дает это определение в отрицательной форме; он говорит, чем **не могут быть** такие органы. Они не могут быть парламентами буржуазных государств. „Представительные учреждения (в пролетарском государстве) остаются, но парламентаризма, как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительного, как привилегированного положения для депутатов, здесь **нет**“.

Не совсем точно Ленин видит характерный признак парламентарной системы в так называемом разделении властей. Но важно то, что он не находит места принципу разделения властей при диктатуре пролетариата, принципу, сопутствующему принципу парламентаризма. Буржуазия находит для себя более удобным провести разделение **властей**; пролетариат находит для себя возможным провести лишь распределение **функций** внутри единой власти, но считает необходимым соединение властей. По существу, конечно, и „разделение властей“ не может означать наличие нескольких различных государственных властей; это—лишь юридическая формальная организация буржуазного государства. В Северо-Американских Соединенных Штатах, где, казалось бы, принцип разделения властей проведен наиболее последовательно и до конца, все „власти“ соединены в руках одного класса капиталистов. Пролетариат же даже внешне, формально, не дробит суверенитета.

Отказ от принципа разделения властей знаменует соединение в пролетарских представительных учреждениях власти законодательной

и исполнительной; власть **судебная** также принадлежит им, и они **из себя** только выделяют соответственные подорганы. Российские советы были законодательными и исполнительными учреждениями еще тогда, когда они были „неофициальными“ органами власти. Эти советы, во одно и то же время законодательствующие и проводящие в жизнь свои законы, по мысли Ленина, должны заменить парламентарно-представительные учреждения; об этом он пишет еще до захвата власти, в апреле 1917 года, в проекте изменений программы партии.

Отделение исполнительной, административной, „управленческой“ функции от парламента знаменует превращение его в учреждение „говорящее“, каково и самое филологическое значение слова „парламент“. Парламенту, в лице его членов, принадлежит лишь законодательная инициатива, обсуждение и принятие того или иного законопроекта. Непосредственное применение закона на практике, проверка его на опыте изъемлется при системе разделения властей из функций членов парламента; как правило, им запрещается даже совмещение депутатства с выполнением иной государственной работы. В этом качестве парламента, как „говорильни“, Ленин видит зло, равно как и в депутатском иммунитете. Эти принципы так называемого правового государства отметаются Лениным. Не „говорящими“ только должны быть органы власти при диктатуре пролетариата, а и „работающими“. Члены советов и их высших соединений должны, кроме депутатских полномочий, стоять на той или иной практической работе, сопряженной с известными правами и обязанностями. Депутат не может почитаться лицом неприкосновенным, застрахованным от своих избирателей на весь срок своих депутатских полномочий. Ленин выставляет требования, провозглашенные еще великой французской революцией, права отзыва депутатов в любое время. Таким образом парламентаризм заменяется Лениным иной системой властных учреждений, для России —советской системой.

Как пролетарское государство является **высшим типом** государства по сравнению с буржуазным, так, следовательно, советская республика является высшим типом республики по сравнению с парламентарной. „Не парламентарная республика,—пишет он сейчас же по приезде в Россию весной 1917 года,—возвращение к ней от советов рабочих депутатов было бы **шагом назад**,—а республика советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху“. Советская государственность признается им вообще высшим типом государственности, за которой и при которой начинается отмирание государства, как такового. „Выше, лучше такого типа государства, как советы рабочих, батрацких, крестьянских, солдатских депутатов, человечество не выработало и мы до сих пор не знаем“.

Совмещая законодательные функции с исполнением законов, советы совмещают в себе выгоды парламентаризма, представительных

учреждений, с выгодами непосредственной и прямой демократии. „По сравнению с буржуазным парламентаризмом это—такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение". Как видим, здесь Ленин уже перестает считать советы „особо-национальной", специфически российской формой диктатуры пролетариата. Он не выставляет советы, как некий императив, для всякого пролетарского государства, но он признает именно за этой формой всемирно-историческое значение.

В своих тезисах об Учредительном Собрании Ленин еще больше конкретизирует это их значение. Третий пункт тезисов, искаженный при цитировании Каутским, гласит: „Для перехода от буржуазного строя к социалистическому, для диктатуры пролетариата, республика советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов является не только формой более высокого типа демократических учреждений (по сравнению с обычной, буржуазной республикой при учредительном собрании, как венце ее), но и единственной формой, способной обеспечить наиболее безболезненный переход к социализму" [1]. Здесь оттеняется еще одна черта советов: как классовые и массовые органы, они единственно способны наиболее безболезненно для общества в целом проводить политику пролетарской диктатуры.

Советы являются органами этой диктатуры; они не органы самоуправления трудящихся, не органы местного самоуправления вообще, вернее, не только органы самоуправления, но и органы управления, органы власти. Еще в недрах старого государства, при своем рождении, при указанном нами двоевластии, советы являлись уже органами борьбы за власть. Создавать советы значит создавать органы непосредственной борьбы пролетариата за власть. Эта мысль принадлежит Ленину 1906 года. Уже тогда он понял и оценил истинное значение и назначение советов, уже тогда, кстати сказать, он проектировал Учредительное Собрание как „совет советов".

Советы теряют всякий смысл, если они отказываются от власти, от борьбы за власть. Это—их жизнь, специфическая жизнь одной из форм рабочего движения. Не борющиеся за власть советы—не советы. „Развиться настоящим образом, развернуть полностью свои задатки и способности советы могут, только взяв государственную власть, ибо иначе им нечего делать, иначе они либо простые зародыши (а слишком долго зародышем быть нельзя), либо игрушки".

Жизнь советов—борьба, борьба есть движение вперед; „иного пути нет у этих учреждений, которым нельзя ни идти вперед, ни стоять на месте, а можно только существовать, идя вперед". Если таким образом советы являются своеобразным фактором движения вперед, а революция и есть ускоренное движение вперед, то революция не возможна без советов, как и советы без революции. И в гла-

[1] Н. Ленин, Собр. соч., т. XV. В данном контексте нас не могут интересовать оттенки, вкладываемые в понятия „республика советов" и „советская республика".

зах Ленина революция разделяет судьбы советов: „если бы народное творчество революционных классов не создало советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным“.

Нужно сказать, что большинство наших выдержек о советах, как органах власти при диктатуре пролетариата, относится ко времени до октябрьской революции, а это значит, что в указанной принципиальной оценке советов Лениным руководили не узко партийные взгляды (большевики в то время не составляли большинства в советах), а классовое чутье и марксистский анализ теоретика и политика в одно и то же время.

Даже после событий 3—5 июля, когда, казалось бы, советы изменили революции, Ленин, подчеркивая, что „власть сейчас нельзя уже мирно взять“, что вне этого взятия победы революции быть не может, указывает: „Советы могут и должны будут появиться в этой новой революции, но не теперешние советы, не органы соглашательства с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней. Что мы и тогда будем за построение всего государства по типу советов, это так. Это не вопрос о советах вообще, а вопрос о борьбе с **данной** контр-революцией и с предательством **данных** советов“ [1]). Тем более ясным представлялся вопрос к концу 1917 года, когда большинство в советах уже доказало свою революционность захватом власти. **Советская власть**, очевидно, не могла означать министерство из партий советского большинства, а могла быть только **властью советов**. Уже оформившееся пролетарское государство, знаменующее смерть старых по типу органов власти, предопределяло тем самым и смерть Учредительного Собрания, которое тянуло вспять, отразив группировки I съезда советов и как бы проспав группировки II и III съездов.

Российские советы, пройдя горнило небывалой по размаху пролетарской революции, выявили себя как действительно универсальные прообразы пролетарских властных органов, опередив таким образом практически ленинскую теорию 1918 года о них, как об обязательных для всякой революции учреждениях. Коммунистический Интернационал уже и в теории смотрит на них как на органические факторы пролетарских революций на западе и как на будущие органы власти пролетарской диктатуры вообще.

Но если и следует кому называться „отцом“ советов, так это— Ленину, ибо он первый признал в них форму пролетарского государства.

И. Луппол.

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIV. ч. II, стр. 18.

Ленин и теория сверхъимпериализма.

I. Теория сверхъимпериализма как теория социал-шовинизма

В нашей книге „Империализм“ мы подробно изложили взгляды Ленина на сущность империализма [1]). В данной статье мы остановимся на критике тов. Лениным теории „сверхъимпериализма“ или „ультраимпериализма“, выдвинутой Каутским.

В полемике с немецким апологетом империализма и захватной политики Куновым, который доказывал, что империализм есть современный капитализм, что развитие капитализма неизбежно и прогрессивно, а следовательно империализм прогрессивен, Каутский утверждал, что, империализм не есть современный капитализм, а лишь одна из форм политики современного капитализма. Можно и должно, по Каутскому, бороться с этой политикой, бороться с империализмом, с аннексией. Подобно буржуазным пацифистам Каутский доказывал, что империализм, захватная политика отнюдь не связаны неразрывными узами с капитализмом, что войны, аннексии отнюдь не вытекают из самой сущности капиталистической системы, что возможно себе представить капитализм без войн, кровавых международных конфликтов, усиленных вооружений и т. д.

С чисто экономической точки зрения,—доказывал Каутский,—не невозможно, что капитализм переживет еще новую фазу, перенесение политики картелей на внешнюю политику фазу ультраимпериализма, эпоху объединения империализмов всего мира, а не борьбы их, фазу прекращения войны при капитализме, фазу общей эксплоатации мира, интернационально-объединенным финансовым капиталом.

Возможен ли „ультраимпериализм“ „с чисто экономической точки зрения“, ставит вопрос т. Ленин и отвечает (см. Империализм как последний этап капитализма).

„Если понимать под чисто-экономической точкой зрения „чистую“ абстракцию, тогда все, что можно сказать, сведется к положению: развитие идет к монополиям, следовательно, к одной всемирной монополии, к одному всемирному тресту. Это бесспорно, но это и совершенно бессодержательно.

[1]) М. Павлович. Империализм „Красная Новь“ изд. II. стр. 138—160.

„Если же говорить о „чисто экономических“ условиях эпохи финансового капитала, как об исторически-конкретной эпохе, относящейся к началу XX века, то лучшим ответом на мертвые абстракции „ультраимпериализма“ является противопоставление им конкретно-экономической действительности современного всемирного хозяйства. Разговоры Каутского об ультраимпериализме поощряют, между прочим, ту глубоко ошибочную и льющую воду на мельницу апологетов империализма мысль, будто господство финансового капитала ослабляет неравномерности и противоречия внутри всемирного хозяйства, тогда как на деле оно усиливает их.

„Р. Кальвер в своей небольшой книжке: „Введение во всемирное хозяйство“ сделал попытку свести главнейшие чисто-экономические данные, позволяющие конкретно предоставить взаимоотношение внутри всемирного хозяйства на рубеже XIX и XX веков. Он делит весь мир на 5 главных хозяйственных областей: „средне-европейская (вся Европа, кроме России и Англии); 2) британская, 3) российская; 4) восточно-азиатская, и 5) американская, включая колонии в „области“ тех государств, которым они принадлежат, и „оставляя в стороне“ немногие не распределенные по областям страны, напр., Персию, Афганистав, Аравию,—в Азии, Марокко и Абиссинию—в Африке и т. п.

„Мы видим три области с высоко развитым капитализмом (сильное развитие и путей сообщения, и торговли, и промышленности): средне-европейскую, британскую и американскую. Среди них три господствующие над миром государства: Германия, Англия, С. Штаты. Империалистическое соревнование между ними и борьба крайне обострены тем, что Германия имеет ничтожную область и мало колоний; создание „средней Европы“—еще в будущем, и рождается она в отчаянной борьбе. Пока признак всей Европы—политическая раздробленность. В британской и американской областях очень высока, наоборот, политическая концентрация, но громадно несоответствие между необъятными колониями первой и ничтожными—второй. А в колониях капитализм только начинает развиваться. Борьба за Южную Америку все обостряется.

„Две области слабого развития капитализма—российская и восточно-азиатская. В первой крайне слабая плотность населения; во второй—крайне высокая; в первой политическая концентрация велика, во второй—отсутствует. Китай только еще начали делить, и борьба за него между Японией, С. Штатами и т. д. обостряется все сильнее.

„Сопоставьте с этой действительностью—с гигантским разнообразием экономических и политических условий, с крайним несоответствием в быстроте роста разных стран и пр., с бешеной борьбой между империалистическими государствами—идеи Каутского о „мирном“ ультраимпериализме. Разве интернациональные картели, которые кажутся Каутскому зародышами ультраимпериализма, не пока-

вают нам пример раздела и передела мира, перехода от мирного здела к немирному, и обратно? Разве американский и пр. финансовый капитал, мирно деливший весь мир, при участии Германии, ажем, в международном рельсовом синдикате или в международном тресте торгового судоходства, не переделяет теперь мир на осве новых отношений силы, изменяющихся совсем не мирным путем.

„Финансовый капитал и тресты не ослабляют, а усиливают разчия между быстротой роста разных частей всемирного хозяйства. раз соотношения силы изменились, то в чем может заключаться, н капитализме, разрешение противоречия, кроме как в силе".

В другой работе („Крах II Интернационала",—„Коммунист" № 1—2, 15, стр. 77—101) Ленин так критикует теорию ультраимпериализма:

„Самой тонкой, наиболее искусно подделанной под научность и д международность, теорией социал-шовинизма является выдвинуя Каутским теория „ультраимпериализма". Вот самое ясное, самое чное и самое новое изложение ее самим автором:

„Ослабление протекционистского движения в Англии, понижение пошлин в Америке, стремление к разоружению, быстрое уменьшение, за последние годы перед войной, вывоза капитала из Франции и из Германии, наконец, усиливающееся международное переплетение различных клик финансового капитала,—все это побудило еня взвесить, не может ли теперешняя империалистская политика быть вытеснена новою, ультраимпериалистской, которая поставит на есто борьбы национальных финансовых капиталов между собою общую эксплоатацию мира интернационально-объединенным финансовым капиталом. Подобная новая фаза капитализма во всяком случае мыслима. Осуществима ли она, для решения этого нет еще достаточных предпосылок.

„...Решающим в этом отношении может оказаться ход и исход теперешней войны. Она может совершенно раздавить зачатки ультраимпериализма, разжигая до высшей степени национальную ненависть также и между финансовыми капиталистами, усиливая вооружения и стремления обогнать в этом друг друга, делая неизбежной вторую всемирную войну. Тогда то предвидение, которое я формулировал в своей брошюре: „Путь к власти", осуществится в ужасных размерах, увеличится обострение классовых противоречий, а вместе с тем и моральное отмирание (буквально: отхозяйничание, Abwirtschaftung крах) капитализма"... (Надо заметить, что под этим вычурным словечком Каутский разумеет просто-на-просто „вражду" к капитализму со стороны „промежуточных слоев между пролетариатом и финансовым капиталом", именно: „интеллигенции, мелких буржуа, даже мелких капиталистов")... Но война может кончиться иначе. Она может привести к усилению слабых зачатков ультраимпериализма. Ее уроки" (это заметьте) „могут ускорить такое развитие, которого долго пришлось бы ждать во время мира. Если дело дойдет до этого, до соглашения наций, до разоружения, до длительного мира, тогда

худшие из причин, ведшие до войны все сильнее к моральному отмиранию капитализма, могут исчезнуть". Новая фаза, разумеется, принесет с собой „новые бедствия" для пролетариата, „может быть еще более худшие", но „на время" „ультраимпериализм" „мог бы создать эру новых надежд и ожиданий в пределах капитализма" (стр. 145).

Каким образом выводится из этой „теории" оправдание социал-шовинизма?

Довольно странным — „для теоретика" — именно следующим образом:

Левые с.-д. в Германии говорят, что империализм и порождаемые им войны не случайность, а необходимый продукт капитализма, приведшего к господству финансового капитала. Поэтому необходим переход к революционной борьбе масс, ибо эпоха сравнительно мирного развития изжита. „Правые" с.-д. грубо заявляют: раз империализм „необходим", надо быть империалистами и нам. Каутский в роли „центра" примиряет:

„Крайние левые,—пишет он в своей брошюре „Национальное государство, империалистическое государство и союз государств (Нюрнберг 1915)—хотят „противопоставить" неизбежному империализму социализм, т.-е. „не только пропаганду его, которую мы в течение века противопоставляем всем формам капиталистического государства, а немедленное осуществление социализма. Это кажется очень радикальным, но способно лишь оттолкнуть всякого, кто не верит в немедленное практическое осуществление социализма, в лагерь империализма" (стр. 17).

„Говоря о немедленном осуществлении социализма, Каутский „осуществляет" передержку, пользуясь тем, что в Германии, при военной цензуре особенно, нельзя говорить о революционных действиях. Каутский прекрасно знает, что левые требуют от партии немедленной пропаганды и подготовки революционных действий, а вовсе не „немедленного практического осуществления социализма".

„Из необходимости империализма левые выводят необходимость революционных действий. „Теория ультраимпериализма" служит Каутскому для оправдания оппортунистов, для изображения дела в таком свете, что они вовсе не перешли на сторону буржуазии, а просто „не верят" в немедленный социализм, ожидая, что перед нами „может быть" новая „эра" разоружения и длительного мира. „Теория" сводится к тому и только к тому, что надеждой на новую мирную эру капитализма Каутский оправдывает присоединение оппортунистов и официальных с.-д. партий к буржуазии и их отказ от революционной (то-есть пролетарской) тактики во время настоящей бурной эры, вопреки торжественным заявлениям Базельской резолюции.

„Заметьте, что Каутский при этом не только не заявляет: новая фаза вытекает и должна получиться из таких-то обстоятельств и

условий,—а, напротив, заявляет прямо: даже вопроса об „осуществимости“ новой фазы я еще не могу решить. Да и в самом деле, взгляните на те „тенденции“ к новой эре, которые Каутский указал. Поразительно, что к числу экономических фактов автор относит „стремление к разоружению“. Это значит: от несомненных фактов, которые совсем не мирятся с теорией преступления противоречий, прятаться под сень невинных мещанских разговоров и мечтаний. „Ультраимпериализм“ Каутского—это слово, кстати сказать, совсем не выражает того, что автор хочет сказать—означает громадное притупление противоречий капитализма. „Ослабление протекционизма в Англии и Америке“,—говорят нам. Где же тут хотя бы малейшая тенденция к новой эре? Доведенный до крайности протекционизм Америки ослаблен, но протекционизм остался, как осталось и привилегии, предпочтительные тарифы английских колоний в пользу Англии. Вспомним, на чем основана смена предыдущей, „мирной“, эпохи капитализма современною, империалистической: на том, что свободная конкуренция уступила место монополистическим союзам капиталистов, и на том, что весь земной шар поделен. Ясно, что оба эти факта (и фактора) имеют действительно мировое значение: свободная торговля и мирная конкуренция были возможны и необходимы, пока капитал мог беспрепятственно увеличивать колонии и захватывать в Африке и т. п. незанятые земли, при чем концентрация капитала была еще слаба, монополистических предприятий, т.-е. столь громадных, что они господствуют во всей данной отрасли промышленности, еще не было. Возникновение и рост самих монополистических предприятий (вероятно, этот процесс ни в Англии, ни в Америке не приостановился, едва ли Каутский решится отрицать, что война ускорила и обострила его) делает невозможной прежнюю свободную конкуренцию, вырывает почву из-под ног у нее, а раздел земного шара заставляет от мирного расширения перейти к вооруженной борьбе за передел колоний и сфер влияния. Смешно и думать, что ослабление протекционизма в двух странах может изменить тут что-либо.

Далее, уменьшение вывоза капитала в двух странах за несколько лет. Эти две страны, Франция и Германия, по статистике, напр., Хармса, в 1912 году имели капиталов за границей приблизительно на 35 миллиардов марок (около 17 миллиардов рублей) каждая, а Англия одна вдвое больше. Рост вывоза капитала никогда не был и не мог быть при капитализме равномерным. О том, чтобы накопление капитала ослабело или чтобы емкость внутреннего рынка серьезно изменилась, напр., крупным улучшением в положении масс, Каутский не может и заикнуться. При таких условиях из уменьшения вывоза капитала за несколько лет в двух странах выводить наступление новой эры никак не приходится.

„Усиливающееся международное переплетение клик финансового капитала“. Это—единственная действительно всеобщая и несомненная тенденция не нескольких лет, не двух стран, а всего мира, всего

капитализма. Но почему из нее должно вытекать стремление к разоружению, а не к вооружениям, как до сих пор? Возьмем любую из всемирных „пушечных" (и вообще производящих предметы военного снаряжения) фирм, напр., Армстронга. Недавно английский „Экономист" (от 1 мая 1914) сообщал, что прибыли этой фирмы с 606 тыс. фунтов ст. (около 6 миллионов руб.) в 1905-1906 г.г. поднялись до 856 в 1913 г. и до 940 (9 миллионов руб.) в 1914 году. Переплетенность финансового капитала здесь очень велика и все возрастает; немецкие капиталисты „участвуют" в делах английской фирмы: английские фирмы строят подводные лодки для Австрии и т. д. Международно-переплетенный капитал делает великолепные дела на вооружениях и войнах. Из соединения и переплетения разных национальных капиталов в единое интернациональное целое выводить экономическую тенденцию к разоружению— значит подставлять добренькие, мещанские пожелания о притуплении классовых противоречий на место действительного обострения их".

Возвращаясь к вопросу о сверхъимпериализме в работе „Империализм как последний этап капитализма", Ленин пишет:

„Теоретическая критика империализма у Каутского потому и не имеет ничего общего с марксизмом, потому и годится только как подход к проповеди мира и единства с оппортунистами и социал-шовинистами, что эта критика обходит и затушевывает как-раз самые глубокие и коренные противоречия империализма: противоречие между монополиями и существующей рядом с ними свободной конкуренцией, между гигантскими „операциями" (и гигантскими прибылями) финансового капитала и частной торговли на вольном рынке, между картелями и трестами — с одной стороны, и некартелированной промышленностью — с другой и т. д.".

Совершенно такой же отсталый характер носит, как мы видели выше, и сочиненная Каутским пресловутая теория „ультраимпериализма".

„В самой деле, достаточно ясно сопоставить общеизвестные, бесспорные факты, чтобы убедиться в том, насколько ложны перспективы, которые старается внушить немецким рабочим (и рабочим всех стран) Каутский. Возьмем Индию, Индо-Китай и Китай. Известно, что эти три колониальные и полуколониальные страны, с населением в 6—7 сот миллионов душ, подвергаются эксплоатации финансового капитала нескольких империалистических держав: Англии, Франции, Японии, С. Штатов и т. д. Допустим, что эти империалистические страны составят союзы, один против другого, с целью отстоять или расширить свои владения, интересы и „сферы влияния" в названных азиатских государствах. Это будут „империалистские" или „ультраимпериалистские" союзы. Допустим, что все империалистские державы составят союз для „мирного" раздела названных азиатских стран, — это будет интернационально-объединенный финансовый капитал". Фактические примеры такого союза имеются в истории XX века,

напр., в отношениях держав к Китаю. Спрашивается „мыслимо“ ли предположить, при условии сохранения капитализма (а именно такое условие предполагает Каутский), чтобы такие союзы были не кратковременны, чтобы они исключали трения, конфликты и борьбу во всяческих и всех возможных формах.

„Достаточно ясно поставить вопрос, чтобы на него нельзя было дать иного ответа, кроме отрицательного. Ибо при капитализме не мыслимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов колоний и пр., кроме как учет силы участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д. А сила изменяется неодинаково у этих участников дележа, ибо равномерного развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может. Полвека тому назад Германия была жалким ничтожеством, если сравнить ее капиталистическую силу с силой тогдашней Англии; то же Япония по сравнению с Россией. Через десяток-другой лет мыслимо ли предположить, чтобы осталось неизменным соотношение силы между империалистскими державами? Абсолютно немыслимо.

Поэтому „интеримпериалистские“ или „ультраимпериалистские“ союзы в капиталистической действительности — в какой бы форме эти союзы ни заключались, в форме ли одной империалистской коалиции против другой империалистской коалиции или в форме всеобщего союза всех империалистских держав, являются неизбежно лишь „передышками“ между войнами. „Мирные союзы подготовляют войны и, в свою очередь, вырастают из войн, обусловливая друг друга, рождая перемену форм мирной и немирной борьбы из одной и той же почвы империалистских связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики“.

К этим критическим замечаниям т. Ленина по поводу Каутского следует прибавить, что с самого начала мировой войны и социал-патриотического угара, охватившего вождей германской социал-демократии, на точку зрения Каутского о возможности преодоления империализма при сохранении капитализма, дал и автор „Финансового капитала“ Р. Гильфердинг. В статье „Теория катастрофы. Взаимность и насилие как методы торговой политики“, статье, написанной в 1916 г., Гильфердинг утверждает:

„Капитализм возможен и в том случае, когда весь мир в капиталистическом отношении развит приблизительно одинаково, между тем как империализм предполагает наличие значительных экономических различий.

„Рабочий класс может защищать лишь торговую политику, основанную на взаимности.

„Таким образом свободная торговля, в качестве противовеса империалистической торговой политике и самому империализму, становится неизбежным боевым лозунгом пролетариата.

„С этой точки зрения колониальная политика утрачивает свое значение. Становится безразличным, кому принадлежат колонии в политическом отношении. Развитие английской колониальной державы принесло большие экономические выгоды всем остальным народам, ибо они были избавлены от расходов, связанных с приобретением и развитием колоний“.

В статье, напечатанной 1-го января 1922 г., Гильфердинг доказывает, что эпоха империалистических противоречий пришла к концу, что отныне начинается время великой империалистической гармонии. Гильфердинг пишет:

„Капиталистическое хозяйство знает два способа увеличения прибыли: конкуренцию и соглашение. По мере развития капитализма соглашение все более вытесняет конкуренцию. То же самое можно сказать о международной политике капиталистических государств... Результатом последней войны явилось образование двух могущественных центров, господствующих над всеми остальными. Вместе с тем эта война доказала всю гибельность войны. Чтобы достичь известных успехов, нужно изменить методы: на место борьбы нужно поставить соглашение“.

Соглашение—вот совет, который Гильфердинг преподал капиталистам в 1922 году на основании своего анализа мирового положения.

Цитированную только что статью Гильфердинг написал в „Фрейхейт“ под влиянием Вашингтонской мирной конференции. Гильфердинг писал: „о новой мировой политике“, о коренном изменении природы империализма в сторону „усиления противоречий отдельных государств“ путем „надгосударственных союзов и организаций“, путем превращения их государств „в мировые хозяйственные целые“.

Полный восторга по поводу великих достижений Вашингтонских миротворцев, Гильфердинг рисовал тогда такую идиллию:

„Новый метод соответствует пацифистской идеологии, сильно выступающей в англо-саксонском мире. Борьба на Дальнем Востоке исключается... с помощью конференции. Огромные расходы по вооружениям теперь становятся faux frais, бесполезными расходами капиталистической экспансии... И как методы картелей и трестов имеют преимущество перед методами свободной конкуренции, так новая метода мировой политики превосходит старую“. Заметим, что и Жорес до войны развивал мысль о возможности устранения войны в результате трестирования капиталов.

„Говоря 20 декабря 1911 г. о франко-германском соглашении от 4 ноября, Жорес сказал:

„Все более и более интересы изменяются, смешиваются, скрепляются неразрывными узами; опрокидывая национальные перегородки и таможенные рогатки, действует великое сотрудничество промышленного и финансового капитала, и крупные банки участвуют в образовании крупных промышленных предприятий. Они снабжают их деньгами, координируя их работу, и так как они в то же самое время

оказывают финансовую поддержку отделениям, находящимся во всех странах и за морем, влияние их распространяется и на эти области, координируя капиталы, устанавливая между ними такую зависимость, при которой разрыв единственного узелка кредита в Париже потрясает кредитный аппарат в Гамбурге, в Нью-Йорке и полагает основание для солидарности капиталистов, опасной, когда она базируется на корыстных интересах, но становящейся в известное время гарантией мира под влиянием общей воли народов.

„Крупные банки, организовав капиталы, оказались бы способными поставить это дело в мировом масштабе, распределить между различными производящими странами, пропорционально их производительности и способности к труду, громадные мировые рынки".

„И в этом,—воскликнул Жорес,—заключается принцип экономической экспансии без территориальной монополии, без монополии таможенной".

2. Сверхъимпериализм и свободная торговля.

Мировая война разбила наивные мечты Жореса о возможности устранения войн в результате великого сотрудничества промышленного и финансового капитала в мировом масштабе. Послевоенный период окончательно разбил все мещанские, оппортунистические теории Каутских и Гильфердингов о притуплении классовых и международных противоречий в результате соединения и переплетения разных национальных капиталов в единое интернациональное целое.

Тов. Ленин зло иронизировал в 1915 г. над рассуждениями Каутского относительно „ослабления протекционизма в Англии и Франции". В самом деле, что мы видим сейчас в действительности на месте той картины, которую рисовал нам Гильфердинг, утверждавший, что эпоха империалистских противоречий пришла к концу, что отныне начинается эпоха великой империалистической гармонии. В области экономических взаимоотношений между государствами капиталистическими мир стоит так далеко от свободной торговли, как не стоял никогда, а между тем сколько „добреньких мещанских пожеланий", выражаясь стилем Ленина, высказали Каутский и Гильфердинг по поводу необходимости устранения таможенной борьбы и установления свободной торговли.

Как мы констатировали уже в нашей книге „Империализм" (см. стр. 191—195), „в торгово-промышленных отношениях между государствами мы являемся свидетелями такой острой экономической войны, какой в моменты самых тяжелых кризисов не знала эпоха до 1914 г.

„До мировой войны международные экономические отношения регулировались торговыми договорами на принципе небольшого благоприятствования. На этом базировались, напр., торговые сношения держав между собою.

„Версальский, с.-жерменский, севрский, трианонский мирные трактаты поставили Германию, Австрию, Болгарию и Турцию в исключительное положение, лишив их права пользования преимуществами благоприятствования со стороны победителей, которые, однако, со своей стороны, правом этим пользуются в отношении побежденных. На этом основании Франция может ввозить шелка, шампанские вина и пр. в Германию, но Германия должна мириться с целым рядом запретов ввоза ее товаров во Францию.

„В нынешней, охватившей весь мир экономической борьбе Соединенные Штаты занимают авангард.

„Подписанный 21 сентября 1922 г. Гардингом, принятый американским конгрессом новый таможенный тариф являлся попыткой перейти от слов к делу. Новый таможенный тариф во многих отношениях представлял настоящую непроницаемую перегородку на экономическом фронте Соед. Штатов. Не вдаваясь в подробности принятого конгрессом таможенного тарифа, укажем лишь вкратце, что шерсть и шелк обложены в 34—50% их стоимости на месте производства, фарфор и стекло—в 47—61%, сахар—в 68%, предметы роскоши—в 38—184% и т. д. До сих пор обложение сахара составляло лишь 17%, вместо установленных новым таможенным тарифом 68%. Это составляет повышение ровно в 4 раза.

„Указанными цифрами, однако, не исчерпывается характеристика нового таможенного тарифа Штатов. Агрессивность его выступает еще гораздо ярче из особого полномочия, которым снабжен теперь президент республики, на основании которого он вправе, не запрашивая конгресса, по своему усмотрению повысить утвержденные конгрессом ставки до 50%, в зависимости от степени угрозы, представляемой тем или иным импортным товарам отечественной промышленности. Его полномочия распространяются еще дальше—до права установки такого обложения, которое соответствует внутренним ценам товара американского происхождения.

„Но Соединенные Штаты не составляют исключения из общего правила. Борьба с иностранной конкуренцией на внутреннем рынке в самой обостренной, хотя и далеко не в такой степени, как Соед. Штатами, ведется всеми без исключения государствами в форме повышений таможенных ставок для конкурирующих товаров, частью путем полного запрета ввоза одного или целой группы товаров. Даже Англия, бывшая накануне войны самой либеральной в этом отношении, совершенно почти распростилась с принципами свободы торговли“.

Мы знаем, что влиятельная часть английской буржуазии, потерпевшая поражение на последних выборах, но все же собравшая наибольшее число голосов в стране (за консерваторов было подано 5 миллионов голосов, за либеральную партию 4.800.000 и за рабочую партию 4.400.000), пыталась найти спасение от растущего промышленного кризиса и все усиливающейся безработицы в сооружении китай-

ской таможенной стены протекционных тарифов, охватывающих все рынки стран, входящих в Британскую империю, в бегстве из Европы в собственные доминионы и колонии. Этот план самодовлеющей Британской империи был осужден на неудачу, между прочим, по той причине, что английские колонии и доминионы, соглашаясь на установление таможенной стены против американских, французских, японских и др. товаров, в то же время отстаивали свое право устанавливать таможенные пошлины и на товары самой метрополии. Таким образом даже собственные английские колонии и доминионы желают сохранить в своих руках средство борьбы против конкуренции со стороны метрополии. Может ли быть после этого речь о возможности свободной торговли в отношениях между такими государствами как Англия, Япония, Америка, Италия, Франция и др.

Вот как Кайо характеризует таможенную политику современной Франции:

„Франция, единственная из стран [1]), замкнулась в величественном одиночестве и теряет, одни за другими, мировые рынки. До войны мы пользовались наиболее благоприятными таможенными тарифами во всех странах мира. После победы и несмотря на исключительно выгодное положение, которое нам должна бы обеспечить победа, наше торговое положение в большей части стран скомпрометировано и наши товары трактуются менее благоприятно, чем в 1914 г.

„С тех пор, как были написаны эти строки (15 ноября 1920 г.), положение вещей еще ухудшилось.

„Законом 29 июля 1919 г. мы увеличили наши таможенные ставки до чрезмерных размеров. Этого было недостаточно. Последовательно было декретировано и декретируется почти ежедневно дальнейшее увеличение, иногда фантастическое, таможенных пошлин".

Г. Жез, экономист, пишет в газете „Новая Эра":

„В настоящее время мы все еще во власти диктатуры, учрежденной на время войны. Через три года, после прекращения военных действий, правительство, во мраке канцелярий или комиссий, самостоятельно предпринимает меры исключительной важности. Находясь в плену у нескольких крупных промышленников, оно издает протекционные указы, являющиеся подлинным злоупотреблением власти, попавшей в руки плутократии".

Итак, что же осталось от всех этих филистерских советов Каутского и Гильфердинга о преодолении воинствующего империализма возвратом вспять к свободной торговле, к эпохе манчестерства. Прав, как всегда, оказался Ленин, а не Каутские и Гильфердинги с их попытками уговорить капиталистов в преимуществах свободной торговли над таможенной войной всех против всех.

---

[1]) Не верно: не единственная, а первая из стран *М. П.*

3. Сверхъимпериализм и разоружение.

Перейдем к вопросу о вооружениях.

„Почему,—спрашивает т. Ленин,—из усиливающегося международного переплетения клик финансового капитала должно вытекать стремление к разоружению, а не к вооружениям, как до сих пор... Международно-переплетенный капитал делает великолепные дела на вооружениях и войнах. Наоборот, Гильфердинг в связи с „великими“ достижениями Вашингтонской конференции пытался уверить нас, что огромные расходы по вооружениям теперь становятся faux frais, бесполезными расходами капиталистической экспансии“.

По поводу подобных рассуждений г-д Гильфердингов и Каутских Ленин пишет в цитированной выше статье (см. „Коммунист“ № 1—2, стр. 88):

„И вот когда вооруженная борьба за великодержавные привилегии стала фактом, Каутский начинает уговаривать капиталистов и мелкую буржуазию, что война вещь ужасная, а разоружение вещь хорошая, совершенно так же и совершенно с такими же результатами, как христианский поп с кафедры уговаривает капиталистов, что человеколюбие есть завет бога и влечение души и моральный закон цивилизации. То, что Каутский называет экономическими тенденциями к „ультраимпериализму“, на самом деле есть именно мелко-буржуазное уговаривание финансистов не делать зла.

Что же, удалось ли Гильфердингам и Каутским уговорить капиталистов не делать зла и ослабить вооружения или, наоборот, оправдался прогноз Ильича насчет неизбежности усиленных вооружений в результате усиленного международного переплетения финансового и промышленного капитала? Вот что пишет английский генерал Ф. Морис о вооруженных силах современной Европы:

„Параграф 8 положения о Лиге Наций гласит:

„Члены Лиги Наций считают необходимым в интересах поддержания мира сократить вооружение до самых необходимых размеров“.

„Весной 1919 г., когда составлялся этот параграф, союзные державы и примкнувшие к ним государства признали, что соревнование в вооружении было одной из причин, повлекших человечество к разразившейся катастрофе.

„Первой заботой победителей и составителей Версальского договора было полнейшее разоружение побежденных виновников войны. Численность постоянных армий Германии, Австрии, Венгрии и Болгарии была ограничена; был даже выработан целый ряд сложных мер, препятствующих этим армиям увеличивать свой состав, запасы вооружения и пр.

„Что же касается численности армий, то в настоящее время названным государствам разрешено иметь всего лишь 198.000 чело-

век, что, по сравнению с 1913 г., когда численность армий этих государств достигала 894.135 ч., указывает на сокращение в 696.135 человек. Составители положения о Лиге Наций, повидимому, надеялись, что этими суровыми мерами они смогут повлиять на другие государства Европы и вызвать их на соответствующее сокращение вооружения. Однако жизнь и практика показали, что творцы Лиги Наций жестоко ошиблись в своих расчетах.

„В течение последних четырех лет вопрос о сокращении сухопутных армий неоднократно поднимался на общих собраниях и в комиссиях Лиги Наций, однако до сего времени никаких практических результатов достигнуто не было; и даже наоборот—было обнаружено, что вооруженные силы Европы возрасли в своей численности с момента опубликования параграфа 8 положения о Лиге Наций. Общая численность европейских армий в 1913 году достигала 3.747.179 человек; в 1922 году она определяется в 4.354.965 человек; таким образом, несмотря на сокращение постоянных армий Германии, Австро-Венгрии и Болгарии на 696.135 человек, в настоящее время наблюдается увеличение численности вооруженных сил Европы на 607.786 человек, по сравнению с 1913 г. Это показывает, что прочие державы Европы увеличили свои армии на 1.303.921 человек. В 1913 году, когда Европа имела большое количество накопленных богатств, тяжесть налогов казалась невыносимой. В 1922 году очень немногие государства Европы могли уложиться в рамки бюджета; большинство государств живет за счет займов и, увеличивая свои долги, уменьшает финансовую устойчивость всего мира. Расходы на вооружение растут, несмотря на все усилия Лиги Наций уменьшить траты на непроизводственные отрасли народной жизни".

Гильфердинг скакал и прыгал от радости по поводу результатов Вашингтонской конференции и писал о торжестве пацифистской идеологии. На самом же деле Вашингтонская конференция ни к какому сокращению расходов на вооружение не привела и ни на йоту не ослабила опасности мировой войны.

Вашингтонская конференция (1921—1922 г.г.) о сокращении морских вооружений отнюдь не повела, как это и можно было предвидеть, к смягчению конфликтов на Тихом океане и к действительному сокращению вооружений. Когда в 1912 году Англия начала переговоры с Германией о сокращении морских вооружений, это не обозначало близости англо-германского соглашения, наоборот, свидетельствовало о том, что англо-германский конфликт вступает в очень острую фазу. Ведя переговоры об одновременном сокращении английских и германских морских вооружений, правительство Великобритании ни на иоту не ослабило своей политики „окружения" Германии, равно как своей политики империалистической экспансии.

В результате Вашингтонской конференции был подписан всеми участвующими в конференции державами договор о прекращении

дальнейшего сооружения перволинейных судов большого тоннажа и установлена определенная пропорция между перволинейными флотами Америки, Англии и Японии. Япония прервала постройку дредноутов и супер-дредноутов и стала строить быстроходные крейсера и подводные лодки. Одновременно она стала тратить громадные средства на укрепления своих баз у японских берегов и вообще на Тихом океане. В момент Вашингтонской конференции на японских верфях было занято 153.000 рабочих. Ни один из этих рабочих не был уволен в течение последующего периода.

Равным образом Соединенные Штаты, отказавшись от программы увеличения своего перволинейного флота, приступили к увеличению числа крейсеров, больших подводных лодок (океанских подводных лодок), громадных воздушных судов и т. д. Само собою разумеется, что нет никакого противоречия между всеми этими американскими вооружениями, с созданием новых подводных лодок в 2.000 и более тонн водоизмещения, или гигантских аэропланов и американскими же призывами на Вашингтонской конференции о необходимости сокращения вооружений, ибо эти призывы представляют собой „моральную“ подготовку к войне в то время, как постройка гигантских подводных лодок, аэропланов и т. д. представляет материальную подготовку к войне.

Ярким моментом, свидетельствующим о начале новой борьбы на Тихом океане и об аннулировании решений Вашингтонской конференции о сокращении вооружений, явился вопрос о сооружении укрепления морской базы в Сингапуре. Стратегически Сингапур лежит на главных путях из Суэца в Австралию и Ново-Зеландию и из Индии на Дальний Восток. Он охраняет снабжение Запада бирманской нефтью и замыкает Тихий океан. Проект об укреплении Сингапурской базы был внесен весною 1923 г. в английский парламент под видом законопроекта об ассигновании 9½ милл. фунтов стерлингов (около 100 милл. р. золотом) на переустройство Сингапурской гавани. Законопроект прошел после горячих прений большинством 253 голосов против 94.

Г-н Арчибальд Херд, один из лучших английских публицистов, в „Дейли Телеграф“ от 4 мая писал: „Англия хочет иметь флот, который мог бы быть брошен в любой момент в любое место и против любого неприятеля. Британский флот не представляет из себя совокупности разрозненных морских единиц с наклеенными на них ярлыками. Это—нераздельно-единая и подвижная сила, но,—прибавлял он,—эта система обречена на гибель, если не будут созданы базы“.

Вот почему, поясняет Херд, решено развить работу по оборудованию Сингапурской базы“.

Эти заявления Арчибальда Херда о том, что Англия желает иметь флот, который мог бы быть брошен в любой момент в любое место и против любого неприятеля, как нельзя лучше иллюстрирует все мещанское скудоумие Гильфердинга с его фразами о „пацифистской идеологии, сильно высту-

ющей в англо-саксонском мире". Правда, в последнее время английская военщина уже не настаивает с прежним рвением на укреплении Сингапурской базы. Дело в том, что после двух повторных землетрясений Япония, как могучий соперник Англии в водах Зондского архипелага, должна быть сброшена на некоторое время со счетов. Голландия же, владеющая Зондскими островами, не является сильным соперником Англии в вопросе обеспечения путей, идущих в Китай и Австралию, из английской метрополии через Сингапур, Баб-эль-Мандеб, Порт-Саид, Гибралтар, Плимут. Ввиду ослабления Японии многие английские империалисты считают более целесообразным устроить вместо Сингапура сильную морскую базу на мысе Доброй Надежды, при чем мотивируется это тем, что в предстоящей войне с Францией английские суда могут быть отрезаны от Суэцкого канала. Очевидно, что для сохранения своего господства на Средиземном море английское адмиралтейство, как констатирует итальянская газета „Мессаджеро", распорядилось значительно усилить английские средиземные эскадры военными судами, находившимися в Атлантических водах. Таким образом, заключает „Мессаджеро", Макдональд продолжает традиционную милитаристскую политику Великобритании. Англия не только стремится отстоять свои старые позиции, но и пользуется всяким удобным поводом, чтобы завоевать новые. А как держит себя великая инициаторша Вашингтонской мирной конференции Америка, нам рассказывал недавно т. Ф. Капелюш в „Известиях":

„В конце 1922 года в американском „Army and Navy Journal" (военно-морском журнале) появилась, несомненно, с одобрения правительства,—статья, доказывающая, что „контроль" Америки над Панамским каналом дотоле останется иллюзорным, покуда чужие державы владеют островами на расстоянии полета аэроплана от этого канала. Речь идет о Вест-Индских (Антильских) островах, часть которых находится в руках Англии,—часть—в руках Франции. Англия обладает здесь целым рядом опорных пунктов для своего флота, начиная от Флориды, включая Ямайку и кончая Тринидадом. Цель, намеченная американскими экспертами-стратегами, лежит в основе американской политики. В последнее время Юз неоднократно за кулисами предлагал Англии уступить английские морские базы на Антильских островах Америке, взамен чего Америка обязывалась простить английский долг. Торг не состоялся. Англия наотрез отказалась, и этим объясняется та непримиримость, с которой Америка настояла на закабалении английских налогоплательщиков на 64 года для уплаты громадного военного долга.

Потерпев неудачу с Англией, Америка взялась за Францию. Разумеется, тоже за кулисами. Такие вещи неудобно оглашать до их осуществления. Однако недавно в „Echo de Paris" напечатано интервью с „приближенными" Юза следующего содержания: Франция безнадежно в долгу у Америки, а между тем Гваделуп и Марти-

ника, вестиндские колонии Франции, представляя громадный стратегический интерес для Америки, в то же время не имеют практического значения для Франции: их 400.000 жителей не являются резервуаром для армии, а ввоз и вывоз отсюда составил (в 1910 г.) всего 88 миллионов франков из общей суммы ввоза и вывоза французских колоний в 1½ миллиарда. Отсюда ясен вывод международных аршинников: уступите нам острова, а мы вам тогда „простим“ ваш долг. Ссылаются даже на Наполеона, как исторический прецедент: Наполеон уступил Луизиану Америке, чтобы удержать ее от союза с Англией“.

Но этим не ограничиваются империалистические вожделения американского капитала, который уже начинает увлекаться фантастическими захватными планами, вплоть до попыток аннексии... северного полюса. Морской министр С. Штатов произнес недавно в конгрессе (см. „Известия“ 12/II 1924 г.) сенсационную речь, в которой требует—аннексии Северного полюса Соед. Штатами. Он открыто признал, что проектируемый полет американского дирижабля „Шенандоа“ на полюс преследует не научные цели, а эту аннексию; последняя, дескать, является для Штатов стратегической необходимостью, ибо „в противном случае на полюсе вскоре будет развеваться флаг другой державы“. „Мы не можем позволить, чтобы эти обширные территории достались другому“. Денби выражает опасение, что арктическая область может быть за один год сфотографирована и занесена на карту летчиками другой державы (Англия). Эти милл. квадр. миль неисследованной территории „граничат с С. Штатами и являются для них постоянной угрозой“.

До такого явного абсурда империализм, кажется, никогда еще не доходил. Ведь, между полюсом и Аляской находится одна-полторы тысячи миль океана и льдов, а между южным краем Аляски и Соединенными Штатами еще 900 милл. „Уорлд“ пишет, что для защиты полюса Соединенными Штатами придется иметь целые цепи ледяных гор в качестве баз для дирижаблей и беспроволочного телеграфа, а для защиты этих баз целый флот ледоколов и полярных крейсеров.

Однако эта нелепая затея осуществляется вполне серьезно. Морское ведомство выработало план полета „Шенандоа“; полет обойдется, как уверяют, дешево: „всего“ в 200.000 долл.; в Аляске к „Шенандоа“ присоединится другой дирижабль „Рамапо“ с горючим, снаряжением, провиантом и пр.; „Рамапо“ будет везти на себе три аэроплана, один для причала на льду, другой на воде, третий—на суше. Пессимисты опасаются изменения объема газа в дирижаблях в полярных широтах: оптимисты указывают на равномерную температуру в этих широтах.

Англия, против которой направлена эта затея, в свою очередь, не зевает. Она уже „аннектировала“ всю область между 20 и 25 градусом западной долготы и между 58 градусом широты и.. Южным

полюсом. Эта аннексия захватывает все подходные пути к антарктическому континенту и к неисследованным еще областям, включительно с полюсом. Пока что Англии, таким образом, достается неисчислимое количество китов и тюленей. Что будет дальше, неизвестно.

Само собой разумеется, что для осуществления всякого рода захватных планов необходимо иметь сильные армии и флоты. Вот почему английские империалисты восстают против сокращения расходов на вооружение и требуют создания сильного воздушного флота, который мог бы оказать сопротивление воздушным эскадрам более сильной державы (Франции), для чего необходимо построить шестьсот аэропланов первого класса в составе 52 воздушных эскадр (см. речь в английском парламенте бывшего морского министерства сэра Самюэла Хора 20 февр. 1924 г.). Вот почему и американские империалисты не желают теперь слышать о конференциях по разоружению. По сообщениям из Вашингтона от 19 февраля Юз высказался против проекта о международной конференции по разоружению, заявляя, что международное соглашение по вопросам о сокращении военных судов, авиации и т. д. невозможно. По мнению Юза, вопрос о сокращении военных сил является исключительно европейским. Более того, Америка отказалась ратифицировать сен-жерменскую конвенцию об ограничении торговли оружием, потому что эта конвенция ограничивала свободу Соединенных Штатов в деле поставки оружия южно-американским государствам.

Да, „международно-переплетенный капитал делает великолепные дела на вооружениях и войнах", как же при таких обстоятельствах американской буржуазии отказываться от усиления своих армий и флотов и от поставок оружия южно-американским республикам?

Прибавим, что закончившаяся недавно (27 февраля) международная морская конференция в Риме по вопросу о разоружении завершилась полным фиаско. Представители Италии, Испании, Греции, Аргентины, Бразилии, Чили заявили, что они не подчинятся решениям конференции о сокращении морских вооружений и оставляют за собой свободу действий.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что именно ожесточенная экономическая война всех против всех, таможенные перегородки, которыми одно государство отделяет себя от другого, ведет к тому, что внешний рынок для целого ряда стран суживается, таким образом товарное перепроизводство, товарное полнокровие растет, промышленный кризис и безработица обостряются и буржуазия начинает искать в милитаризме и маринизме средство в деле облегчения капиталистического накопления и предупреждения колоссального товарного перепроизводства. Известна традиционная английская политика смягчения промышленного кризиса безработицы сооружением десятков новых крейсеров. И отчасти именно потому, что для Франции постепенно закрываются внешние рынки, буржуазные экономисты

ищут средства ослабления кризиса в расширении внутреннего потребительского рынка путем невиданного в прошлые эпохи усиления милитаризма.

Крайне характерно, что и правительство бывшего генерального секретаря II Интернационала Макдональда, взяв власть в свои руки, заявило на заседании палаты общин 21 февраля 1924 г. о своем намерении, ввиду сильной безработицы, начать постройку 5 крейсеров и 2 контрминоносцев, как только получит на это санкцию парламента. Либералы напоминали правительству обещания Рабочей партии во время выборов, что она будет проводить политику разоружения, и теперь им было интересно знать, какие новые обстоятельства заставляют правительство усиливать вооружение. Депутат Кенворти, между прочим, сказал: „Почему не попытаться уменьшить безработицу, объявив кому-нибудь добрую войну? Программу правительства никак нельзя назвать первой попыткой к умиротворению мира, которое было обещано премьером".

Макдональд в своем ответе заявил, что сооружение 5 крейсеров вовсе не является увеличением морских сил Великобритании. Они должны заменить 10 устаревших крейсеров, просуществовавших более 15 лет каждый, что считается предельным сроком для службы крейсера. „Если вы считаете, что разоружение может быть осуществлено путем разрушения флота, предоставив судам разваливаться на куски, то это, по всяком случае, не мой метод и я никогда не применю его" (одобрение на скамьях консерваторов). Далее Макдональд сообщил, что к 22 марта на строительных верфях будет уволено 2.250 человек, и если правительство не приступит к сооружению новых военных судов, предстоит увольнение еще 2.500 человек.

Тем не менее либералы продолжали протестовать, говоря, что это политика Болдуина, который обещал во время предвыборной кампании приступить для борьбы с безработицей и смягчения промышленного кризиса к сооружению морского порта в Плимуте. Один из радикальных депутатов характеризовал действие правительства, как политический подкуп, и не на собственные деньги, как это было в прежние дни, а за счет плательщиков налога.

При голосовании правительство получило большинство 372 голосов против 73, при чем консерваторы голосовали за правительство, а часть либералов—против. Результат голосования был оглашен под громкие протесты либералов, кричавших: „Новая коалиция", „Вы спасены консерваторами" и т. д.

Но разумеется, что уже рост милитаризма и маринизма сам по себе является фактором, делающим будущую войну неизбежной.

Товарообмен между капиталистическими странами не может развиваться при существовании и усилении непроходимых таможенных проволочных заграждений; все экономические связи порвались, кровообращение нарушено, и „все перепуталось",—как выражается Кайо,—все смешалось в один хаос, при котором никакое восстановление

хозяйства немыслимо. При таком положении очевидно, что у правящих классов сильной военной державы, вроде Англии или Франции, которые, конечно, не для „игры в солдатики“ увеличивают свои сухопутные армии, усиливают свои морские и воздушные флоты, умножают и совершенствуют все свои средства обороны и нападения, может явиться соблазн мечом разрубить гордиев узел экономических затруднений, сохранить у себя таможенную стену, оставить своих бульдогов у каждой лавки, но истребить всех кошек в кухне соседа, огнем своей артиллерии и взрывчатыми веществами со своих воздушных флотов разрушить все проволочные заграждения, мешающие проникновению отечественных товаров в соседнюю „дружественную“ страну.

Рост милитаризма и маринизма, безумная гонка из-за вооружений имеет свою страшную логику и совсем не похожа на гонку жокеев на скачках. На этих скачках, когда всадник, мчащийся впереди, замечает, что позади идущий начинает его обгонять, первый напрягает свои последние силы и старается сохранить дистанцию между своей лошадью и лошадью соперника, чтобы раньше прибыть к цели. В случае неудачи приходится подчиниться судьбе и потерять первый приз. В гонке вооружений дело всегда кончается роковым финалом: или идущий впереди оборачивается и стреляет в нагоняющего его соперника, или наоборот—настигающий берет на себя инициативу и неожиданным нападением сбрасывает с лошади и калечит идущего впереди всадника и таким образом первым приходит к намеченной цели. Так в войне 1914 года Германия, опередившая по организации и вооружению, быстроте мобилизации и т. д. своей армии Россию и Францию, которые начинают уже нагонять ее, первая бросается на своих соперников и, таким образом, своим нападением начинает мировую войну 1914—1918 г.г. Так в начале 1904 г. Япония, которая, после захвата и укрепления царской Россией Порт-Артура и Далянвана, овладения Маньчжурией, подступами к Корее и сосредоточения на Дальнем Востоке многочисленной и прекрасно вооруженной русской эскадры, начинает отставать от России по военной мощи на азиатском континенте, без всякого формального объявления открывает военные действия против России, неожиданным нападением выводит из строя три самых сильных судна русской Тихоокеанской эскадры—броненосцы „Цесаревич“ и „Ретвизан“ и крейсер „Палладу“—и, достигнув таким образом решительного превосходства на море, высаживает свои войска на материке.

Та неостанавливающаяся гонка вооружений, которую мы наблюдаем с момента окончания мировой войны, являясь симптомом и следствием крайнего обострения отношений между капиталистическими державами, одновременно является грозным фактором приближающегося момента взрыва мировой войны [1].

---

[1] Подробно см. нашу книгу „Мировая война 1914—1918 годов и будущие войны“.

4. Равновесие сил и капиталистическая гармония.

Доказывая, в противовес Каутскому, что всякого рода „интер-империалистические“ или „ультраимпериалистические“ союзы, созданные для мирного де раздела земного шара, могут носить лишь кратковременный характер и не могут обойтись без трений, конфликтов и борьбы во всяческих и всевозможных формах, тов. Ленин основывался на следующем доводе, блестяще оправданном всем современным положением капиталистического мира: „При капитализме, немыслимо иное основание для раздела сфер влияния, кроме как учет силы участников дележа, силы обще-экономической, финансовой и военной. А сила изменяется не одинаково у этих участников дележа, ибо равномерного развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может“.

По поводу этой мысли т. Ленина нужно сказать, что никогда в эпоху капитализма не было столь неравномерного развития отдельных предприятий, целых отраслей промышленности, наконец экономического могущества конкурирующих между собой стран, как именно в послевоенный период. Равновесие нарушено, во-первых, между странами, принявшими участие в мировой войне, и странами нейтральными с одной стороны, во-вторых, между странами победительницами и государствами побежденными с другой, в-третьих, между самими победившими государствами (Америка, Англия, Франция, Италия, Япония и т. д.).

Вот как бывший французский министр финансов Кайо характеризует положение, создавшееся в результате мировой войны:

„Во Франции пассив возрос от 270 до 280 миллиардов. Англия выдерживает колоссальное увеличение налогов. Все воюющие державы, исключая до некоторой степени Японию и Америку, стонут под бременем займов. Рядом с ними нейтральные страны сохранили свое довоенное положение. Вот простой пример: производство Франции было обременено ежегодными взносами в сумме от двенадцати до пятнадцати миллиардов для обслуживания своего долга, в то время как для той же цели соседние государства с одинаковым населением требовали от своих граждан только несколько сотен миллионов. Все смешалось. Финансовая карта мира покрылась гигантскими выпуклостями.

„Кто же осмелится воображать, что подобное положение вещей сможет продолжаться? Как же могут существовать вместе и рядом на одном и том же континенте две страны, разделенные реками, цепью гор, границей, проведенной на основании соглашений стран, у одной из которых производство только немного обременено налогом, тогда как у другой имеется чудовищный долг—триста миллиардов французского пассива соседней нации“.

Капитализм убивает самого себя. Не желая испытать национализаторской меры, которая могла бы поставить на очередь разрешение новых социальных задач, капитализм отказывается от меры, которая способна сообщить могущественный стимул к возрождению. Капитализм являлся великим проводником прогресса, поскольку он умел организовывать использование богатств. С того момента, когда задача оказалась выполненной, капиталистическая система представляется глубоко потрясенной.

„Новые великие капиталистические объединения (тресты, синдикаты, картель) великолепно поработали. Они вывели из равновесия мир, который пользовался этим равновесием в 1914 году. Они создали финансовый беспорядок, к которому цивилизованные народы не могут приспособиться не только потому, что порваны связующие их нити, так как он распространяется и на нейтральные страны, угрожая бросить их в бездну громадных долгов, но и потому, что в значительной степени он предопределяет и увеличивает экономический беспорядок, который фатально создался в результате войны и который плутократы, усложнив своей жадностью и разнузданной деятельностью, продолжают безумно поддерживать, чтобы избегнуть угрожающей им участи“ (Кайо, Куда идет Франция? Куда идет Европа? стр. 58—60).

Далее, если говорить о сравнительной финансовой мощи победивших государств до мировой войны, то великие державы были приблизительно равны друг другу и не были данниками один по отношению к другому. В настоящее время, целый ряд европейских государств попал неожиданно в финансовую кабалу С. Штатам, которые превратились в кредитора всей Европы и стянули громадные запасы золота, находившегося в европейских банках, в свои сейфы. В то время как государственный долг величайшей современной милитаристической державы Франции равняется по данным за 1924 г. уже 400 миллиардов франков, из которых один только внешний долг равняется 140 миллиардам, в то время как большинство финансовых руководителей сильнейших европейских государств ломает себе голову над тем, как свести в бюджете концы с концами, излишек государственных доходов над расходами в С. Штатах составлял в 1922—1923 г.г. сто шестьдесят миллиардов долларов. Итак, в то время как финансовая сила Франции и вообще Европы чрезмерно ослабела, финансовое могущество С. Штатов необычайно возросло. Но дело не только в соотношении сил между великими европейскими государствами и Америкой. Внутри европейской Антанты нет равновесия сил, нет равенства ни экономического, ни финансового, ни военного. Если мы возьмем две сильнейшие европейские державы—Англию и Францию, мы увидим, что здесь старое соотношение сил полетело к чорту. До войны франк был такой же устойчивой величиной, как и английский фунт стерлингов. Ныне франк катастрофически падает и фунт стерлингов равняется 105 франкам. По сравнению с довоенной эпохой ценность франка по

отношению к фунту стерлингов понизилась в пять раз. Если при учете сил при разделе сфер влияния это обстоятельство дает большинство преимущества Англии, за то имеется целый ряд факторов, ослабляющих позиции Англии в борьбе с Францией. Воздушный флот Франции сильнее английского и вообще Франция, благодаря своему подводному флоту, громадной армии, сильнейшей артиллерии, которая в случае войны могла бы держать под обстрелом весь Ламаншский пролив и обеспечить в случае нужды высадку французских войск на английском побережье, представляя грозного врага для Англии [1]), но и в чисто экономическом отношении империалистическая Франция, несмотря на катастрофическое падение ее валюты и колоссальную задолженность, имеет шансы при благоприятном стечении обстоятельств превратиться в непобедимого конкурента Англии и вытеснив последнюю с ее позиции в Европе и в Заокеанских странах. Уже до войны Франция была гегемоном в Европе по богатству железом. Владея колоссальными запасами железа, Франция успешно развивала свою металлургическую промышленность и военную индустрию, которая занимала второе место в Европе после германской. Но если Франция была гегемоном в Европе по богатству железом, она была, наоборот, беднейшей страной в Европе по богатству углем. Между тем для производства одной тонны железа необходимо израсходовать две тонны угля. Таким образом Франции приходилось импортировать ежегодно громадное количество угля из Англии и Германии. Недостаток угля, необходимость импортировать ежегодно более 20.000.000 тонн угля, девять десятых которого привозилась, при том, на иностранных судах, естественно удорожало производство во Франции и давило на все отрасли промышленности. Французской промышленности уголь обходился дороже:

на 12%, чем для бельгийской,
на 36% „ „ германской,
на 60% „ „ английской.

Снабжение французской промышленности коксом было еще дороже, Франция импортировала ежегодно около 4 миллионов тонн кокса. Это обстоятельство удорожало выплавку чугуна и последний обходился во Франции дороже:

7 франков на тонне против Бельгии,
14 „ „ „ „ Германии,
21 „ „ „ „ Англии,
25 „ „ „ „ С. Штатов.

Сравнительная дороговизна угля и железа, входящих как основные элементы в издержки производства, обусловливала дороговизну производства французских фабрикатов и не давала возможности французской промышленности победоносно бороться на мировых рынках с английской, американской и немецкой конкуренцией.

Если бы Франции удалось присоединить надолго рурский бассейн,

[1]) Подробно об этом см. нашу работу „Империализм", стр. 285—287.

годовая добыча угля в котором достигла 100 миллионов тонн в 1922 г., естественно, что французская промышленность сумела бы удешевить производство в степени опасности для конкурентов Франции. Владея громадными запасами железной руды, которой была бедна Германия[1], аннексировав на придачу колоссальные угольные бассейны Саарского и Рурского районов, Франция превратилась бы в более опасного конкурента Англии на мировых рынках, чем была Германия. Соединение Рурского кокса с железными рудами Лотарингии и Брнейского бассейна, открывает перед Францией перспективы создания могущественной тяжелой индустрии, угрожающей Великобритании как в экономическом, так и в военно-политическом отношении. Как писал Юр в „Экономической Жизни“ от 19 января 1923 г.:

„В 1922 г. Франция уже стала опережать Англию в выплавке чугуна. За 9 мес. 1922 г. чугуна выплавлено 3.596 тыс. тонн против 3.432 тыс. тонн в Англии, т.-е. на 164 т. тонн больше. Стали выплавлено за тот же срок 3.207 т. тонн против 4.159. Рост французской металлургии выявляется из сопоставления средней месячной выработки:

	В тыс. тонн.			
	чугун	сталь	чугун	сталь
	Англия.		Франция.	
1913	869	659	434	390
1921	221	307	280	255
1922	382	462	400	357
В %% в 1922	—	—	—	—
по сравн. с 1913	44%	70%	92%	90%

Во Франции на 1 октября 1922 г. работало 103 доменные печи или 40,5% наличных, в Англии 139—или всего 23,6% наличных“.

Дешевый, почти даровой репарационный германский уголь уже сыграл роль премии для всех видов французской промышленности, в том числе паровозостроительной индустрии. Угольная политика французского правительства создала базу для демпинга и дала возможность французской промышленности применить систему бросового вывоза и экспортировать за границу значительное количество товаров по цене ниже издержек производства, в убыток, лишь бы задушить конкурентов. Совершенно прав французский коммунист Лузон, который пишет в „Юманите“, что Англия не примирится с длительным захватом Рурского бассейна Францией и с попытками последней окончательно задушить Германию. В широких слоях французского народа,—говорит Лузон,—все более и более крепнет убеждение, что война с Англией неминуема. Оккупация Рура преследует цель — обеспечить французской металлургии первое место в Европе. Рурско-лотарингская металлургическая индустрия не может мирно существовать рядом с английской металлургией. Ни одна из них не согласится исчезнуть с лица земли, не попытавшись вновь столкнуть народы своих стран в кровавом мировом побоище. Мировая война 1914 — 1918 г.г. была в значительной мере войной

[1]) См. об этом подробнее нашу книгу „Империализм“.

Бирмингама, центра тяжелой индустрии Великобритании, с немецким Эссеном, столицей Круппа. Будущая война может быть вызвана непримиримостью интересов Бирмингама и Крезо, столицы династии Шнейдеров. Группа Шнейдера является той политической группой в среде французской буржуазии, которая с особой силой настаивает на фактической аннексии Рура и Рейна, в целях обоснования гегемонии заводов Шнейдера в европейской промышленности.

Как бы то ни было, оккупацией Рура империалистическая Франция, помимо целей военно-стратегического характера, на которых мы уже останавливались в нашей работе „Империализм", стремится к понижению издержек производства на фабрикаты французской промышленности для успешной конкуренции на мировых рынках с Англией, Америкой и другими странами путем применения бросового экспорта.

Каутскому и Гильфердингу кажется, что так легко добиться капиталистической гармонии. Стоит только капиталистам понять свои собственные интересы, и все будет хорошо: не будет ни дорого стоющих вооружений, этих затрат на непроизводительные расходы, ни войн. Увы, даже Кайо, который в довоенный период потратил в качестве руководителя судеб Франции не мало усилий на устранение опасности франко-германской войны путем всякого рода соглашений между обеими странами, как будто начал сомневаться теперь, в результате опыта мировой войны, в возможности достигнуть каких-нибудь реальных результатов подобными соглашениями.

„Руководители картелей и трестов хорошо видели,—пишет Кайо,—что рынки насыщены; они видели, что промышленники душат друг друга в поисках сбыта своих продуктов в странах, куда для них представлялся свободный доступ, стремясь захватить даже такие области, которые охранялись протекционной системой. Они чувствовали, что такое положение не может продолжаться. Но как найти из него выход?—В соглашении.

„Решение слишком сложное, неприятное, слишком дорогое. Чрезвычайно трудно найти пути к столь обширным соглашениям. Чрезвычайно неприятно соглашаться с соперниками, которых ненавидят так, как только могут ненавидеть люди из деловых кругов. Дорогая вещь, наконец, эти соглашения о посредничестве, потому что если они приносят известную гарантию устойчивости и планомерной экономической экспансии, то, с другой стороны, они обязывают к тяжелым жертвам, к немедленному отказу от многих выгод.

„Не придется ли оплакивать значительную долю выгод, которые были созданы протекционизмом и экономическим положением, вытекающим из него.

„Европа, представляющая единство в промышленном отношении, быстрыми шагами пойдет к установлению принципа свободной торговли или, во всяком случае, к уменьшению таможенных тарифов. Доходы фабрикантов, уже сокращенные, еще более

будут ограничены, в то время, как банки, являясь единственными организациями, которые по самой природе своих операций обладают способностью, подобно большим птицам, перелетать из края в край по земному шару, фатально и к своей выгоде окажутся во главе экономического движения.

„Печальные перспективы".

Итак, очевидно, что даже образование всеохватывающего интернационального государственно капиталистического треста, о котором мечтают Каутские и Гильфердинги с их болтовней о гармонии в капиталистическом строе треста, в который вошли бы не только страны-победительницы Англия, Франция, Америка и т. д., но хотя бы даже и побежденные страны, как, например, Германия, согласно плану группы Венделя [1]), не в состоянии было бы устранить противоречие интересов и, как результат этого трения, конфликты, наконец, войны между государствами объединенными в таком всеобъемлющем тресте.

Реальная действительность послевоенного периода и особенно последних лет, полный развал Антанты, этого своего рода международного военно-экономического треста, который, согласно планам Лиги Наций, должен был без взаимной драки и ссор между членами этого концерна, без дорого стоющих вооружений и т. д. поделить весь мир на „зоны влияния", ожесточенная экономическая война всех против всех, беспримерный рост милитаризма и маринизма, превзошедший по своей интенсивности безумную скачку вооружений довоенной эпохи—все это блестяще оправдало те взгляды, которые уже в 1915 г. развивал тов. Ленин, критикуя мещанские благоглупости Каутских, повторенные Гильфердингом в 1922 г. Теория сверхъимпериализма оказалась мертворожденным продуктом поразительной недальновидности и, вместе с тем, оппортунистического реформизма вождей II Интернационала. Подобно всем буржуазным миротворцам, Кайо, Нитти и другим, Каутские и Гильфердинги видят путь спасения, путь преодоления воинствующего империализма в возврате вспять к свободной торговле, к эпохе либерального пацифизма, всеобщего мира и пацифизма—и все это в условиях всеохватывающих международных трестов и концернов,—тогда как с точки зрения т. Ленина, гениальнейшего теоретика и величайшего практика революционного марксизма, **путь преодоления империализма и устранения опасности новой мировой войны лежит не позади, в возвращении назад к эпохе манчестерства, а впереди, в революционном преодолении империализма свержением капиталистического строя и коммунистической организацией мирового хозяйства.**

Мих. Павлович.

---

[1]) Группа Венделя группа французских металлургистов, владеющих Лотарингской рудой, поставляющих железо и сталь для германской металлообрабатывающей промышленности и защищающих идею образования немецко-французского угольно-железного концерна.

Ленин и современное естествознание.

Последние годы XIX века и начало XX были отмечены исключительными открытиями в области физики и химии—открытиями, наложившими печать на все последующее развитие этих наук. Новые поразительные по своей смелости методы экспериментальной техники позволили проникнуть в самую глубь строения вещества. Удалось впервые установить тесную связь между электричеством, материей и эфиром. Ведь, именно в эти годы Ленаром, Кауфманном и Томсоном был открыт электрон, как мельчайшая составная часть материи; были подтверждены на опыте впервые высказанные Томсоном мысли о том, что электрический заряд должен обладать массой, изменяющейся в зависимости от скорости его движения, наконец, были открыты и изучены лучи Рентгена. Это была пора, когда складывалась электрическая теория материи. Об этой поре Эрнест Рутерфорд, один из виднейших физиков нашего времени, в своей недавней речи, произнесенной на съезде Британской ассоциации, говорит, как об „эпохе ренессанса"—об эпохе возрождения физики [1]). Но этот удивительный подъем в области науки был встречен в широких кругах т.-н. „образованного" общества, находящегося под влиянием философов идеалистов, мастерящих общественное мнение, благоприятное для правящих классов, как полное банкротство старого естествознания, как полное банкротство материализма. Именно эта мутная волна попятного движения в области философии, будто бы поддерживаемая неоспоримыми данными новейшей науки, докатилась до России в годы торжества реакции, после памятного 1905 года. Таким образом столь хорошо известная попытка „исправлять" или „дополнять" учение Маркса в период „ликвидации" революции 1905 года неожиданно оказалась связанной с новейшими успехами физики!

Владимир Ильич сразу заметил опасность, которая грозила отступившей, но не разбитой в 1905 году пролетарской партии, и со всей страстностью революционера обрушился на этот модный тогда философский уклон. Мы только теперь можем как следует понять,

[1]) „Под Знаменем Марксизма", 1923 год, № 12.

насколько глубоко Владимир Ильич оценил грозившую тогда опасность. Мы теперь хорошо видим, что измена социал-демократии философским взглядам Маркса и Энгельса идет рука об руку с изменой рабочему классу. Мы видим, что вырастающие на наших глазах болезненные явления вроде „рабочей правды" тесно связаны с отступничеством от нашей материалистической философии. Теперь это все ясно, но тогда, в эпоху дикого царского самодержавия, увидать опасность в каких-то философских выводах из новейших физических теорий! Какой зоркий глаз надо было для этого иметь!

Владимир Ильич сразу понял, что не замечательные открытия физиков и химиков тут виноваты. Ученые виноваты только в одном: они не знают диалектического материализма и потому, когда они пытаются защищать от философов ту материалистическую точку зрения, на которую их „стихийно" влечет их научная работа в тех немногих случаях, когда они за это берутся, они путаются и своим беспомощным барахтанием в философских вопросах способствуют внешнему успеху своих „критиков". Говоря об одной из схваток между представителями идущей вперед науки и реакционной философии, происходившей в 1901 году на съезде Британской ассоциации, Ленин подробно разбирает речь физика Артура Рикера, который „от имени, несомненно, массы естествоиспытателей отстаивал стихийно материалистическую точку зрения". Ленин находит его точку зрения в общем правильной со следующей поправкой: „недостает этому физику только знания **диалектического** материализма (если не считать, конечно, тех очень важных житейских соображений, которые заставляют английских профессоров называть себя „агностиками")". Но как можно доказать, что развивающаяся на наших глазах наука лучше, чем когда-либо раньше, подтверждает правильность диалектического материализма и что те, кто доказывают обратное, не видят или не хотят видеть совершающегося перед их глазами? В наше время часто приходится слышать, что марксист должен брать от каждой естественно-научной теории ее верхушки, ее философию, а до содержания марксисту дела нет—это, мол, мелочи, пустяки: пусть этим занимаются специалисты. Не так поступил Ленин: он **попросту внимательно изучил те вопросы, о которых, спорили физики разных течений и философы различных толков и, пользуясь фактами самой науки, разбил вдребезги своих противников!** Это был поистине гигантский труд: те семьдесят страниц V главы „Материализма и эмпириокритицизма" где идет речь о „новейшей революции в естествознании" и о том, как она искажается модными философами и философствующими естественниками, скрывают за собой изумительную работу. Чтобы высказать те замечательные мысли, которыми пересыпано изложение сложнейших задач

современной физики, о которых выдающиеся ученые высказывали в то время самые нелепые соображения—о философах и говорить нечего,—надо было вникнуть в мельчайшие детали самого производства науки, надо было **понять** физику, понять естествознание так, как понимают его специалисты, десятки лет над ним ломающие себе голову.

Но, что еще более удивительно, Ленин, повидимому, не располагал всеми источниками и притом такими, где важные для него мысли более отчетливо сформулированы—ему поэтому приходилось черпать доказательства, сокрушающие идеалистические выдумки буржуазных философов с еще большим трудом. Тем труднее была задача и тем большее наше удивление должно вызывать ее блестящее решение.

В настоящей статье мы остановимся на нескольких важнейших задачах, волновавших в то время ученый мир, да и продолжающих волновать его и по сей день, и посмотрим, как к этим задачам подходил Ленин. Какие взгляды были у него на эти насущные задачи современной науки?

На первом плане стоит возникновение и развитие электрической теории материи. Ряд экспериментальных исследований Шустера, Кауфманна, Ленара, Томсона и его учеников привели нас к выводу, что каждый атом любого вида материи содержит некоторое количество отрицательно заряженных частиц или электронов. В последние годы мы убедились, что и положительное электричество, входящее в состав ядра атома, имеет также частичное строение. Выяснилось, что ядро атома состоит из частиц, заряженных положительным электричеством, и электронов; положительно заряженных частиц там больше, чем электронов, наружные же части атома состоят из одних электронов, вращающихся наподобие планет вокруг центрального ядра; общее же число электронов равно числу положительных зарядов, так что атом в целом электрически нейтрален. Таким образом оказалось, что нет материи без электричества и, наоборот, электричества нет без материи. Это неожиданно открывшееся единство было истолковано философами следующим образом: вместо материи осталось одно только электричество:—значит никакой материи больше не существует!

Но этого мало: в восьмидесятых годах XIX столетия Томсон, развивая электромагнитную теорию Масквелля, показал, что всякое электрически заряженное тело должно обладать **благодаря своему заряду** „добавочной“ или „электромагнитной“ массой или „инерцией“. На эту замечательную работу никто не обратил внимания, но когда были открыты электроны, когда мы научились экспериментировать с этими маленькими быстро несущимися частицами, то все

теоретические выводы Томсона [1]) подтвердились в классических опытах Кауфманна. Опыты Кауфманна не только показали, что электромагнитная масса существует, но и что масса электрона исключительно электромагнитного происхождения; к этому выводу в научных и научно-популярных статьях стали добавлять: у электрона нет „материальной массы“. „Материя исчезла с нашего горизонта“. Здесь опять, внезапно открывшееся гигантское обобщение, отождествившее материю с электричеством, поставило в безвыходное положение метафизически мыслящих философов и ученых. Опыты Кауфманна подтвердили еще и другой вывод Томсона: электромагнитная масса возрастает со скоростью. По Ньютону масса всякого тела величина постоянная. Для метафизически мыслящих умов такое противоречие невыносимо; что-нибудь одно должно погибнуть и, конечно, должна погибнуть механика Ньютона с ее материей и тогда наступает царство новой науки без материи! Но все эти противоречия были разрешены Томсоном еще в восьмидесятых годах XIX века. В чем же суть дела? Механика Ньютона рассматривала только такие формы материального движения, в которых мы не могли заметить деятельного участия среды — эфира в этом движении. Механика электронов с их громадными скоростями должна учитывать действие среды: она представляет собой учение о новых формах движения. По мере увеличения скорости к электрону как бы налипает все больший и больший ком окружающего его эфира [2]). В ясной форме эти взгляды мы находим только у Томсона, у других авторов мы встречаем на каждом шагу запутанную терминологию, сводящуюся к тому, что механика упразднена, а материя перестала быть материальной, и вот в этом хаосе [3]), в котором далеко не всякий даже хорошо образованный физик мог разобраться. Ленин сразу нашел правильное решение и в нескольких словах выяснил, в чем коренится вся эта философская путаница и чего не понимают порой даже сами авторы этих новейших исследований. Вот эти поистине замечательные слова: „Когда физики говорят: „материя исчезла“, они хотят этим сказать, что до сих пор естествознание приводило все свои исследования физического мира к трем последним понятиям—материя,

[1]) Существует теперь значительное число выражений для электромагнитной массы но сказать, какое из них лучше отражает факты, еще нельзя. Вопрос, в конечном счете, сводится к тому, как мы себе представляем распределение электрического заряда в пределах самого электрона.

[2]) Об этом подробнее смотри А. Тимирязев „Под знаменем Марксизма“ № 4, 1922 год: „Опровергает ли электрическая теория материи материализм“, „Наступление на материализм тов. Гольцмана“ (июль 1923) и „Эйнштейн, материализм и тов. Гольцман“ № 1, январь 1924.

[3]) Книжка Томсона „Электричество и материя“ (немецкий перевод „Elektricität und Mterie“ вышел в 1904 году) до сих пор не переведена на русский язык! И ее появление почти нигде не встретило отклика.

электричество, эфир; теперь же остаются только два последние, ибо материю удается свести к электричеству, атом удается объяснить, как подобие бесконечно малой солнечной системы, внутри которой вокруг положительного электрона двигаются с определенной (и необъяснимо-громадной, как мы видели) быстротой отрицательные электроны. Вместо десятков элементов удается, следовательно, свести физический мир к двум или трем (поскольку положительный и отрицательный электрон составляют „две материи существенно различные“,—как говорит физик Пелла). Естествознание ведет, следовательно, к единству материи—вот действительное содержание той фразы об исчезновении материи, о замене материи электричеством и т. д., которая сбивает с толку многих“. Здесь помимо верного и точного изображения того, что действительно произошло за последние годы в нашей науке, видно удивительно осторожное отношение к тому, в чем ученый может быть очень силен, если даже его слова на первый взгляд и могут показаться для непосвященного в детали научной работы не вполне приемлемыми и во всяком случае не вполне желательными. Ленин говорит: наука привела к единству материи, но внимательно прислушивается к словам Пелла, что положительное и отрицательное электричество „две материи существенно различные“, и мы действительно теперь хорошо знаем, что электрон в 1840 раз легче самой легкой положительно заряженной частицы—ядра атома водорода или „протона“—как ее теперь называют—и которая, повидимому, входит в состав ядер всех атомов вообще. В последнее время выяснилось, что размеры „протона“ во много раз меньше размеров „электрона“ в противоположность их массам. В то время, когда писал свою книжку Ленин, все это было далеко еще не так выяснено, да и Пелла не располагал еще столь сильными аргументами, и тем не менее Ленин обратил на это внимание, потому что он ясно понимал, где физики действительно говорят не зря. Он за дело разносит ученых, когда они по указке философов идеалистов строят нелепые философские выводы из своих собственных работ, но внимательно относится к каждому мелкому замечанию, основанному на знании фактов. Пишущему эти строки не раз приходилось слышать даже от марксистов упреки, что физики пошли по неправильному пути, допуская существование „протонов“ наряду с электронами, потому что это удаляет нас от единства материи! Ленин отлично понимал, что в этом отношении физики кругом правы: раз положительно заряженные частицы не похожи на электроны, то, по какой дороге ни пойди, этого не обойдешь!

Чтобы еще резче подчеркнуть свою точку зрения, Ленин в своей книжке приводит следующие слова Уильяма Рамсея: „Знаменитый химик Уильям Рамсей говорит: „Меня спрашивали: разве электричество не есть вибрация? Как же можно объяснить беспроволочный

телеграф передвижением маленьких частиц или телец (корпускул)? Ответ на это состоит в следующем: электричество есть вещь; оно есть (курсив Рамсея) эти маленькие тельца, но когда эти тельца отлетают от какого-нибудь объекта, то по эфиру распространяется волна, подобная волне световой, и эта волна утилизируется для беспроволочного телеграфа" (William Ramsay, „Essays biographical and chemical, Lond. 1908, p. 126). Рассказав о превращении радия в гелий, Рамсей замечает: „по крайней мере один так называемый элемент не может уже теперь быть рассматриваем как последняя материя; сам он превращается в более простую форму материи" (p. 160). „Почти несомненно, что отрицательное электричество есть особая форма материи, а положительное электричество есть материя, лишенная отрицательного электричества, т. е. есть материя минус эта электрическая материя" (176). „Что такое электричество? Прежде думали, что есть два рода электричества—положительное и отрицательное. В те времена нельзя было ответить на поставленный вопрос. Но новейшие исследования делают вероятным, что то, что привыкли называть отрицательным электричеством, есть на самом деле субстанция. В самом деле относительный вес его частиц измерен; эта частица равняется приблизительно одной тысячи семисотой доле массы атома водорода... Атомы электричества называются электронами" (196). К этой выписке Ленин добавляет „Если бы наши махисты, пишущие книги и статьи на философские темы, умели думать, то они поняли бы, что выражения: „материя исчезает", „материя сводится к электричеству" и т. п. есть лишь гносеологически-беспомощное выражение той истины, что удается открыть новые формы материи, новые формы материального движения, свести старые формы к этим новым и т. д." (Курсив наш. А. Л.). Здесь опять мы видим, насколько глубоко в область физики должен был проникать Ленин, чтобы строить свои философские выводы. Это пожалуй еще более наглядно выступает в следующем отрывке из V главы „Материализма и эмпириокритицизма": „Материя исчезает—это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже; исчезают такие свойства материи, которые первоначально казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. п.) и которые теперь обнаруживаются, как относительные, присущие только некоторым состояниям материи. Ибо единственное „свойство" материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания". Эти брошенные вскользь замечательные мысли, опиравшиеся на имевшиеся тогда разрозненные сведения в специальной литературе, впоследствии подтвердились и подтверждаются с особен-

ной ясностью теперь на наших глазах. Вот маленькая выписка из речи Резерфорда, прочтенной через год после того, как была написана книга Ленина: „Если принять во внимание значительную энергию движения α частицы и незначительное количество энергии, поглощаемое при ионизации отдельной молекулы, то представляется несомненным, что α частица, как показал Брагг, фактически проходит сквозь атом или, вернее, сквозь сферу действия атома, лежащего на ее пути. Атом не успевает, так сказать, посторониться с пути быстро движущейся α частицы, и последней приходится пройти сквозь атомную систему. Согласно этому взгляду, *старое положение, что два тела не могут занимать одновременно одного и того же места, в большинстве случаев несомненно верное, теряет силу по отношению к атомам материи если они движутся с достаточно большой скоростью*" (курсив наш. *А. Т.*) [1]. Но больше того—с условностью обычного определения непроницаемости, сохранившегося со времен средних веков и перешедшего в наши современные учебники, написанные по всем правилам новейших методических систем, приходится сталкиваться и теории электронов. В самом деле, когда мы вычисляем электромагнитную массу электрона, иначе, по Томсону, „связанную с силовыми линиями электрона массу эфира", то нам приходится принимать в расчёт всю „связанную" массу во всем беспредельном пространстве. Правда, большая часть этой массы находится в ближайшем соседстве с электроном, однако суммировать или „интегрировать" приходится по всему пространству, и это безразлично, считаем ли мы, что эфир существует или существует только „пустота с электромагнитными свойствами", как любят говорить сторонники „чистого описания" и враги „материалистической метафизики". Таким образом носитель массы отдельного электрона строго говоря—весь мир! Ясно, что при таких условиях старое понятие о непроницаемости в достаточной мере относительно. Далее по Дж. Дж. Томсону мы воспринимаем массу эфира как весомую, только пока она „связана" с силовыми линиями электрических зарядов. Остальная масса для нас невесома—ни мы на нее, ни она на нас не оказывает воздействия. И эта необыкновенно смелая мысль не ускользнула от Ленина „как ни диковинно", пишет он на стр. 265, „с точки зрения „здравого смысла" превращение невесомого эфира в весомую материю и обратно, как ни „странно" отсутствие у электрона всякой иной массы кроме электромагнитной, как ни необычно ограничение механических законов движения одной только областью явлений природы и подчинение их более глу-

[1] Философия науки, естественно-научные основы материализма, часть I, выпуск 2 стр. 221 (появится в марте 1921 г.). Госиздат.

боким законам электромагнитных явлений и т. д.—все это только лишнее подтверждение диалектического материализма".

Весьма интересно, что в новейших работах О. Винера, возвращающегося в запрещенную [1]) принципом относительности область науки — именно в область, изучающую возможные модели эфира [2]), имеются крайне интересные указания на то, что теоретически в сплошной жидкой среде можно подобрать такие формы движения, при которых отдельные части движущейся жидкости будут действовать друг на друга через посредство промежуточных частей жидкости, с отталкивательными или притягательными силами или наконец не будут влиять совсем друг на друга. Эти находящиеся в различных состояниях движения части жидкости Винер называет „барическими", „антибарическими" и „абарическими" массами, т.-е. массами весомыми, противовесомыми, т.-е. отталкивающимися, и невесомыми. Таким образом, идя по пути обобщения механики, отыскивая новые формы движения, мы можем подойти к вопросу о превращении „весомой" материи в „невесомую" и обратно, т.-е. к объяснению того, что, по словам Ленина, хотя и „диковинно с точки зрения „здравого смысла", но в то же время является только подтверждением диалектического материализма".

В заключение отметим еще мысли Ленина по поводу энергии и невозможности построения всей физики на одном только понятии об энергии. Это особенно важно потому, что даже среди марксистов, правда далеко стоящих от производства самой науки, существует путаница во взглядах на энергию. Многие просто даже обижаются, когда им скажешь, что для физика энергия—есть способность производить работу. А работа и способность к работе или энергия измеряется произведением пройденного пути на величину силы, действовавшей на этом пути в направлении перемещения. Как бы и кто бы ни обижался, но в современной науке других определений работы и энергии не выдумано. Говорят, что введение понятия об энергии может нас застраховать от опасности мыслить материю без движения и движение без материи, но практика показывает как раз обратное: все пытавшиеся проводить энергетические взгляды скатывались в сторону отрицания носителя энергии—т.-е. материи—и в лучшем случае признавали существующим одно только движение [3]).

[1]) В последние годы власть этого нового учения над умами людей науки значительно ослабевает параллельно с усилением интереса, проявляемого к этой теории в кругах неспециалистов.

[2]) O. Wiener. Das Grundgesetz der Natur und die Erhaltung der absoluten Geschwindigkeit im Aether. Leipzig 1921, p. 12.

[3]) См. „Под знаменем марксизма"—А. Тимирязев. „Наступление на материализм тов. Гольцмана". Июнь 1923.

Большинство философов, незнакомых как следует с физикой, убеждено, что введением понятия энергии достигается какая-то особенная глубина наших познаний в области физики. Мы, физики, смотрим как раз наоборот: мы пользуемся уравнением закона сохранения энергии для первой ориентировки при изучении новых классов явлений. Ленин с поразительной проницательностью отметил эту сторону самого процесса работы физика; он прежде всего приводит слова Генриха Гертца: „Интересно отметить взгляд Гертца на энергетику. „Если мы,—писал он,—спросим, почему собственно современная физика любит в своих рассуждениях употреблять энергетический способ выражения, то ответ будет такой: потому, что таким образом всего удобнее избегнуть того, чтобы говорить о вещах, о которых мы очень мало знаем... Конечно, мы все убеждены, что весомая материя состоит из атомов; об их величине и движениях их в известных случаях мы имеем довольно определенные представления. Но форма атомов, их сцепление, их движение в большинстве случаев совершенно скрыты от нас... Поэтому наши представления об атомах представляют из себя важную и интересную цель дальнейших исследований, отнюдь не будучи особенно пригодны служить прочной основой математических теорий". „Гертц ждал,"—продолжает Ленин,—от дальнейшего изучения эфира выяснения „сущности старой материи, ее инерции и силы тяготения". Отсюда видно, что Гертцу даже не приходит в голову возможность нематериалистического взгляда на энергию. Для философов энергетика послужила поводом к бегству от материализма к идеализму. Естествоиспытатель смотрит на энергетику, как на удобный способ излагать законы материального движения в такое время, когда физики, если можно так выразиться, от атома отошли, а до электрона не дошли" (курсив наш. *Л. Т.*). О том, к чему приводит увлечение энергетикой, Ленин высказывает следующие соображения: „Энергетика Оствальда хороший пример того, как быстро становится модной „новая" терминология и как быстро оказывается, что несколько измененный способ выражения ничуть не устраняет основных философских вопросов и основных философских направлений. В терминах „энергетика" так же можно выразить материализм и идеализм (более или менее последовательно, конечно) (курсив наш. *Л. Т.*), как и в терминах „опыта" и т. п. Энергетическая физика есть источник новых идеалистических попыток мыслить движение без материи—по случаю разложения считавшихся дотоле неразложимыми частиц материи и открытия дотоле невиданных форм материального движения". Особенно ясно виден взгляд Ленина на энергетику в одном примечании [1]) к изложению взглядов знаменитого фи-

[1] Материализм и эмпириокритицизм, стр. 291.

ка Лудвига Больтцманна. Дело идет о рецензии Больтцманна на ебник физической химии Вобеля; желая подчеркнуть правильность гляда, проводимого в рецензируемой книге, Больтцманн пишет: втор строго держится за дуализм материи и энергии". К этим сло- м Ленин в примечании добавляет: „Больтцман хочет сказать: втор не пытается мыслить движение без материи урсив наш. *А. Т.*). Говорить о дуализме тут смешно. Философский низм и дуализм состоят в последовательном или непоследователь- м проведении материализма или идеализма". Таким образом в ом важном вопросе, который тщательно запутан философами и спомощным барахтаньем в философских вопросах большинства гественников, Ленин сразу намечает правильную линию, совпадаю- ую с той, по которой идут исследователи в процессе сво- і работы.

Из этих немногих примеров мы видим, что в вопросах естество- ания Ленин, совершенно не считаясь с теми, кто только гово- ят о науке, какими бы авторитетами они ни пользовались, на- авлялся сразу к самому производству науки, внимательно ислушивался к голосам великих ее созидателей и черпал у них , в чем они действительно сильны, отметая при этом значительную якинь философских выводов, порой белыми нитками пришитых к енным научным работам...

Пишущему эти строки невольно приходит на память один слу- ай из его университетской жизни, имевший место два года тому зад. После лекции по теоретической физике мне постоянно прихо- ится отвечать на вопросы студентов, причем часто эти вопросы но- ят философский характер. И вот два года тому назад, когда я очень опился, я в спеху предложил спрашивавшим меня студентам про- есть V главу „Материализма и эмпириокритицизма". Там, сказал я, ы найдете ответ на вопрос, который вы мне сейчас задали. Через есколько дней я встретил одного из тех студентов [1]) на улице и ервая фраза, которую я от него услышал, была следующая: „Я про- ел... что за удивительная голова у Ленина, ведь он, не будучи фи- иком, понимает физику так, как ее понимаем мы с вами!"

Не скрывается ли в этих словах, невольно вырвавшихся у сту- ента, глубокий смысл—смысл ленинизма.

Не забудем, что Ленина заставила изучать естествознание от- аянная революционная борьба, борьба с течениями, разлагавшими ашу партию, следовательно и здесь в этой области Ленин такой же еволюционер, как и везде и всегда. Что же необходимо для успеш- ой борьбы в этой области, как и во всякой другой? Надо было изу-

[1]) Студент был беспартийный.

чить **то, что есть**, надо было уметь отличать действительные успехи науки, идущие всегда на пользу революции, от трескотни и шумихи, к которой прислушивалось все так называемое „образованное общество". Разве это не пример, хотя и в области далекой от непосредственной борьбы, того удивительного уменья по немногим фактам учитывать реальную обстановку,—уменья отличать среди бьющих в глаза, но в конце концов несущественных фактов, едва заметные проблески тех могучих сил, которые являются решающими в великой революционной борьбе?

А. Тимирязев.

Ленин и литература.

Мы знаем Владимира Ильича, как мирового вождя революционного пролетариата, как лучшего марксиста-экономиста и публициста. Все им сказанное, написанное, сделанное всегда оставляло неизгладимый след в развитии общественного сознания, хотя бы оно вызывало горячие споры и сомнения.

Мы знаем, что его сочинения—наилучшая и самая подробная история революционного движения российского рабочего класса, российской социал-демократии, история коммунистов-большевиков, запечатлевшая каждый шаг, каждый поворот, каждый уклон движения. Создана эта история на широком и крепком теоретическом фундаменте.

Но прежде всего тов. Ленин—великий организатор, организатор в мировом масштабе, организатор грядущего пролетарского переворота на всем земном шаре. Каждая им написанная строчка, хотя бы она носила отвлеченный, теоретический характер, отвечает на злободневный вопрос и имеет в виду ту или другую организационную задачу, выдвигаемую данным моментом в развитии рабочего движения.

Такие работы, как „Развитие капитализма в России“ или „Материализм и эмпириокритицизм“, не просто теоретические работы, а работы, сосредоточивающие и организующие общественное и пролетарское внимание на определенных вопросах, без разрешения которых нельзя было итти дальше в организации пролетарской революции.

В разрешении своей мировой организационной задачи Владимир Ильич обращался к экономике, статистике, истории, философии, больше всего к самой жизни. Все это он рассматривал, пересматривал и изучал через призму марксистского метода.

Два-три раза в целях укрепления своей позиции он воспользовался литературными датами.

В восьмидесятилетний юбилей Л. Н. Толстого, когда буржуазно-либеральная, демократическая пресса спекулировала на имени великого художника в своих политических целях, с намерением увели-

чить свое политическое влияние среди мелко-буржуазной интеллигенции, Владимир Ильич написал статью „Лев Толстой как зеркало русской революции". Статья эта появилась в нелегальном „Пролетарии" № 35 в сентябре 1908 года. В другом месте она в то время и не могла появиться. К Толстому он вернулся еще в дни его смерти, в ноябре 1910 года. Статья была помещена опять в нелегальной прессе, в № 18 „Социал-Демократа".

То, что тов. Ленин дважды обратился к вопросу о графе Л. Толстом и оба раза в момент напряженного общественного к нему внимания и занялся им, не смущаясь тем, что сфера влияния его слова была ограничена пределом проникновения в широкие массы нелегального заграничного органа, говорит о его великом организационном гение. Не только широкие массы, но и образованная и даже ученая часть русской интеллигенции имеет совершенно превратное представление о Л. Толстом, нередко сознательно искаженное. Тов. Ленин, как и Плеханов, хотел это общественное мнение, насколько возможно, повернуть в другую сторону. Это было тем более необходимо, что передовые слои рабочего класса всегда интересовались творчеством и учением яснополянского графа.

Эти же организационные цели наш великий учитель имел перед собой, когда в мае 1912 г. опять в нелегальном „Социал-Демократе" № 26 писал статью „Памяти Герцена".

Эти статьи мало известны, и будущие исследователи ленинизма, естественно, уделят им меньшее внимание, хотя бы в силу того, что тов. Ленин будет жить в сознании человечества прежде всего как гениальный вождь мирового пролетариата, как гениальный политик, который не имел близкого, непосредственного отношения ни к литературной критике, ни к истории литературы. Мы даже не знаем еще, каких художников слова и критиков он любил и перечитывал. Об этом мы можем только догадываться, но это мы должны узнать и установить, пользуясь воспоминаниями его товарищей и друзей, которые могли наблюдать или знать его внутреннюю жизнь и интересы в этой области. Мы, например, от его близких слыхали, что он любил Тургенева, и сам говорил автору этих строк в начале 1919 года, что перелистывает Щедрина и при этом отдыхает. Однако это могли быть случайные настроения, и на них ни в какой мере нельзя строить каких-либо заключений и выводов.

Поскольку все написанное Владимиром Ильичем носит на себе следы его оригинального ума, оно должно быть тщательно изучено, тем более, что он дал наилучшие образцы того, как надо рассматривать общественные явления в свете учения К. Маркса, лучшим истолкователем которого он был.

Марксистская мысль провела глубокие борозды, которые не смо-

жет сравнять никакое время, главным образом в области экономики и истории; в области методологии и истории литературы нами сделано очень мало. Тут мы живем наследством Плеханова. Это вдвойне обязывает нас сосредоточить свое внимание на литературно-публицистических статьях тов. Ленина. Это крупицы в полном смысле слова. Из нескольких тысяч написанных страниц они занимают всего 20-25 страничек. Но в этой капле много интересного, оригинального и поучительного.

Прежде всего встает вопрос, почему Владимир Ильич остановился на Герцене и Толстом? Разве Белинский нам не ближе Герцена, и разве Чернышевского мы не чтим больше Толстого? Несомненно так. Это подтверждается отчасти и тем, что Г. В. Плеханов очень много уделил внимания выяснению взглядов этих корифеев русской общественности, этих властителей дум. Почему же тов. Ленин не на них сосредоточил свое внимание, хотя бы и на самое короткое время? Ответ на это отчасти подсказан нам выше. Герценом и Толстым он воспользовался для своей организационной цели в определенный общественный момент, когда через этих великих людей старались повернуть общественную мысль назад. Если хотите—это случайность, но случайность историческая. Плеханов подошел к Белинскому и Чернышевскому, как чистый теоретик, и они давали ему наилучший материал для установления путей исторического подготовления русской социал-демократической мысли. Ленин подошел к Герцену и Толстому как публицист-организатор революционного пролетарского движения. На противоречии их сознания и жизни он вскрыл противоречия в революционном движении русской жизни. Один из этих великих людей, Герцен, принадлежит первой половине прошлого века, другой—второй. В творениях этих людей отразился, хотя и противоречиво, весь ход русской освободительной мысли. На противоречиях и колебаниях их ему было легче, чем на творениях Белинского и Чернышевского, подкрепить свою организационную линию, связав ее с развитием всего XIX века.

С какой стороны подошел к ним тов. Ленин, с наибольшей ясностью сказалось в заголовке первой статьи о Л. Толстом, как „зеркале русской революции“. Этот подход полностью сказался и в двух других статьях. С этой точки зрения он подходил ко всему. В сущности вся жизнь самого Владимира Ильича есть „зеркало русской революции“. Во всем этом есть великое непоколебимое подтверждение марксистской мысли, что критика должна подходить к литературно-художественному произведению с точки зрения организации жизни, с целью выявления элементов грядущего и настоящего, еще не выкристаллизовавшихся с бесспорной убедительностью, но уже ломающих отжившее, тормозящее движение вперед.

О Герцене и Толстом, хотя и не очень много, писали и другие марксисты. Писал о них и Г. В. Плеханов, но он подошел к ним несколько иначе, опять-таки больше, как чистый теоретик, выясняющий смысл их мировоззрения, их философии.

Этих вопросов касается и тов. Ленин.

Он останавливается на том, как Герцен изучил и проникся диалектикой Гегеля, вслед за Фейербахом подошел к материализму и стал головой выше „бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуидеалистов". Он устанавливает положение, что „Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед историческим материализмом".

Анализируя творчество и произведения Л. Толстого, он устанавливает, что в отрицании частной собственности, в отрицании упорном и страстном, сказалась у великого писателя психология крестьянской массы, когда прежняя средневековая форма землевладения стала мешать экономическому развитию России,—в страстном обличении капитализма выявился протест против грубой эксплоатации и всех тех ужасных бедствий, которые несет период первоначального накопления капитала,—в непонимании революционно-решающей роли пролетариата у европейски-образованного писателя отразилась психология „патриархального, наивного крестьянина".

Как видите, Ленин, как и Плеханов, умел тонко вскрыть сущность взглядов писателя и выяснить психологию его творчества, тем не менее центр литературно-публицистических статей Владимира Ильича лежит не в этой плоскости, а в той, которая позволяет ему вскрыть, как и какие исторические моменты отразились на той или другой стороне творчества писателя, как эти идеологические отражения возникали, развивались, крепли, напластывались друг на друга, создавая облик писателя. Берет тов. Ленин и с особой настойчивостью выдвигает отдельные стороны взглядов писателя, чтобы облегчить тернистый путь рабочего класса, уничтожая идеологические препятствия и поддерживая, хотя бы временно, и использовывая то, что способствует его движению вперед.

Читая данные статьи, мы со всей ясностью видим, что Герцен и Толстой исторически неизбежны в развитии русской общественности, как исторически неизбежен был сам Ленин в истории развития мирового пролетариата.

Фет в своих воспоминаниях воспроизводит письмо В. Боткина:

„Я теперь испытываю на себе, как в известные периоды жизни поэтическое чувство оставляет человека или, по крайней мере, отдаляется от него. Тем более в известные эпохи, переживаемые обществом. Для поэтического чувства необходимы тишина и сосредоточе-

ние. Но как найти душевную тишину и сосредоточение в такое время, какое переживаем мы? Увы! Бессмертная эпоха русской поэзии прошла и, бог знает, вернется ли когда-нибудь. Даже и те, которые могут повторять: „Блажен, кто знает сладострастие высоких мыслей и стихов!",—стали едва заметной кучкой, а скоро и эта кучка исчезнет. Поэтическая струя исчезла и из европейских литератур, замутила их проклятая политика; признаюсь откровенно, все эти вопросы политико-экономические, финансовые, политические внутренно нисколько меня не интересуют. А здесь все только ими и заняты. А я, между тем, понимаю ясно, что они составляют настоятельную необходимость—да я чужой в них. Люди, вполне умные в одной сфере, несут такую дичь, когда касаются другой и особенно эстетической, что не знаешь, что сказать".

Это было написано в 1866 году. Это в различных вариациях повторяется даже и в нашей жизни, повторяется в известной мере нашими „попутчиками", напр., „Серапионовыми братьями", выпустившими в свое время довольно интересную идеологическую платформу.

Против этих „попутчиков" революции тов. Ленин задолго до революции в разбираемых статьях выставил другую точку зрения.

В статье о Толстом он просто, ясно, устраняя всякую возможность двух толкований его мыслей, писал: „Правильная оценка Толстого возможна только с точки зрения того класса, который своей политической ролью и своей борьбой... доказал свое призвание быть вождем в борьбе за свободу народа и за освобождение масс от эксплоатации,—...возможна только с точки зрения социал-демократического (терминология 1910 года. *В. П.*) пролетариата".

Касаясь Герцена и констатируя, что „духовный кризис Герцена, его глубокий скептицизм и пессимизм после 1848 года был крахом буржуазных иллюзий в социализме", он указывает: „этого не поняли и не могли понять рыцари либерального российского языкоблудия, которые прикрывают теперь свою контр-революционность цветистыми фразами о скептицизме Герцена".

Эти цитаты показывают, что Владимир Ильич подходил к выяснению роли и значения в жизни писателя не с общей и голой, отвлеченной формулой марксизма: „бытие определяет сознание", а наполнял эту формулу живым содержанием, не только общим мировоззрением передового революционного пролетариата, но и его политикой, чтобы некоторым общественным группам не дать возможности скептицизмом Герцена прикрыть свой „переход от демократии к либерализму,—к тому холуйскому, подлому, грязному и зверскому либерализму, который расстреливал рабочих в 1848 году, который восстановлял разрушенные троны, который рукоплескал Наполеону III и

который проклинал, не умея понять его классовой природы, Герцена".

Этот подход к литературным деятелям особенно поучителен в наши дни, когда мы за революционной фразеологией в советском стиле сплошь и рядом опускаем из виду идеологию, забываем о вреде, который несет та или другая повесть этого стиля в рабочие массы, даем возможность многим скрывать свое истинное существо, позволяем им болтаться среди пролетариата даже в больших ролях, мешая нарождению и развертыванию новой жизни.

В оценке литературных произведений и писателей не достаточно быть марксистом, надо быть еще организатором и политиком рабочего класса. Только все это вместе гарантирует правильность и полноту оценки. Только это позволит слово связать с делом. Только таким путем можно использовать и приспособить наследие прошлого и использовать его живых, умирающих, но еще не умерших представителей, хотя и талантливых, но во многом нам чуждых.

Эта организаторская точка зрения сказалась у Владимира Ильича во взгляде на его идеологическую область. Что он говорил? Пока пролетариат не научился соблюдать чистоты, мыться, чесаться и не перевел вшей, рано еще мечтать о пролетарской культуре; надо постичь и усвоить буржуазную культуру. Тут сказался великий организатор, который задумался над вопросом, как бы пролетарская энергия не ушла в ту культурно-творческую область, где ее, несомненно, растратится слишком много просто в преодолении всяких препятствий, которые могут исчезнуть, если та же энергия с большей экономией будет приложена в первую очередь к усвоению культурных завоеваний прошлого. Великий организатор, да позволено будет сказать, производил бухгалтерский учет пролетарской энергии и занимался ее распределением. Можно не согласиться и оспаривать фактический учет и распределение энергии, но никоим образом нельзя не признать правильной самую постановку вопроса.

В своих статьях Владимир Ильич не касался художественной формы разбираемых писателей. Он признал ее высокой без всякого анализа, предоставив этим делом заниматься спецам. Для него первенствующее значение имеет смысл, идея произведения. То произведение, которое непосредственно или через призму истории, прямо или косвенно, освещает путь движения пролетариата, привлекает его внимание, как строительный материал будущего.

Этим подсказывается разрешение и того волнующего всех вопроса, где и какой материал должен искать и брать художник слова. Он не должен отрываться от земли и текущей жизни, от рабочего класса, если он из него вышел,—он должен понять рабочий класс и приблизиться к нему, если он выходец из другого класса, но хочет служить

ролетариату и вместе с ним способствовать движению вперед. Стремление к фантастическому нагромождению случайных жизненных влений, хотя бы и занимательных, стремление к необычайности ожета почти всегда ведут к искажению жизненной правды, делают роизведение никчемным, лишают его общественной значимости, а эредко сообщают произведению отрицательный характер. Художник элжен стремиться уловить и понять основное растущее содержание изни, в наше время он не должен копаться в мусоре, выброшенном а берег грозным прибоем пролетарской революции; пусть он с ясной ыслью, с открытой грудью выплывет на широкий простор, не теряя, равда, из виду берега, чтобы вместе с рабочим классом, помогая му и учась у него, встретить раскаты новой бури, которая идет с ападного горизонта.

Ленин не только разработал теорию захвата пролетариатом власти, но и сорганизовал рабочий класс для этого захвата, произвел ахват и власть удержал. К этому он пришел не случайно, а в результате изучения социалистического движения. Характерной особенностью тов. Ленина было то, что он умел предугадывать нарастающие события и повороты в рабочем движении, умел заранее подготовляться к ним теоретически, исправляя и дополняя свою теорию в вязи с историческими изменениями и нарастаниями.

Литература, как часть идеологии, как не только отражение кизни, но и одно из средств ее организации, должна итти тем же путем, что и всякая идеология. Критика не только истолковывает художественное произведение, но и исправляет промахи творчества и направляет внимание художника в ту или иную сторону в зависимости от исторических условий. Она помогает также и читателю, помогает ему разобраться в собранном и сконцентрированном художником опыте и взять из него, как и из науки, идеологические элементы, чтобы опираясь на них, легче было оперировать в жизненной борьбе.

Ленин не раз говорил: „Приятно слышать умное слово, но важнее всего, чтобы оно во-время было сказано". Это положение обязывает как теоретика, так и художника чутко прислушиваться к пульсу жизни, к ее запросам, чтобы во-время быть готовым дать соответствующие ответы на запросы исторического момента.

Писатели-художники любят кричать о беспартийности, об объективности, их охватывают судороги, когда встает вопрос о политике, особенно в наше время. Товарищ Ленин поставил этот вопрос при взгляде на Герцена и Толстого со всей свойственной прямотой, так как все разговоры об объективности—вздор, гнусный обман, а политика в руках пролетариата есть средство укрепления и охранения нарождающейся коммунистической жизни, следовательно, орудие организации жизни.

Великий организатор пришел в мир, чтобы перевернуть жизнь, которая строилась по принятому человечеством исчислению девятнадцать веков. И этой великой цели он подчинил все средства борьбы и строительства, в том числе и художественную литературу и критику, видя в них, как и вообще в печатном слове, могучее средство.

Этот урок поучителен, мы должны его использовать и воспитать на нем современных художников и критиков, если принадлежность к той или иной классовой группировке не является для них непреодолимым препятствием.

Мы не останавливались на конкретных положениях указанных статей. В данном случае нас интересовали не они, а подход, метод оценки литературных явлений, способность тов. Ленина отвлеченную мысль или образ связать с живой действительностью и среди хаоса бурно-текущих явлений жизни найти основное русло и главную струю, которая силой своего течения подчиняет себе все остальное.

В этом великий урок Ленина, и современные писатели должны твердо его помнить и изучать.

Валерьян Полянский.

Материализм и диалектика в творчестве В. И. Ленина.

„Философы лишь объясняли мир так или иначе: но дело заключается в том, чтобы изменить его".

К. Маркс.

Хотя Ленин и не любил философствовать, однако, формула „моя философия—никакой философии" к нему совершенно не применима. Ленин прекрасно понимал значение философии; он не только ценил, но и знал ее. Это доказывается его книгой „Материализм и эмпириокритицизм", написанной в течение одного года, в которой обнаруживается не только большая эрудиция автора, но и его глубокая философская проницательность. Книга блестяще ниспровергает эмпириокритическую философию мертвой реакции, беспощадно вскрывая всю несостоятельность и реакционность Богдановых, Базаровых и Юшкевичей. Попутно Ленин обнаруживает ошибку такого выдающегося специалиста по философии, каким был Г. В. Плеханов.

Тем не менее, этой крупной работой и четырьмя-пятью небольшими статьями ограничиваются философские работы Ленина. И это не случайно. Формула „моя философия—поменьше философии" необходимо вытекала из всего его мировоззрения. Ибо, один шаг реального революционного движения лучше дюжины программ, ибо—„приятнее и полезнее революцию проделывать, чем писать о ней". Революционная борьба—лучшая философия революционера. Победа—наиболее убедительный из аргументов. В самом деле, Ленин превосходно, лучше чем кто-либо другой знал, что идеалистическая философия зиждется не столь на логических постулатах, сколько на классово-психологических основах, что нет сверхобщественной, надклассовой, беспартийной философии. „За гносеологической схоластикой эмпириокритицизма нельзя не видеть борьбы партии в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологии враждебных классов современного общества. Новейшая философия так же партийна, как две тысячи лет тому назад. Борющимися партиями по сути дела, прикрываемой гелертерски-шарлатанскими новыми кличками или скудоумной беспартийностью, являются мате-

риализм и идеализм. Последний есть только утонченная, рафинированная форма фидеизма, который стоит во всеоружии, располагает громадными организациями и продолжает неуклонно воздействовать на массу, обращая на пользу себе малейшее шатание философской мысли. Объективная классовая роль эмпириокритицизма всецело сводится к прислужничеству фидеистам в их борьбе против материализма вообще и против исторического материализма в частности" [1]). „Дицген-отец... выразил правильно, метко, ясно основную точку зрения марксизма на господствующие в буржуазных странах и пользующиеся среди их ученых и публицистов вниманием философские направления, сказавши, что профессора философии в современном обществе представляют из себя в большинстве случаев на деле не что иное, как „дипломированных лакеев поповщины". Наши российские интеллигенты, любящие считать себя передовыми, как, впрочем, и их собратия во всех остальных странах, очень не любят перенесения вопроса в плоскость той оценки, которая дана словами Дицгена. Но не любят они этого потому, что правда колет глаза. Достаточно сколько-нибудь вдуматься в государственную, затем обще-экономическую, затем бытовую и всяческую иную зависимость современных образованных людей от господствующей буржуазии, чтобы понять абсолютную правильность резкой характеристики Дицгена. Достаточно вспомнить громадное большинство модных философских направлений, которые так часто возникают в европейских странах, начиная, хотя бы, с тех, которые были связаны с открытием радия и кончая теми, которые теперь стремятся уцепиться за Эйнштейна,—чтобы представить себе связь между классовыми интересами и классовой позицией буржуазии, поддержкой ею всяческих форм религий и идейным содержанием модных философских направлений [2]). В другом месте Ленин пишет: „Ни единому из этих профессоров (буржуазных.—Б. Б.), способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит о философии. Почему? По той же причине, по которой ни единому профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить ни в одном слове, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя—такая же партийная наука в современном обществе, как и гносеология. В общем и целом, профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии—ученные приказчики теологов. Задачи марксистов и тут и там суметь усвоить себе и переработать завоевания, которые делаются этими „приказчиками" (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономиче-

[1]) В. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Заключение.
[2]) Его же. О значении воинствующего материализма („Под знаменем марксизма", № 3 за 1922 г.).

ских явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков),—и уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов" [1]. „Беспартийность в философии есть только презренное лакейство пред идеализмом и фидеизмом" [2].

Если так, если борьба философских школ есть борьба классовая, то лучшим оружием философской борьбы является революционное действие. Логические доводы бессильны против классовой природы буржуазной науки. Не „всесильный разум" французских материалистов, а вооруженное восстание народных масс дало победу великой французской революции не только над феодально-монархическим государством, но и над феодально-монархической идеологией. Только социальная борьба и победа, перестраивающая общественное бытие, рушит почву под враждебным сознанием. Только пролетарская революция дает необходимое питание для пышного расцвета материалистической идеологии. Вот почему я сказал, что победа данного класса—наиболее убедительный аргумент в пользу его философии. Вот почему, когда Ленин и вступал на арену философской дискуссии, он превращал ее из надземного словопрения в реальную социальную борьбу. „Известное изречение гласит, что если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, то они, наверное, опровергались бы. Естественно-исторические теории, задевавшие старые предрассудки теологии, вызвали и вызывают до сих пор самую бешеную борьбу. Неудивительно, что учение Маркса, которое прямо служит просвещению и организации передового класса современного общества, указывает задачи этого класса и доказывает неизбежную—в силу экономического развития—замену современного строя новыми порядками, неудивительно, что это учение должно было с боя брать каждый свой шаг на жизненном пути. Нечего говорить о буржуазной науке и философии, по-казенному преподаваемых казенными профессорами для оглупения подрастающей молодежи из имущих классов и для „натаскивания" ее на врагов внешних и внутренних. Эта наука и слышать не хочет о марксизме, объявляя его опровергнутым и уничтоженным, и молодые ученые, делающие себе карьеру на опровержении социализма, и ветхие старцы, хранящие завет всевозможных обветшалых „систем", с одинаковым усердием нападают на Маркса. Рост марксизма, распространение и укрепление его идей в рабочем классе, неизбежно вызывает учащение и обострение этих буржуазных вылазок против марксизма, который после каждого „уничтожения" его официальной наукой становится все крепче, закаленнее и жизненнее" [3]. Ленин, с присущей ему пламенностью, боролся против буржуазной науки и философии, как он боролся против всей

[1] Материализм и эмпириокритицизм, гл. VI, § 4.

[2] Там же, § 5.

[3] Н. Ленин. Марксизм и ревизионизм.

буржуазной действительности, буржуазной экономики, буржуазного государства. Все это было для Ленина разными сторонами цельной, единой, великой классовой борьбы пролетариата, монолитным символом которой является вся жизнь Владимира Ильича. „Одни,—писал он о ликвидаторах,—ликвидирует подполье, т.-е. партию пролетариата... другие—идею гегемонии пролетариата..., третьи—философский материализм Маркса..., четвертые—интернационализм пролетарского социализма..., пятые—экономическую теорию Маркса... и т. д., и т. п.“ [1]). Все это — различные стороны одного и того же процесса — отхода от революции, измены пролетариату.

К Ленину превосходно применимы слова Гайндмана о Марксе: „Мы привыкли теперь... бороться с большими мягкими шарами на концах рапир. Яростные нападения на Ленина [2]) с обнаженной шпагой на его противников кажутся неприличными нашим джентльменски-лицемерным ученым дуэлянтами, и они не в состоянии поверить что, такой беспощадный полемист и неистовый враг капиталистов был на самом деле глубоким мыслителем нашей эпохи“ [3]).

Этот великий борец, гениальный мастер революционной практики был далек от близорукого практицизма. В каждой своей речи, в каждой статье он снова и снова твердит, что надо „во-первых—учиться, во-вторых—учиться, и в-третьих—учиться“. Надо воспринять и критически переработать все научные достижения многовековой культуры. „Вы сделали бы огромную ошибку,—говорил Владимир Ильич на 3-ем съезде КСМ,—если попробовали бы сделать тот вывод, что можно стать коммунистом, не усвоив того, что накоплено человеческим знанием. Было бы ошибочно думать так, что достаточно усвоить коммунистические лозунги, выводы коммунистической науки, не усвоив себе той суммы знаний, последствием которых является сам коммунизм. Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру—без такого понимания нам этой задачи не разрешить... Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества... Вы должны не только усвоить их, но усвоить так, чтобы отнестись к ним критически, чтобы не загромождать своего ума тем хламом, который не нужен, а обогатить его знанием всех фактов, без которых не может быть современного образованного человека [4]). Год спустя Ленин возвращается к этому вопросу, подчеркивая значение философии для выработки стройного коммунистического мировоззрения. „Нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом, без того, чтобы изучать—именно

[1]) Его же. К двадцатилетию смерти Иосифа Дицгена.

[2]) У Гайндмана - „Маркса“.

[3]) Цит. по ст. Н. Ленина „Гайндман о Марксе“.

[4]) Н. Ленин. Задачи Союзов Молодежи. Собр. соч., т. XVII.

изучать—все написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма. Кстати, нельзя не пожелать, во-первых, чтобы выходящее теперь в свет издание сочинений Плеханова выделило все статьи по философии в особый том или особые томы с подробнейшим указателем и проч. Ибо это должно войти в серию обязательных учебников коммунизма. Во-вторых, рабочему государству, по моему, следует требовать от профессоров философии, чтобы они знали изложение марксистской философии Плехановым и умели передать учащимся это знание" [1]). Наш великий учитель высоко ценил научную теорию, был вдохновителем целого ряда научных начинаний в нашей партии и республике [2]) и горячим ее популяризатором, памятуя, что „теория становится силой, овладевая массами".

Перед самой своей болезнью Владимир Ильич пишет статью о значении воинствующего материализма и задачах журнала „Под знаменем марксизма". В этой статье он, между прочим, говорит: „Без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естественник должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, т.-е. должен быть диалектическим материалистом" [3]). Пусть тверже запомнят эти слова те товарищи, которые заговаривают в последнее время о философском ликвидаторстве.

„Учение Маркса всесильно, потому что оно верно". Ленин всю жизнь оставался непоколебимо-ортодоксальным, твердокаменным марксистом. „Оно (учение Маркса.—Б. Б.) полно и стройно, давая людям цельное миросозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета. Оно есть законный приемник лучшего, что создало человечество в 19 веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма... Новейшие открытия естествознания—радий, электроны, превращение элементов—замечательно подтвердили диалектический материализм Маркса вопреки учениям буржуазных философов с их „новыми" возвращениями к старому и гнилому идеализму" [4]). „Каждый день пробуждения к жизни новых народов и новых классов, все больше и больше подтверждает марксизм" [5]).

---

[1]) Его же. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина. Собр. соч., т. XVIII ч. 1.

[2]) Напр., ему принадлежит осуществленная т. Адоратским мысль об издании сборника избранных писем Маркса и Энгельса. См. также ст. М. Покровского. „Чем был Ленин для нашей высшей школы" в № 22 „Правды" за 1924 г.

[3]) О значении воинствующего материализма.

[4]) Н. Ленин. Три источника и три составных части марксизма.

[5]) О значении воинствующего материализма.

Со всей ненавистью, на какую способен человек с неиссякаемой верой в правоту своего дела, Ленин бичевал грошовость и реакционность жалких потуг ревизивать Маркса, дополнить его то Кантом, то Махом, то блаженным Августином. „В области философии,—писал Ленин,—ревизионизм шел в хвосте буржуазной профессорской „науки“. Профессора шли „назад к Канту“,—и ревизионизм тащился за неокантианцами; профессора повторяли тысячу раз сказанные поповские пошлости против философского материализма,—и ревизионисты, снисходительно улыбаясь, бормотали (слово в слово по последнему хандбуху), что материализм давно „опровергнут“; профессора третировали Гегеля, как „мертвую собаку“, и, проповедуя сами идеализм, тольку в тысячу раз более мелкий и пошлый, чем Гегелевский, презрительно пожимали плечами по поводу диалектики,—и ревизионисты лезли за ними в болото философского опошления науки, заменяя „хитрую“ (и революционную) диалектику „простой“ (и спокойной) „эволюцией“; профессора отрабатывали свое казенное жалованье, подгоняя и идеалистические и „критические“ свои системы к господствовавшей средневековой „философии“ (т. е. к теологии),—и ревизионисты пододвигались к ним, стараясь сделать религию „частным делом“ не по отношению к современному государству, а по отношению к партии передового класса. Какое действительное классовое значение имели подобные „поправки“ к Марксу, об этом не приходится говорить—дело ясно само собой“ [1]).

Ни пяди назад, неразрывно связывая каждый шаг образования и учения с борьбой всех трудящихся против эксплоататоров, жил и работал Владимир Ильич Ленин.

Таков, в кратких чертах, облик великого воинствующего материалиста, каждая философская страница которого пропитана революционной практикой, и каждая политическая прокламация которого содержит больше философского смысла, нежели двухтомные философские трактаты ординарных профессоров и доцентов философии.

„Сотрудники журнала „Под знаменем марксизма“ должны организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с материалистической точки зрения“.

Ленин.

Если материализм можно назвать костной системой, скелетом марксистского мировоззрения, то диалектический метод сравним с кровеносной системой, оживляющей нашу философию. Диалектика—живая душа современного материализма, пронизывающая все научные искания и достижения. „Диалектика есть живая душа в движении науки; одно это начало вносит необходимость и внутреннюю связь

---

[1]) „Марксизм и ревизионизм“.

в содержание науки" [1]). Тщательное и глубокое изучение диалектики, основательное умение пользоватся ею, как методом исследования, обязательны для каждого марксиста. Перед каждым из нас стоит обязанность изучения, толкования, применения и пропаганды гегелевской диалектики, рациональное ядро которой вылущил Маркс из-под мистической оболочки. „Опираясь на то,—писал т. Ленин—как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически, комментируя образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция, дают необыкновенно много. Группа редакторов и сотрудников журнала „Под знаменем марксизма" должна быть на мой взгляд своего рода „обществом материалистических друзей гегелевской диалектики". Современные естествоиспытатели найдут (если сумеют искать и если мы научимся помогать им) в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых „сбиваются" в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды. Без того, чтобы такую задачу себе поставить и систематически ее выполнять, материализм не может быть воинствующим материализмом. Он останется, употребляя щедринское выражение, не столько сражающимся, сколько сражаемым. Без этого крупные естествоиспытатели так же часто, как и до сих пор, будут беспомощны в своих философских выводах и обобщениях. Ибо естествознание прогрессирует так быстро, переживает период такой глубокой революционной ломки во всех областях, что без философских выводов естествознанию не обойтись ни в коем случае" [2]).

Диалектика не есть только способ мышления, метод исследования, форма сознания, наиболее совершенно осуществляющая задачу научного анализа и синтеза. Диалектика является совершенным способом мышления благодаря тому, что она есть универсальная форма бытия. Диалектическое понимание адекватно форме существования реального мира, которая (форма существования) есть процесс диалектический. У Гегеля „задача философии заключается в исследовании с помощью диалектического метода имманентной необходимости диалектического процесса развития логической идеи, так как диалектическое развитие понятия (субъективная сторона) тождественно с диалектическим развитием мира (объективная сторона), представляющего форму проявления

---

[1]) Гегель. Энциклопедия. § 81. Цит. по А. Деборину „Маркс и Гегель" („Под знаменем марксизма" № 8—9 за 1923 г.).

[2]) „О значении воинствующего материализма".

той же логической идеи" [1]). Материализм отрешился от спекулятивного параллелизма мира и логической идеи. „Материалистическая диалектика есть, таким образом, объективный процесс... Диалектика рассматривает общие формы или определения мышления одновременно как общие формы и определения вещей. Законы вещей суть и законы мышления. Только в этом случае и возможно объективное познание реального мира" [2]). Диалектика понятий сама становится [3]) лишь сознательным отражением диалектического движения внешнего мира [4]). Та же мысль выражена в ленинском определении диалектики следующим образом: „Диалектика есть [5]) учение о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде, учение об относительности человеческого знания, дающего нам отражение вечно развивающейся материи [6]). Таким образом, диалектический метод мышления является не только формой сознания, но и формой существования.

Ленин следующим образом формулировал основные принципы диалектики: „Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и „опосредствования". Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения. Это, во-первых. Во-вторых, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, „самодвижении" (как говорит иногда Гегель), изменении... в-третьих, вся человеческая практика должна войти в полное „определение" предмета и как критерий [7]) истины, и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В-четвертых, диалектическая логика учит, что „абстрактной истины нет, истина всегда конкретна"... Я, разумеется, не исчерпал понятия диалектической логики" [8]).

Диалектика, это — „формальная сторона объективного процесса, и потому она сводится к науке об общих законах этого процесса" [9]). Диалектика—это алгебра бытия, алгебра науки, обобщение и предвидение процесса развития природы и общества. Ленин широко пользовался в своих работах, в обобщениях и предвидениях, диалектическим методом, никогда не опускаясь до „догматической" вульгарной диалектики, „конструирующей" действительность по упрощенным схематичным формулам („количество переходит в качество", „отрицание отрицания", „тезис—антитезис—синтезис"), он искал имма-

---

[1]) А. Деборин. Введение в философию диалектического материализма, гл. VII.
[2]) Там же.
[3]) У Энгельса—„становилась".
[4]) Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах, гл. IV.
[5]) У Ленина—„т.-е".
[6]) „Три источника и три составных части марксизма".—Курсив мой.
[7]) В т. XVIII ч. I. „Собр. соч." ошибочно напечатано „критикой".
[8]) „Еще раз о профсоюзах" и т. д.
[9]) А. Деборин. Цит. соч.

нентную диалектику действительности, памятуя, что „философия—это познание того, что есть. Познавать и мыслить вещи и существа так, как они суть, вот высший закон, высшая задача философии“ [1]), и задача истинного диалектика заключается не в том, чтобы придумывать связь существующую между явлениями, а в том, чтобы открывать ее в самих явлениях“ [2]). Ленинизм, по определению тов. Троцкого, есть прежде всего, реализм, высший качественный и количественный учет действительности—под углом зрения революционного действия [3]).

„Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему“. В таком понимании заключается революционная сущность диалектического метода. Диалектика становится алгеброй революции. „Все возникающее достойно гибели“. Благодаря именно своему революционному духу диалектика была постоянной мишенью для „ниспровержения“ ее ренегатами рабочего дела. Марксисты всегда превосходно учитывали контр-революционные причины нападок на диалектику. Каутский, в бытность свою марксистом, справедливо оценил корни „критики“ диалектики Бернштейном, рвавшим с марксизмом. „Вот оно, наконец, писал Каутский, объяснение интеллектуального понимания Бернштейна; оно побудило его вдруг видеть всюду неясности и противоречия там, где он в течение двадцати лет находил полнейшее единство. Дуализм элементов „мирно-эволюционного“ и „демагогического“ является основной ошибкой марксизма. Но не мирно-эволюционный элемент хочет Бернштейн изгнать; иначе говоря, злым гением марксизма является именно революционный дух. Из-за него также диалектика становится коварной, гибельной... Чтобы утвердить социализм, необходимо изгнать этого злого духа? Но что же останется от марксизма после такого изгнания злого духа? Лишить марксизм его революционности равносильно лишению его жизни“ [4]). Плеханов в свое время посвятил немало блестящих страниц для опровержения „критиков“ диалектики Бернштейна, Струве, Бердяева и Тихомирова, этих теоретиков „штопанья дыр капиталистического старья“, силившихся вытравить из марксизма его живую революционную душу—диалектический метод. А вот цитата из статьи Ленина о книге Вандервельде „Социализм против государства“: „Диалектика отрицает абсолютные истины, выясняя смену противоположностей и значение кризисов в истории. Эклектик не хочет „слишком абсолютных“ утверждений, чтобы просунуть свое мещанское, свое филистерское пожелание „пе-

[1]) Л. Фейербах. Предварительные тезисы к реформе философии. Тез. 34.
[2]) Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах. (Изд. ВЦИК. М. 1918, стр. 73).
[3]) Л. Троцкий. Новый курс. Гл. 5.
[4]) К. Каутский. К критике марксизма („Антибернштейн“) ч. 1 § b.

реходными ступенями" заменить революцию... В этом и состоит их политическое ренегатство. В этом и состоит, теоретически, философски, подмена диалектики эклектицизмом и софистикой. Диалектика конкретна и революционна, „переход от диктатуры одного класса к диктатуре другого класса она отличает от перехода демократического пролетарского государства к негосударству („отмирание государства"). Эклектика и софистика Каутских и Вандервельдов, в угоду буржуазии, смазывают все конкретное и точное в классовой борьбе, подставляя общее понятие „перехода", куда можно запрятать (и куда девять десятых официальных социал-демократов нашей эпохи прячет) отречение от революции" [1]).

Ни у кого этот революционный дух диалектики, превращающий ее в алгебру революции, не получил такого выдающегося развития и применения, как у Ленина, этого гения революции. В его руках диалектика не только отточилась в совершенстве, пронзая затхлость, реакцию, консерватизм, мыльно-пузырный либерализм и реформистское „штопанье дыр", но и стала чудным орудием делания революции.

В работах Ленина, в каждой его речи и статье, раскрывается основной принцип диалектики, требуя конкретности истин, их исторической относительности; снова и снова доказывается, что в процессе диалектического развития „Vernunft wird Unsinn, Wohltat-Plage" [2]). Чем иным, как не раскрытием этих принципов, является учение о демократии, учредительном собрании, свободе, равенстве, войне и т. д. При этом диалектический метод получает специфически-революционную установку, становится компасом революционера, приобретает свойство беспощадно вскрывать вражескую фразеологию, разоблачать скрывающуюся в плаще свободо и народолюбия реакционную личину. Возьмем для примера речь Ленина на съезде по внешкольному образованию: „Об обмане народа лозунгами свободы и равенства". Эта речь,— хотя слово диалектика в ней кажется и не упоминается,—содержит превосходный диалектический анализ исторической относительности понятия войны, в связи с вопросом о превращении войны империалистической в гражданскую войну; такой же анализ понятия о союзе, соглашении; конкретно-исторически поставлены вопросы о свободе собраний, равенстве [3]), демократическом правлении. В той же статье на анализе позиции крестьянства и исторических судеб революций [4]) дано прекрасное применение диалектическому принципу, согласно которому, „чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и опосредствования"... „Мыслитель не должен успокаиваться ни на каком положительном выводе, а должен искать

[1]) Н. Ленин. Государство и революция. Приложение II.

[2]) Разум становится безумием, добро—злом.

[3]) См. особенно стр. 208 „Собр. соч." т. XVII.

[4]) „Французская революция, хотя ее разбили, все-таки победила" и так далее (стр. 221).

в предмете, о котором он мыслит, качеств и сил, противоположных тому, что представляется этим предметом на первый взгляд" [1]). Рассмотренная речь не принадлежит к числу лучших. Это одна из многих речей Ленина. Все они насыщены многочисленными перлами революционной диалектики. Для иллюстрации этого положения можно воспользоватся любой статьей. Всюду прививал Ленин диалектическое мышление, как орудие изобличения вражеской фразы и метод революционной ориентировки. Тысячи русских и международных рабочих прошли во время войны и революции диалектическую школу Ленина.

Тысячи пролетариев, часто не зная о существовании диалектического метода, борются вооруженные им, мыслят „революционно-диалектической прозой".

„Главный недостаток материализма — до фейербаховского включительно — состоял до сих пор в том, что он рассматривал действительность, предметный, воспринимаемый внешними чувствами, мир лишь в форме объекта или в форме созерцания, а не в форме конкретной человеческой деятельности, не в форме практики, не субъективно".

К. Маркс.

Термин диалектика, как и все в мире, имеет свою историю. Любители архивных изысканий могли бы нам на эту тему рассказать не мало любопытного, проследив, например, филологические корни этого термина и его значение в истории философских систем. Мы ограничимся тем развитием, которое претерпела **марксистская** диалектика в течение последних лет и олицетворением которого был Ленин. Ленинская диалектика, то новое, что принес Ленин в диалектику, отлична от предыдущего так же, как отличны друг от друга эпохи, к которым они относятся. „Синтетический охват обстановки на основе материалистического глубоко сверлящего анализа основных ее элементов представляет сущность марксизма (с перевесом в сторону исторического **предвидения**) и ленинизма (с перевесом в сторону **действенных** выводов). Особенности того и другого вытекают не из разницы методов, а из различия эпох. Ленинизм можно определить, как марксизм, переведенный на язык эпохи империалистической агонии буржуазного общества" [2]). В руках Ленина диалектика превращается из метода теоретического обобщения и предвидения по преимуществу в метод революционного действия, из алгебры революции в технику революции, ее тактику. „Такие высоко ученые и преданные социализму вожди II Интернационала, как Каутский, Отто Бауэр и др., вполне сознавали необходимость гибкой тактики, они учились и дру-

[1]) Н. Чернышевский. Очерки Гоголевского периода.

[2]) Л. Троцкий. Основные вопросы революции. Предисловие.

гих учили марксовой диалектике (и многое из того, что ими было в этом отношении сделано, останется навсегда ценным приобретением социалистической литературы), но они в применении этой диалектики сделали такую ошибку или оказались на практике такими не диалектиками, оказались людьми до того не сумевшими учесть быстрой перемены формы и быстрого наполнения старых форм новым содержанием, что судьба их немногим завиднее судьбы Гайндмана, Геда и Плеханова" [1]).

Преобладающей чертой до Ленинской диалектики мы считаем то, что она „воспринимала мир лишь в форме объекта или созерцания, а не в форме конкретной человеческой деятельности, не в форме практики, не субъективно", с точки зрения вселенной, а не из себя, с точки зрения пролетариата [2]). У Ленина же вырастает и совершенствуется отношение к диалектике, как к форме практики рабочего класса, как к форме конкретной классовой деятельности. „Надо уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо **всеми силами ухватится**, чтобы **удержать** всю цепь и **подготовить прочно переход** к следующему звену, при чем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты, и не так глупы, как в обыкновенной кузнецом сделанной цепи" [3]). Это звучит несколько иначе, чем объективно, созерцательно—диалектическое: „чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны и пр. Абсолютной истины нет, истина всегда конкретна..." Диалектика здесь выявляется не как метод мышления, а как метод действия. С этой точки зрения величие гения Ленина обозначается особенно значительно. Если Маркс поставил Гегелевскую диалектику на ноги, то Ленин, преобразуя ее из метода мышления в метод действия, наполнил ее горячей кровью и научил напрягать мышцы в революционной борьбе. Уже Энгельс говорил, что „диалектика не только наше лучшее орудие сознание, но также и самое острое наше оружие". Энгельс **говорил** об этом, Ленин же научил коммунистическую партию в совершенстве **владеть** этим оружием.

„Политика больше похожа на алгебру, чем на арифметику, еще больше на высшую математику, чем на низшую" [4]). Умение владеть диалектическим оружием делает Ленина гением **политического искусства**. Заканчивая брошюру „Детская болезнь левизны в коммунизме", Ленин, отметив повсеместный рост коммунизма, указывает, что „недостает только одного, чтобы мы пошли к победе увереннее и тверже, именно: повсеместного и до конца продуманного сознания

---

[1]) Н. Ленин. Детская болезнь „левизны" в коммунизме. Гл. X.

[2]) Рассматриваемые **теоретически**, объективно, обе точки зрения в данном случае совпадают, поскольку пролетариат является носителем **общеисторического** прогресса.

[3]) Н. Ленин. Очередные задачи Советской власти. Собр. соч. том XV. Курсив мой.

[4]) „Детская болезнь" и т. д. гл. X.

всеми коммунистами всех стран необходимости быть максимально гибкими в своей тактике. Великолепно растущему коммунизму, особенно в передовых странах недостает теперь этого сознания и умения применить это сознание на практике" [1]). Четырнадцатью годами раньше Ленин уже применял диалектический метод для выработки „максимально-гибких форм борьбы". „Во-первых, марксизм отличается от всех примитивных форм социализма тем, что он не связывает движения с какой-либо одной определенной формой борьбы. Он признает самые различные формы борьбы, при чем не „выдумывает их, а лишь обобщает, организует, придает сознательность тем формам борьбы революционных классов, которые возникают сами собой в ходе движения. Безусловно враждебный всяким отвлеченным формулам, всяким доктринерским рецептам, марксизм требует внимательного отношения к идущей массовой борьбе, которая с развитием движения, с ростом сознательности масс, с обострением экономических и политических кризисов порождает все новые и все более разнообразные способы обороны и нападения. Поэтому марксизм, безусловно, не зарекается ни от каких форм борьбы. Марксизм ни в каком случае не ограничивается возможными и существующими только в данный момент формами борьбы, признавая неизбежность новых, неведомых для деятелей данного периода форм борьбы с изменением данной социальной конъюнктуры. Марксизм в этом отношении учится, если можно так выразится, у массовой практики, далекий от претензии учить массы выдумываемым кабинетными „систематиками" формам борьбы... Во-вторых, марксизм требует, безусловно исторического рассмотрения вопроса о формах борьбы, ставить этот вопрос вне исторически-конкретной обстановки—значит не понимать азбуки диалектического материализма. В различные моменты экономической эволюции, в зависимости от различных условий политических, национально-культурных, бытовых и т. д., различные формы борьбы выдвигаются на первый план, становятся главными формами борьбы, а в связи с этим в свою очередь, видоизменяются и второстепенные, побочные формы борьбы. Пытаться ответить да или нет на вопрос об определенном средстве борьбы, не рассматривая детально конкретной обстановки данного движения на данной ступени его развития—значит покидать совершенно почву марксизма. Таковы два основные теоретические положения, которыми мы должны руководится" [2]). Мы позволили себе привести столь длинную цитату, так как в ней ясно поставлены общие основные исходные положения, на которых зиждется вся диалектическая тактика, которая есть не что иное, как применение этих положений к различным сторонам общественной жизни и к разнообразнейшей социально-исторической обстановке.

---

[1]) Там же.

[2]) Н. Ленин. Партизанская война. Собр. соч., т. VII, ч.

Таковы все без исключения характерные для Ленина тактические шаги. Иллюстраций так много, что совершенно нет возможности выбирать их. Привожу случайные, первые подвернувшиеся под руку примеры. В 1905—6 годах Ленин призывает к бойкоту Государственной Думы, так как в эпоху, характеризующуюся революционным подъемом массового рабочего движения, участие в Думе будет парализовать движение, прививая конституционные иллюзии. Год спустя, Ленин призывает к участию в октябристской Думе, вследствие отступления революции, в условиях которого необходимо использование легальных возможностей на-ряду с укреплением нелегальной организации. Революционный в те годы лозунг всенародно-избранного учредительного собрания, становится реакционным „колчаковским" в период захвата власти классовыми Советами. Другой пример: отношение Ленина к государственному аппарату. Использование буржуазно-демократического режима в свое время сменяется призывом к разрушению буржуазно-демократического аппарата, после успешного выполнения этой задачи выдвигается „противоположный" лозунг—энергично создавать, укреплять и усиливать новый государственный аппарат, наконец, Ленин предвидит постепенное отмирание и этого аппарата. Точно так же меняет Ленин свое отношение к объединению, компромиссу с другими партиями. Допуская „уступки некоторых требований, отказ от части своих требований в силу соглашения с другой партией" [1]), он при других обстоятельствах решительный враг всяких компромиссов, вдохновитель раскола. Вот еще характерный для Ленинской тактики поворот: „Значит ли это, что всегда уместна, при всяких обстоятельствах уместна „красногвардейская атака на капитал, что у нас нет иных способов борьбы с капиталом? Думать так было бы ребячеством. Мы победили легкой кавалерией, но у нас есть и тяжелая артиллерия. Мы побеждали методами подавления, мы сумеем побеждать и методами управления. Методы борьбы против врага надо уметь изменять, когда изменяются обстоятельства" [2]). Другой типичный оборот: „Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думается мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира. Это было бы самым „справедливым" и наглядно-назидательным употреблением золота для тех поколений, которые не забыли, как из-за золота перебили десять миллионов человек и т. д. Но как ни „справедливо", как ни полезно, как ни гуманно было бы указанное употребление золота, а мы все-же скажем: поработать еще надо десяток-другой лет с таким же напряжением и с таким же успехом, как мы работали в 1917—1921 годах, только на гораздо более широком поприще, чтобы до этого доработаться. Пока же: беречь надо в Р.С.Ф.С.Р. золото, продавать его подо-

---

[1]) Слова тов. Ленина. Цит. по Ин. Стукову „Стратегия и тактика классовой борьбы пролетариата". Стр. 90.

[2]) „Очередные задачи Советской власти".

экупать на него товары подешевле. С волками жить—по
выть..." [1]).

ин был не только гениальным вождем подготовки и прове
еволюционных варывов, но и замечательным организато
люционного развития посредством повседневной, будни
ты; не только мастером „осады", но и руководителем „тихой
Бывают исторические моменты, когда для успеха революции
жнее накопить побольше обломков, т.-е. взорвать побольше
чреждений; бывают моменты, когда взорвано достаточно, и
дь становится „прозаическая", (для мелко-буржуазного рево
ра „скучная") работа расчистки почвы от обломков; бывают
когда заботливый уход за зародышами нового, растущими
бломков, на плохо еще очищенной от щебня почве, всего важ
„Когда возможно мирное развитие (речь идет об апреле—
7 г.—Б. Б.). Ленин очень дорожит им, отмечает исчезновение
можности, но отмечает и возврат ее сейчас же после корни
мятежа—хотя бы на мгновенье. Когда положение опреде
том смысле, что единственный выход—революционное свер
ласти контр-революционного правительства, Ленин указывает
предупреждая с преждевременности восстания, когда нет для
ективных условий. Но когда наступает момент, требующий
много выступления, Ленин пишет пламенные призывы к вос
и не жалеет самой ядовитой иронии по адресу всех коле
ия" [3]).

исключительную гибкость тактики и диалектическое искус
нина часто называли „великим оппортюнистом", поэтому, не
но в заключение вкратце остановится на различии между
ической тактикой Ленина и беспозвоночной гибкостью оппор
Сам Ленин в одной из своих статей так характеризует так
ортюнизма: „Конечная цель—ничто, движение—все", это
словечко Бернштейна выражает сущность ревизионизма
ногих длинных расуждений. От случая к случаю определять
едение, приспособляться к событиям дня, к поворотам поли
мелочей, забывать коренные интересы пролетариата и основ
ы всего капиталистического строя, всей капиталистической
, жертвовать этими коренными интересами ради действитель
предполагаемых выгод минуты—такова ревизионистская по
[4]). Отличие от этой тактики диалектически-революционной,—
нии гибкости, а в ее целевом устремлении, в ее подчине
онечным целям рабочего класса. Оппортюнизм относится к

Ленин. О значении золота теперь и после полной победы социализма. Собр.
XVIII, ч. 1.

Очередные задачи Советской власти".

Адоратский. Марксистская диалектика в произведениях Ленина. („Печать и
№ 2, за 1922 г.).

арксизм и ревизионизм".

диалектике, как эклектицизм. Эклектик жертвует принципиальной выдержанностью и логическим единством в пользу „синтетического" компромисса и максимальной приемлемости и приспособляемости („с одной стороны, нужно признаться, с другой—нельзя не сознаться"). Революционный диалектик все свое умение лавировать, все тактические повороты и учет обстановки ставит в полную зависимость и подчинение конечной цели движения. Таков был Владимир Ильич Ленин. Выработанная и усовершенствованная им диалектика, в течение еще многих лет поможет нам сверлить дорогу в грядущее, в коммунистическое завтра.

Б. Быховский.

В. И. Ленин и его дело в переписке Мартова и Аксельрода.

Трудно оценить исключительно большое значение опубликованной переписки двух идейных вождей меньшевизма.

Как исторические документы они имеют огромную ценность и дают массу материала для историка революционного движения в нашей стране за знаменательную, во всех отношениях, эпоху 1901—1916 г.

В продолжение ряда лет оба корреснодента стояли очень близко к В. И. Ленину, а после, на протяжении более чем десятилетия, они были самыми его активными врагами. Переписка не могла не отразить грандиозную фигуру Владимира Ильича, и мы хотим ниже показать, как она его отражает в самую интересную эпоху—до второго съезда партии.

I.

Первое письмо Мартова относится к 30/III—1901 г. Оно является ответом на письмо Аксельрода Ленину (в переписке той эпохи—Петрову) и посвящено редакционным делам. События в России—волнения студентов—выдвинули тактические вопросы первостепенной важности, и „Искре“ приходилось давать на них ответы. Мартов пишет:

„В вашем письме встретил те самые сомнения, которые и меня, грешным делом, одолевают. Да, рабочие в последних событиях являются в глазах широкой публики каким-то неважным придатком, и нам придется усиленно подчеркивать историческое значение их выступления, придется со всей энергией (по возможности, тактически) предостерегать от чрезмерных увлечений блеском „героизма“ студенчества и интеллигенции. Если крупные события еще раз другой застанут наше организационное движение столь же мало подготовленным к

тому, чтобы стать авангардом общеполитического движения (при полной подготовленности **настроения** рабочих масс), то есть полное основание ожидать, что упоминаемая вами гегемония останется за радикальной интеллигенцией, ибо в период систематической объединенной борьбы с царизмом и нам уже нелегко и не всегда удобно будет работать над эмансипированием пролетариата от политического порабощения радикалами. Из чего, в конце концов, еще раз следует, что сейчас нам нужно напряжение всех сил для воздействия на наличное движение" [1]).

Вопрос об участии рабочих в студенческих волнениях, вопрос о необходимости для организованного авангарда пролетариата—с.-д. взять себе руководство движением и, с другой стороны, ее малая организационная подготовленность к этому, вопрос об индивидуальном терроре—все это были вопросами первостепенной важности, и над их решением усердно трудилась „Искра". Но что такое „Искра" в это время?

Из всей переписки совершенно несомненно, явствует, что в те дни „Искра"—это Мартов, Ленин и Потресов. Аксельрод находился в Цюрихе и переписывался с редакцией, а Плеханов жил в Женеве и иногда наезжал в Мюнхен, о чем мы будем иметь случай говорить ниже.

„Искра" и „Заря" печатались у Дитца, издателя германской соц.-демократии, при чем „Искра" печаталась нелегально, а „Заря" на законном основании, от чего происходила масса неприятных столкновений редакции с издательством. Дитц хотел конспирировать связь существующую между „Искрой" и „Зарей", и с этой целью подвергал жестокой цензуре все писания сотрудников „Зари". А как можно было безболезненно стереть эту связь? Сотрудники „Зари" были те же, что и „Искры", а редакторами были Плеханов, Засулич, Аксельрод, Ленин, Мартов,—т.-е. всем известные редакторы „Искры".

До каких размеров доходила цензура Дитца, показывает инцидент с программной статьей Аксельрода. В. И. Ленин, в своем письме Аксельроду, пишет: „С „Зарей" неприятность. Этот капризный барин Дитц решительно отверг вашу статейку, убоявшись ссылок на „Искру", усмотрев запах „групп" (т.-е. „неразрешенных" в Германии организаций. Прим. ред.) и сославшись на то, что и Бебель, и Зингер (пайщики его издательства) побаиваются и т. п. Пришлось, к величайшему нашему сожалению, отказаться от вашей статьи, поместив вместо нее пару слов к „читателям". Ужасно неприятна эта новая цензура. И обложка пострадала: вычеркнули даже „нескольких (русских) с.-д.". (В фразе: „Издается при ближайшем участии Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и П. Б. Аксельрода и нескольких русских с.-д." Прим. ред.)

---

[1]) Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова, стр. 17.

Когда-то мы избавимся от „опеки“ этих Dreckgenoss'ов [1]). И Мартов по этому поводу недоволен. „Посылаю корректуры вашей статьи, так некстати выброшенной нашим цензором“ [2]),—пишет он.

Аксельрод не унывал и искал новых путей опубликовать свою программную статью, ибо по совершенно понятным основаниям все редактора как „Искры“, так и „Зари“ придавали ей очень большое значение. Он пишет Мартову: „А что вы и друзья думаете насчет того, чтобы я ее, с ссылками на „Искру“, может быть, немного расширив, превратил в мое личное письмо в редакцию „Зари“? Раз солидарность или общность задач и направления будет констатирована, не редакцией, а отдельным сотрудником, как факт, свидетельствуемый объективно самим содержанием изданий, то Дитц не может наложить veto...“ [3]). Но и это показалось слишком рискованным строгому цензору.

„Ваша мысль о помещении выброшенной Ditz'ем статьи под видом „письма в редакцию“ мне очень нравится. Хотя не исключена возможность, что и тут Дитц придерется“ [4]),—пишет Мартов, и он оказался правым.

Читатели „Искры“, однако, не были оставлены без информации насчет идейной солидарности, и даже больше чем солидарности, с „Зарей“. В № 2 „Искры“, в объявлении о предстоящем выходе № 1 „Зари“, между прочим, сказано: Вполне солидарная с нами во взглядах на теоретические вопросы русской социал-демократии, редакция „Зари“ будет выполнять часть той программы, которая изложена в опубликованном нами, одновременно с номер. 1 „Искры“, заявлении.—(„От редакции“—„Искра“, № 2“) [5]).

Ни один зоркий цензор, даже если к могуществу его присоединяется издательский кошелек, не в силах помешать оповещаниям, подобно только-что приведенному.

Издать при таких условиях „Искру“ было чрезвычайно трудно и во всей переписке можно найти бесконечное количество указаний на то, с какой поразительной настойчивостью вели работу непосредственные редактора. С одной стороны, намечание тактических линий по каждому вопросу, с другой стороны собирание сил вокруг „Искры“—такова была та непосредственная задача, которую себе ставили они.

Уже накануне выхода четвертого номера „Искры“ Ильич возбуждает в письме к Аксельроду от 25/IV вопрос о том, не время ли создать из заграничных нерабочедельских элементов Лигу? На скеп-

---

1) Там же, стр. 19.
2) „ „ 17.
3) Там же, стр. 20.
4) Там же, стр. 23.
5) В. Ваганян—Опыт библиографии Г. В. Плеханова, стр. 23.

тическое неверие в успех Аксельрода, Мартов от редакции отвечает ему 1 мая 1901 г.: „Вполне согласны с вами в том, что предлагаемая вами Лига пока только паллиатив, но осуществление этого паллиатива было бы, вероятно, шагом вперед в той идеальной постановке дела, которую вы частью намечаете. Все дело в том, чтобы сорганизовать здесь, за рубежом, все подходящие и симпатизирующие нам элементы и заставить их работать всю ту черную и важную работу, от которой вы хотели бы эмансипировать нас. Но так как эта работа не только важная, но и черновая, то втянуть в нее надлежащих людей можно, только возложив на них вместе с обязанностями и коекакие „права". Мы тут уже смеялись, что предлагаемая в плане Петрова „литературная комиссия" будет играть роль отдушины, через которую должны выпускаться пары гражданских междоусобий, имеющих создаваться внутри новой „Лиги". Но ничего не поделаешь— надо же предоставить людям свободное пользование правом чинить междоусобия! Если соберем в такой организации все нерабочедельские элементы, то из их числа найдется, надо полагать, достаточное количество людей, способных должным образом поставить техническую часть дела. В России наш организационный аппарат действует довольно исправно и работал бы еще лучше, если бы получал материал для упражнения в виде регулярной и быстрой доставки литературы.— Конечно, буде наш план, станем пускать в ход, без конференции не обойтись" [1]). Параллельно с этим Мартов констатирует, что „повидимому в колониях все-таки публика понемногу начинает тяготеть к нам".

Это очень интересно. „Искра" произвела ошеломляющее впечатление на экономистов и, вместе с тем, очень много сочувствия встретила в рядах т.-н. нейтральных, которые тяготели создавшимися в эмиграции отношениями, ставшими особенно тяжелыми после раскола в „Союзе русских с.-д." Создание Лиги казалось делом мало продуманным искушенным старикам, ибо они прекрасно помнили, что вся внутренняя история всех до того существовавших аналогичных объединений сводилась к трате сил на ненужные столкновения и дрязги, что такая организация неизбежно будет обнаруживать тенденции влиять на литературные органы, что в данном случае было бы очень рисковано и вредно.

Но Ленин не был столь прост, ему была уже хорошо известна эмиграция, и он ни на грош не верил в „абсолютную доброкачественность" подобной организации. Он рассматривал Лигу, как организацию, которая собирает силу воедино, создает условия недовольства и параллельно с этим вырабатывал для нее конституцию, которую Мартов в шутку называл „австрийской".

Нужна ли была при этих условиях Лига? Нужна была, разумеется—она могла дать возможность выявить людей, выловить их, и это было делом чрезвычайной важности.

[1]) Там же, стр. 30

Уже в середине мая на заседании совета редакции „Зари", где составлялся очередной № 2—3, был составлен устав лиги с участием Плеханова. „С другом (т.-е. Плахановым.—В. Р.) беседовали о планах „Лиги", выработали примерный устав, который пошлем Вам. Но только что мы кончили обсуждение этого дела, потребовавшего не мало времени, как были огорошены письменным предложением парижской группы „Борьба" (Невзоров и Ко.), предлагающей себя в посредники для попытки „объединения" с Союзом. Грозясь каким-то „самостоятельным предприятием", от которого они откажутся лишь в случае объединения, они предлагают согласиться на конференцию из „С.-Д.", „Союза" и нас. Мы ответили, что ничего не имеем против конференции, но оговариваемся (что намерены продолжать полемику с „Рабочим Делом")[1]). Это новое обстоятельство—вмешательство „Борьбы" (Стеклов-Невзоров, Рязанов и др.) с попыткой объединить заграничные социал-демократические силы очень знаменательно, оно показывает, до какой степени назрела потребность в нем. Однако, в то время, как Ленин замышлял объединение всех нерабочедельцев, т.-е. все революционное крыло, „Борьба" рассчитала создать единство всех существующих и действующих с.-д. оргинизаций, чем с самого начала ставила крест над этим объединительным предприятием.

25/V В. И. Ленин сообщает Аксельроду о ходе переговоров с группой „Борьбы". В ответ на это сообщение Аксельрод пишет: „Вследствие особого стечения обстоятельств Ваше последнее письмо (Петрова) получил и прочитал только вчера около 2 часов вечером. Прилагаю ответ Гинзбурга мне, на пересланное ему предложение группы „Борьба". Не понимаю, как это брат (Плеханов) и сестра (Засулич) не сообразили, что я (да и они) не могут ответить этой группе, так как она обратилась к организации „Социал-Демократ", администрацией которой являемся не мы, а другие, избранные. Я даже был уверен, что ратующий за „демократию" Даневич (Гуревич) обратился со своим письмом к выбранному посредством suffrage universelle (всеобщего голосования) с е к р е т а р ю, что полученное мною от жены брата письмо парижан передано было ей Гинзбургом для пересылки мне и брату. И только по получении письма от сестры, заподозрев какое-то недоразумение, я, для очистки совести, на всякий случай написал Гинзбургу. По получении от него прилагаемого ответа я написал ему, чтобы он опросил членов, предварительно переговорив с Плехановым. Настроение его по отношению к Союзу я вполне разделяю, я писал Гинзбургу, что и Вы разделяете его чувства, но что, тем не менее, он должен сообщить в Париж, что не может еще дать официального ответа, ибо результаты голосования „суверенного народа" нашей организации неизвестны ему еще. Само собою разумеется, что я головой, руками, ногами и душой и чем угодно стою за Цюрих—именно по той причине, что это привлечет себя, Алексея, а может, еще и

[1]) Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова, стр. 30.

Петрова, который, по-моему, особенно для юридических тонкостей очень необходим был бы. Кроме того, оба они будут водворены у меня (моего зятя тут не будет, младшая дочь гостит у друзей в Женеве), а это в связи с экономией моей поездки и жизни, хотя бы в Базеле, уменьшит наши общие расходы на конференцию, которые сведутся на железнодорожный билет для одного или двух из Вас. Перспектива скорого свидания с Алексеем (а может, еще с кем-нибудь из родичей) слишком соблазнительна, чтобы я желал отсрочки конференции. Но с точки зрения деловой мне кажется, что конференция с сомнительными элементами после выхода 2-й книжки „Зари" и еще 1—2 немеров „Искры" для нас целесообразнее была бы. А в это время следовало бы оформить и консолидировать отношения с организацией „Социал-Демократа", с берлинской группой, да еще с отдельными единицами. Для этого, пожалуй, также нужна была бы конференция, результатом которой, быть-может, было бы образование тесной „лиги" и организация такой важной функции, как перевозка. А затем, уже опираясь на эту лигу, вести переговоры с флюгерами (экономисты.—В. Р.) и представителями великого „прошлого" (члены группы „Борьба".—В. Р.). Кстати, заметили ли Вы, что литографированные бюллетени издают теперь уже не от имени Союза, а „Бунда"? Не указывает ли это на—в связи с прекращением сборника „Рабочее Дело"—слабость позиции первого? Очень может быть, что Вам известно положение дел гораздо лучше, чем мне".[1])

Цитата вышла длинная, но она очень важная. Мне кажется, что подчеркнутые мною слова указывают не только на то, что Аксельрод считал Ленина хорошим знатоком юридических тонкостей. Владимир Ильич всегда, с ранних лет литературной деятельности, отличался особо подчеркнутым стремлением к точности формулировок и выражений и в те ранние годы и впоследствии—на всем протяжении истории большевизма, именно благодаря этой своей точности в формулировках ему удавалось неоднократно избавиться от бесконечных дрязг и склок, что хорошо было известно Аксельроду.

Как себе представляла редакция „Искры" предстоящую конференцию, показывает приписка Мартова к своему письму от 30/V. „P. S Письмо было написано, когда получилось Ваше письмо от 28/V. Жаль, что Гинзбург (он нам сегодня тоже прислал письмо) так непримиримо относится к мысли о конференции. Мы ответили ему советом все-таки собрать голоса членов „С.-Д." и иметь в виду, что конференция, ни к чему не обязывая, позволит нам уяснить положение дел и сейчас же после ее неудачи (если Союз не примет наших условий) объявить о нашем собственном объединении. При этом надо помнить, что речь идет в сущности только о федерации" [2]).

[1]) Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова, стр. 32—33.
[2]) Там же, стр. 36 (курсив мой. В. Р.).

Конференция состоялась в июне. В ней приняли участие представители „Союза", „Искры", „Соц.-Дем.", „Бунда" и „Борьбы". После 6 дней работы конференция закончилась принятием „принципиальных основ соглашения". „Искра" была права. Она от этой конференции выиграла только то, что узнала ситуацию в лагере противников.

Надежда на удачу была тем меньше, что как-раз накануне конференции появился № 4 „Искры". Еще задолго до выхода номера, Мартов писал Аксельроду: „Для № 4 мы готовим несколько щелчков по адресу „исторического поворота"[1]). И когда номер вышел, то всем стало ясно, что щелчок вышел на славу крепким. „Рязанов взялся показать им теперь же № 4 „Искры" с нападками на них, чтобы после не могли ссылаться на „новый факт" в взаимных отношениях"[2]),—пишет Мартов и тут же спрашивает у Аксельрода: „как Вам нравится № 4?".

„Молодые",—как их называли,—„искряки" волновались и не без большого основания,—в № 4 была помещена козырная статья Ленина. Как реагировали на эту статью старики?

II.

Аксельрод пишет, что противникам будет облегчен поход против искровцев и их организационных планов, „которые должны были им выясниться теперь из передовицы последнего № „Искры" и, в связи с фельетоном, усилят еще вражду к Вам, его компании и „Рабочего Дела". Положительного в нашем смысле они не создадут, а сильно тормозить осуществление того, к чему Вы, т.-е. мы, стремимся, разными интригами очень могут, так как Вы свои карты перед ним раскрыли; это раз, а во-вторых, они, в лице Bund'а имеют за границей и в России активную организацию, а у нас собственно все еще im Werden (в процессе образования), или, точнее, есть талантливая литературная группа, прекрасно выполняющая свои литературные функции, дебютировавшая блестящими изданиями и в то же время лишенная мало-мальски организованной периферии и прочного операционного базиса заграницей. И вот вместо того, чтобы начать с создания или приобретения для себя такого базиса среди элементов, тяготеющих и предрасположенных к новой литературной группе а затем уже вступать в „лигу" с враждебными или сомнительными элементами, Вы начали с последнего, т.-е. с конца, с того, что могло только в случае успеха послужить „увенчанием здания" организационного, а никак не фундаментом его. Пока из этого вышла только потеря времени для всех нас и выигрыш для компании флюгеров, штреберов и охотников ловить рыбу в мутной воде. При том значении, которое,—к несчастию,—приобрела разношерстная масса заграничных

[1]) Там же, стр. 28 (курсив мой. В. Р.)
[2]) „ „ „ 35.

россии для нашего движения, образование здесь вокруг „Искры-Зари" плотной, вполне солидарной с ним и организации, является необходимым отправным пунктом, первым необходимым шагом на пути осуществления организационного плана, намечаемого в передовице „Искры". Так представляется дело мне из прекрасного далека. Может-быть, я ошибаюсь. Но я настолько проникнут сознанием Вашего исторического права на руководство нашим движением и громадности услуги, которое Вы можете ему оказать, что считаю себя обязанным хоть в немногих словах высказать свои опасения и свое мнение (курсивы мои—В. Р.). Я днем начал письмо и разорвал его, а теперь половина третьего ночью, пишу эти строки, потому что не в состоянии был уснуть под давлением разных неприятных мыслей, лезущих в голову. Но довольно об этом, ибо боюсь, что мои Kassandraruffe (вопли Кассандры) покажутся Вам плодом расстроенных нервов. Гинзбург собственно не имеет даже права без спроса товарищей решить такой важный вопрос, как ответ парижанам, и дело брата (Плеханова) растолковать ему это. Нужно ли мне говорить, какое несказанное удовольствие доставили мне передовица и фельетон? Внутренне смущает меня только мысль, что на этот раз мое удовольствие не совсем свободно от, как бы это сказать, не обижая уж очень самого себя, ну, от примеси эгоистического чувства, что ли. Как никак, а „Рабочее Дело" высечено и именно по тем пунктам, которые являются специально для меня нравственным удовлетворением. Жаль только, что упустили Вы случай отметить,—что господа редакторы „Рабочего Дела" не понимают смысла или самими издаваемых произведений. Если бы они, например, понимали то, что изложено в брошюре „Рабочее дело в России", они не могли бы написать своей белиберды в своем „ответе" мне и Плеханову" [1]).

Старик не мог не восхищаться передовицей Ленина, где с такой беспощадностью были высечены экономисты, и с такой последовательностью и трезвостью развернуты организационные планы партии. „С чего начать" (с. с., т. IV)—одна из тех статей, которые убивают противника.

Идея Аксельрода, что нужно было сперва организоваться вокруг „Искры", а затем открыть карты, была продиктована переоценкой сил противника и недооценкой своих собственных. Он слишком боялся их „деловитости".

„Но из сказанного—в начале письма—Вы знаете, что я-то лично, будучи против отклонения предложения парижан, считаю все-таки Вашу тактику verfuhlt (неправильной) в том смысле, что прежде всего надобно было бы сорганизовать вокруг „Искры" элементы вполне солидарные с нею и искренне сочувствующие ей. Фраза Петрова:

[1]) Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. стр. 37—38.

„Только финансы—швах" является для меня новым доказательством безусловной необходимости теперь же приняться за сплочение фактически расположенных в новой группе лиц. Теперь—полная бесформенность, а специально „С.-Д." поневоле попал в положение, парализующее его фактические и потенциальные силы. Сопоставлять „Искру" и Вашу кампанию с „Р. Д." я считаю святотатством. Но у Вас литературные силы, Вы писательская группа, не имеющая за собой прочной организации, а там—...дельцы, юркие гешефтмахеры, организованные в Бунд и потихоньку обделывающие..." [1]).

Это мнение о невероятной практической небрезгливости противников и крайней непрактичности друзей могло получиться у него только потому, что в борьбе с ними еще во время Гр. Осв. Труда такое действительное отношение было. Однако, теперь положение изменилось намного. Друзья не сделались „гешефтмахерами", но практичности, деловитости, твердости и организационной сноровки было совершенно достаточно, чтобы победить „дельцов и гешефтмахеров" из бунда. Аксельрод напрасно тревожился. „Историческое право" за искряками и осталось. Позже Аксельрод еще раз возвращался к этому вопросу.

„Реферата Алексея (Мартова—В. Р.) я в глаза не видел, да, ведь, его в Цюрихе и не было. Что все, выходящее из-под вашего пера, меня интересует не только в официально деловом смысле, это вы должны сами понимать. Потому-то мне, конечно, очень приятно было бы заполучить и статью Петрова. Скажу, кстати, хотя рискую показаться нескромным: будь в моих руках манускрипт (или корректура) передовицы № 4, я высказал свои Bedenken против изложения „наброска проекта", хотя не только вся статья, но и специально этот „набросок" мне очень понравился. А теперь, после свидания (к сожалению, слишком кратковременного) с лондонцами, так и слова нет для выражения своей досады. Повидимому, в Лондоне есть еще у вас дельный друг, да в Берлине. Вместе с еще 2—3 более молодыми Genoss-ами в Швейцарии,—порядочное ядро, теперь потенциальное, но которое легко могло стать для вас серьезным оплотом и исходным пунктом той организации, которая проектируется или рисуется автору передовицы. Нужно было только собрать эти элементы, не пожалеть на это времени и средств... Но лучше остановиться. Особенно до крайности жаль, если лондонцы уже уехали, вместо того, чтобы остаться у Вас хоть недели 2—3 и основательнейшим образом обо всем переговорить и перетолковать. Я для этой одной пары не пожалел бы денег и времени, чтобы устроить нечто в роде конференции для обстоятельного обсуждения программных, тактических и организационных вопросов. Зато с проектами „соглашения" и конференцией с недругами-демагогами и флюгерами можно бы и погодить.

[1]) Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова, стр. 38.
[2]) Там же, стр. 42.

III.

Уже в середине 1901 года наметился незначительный повод, по которому произошла легкая размолвка между мюнхенской редакцией и Плехановым. Дело шло о статье Л. И. Аксельрод против Бердяева для № 2—3 „Зари", и не о самой статье, которая была принята, а о постскриптуме, который Л. И. написала по получении новой статьи Бердяева. Редакция нашла P. S. слишком упрощенным и отклонила его.

„Теперь Г. В. (Плеханов), которому не было сообщено мотивов отклонения postscriptum'a, а только самый факт его, увидал в этом потачку Бердяеву и обращается к нам (в частности ко мне) с просьбой отменить его. Он же просит отослать статью вам. В свою очередь, мы запрашиваем вашего мнения и голоса.

Ваш *Алексей*.

P. S. Мы (т.-е. „большинство") предлагаем Г. В. заменить послесловие другим, которое бы он сам написал (от редакции) и в котором он свел бы счеты с ним основательнее. Как вы думаете?" [1]).

Этот инцидент был быстро изжит тем, что Аксельрод подал свой голос за мнение редакции, и таким образом P. S. был выпущен,— статья появилась без него.

Но вскоре появился ряд других поводов для столкновения и на этот раз чрезвычайно резких. Это были статьи Ленина—против Струве, по аграрному вопросу и вопрос о проекте программы.

В. И. Ленин приготовил для № 2—3 „Зари" статью „Гонители земства" против предисловия Струве к записке Витте. Возникло разногласие по вопросу о том, нужно ли так резко полемизировать с либералами типа Струве? Плеханов находил, что статья требует радикальной переработки и писал Аксельроду: „Пересылаю тебе рукопись Петрова. Необходимо, чтобы ты высказался об ее содержании. От твоего голоса будет зависеть судьба этой статьи" [2]).

В ответ на это Аксельрод пишет мюнхенской редакции: „Насколько я понимаю, от меня требуется категорическое заявление—за или против резко обличительной полемики (Петрова) против либералов и Р.Н.С. (Струве). После двукратного чтения статьи я пришел к заключению, что такой вывод для меня невозможен. Я лично нахожу, что после того, как редакция „Зари" допустила печатание в своей типографии книг с предисловием Р.Н.С., мало того, дала свою фирму („Печатано Зарей"), появление на страницах журнала такой раздражительной филиппики против предисловия может вызвать недоумение в публике. И если дорожить пособничеством либералов, о котором Петров говорит в заключении, то, конечно, следовало бы, а особенно в данном случае, избегать такого crocedée (образа действий), который может отбить у них всякую охоту снабжать нас обличитель-

[1]) Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова, стр. 46.

[2]) Там же. стр. 51.

ым материалом. С этой точки зрения, такая, например, фраза, как гчеркнутая на стр. 71 (обвинение Р.Н.С. в искажении истории) прямо. аки недопустима. Но, оставляя в стороне частности и соображения ипломатического свойства, я нахожу критику либерализма русского, предисловия в частности, по существу справедливой. Если бы ы получили литературно-доброкачественную статью на ту же тему т постороннего сотрудника, вы из-за одного только полемического она не имели бы права отказаться печатать ее и едва ли решились ы на это. Вы бы, по всей вероятности, снабдили бы ее редакцион. ым комментарием,—а не полемическим примечанием,—чтобы редупредить недоразумение. Но не принять статьи нельзя было бы отя уже потому, что мы сами до сих пор не выяснили себе как ледует и не столковались относительно ligne de conduite (линии по-едения)... Очевидно, настало время для этого. Но такие вопросы :имоходом, особенно перепиской, не могут быть решены. А пока это еопределенное состояние продолжается, нельзя путем голосования :лену редакции, только потому, что он редактор, навязать тот или ругой standpunkt, заставить его соблюдать ту, а не другую ligne de onduite в вопросах, относительно которых мы не пытались даже еще а отсутствием конкретных поводов детально сговориться" [1]).

Далее следует ряд соображений о статье по существу и несколько озражений, но что делает это письмо особенно ценным и важным— то то, что в нем ярко, и с особой силой сказывается, до какой сте-іени старики, несмотря на свою двадцатилетнюю теоретическую про-іагандистскую деятельность, оказались не в силе, беспомощными іеред практической задачей, решение которой было так важно.

Вопрос об отношении к либеральной буржуазии теорети-іески был уже давно решен Гр. Осв. Труда, однако, когда при-алось его решить в середине 1901 г., да по отношению к тече-іию Струве,—оказалось, что старики не больно дружно применяют вою теорию к практике. Единой коллективной точки зрения на этот чет не оказалось ни у Плеханова с Аксельродом, ни обоих их с юлодыми „искряками". Однако следует отметить, что приведенное іисьмо не дает достаточно материала для суждения о позиции ". В. Плеханова. Ясно лишь то, что Аксельрод не во всем солидарен : ним

Статья была подвергнута в частностях исправлениям и появи-іась в № 2—3 „Зари".

IV.

Другой острый и больной вопрос, был вопрос о программе.

Согласно решению июньской конференции, осенью должен был іыть созван съезд заграничных с.-д. организаций с целью объеди-иться в единую партию. Мартов, извещая Аксельрода о том, что ъезд отложен, пишет: „Мы будем очень рады, если вы возьметесь

[1]) Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова, стр. 47- 48.

за программу. Алексеев (член „Союза“, очень сочувствующий нам и делающий все, чтобы вызвать раскол в союзе) пишет, что для того, чтобы победить, нам необходимо явиться с принятым уже проектом программы. Теперь один вы могли бы этим заняться, чем бы очень нас обязали“ [1]). В переписке это первое упоминание о программе.

Аксельрод отвечает: „Теперь о Даневиче. Пусть он меня за 2—3 дня до своего отъезда предупредит, чтобы я своевременно отправился в Цюрих, а то вдруг не застанет. Я-то, конечно, за отсрочку, особенно, или между прочим, потому, что желательно бы раньше выработать нам свой проект программы (конфиденциально, между собою). Я сначала рассчитывал 18—19 августа свидеться с Жоржем—Г. В. Плехановым в его каникулярной резиденции, из которой он, однако, уже раньше удрал. Собирался я списаться с ним относительно свидания в Женеве, но тут получился запрос Алексея, из которого я заключил, что не сегодня-завтра придется мне ехать в Цюрих. Теперь опять-таки в виду приезда Даневича, вернее, неопределенности его приезда, не могу решиться поехать в Женеву. Но, в конце-концов, приступить к составлению проекта или наброска программы я мог бы и на свой риск и страх, тем более, что брат (Г. В. Плеханов) все равно слишком поглощен своими литературными работами, чтобы в настоящую минуту отвлекаться в сторону. Так как вследствие чрезмерного обременения текущими работами ни вы, ни брат не можете взяться за выработку программы, то от моей попытки пойти навстречу вашему желанию дело ни чуть не пострадает, если бы даже работа в этом направлении и не подвигалась бы с желательной быстротой. Принимаясь за выполнение вашего поручения в сознании, что в настоящий момент все равно некому другому за него взяться, я и работать буду с меньшим страхом и тревогой. Но вам придется мне немного помочь присылкой литературного материала и сообщений, которые—если не своей положительной, то отрицательной стороной—способны действовать anregend (возбуждающе) и восполнить для меня хоть до некоторой степени недостаток вашего общества, в соприкосновении с которым мысль в области программных вопросов работала бы живее, энергичнее. За отсутствием внешних импульсов, в виде людей, на меня возбуждающим образом действуют хоть такие вещи, как невзоровская статья, всякие „исторические повороты“ и т. п. В этом отношении мне, вероятно, некоторую услугу оказала бы и статья Невзорова, на которую он ссылается („принципы“). Вообще атмосфера у меня даже в Цюрихе совсем-таки не способна возбуждать и настраивать на программные темы,—только литературный материал мог бы восполнить отчасти этот недостаток. Разумеется, как только определится положение дел относительно ожидаемого гостя или гостей и будет возможность съездить к брату, я сделаю это. Считаю нужным добавить, что и ради программы, и ради других вещей очень

[1]) Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова, стр. 52.

очень не мешало бы нам всем обменяться мыслями в течение хотя ы 6—7 дней до свидания с сомнительными и полусомнительными друзьями" [1]). Плеханов действительно был очень занят в это время, о и Аксельроду было трудно дать твердое обещание—он был болен. Во избежание недоразумения, еще раз возвращаюсь к программе. [не только из сознания долга, но и с интересом готов приступить составлению ее. Но если припомнит Петров, то зимою, когда он ысказывал предложение, чтобы я взялся за это, то главным мотивом моей стороны против являлось опасение, как бы работа не затянуась у меня слишком долго, между тем, как он мечтал о том, чтобы роект чуть не в 2—3 недели был готов к печати. Это опасение и еперь у меня есть. Но я считаю себя в праве все-таки приступить к елу потому, что этим никому и ничему не помешаю, так как все авно все, кроме меня, по уши заняты, каждый на своем посту, и икто не имеет возможности отвлечься в сторону. Если я ошибаюсь, сли положение в эти дни несколько изменилось и составление проекта уже кому-нибудь поручено, то, пожалуйста, сообщите мне. А где едоконченный набросок (в роде вступления) Петрова, который он итал брату и мне? Он был бы теперь кстати" [2]). Это написано в вгусте 1901 года, после чего идет большой пропуск до апреля 902 г. За это время по вопросу о программе конфликт чрезвычайно азросся.

Аксельроду не удалось написать проект программы и „Искра" ошла на съезд без программы. В конце 1901 года Плеханов набросал проект и предложил на рассмотрение редакции „Искры" и „Зари".

Против проекта Плеханова высказались Ленин и Мартов. Они обвиняли проект в теоретичности, сухости, в отсутствии агитационного элемента, что затрудняет ее чтение, они считали, что на нем слишком явственно печать полемики с Бернштейном. Мартов рассказывает, что „при обсуждении в Мюнхене первого проекта программы, представленного Г. В., попытка (моя и Фрея) [3]) именно таким образом вотировать и изменять проект по отдельным фразам побудила Г. В. тотчас же взять обратно проект" [4]).

Действительно, проект Плехановым был взят обратно, и он уехал в Женеву далеко не в мирном настроении.

После его отъезда Ленин написал свой проект, который встретил резкую оппозицию со стороны Плеханова. Большинство голосов в редакции, однако, получил проект Плеханова, когда Аксельрод присоединил свой голос к нему.

Был созван пленум редакции, где Ильича не было, который и принял за основу проект Плеханова. Очень интересно отношение к пленуму Ленина. Он писал Аксельроду: „Сильно боюсь, что при

[1]) Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. стр. 54.

[2]) Там же, стр. 55.

[3]) Фрей—В. И. Ленин.

[4]) Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова, стр. 65.

отсутствии нового состава голосующих, при отсутствии твердого соглашения о том, как именно и между кем голосовать и какое значение придавать голосованиям, наш цюрихский съезд опять ничем не кончится (от 27 марта 1902 г., подчеркнуто всюду Лениным)" [1]). Как можно не признать в этих ясных, точных, коротких и деловых словах В. И. Ленина?

Редакция дала формальное право В. И. выступить со своей точкой зрения, но он не выступил.

V.

Непосредственно вслед за этим последовал другой инцидент, особенно резко и особенно нервно протекший. Поводом послужила статья Ленина об „отрезках"—„Аграрная программа русских с.-д." для „Зари". Статья была прочитана на редакционном заседании в Цюрихе. Об этом Аксельрод пишет: „Прочитали мы вчера сообща вашу статью об аграрной программе. Статья очень хорошая, есть места прямо прекрасные. Но кое-где необходимо подправить. Хотя почин или инициатива поправок исходила то от одного, то от другого из нас, но все они без споров быстро принимались всеми, а формулировались чаще всего Алексеем. Я не могу представить себе, чтобы вы вполне и безусловно не согласились с нами—trotz вашему „упорству". За исключением одного пункта, все требуемые поправки—частью литературного, а частью политически-экономического характера, словом, частности" [2]). Ленин сделал указанные исправления и послал Плеханову, который должен был статью переправить Аксельроду.

9/V последний пишет В. И. Ленину и Мартову: „Не ответил вам, потому что все ждал рукописи об отрезках от Плеханова. Но до сих пор не получил и, должно-быть, не получу, так-как Плеханов, вероятно, отослал уже вам" [3]), а 10/Х приписал: „Письма не докончил, т.-е. отложил окончание, а сегодня уже перед вечером получил от Плеханова рукопись. Теперь уже почти 10 часов—и я успел только около трети прочесть, да замечания Ж(оржа) посмотреть. Должно-быть, раньше, чем завтра после обеда, не удастся прочитать ее и сделать свои заметки, а так как в воскресенье почта только в определенные часы открыта, то статья едва ли раньше понедельника двинется в путь. Во всяком случае, больше чем $1^1/_2$ суток она у меня никоим образом не пролежит. Постараюсь на полях, насколько возможно и необходимо, высказать мои замечания, с которыми, насколько помню, в большинстве случаев соглашался и Ю. О., и которые им же формулированы большей частью" [3]).

Каковы были замечания Плеханова к статье В. И. показывает письмо Мартова от 15/V: „Обстоятельства, которыми сопровождается

[1]) Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова, стр. 60.

[2]) Там же, стр. 62.

[3]) Там же, стр. 61.

суждение аграрной статьи Ленина, заставляют меня писать это
исьмо и, таким образом, сделать попытку повлиять на дальнейший
д развития „внутренних отношений“ в нашей коллегии, которые
настоящий момент дают основания к самым неприятным опасениям.
юе письмо я имею в виду сообщить А. Н. (Потресову), который,
к надеюсь, выразит свою солидарность с ним, и затем показать
ере И(вановне), к которой, по существу, оно обращено в такой же
ере, как и к вам, и к Льву Григ(орьевичу), которому прошу показать его.

Дело вот в чем. В Цюрихе мы сообща разбирали статью Вл. Ил.
енина) и выработали формулировку тех поправок и изменений,
торые мы все считали необходимым условием для того, чтобы
атья могла пойти, как редакционная. Вл. Иль(ич), соответственно
еланным мною на полях с общего согласия замечаниям, изменил
атью. При просмотре ее в новом виде я счел себя лично удовлетворенным сделанными реформами, но, не полагаясь на свое
ичное впечатление, как человека, который всех меньше был
доволен большинством соответствующих мест в первоначальном
ксте, я не высказался окончательно, предложил послать статью
В. (Плеханову) и вам с тем, чтобы вы выразили свое отношение
буде то или другое изменение покажется недостаточным, чтобы
едлагалась всей коллегией голосовать определенно-формулированная новая редакция критикуемого места (процедура та же, что
сделана с программой. Только таким образом можно было надеяться
а то, что редакционное обсуждение не будет означать бесконечной
локиты. Так и было сделано.

Полученные теперь замечания Георгия Валентиновича придали
сему вопросу о редакционном обсуждении статьи Ленина совершенно
овый вид. Вы видели и читали эти замечания и, надеюсь, не будете
ротестовать против моих слов, если я скажу, что характер их не
быкновенный в практике нашего коллегиального обсуждения статей,
ринадлежащих членам коллегии. По моему мнению, замечания написаны не только в высшей степени резко, но местами как будто бы
мышленно-резко, без всякого соображения с тем, что та или другая
раза должна звучать просто оскорбительно. Читая замечания,
ыносишь впечатление, что они написаны не для мотивировки того
ли другого предложения редакционных изменений, а для „поучения“
втора. Не буду говорить о том, что многие замечания по их смыслу
огут относиться только к первоначальному тексту статьи
являются анахронизмом по отношению к тексту измененному...
е буду останавливаться на вопросе, возможно ли ставить себе целью
обиться от автора статьи, являющейся комментарием к принятой
эдакцией программе, чтобы он не только устранил все те отдельные
оложения, ясно выражающие его индивидуальные взгляды на вопрос, которых не разделяет большинство (что мы потребовали от автора),
чтобы он те взгляды, с которыми все согласны, выражал и напи-

щал совершенно так, как их защищал бы каждый из нас на месте его. А между тем, к этому сводится, в сущности, „мораль“ большинства замечаний Г. В. Остановлюсь только на одном вопросе: что предлагает нам вотировать Г. В. В одном месте—предложение поручить автору „радикально переделать“ одну страницу; в другом месте—сделать стилистическую поправку. Прошу вас и В. Ив. (Засулич) подумать: уместно ли предлагать нам обращаться с товарищем по редакции, как с учеником, которому поручают переделать написанное сочинение и представить новый текст для новой, столь же усердной критики? Уместно ли предлагать нам вотировать определенные стилистические улучшения в статье соредактора? Отчего бы спор между критиком и автором по вопросу о том, какова орфография какого-нибудь слова в его статье, не предложить вотировать нам, т. е. навязывать свое толкование орфографии. В высшей степени печально, что после $1^1/_2$ годовой совместной работы, в течение которой ни разу ни один автор из коллегии не подвергался и в отдаленной степени подобному третированию, ему подвергается теперь со стороны Г. В. автор статьи, при чтении которой Г. В. перед всеми нами очень одобрительно отзывался о важнейшей ее части. Неужели мы можем согласиться установить отныне такого рода редакционное обсуждение статей соредакторов, при котором каждая фраза и каждое слово будут подвергаться такой специфической фильтровке и каждое даже стилистическое улучшение, относительно которого критик не сможет столковаться с автором, будет вотироваться коллегией, чтобы быть навязанным автору quand même“ [1]). Такой энергичный протест Мартова несомненно был вызван крайне раздраженными замечаниями Г. В. Плеханова. Если бы подобные отношения укоренились в отношениях между редакторами, разумеется, никакая работа не была бы мыслима. „Все это заставляет с величайшей тревогой думать о том, как начали складываться отношения внутри нашей коллегии. Со времени пребывания Г. В. у нас в М(юнхене), между ним и В. И. (Лениным) не произошло ничего, кроме несогласия по вопросу о проекте программы. Конфликт, возникший на этой почве, был разрешен не к выгоде В. И. и к полному, казалось бы, удовлетворению Г. В. При таких условиях необычайно отношение, проявившееся (у) Г. В. в замечаниях на аграрную статью, отношение, которому объяснение искать можно только в личном раздражении является совершенно непонятным“ [2]). Но чем бы ни было вызвано это раздражение—оно было не к месту и никак не способствовало установлению дружной атмосферы в редакции.

Конфликт удалось ликвидировать тем, что Г. В. написал личное дружеское письмо Ленину и статья появилась в печати („Заря“ № 4). Об этом и говорит Мартов в письме от 8/VI: „Не отвечал на ваше

[1]) Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова, стр. 63—64.
[2]) Там же, стр. 65.

исьмо о случившемся конфликте потому, что питал надежду, что екоторые шаги Веры Ивановны устранят его самую острую сторону. 'ак и случилось. Г. В. написал, что отказывается от требования голоовать его поправки, и Ленин может, таким образом, пустить в печать адержанную статью. Это до известной степени дает ему удовлетвоение" [1]). „Некоторые шаги" В. И. и заключались в том, что она доилась того, что Плеханов написал свое письмо.

Где причина этих, особенно последнего, столкновений? Аксельод пытался объяснить дело тем, что Ленин очень неуступчив и не очет считаться с указаниями товарищей, на что Мартов отвечает: Теперь главным вопросом остается: как избежать в будущем возюжности такого обострения отношений на почве различия оттенков іаших взглядов, несомненно имеющихся у нас. Я думаю, что в интеесах „внутреннего порядка" всего лучше было бы установить, чтобы :предь автор статьи (раз он, член коллегии, не принявший во вниманіе указаний большинства) имел право печатать статью в каком-'годно виде с оговоркой о несогласии с ним большинства и, следоіательно, с предоставлением этому большинству права в „Заре" же ыступить с контр-статьями. Мне думается, что для дела будет лучше, :сли вызываемый такими (далеко не опасными) разногласиями полеіический жар будет тотчас же проявляться в печати, чем на полях укописи, вызывая только конфликты. Как ваше мнение об этом? 3. Ив. (Засулич) со мной согласна в этом пункте. Не думаю, чтобы ам было опасно показать публике, что в каком-нибудь аграрном зопросе или в вопросе о рынках у нас имеются разногласия.

Я не могу согласиться с вами относительно причин инцидента, зызвавшего эту нашу переписку. Вы сами замечаете, что Ленин принял во внимание те замечания, которые были формулированы мною с общего согласия в Цюрихе, и что он не мог знать всех разговоров, бывших там. Я не мог этих разговоров восстановить в сколько-нибудь полном виде, тем более, что я-то лично стоял за минимальные поправки (кроме пункта о национализации земли) и именно потому в (Цюрихе) требовал точной формулировки желательных перемен. И я, и В. Ив. по просмотре исправленной статьи нашли, что то, чего мы требовали, исполнено. И, ведь, Вере Ив. был бы по душе максимум переделок, но она, очевидно, считалась, как с неизбежным фактом, с трудностью для автора отрешиться от собственных взглядов, от собственной писательской манеры, от собственного хода рассуждений и целиком встать на точку зрения тех, кто его редактирует. С этим считался и я, и не понимаю, как об этом можно забывать. Не понимаю поэтому и вашего указания на „изъян" Ленина, состоящийде в том, что он недостаточно считается с указаниями товарищей на дефекты его статей. Не могу признать за ним такой вины. Все в мире, конечно, относительно: относительно и понятие о том, что считать

[1]) Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. стр. 67.

нормальной самостоятельностью мышления и что простым упрямством. Но я думаю, что объяснить негодование и раздражение Г. В. тем, что Ленин недостаточно податлив на убеждения товарищей— не годится уже потому, что сам Г. В. достаточно упорен в отстаивании и проведении своих точек зрения. Разница лишь в том, что Ленин и никто из нас никогда не пытались насиловать Г. В. и помимо пути убеждения воздействовать на его взгляды, а Г. В. сделал такую попытку. И еще разница в том, что Ленин считал в порядке вещей, что Г. В. свободно излагает свои индивидуальные взгляды, свободно применяет свою индивидуальную манеру рассуждать и манеру писать, а Г. В., повидимому, считает это ненормальным для Ленина. А мне кажется, что каждый из нас должен стоять на-страже индивидуальной свободы другого, памятуя, что тем самым он служит интересам своей собственной свободы.

Вы указываете, что я сам говорил Г. В. в Цюрихе, что его претензии на оставление Лениным в прошлом без внимания его указаний несправедливы потому, что он не требовал формального голосования. Вот он и потребовал. Да формально он действительно только воспользовался тем правом, которое мы за ним признали. Но вы поверите, что я не о таком применении этого права думал. Начать с того, что в Цюрихе разговор велся при ненормальных условиях. Я был вооружен одним главным желанием—добиться того, чтобы, когда мы разъедемся, отношения между Лондоном и Женевой были наивозможно лучшими. Г. В. же был вооружен сознанием, что его интересы несправедливо нарушены, его права оставлены без внимания и что возможность нашего сотрудничества уничтожена. Это слишком неравное оружие, чтобы я захотел там же в Цюрихе указать, что непринятие Лениным во внимание замечаний Г. В. относительно статьи о Р.Н.С. относилось к такой стороне дела, как более удобная форма полемики. Ленин стоял за „разнос" либерала за его половинчатость, Г. В.—за оскорбительное третирование его, как человека, начинающего только политически мыслить, а потому делающего „промахи незрелой мысли". Я понимаю, что и в таком вопросе можно стараться воздействовать на автора убеждением, но, признаться, в Цюрихе я думал, что Г. В. и сам бы никогда не пытался формальным голосованием заставить автора усвоить себе форму полемики, чуждую его манере. Г. В., повидимому, забыл, что против такого способа стирать со статей индивидуальность автора есть у авторов действительное средство—брать статьи назад. Игнорирование законных прав авторов должно привести на деле к такому результату, и кто считается с такой возможностью, тот не станет производить давления без слишком важной причины. Говоря Г. В. о том, что ему следовало ставить вопрос на голосование, раз он видит в „упорстве" Ленина casus belli, я имел в виду, что коллегия всегда будет достаточно на-страже интересов дела, чтобы не допустить постановки перед автором альтернативы или взять статью назад, или сделать против воли

те переделки, в необходимости которых его не удалось убедить. По вопросам принципиальной важности такая альтернатива неизбежна, но только по таким вопросам. В заключение напомню, что за 1½ года нашего сотрудничества ни разу никто из нас не пытался стеснить индивидуальность Г. В., поскольку она проявляется в тех или других свойствах его теоретического мышления или писательской манеры. Я думаю, что от такого нашего отношения дело только выигрывало" [1]).

Плеханов на этом инциденте имел впервые полную возможность видеть кого имеет он перед собой, во всяком случае, ему стало, очевидно, совершенно ясно, что Ленин имеет такое же право на свободное проявление „своей индивидуальной манеры", как и он,—а это была **большая уступка** со стороны Плеханова, уступка, которую он не всем и весьма неохотно делал.

Дело приближалось к съезду. Потребность в нем была колоссальная и „Искра" очень энергично принялась за подготовку, и как за предварительный и самый верный путь к подготовке хорошего съезда „Искра" принялась покорять местные организации.

Но мы не остановимся на этом, потому что переписка отражает эту работу слабо, отметим только очень интересный отзыв Мартова о брошюрах Вл. Ильича. „Вл. Ильич написал, на наш взгляд, очень удачную книжку „К деревенской бедноте" для популяризации среди крестьян нашей программы. Она, пожалуй, произведет впечатление не менее сильное, чем „Что делать".

Всего месяцев пять спустя, Мартов будет громить „бюрократические измышления" Ленина, а теперь пока, как видит читатель, отрывок очень не плохой и следов бюрократизма он там не замечает.

Вряд ли имеется нужда в том, чтобы остановиться на втором съезде и его дебатах. Переписка касается лишь того, что было после него и нам интересно поглядеть в лабораторию фракционного строительства меньшевиков, интересно посмотреть, как меньшинство подготовляло фактический захват центральных учреждений помимо воли съезда. Это в переписке отражено более чем ясно и очень откровенно.

Но это выходит за пределы поставленной нами задачи.

В. Румий.

---

[1]) Письма, стр. 67—68.

„Аптекарские весы“ и революционный опыт.

(*О революционном мастерстве В. И. Ленина*).

Не статью—а только два слова. Два слова об одной черте в мастерстве делать революцию великого революционера.

Как мыслимо в революции взвешивание шансов удачи или неудачи, победы или поражения вообще и в каждый данный момент?

Маркс писал: „Творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов“. Но в том-то и дело, в том и заключается вся великая трудность революционного мастерства, что будущее, результат борьбы, совсем не очевиден для делающего революцию.

Тот факт, что объективным ходом обстоятельств в общем и целом ход и исход исторического развития, его направление, дано и известно—еще ничего не обеспечивает, еще недостаточен для того, чтобы превращать революционера в прорицателя.

Марксов метод—только метод и его нужно уметь применять.

Комментируя вышеприведенные слова Маркса, Ленин писал: „Маркс в сентябре 1870 г. называл восстание безумием. Но когда массы восстали, Маркс хочет итти с ними, учиться вместе с ними в ходе борьбы, а не читать канцелярские наставления. Он понимает, что попытка учесть наперед шансы с полной точностью была бы шарлатанством или безнадежным педантством. Он выше всего ставит то, что рабочий класс геройски, самоотверженно, инициативно творит мировую историю. Маркс смотрел на эту историю с точки зрения тех, кто ее творил, не имея возможности наперед непогрешимо учесть шансы, а не с точки зрения интеллигента-мещанина, который морализует: „легко было бы предвидеть... не надо было браться...“.

Это желчное и ядовитое окончание бьет не в бровь, а в глаз нашим отечественным оппортунистам, которые особенно хныкали и усердно пеняли на отсутствие предвидения после того, как выяснилось, что революция на ущербе.

Как общее правило, для определения основных черт и основных тенденций развития событий, марксисты обладают чрезвычайно хорошо действующим инструментом—диалектическим материализмом.

Но и он дает гарантию лишь в решениях вопросов на более или менее длительный период, лишь в определении основных тенденций, лишь для обоснования вероятных последствий развертывания данных тенденций.

„Аптекарских же весов" у революционера для определения несомненных последствий его поступков, развития данных явлений—нет, гарантией ему в этом и единственно мыслимой вехой для ориентации является практика, опыт. „Аптекарскими весами не взвесишь того, как уравновешиваются растущие и переплетающиеся новые контр-революционные и новые революционные силы деревни. Это вскроет до конца только опыт. Революция в узком смысле,—это острая борьба, и только в самой борьбе, в исходе ее проявляется и вполне познается действительная сила всех интересов, всех стремлений, всех задатков"

Эта простая мысль не была понята теми, кто хотели превратить диалектический материализм, марксизм в „аптекарские весы", с точностью до миллиграмма определяющие последствия и состояния отношения борющихся общественных сил на завтрашний день. Для таких людей, естественно, практика революционной борьбы превращалась почти сплошь в плотно сплетенную путаницу самых разнородных тенденций, в сплошной хаос: они естественно, в своих суждениях, расценивая текущее с точки зрения далекой перспективы, оставались совершенно беспомощными, слепыми при практическом разрешении этих текущих задач борьбы, не будучи в силе разгадать безошибочно, с точки зрения далекой перспективы, последствия сегодняшних событий (это вообще, как мы видели выше, решается практикой), они смотрят назад, в прошлом ищут себе опоры; вместо того, чтобы на опыте „в самой борьбе познать действительную силу всех интересов", они автоматически переносят на современность вчерашние решения практики.

„Задачаи передового класса и революции — познать верно направление борьбы и исчерпать все возможности, все шансы победы. Такой класс должен первым встать на непосредственно-революционный путь и последним его покинуть для других, более „будничных", более „обходных" путей. Как не походит это на „практицизм", на мнимый „реализм" оппортунистов, для которых теория должна выполнять несвойственную ей роль прорицательницы, а не хорошего инструмента. В сущности, в этом заключается все расхождение между революционным и оппорту-

нистическим крылом рабочего движения, между „горой и жирондой", чтобы выразиться стилем старого Плеханова:—так как я досконально не знаю, то не действую (имею в виду революционное действие). И наоборот, все революционное в Ленине высказано в этой прекрасной фразе.

Еще ярче и еще определеннее эта мысль выражена в той же статье несколькими страницами ниже. „Нет, товарищ Ларин, если бы вы усвоили дух марксизма, а не одни только слова, вы знали бы отличие революционного диалектического материализма от оппортунизма „объективных" историков. Вспомните хотя бы сказанное Марксом о Прудоне. Марксист не зарекается от подзаконной борьбы, от мирного парламентаризма, от „планомерного" подчинения рамкам исторической работы, определенным Бисмарками и Беннигсенами, Столыпиными и Милюковыми. Но марксист, используя всякую, даже реакционную почву для борьбы за революцию, не опускается до апофеоза реакции, не забывает о борьбе за наилучшую возможную почву деятельности. Поэтому марксист первый проводит наступление революционной эпохи и начинает будить народ и звонить в колокол тогда, когда филистеры спят рабским сном верноподданных. Поэтому марксист первый вступает на путь прямой революционной борьбы, идет к непосредственной схватке, разоблачая примиренческие иллюзии всяких социальных и политических межеумков. Поэтому марксист последний покидает путь непосредственно-революционной борьбы, покидает лишь тогда, когда исчерпаны все возможности, когда нет и тени надежды на более короткий путь, когда призыв готовиться к массовым стачкам, к восстанию и т. п. явно теряет почву. Поэтому марксист отвечает презрением тем бесчисленным ренегатам революции, которые кричат ему: мы „прогрессивнее" тебя, мы раньше отказались от революции. Мы раньше „подчинились" монархической конституции".

Первый в бой, последний из боя, для того, чтобы на деле, на практике проверить и реализовать те общественные тенденции, которые обнаружены в современной жизни марксизмом,—вот каков должен быть истинный революционер!

Материалист.

БИБЛИОГРАФИЯ

Н. Ленин. О партийном строительстве за 20 лет. Москва 1924 г. здательство „Красная Новь“.

Попытка собрать в один сборник все главное, что было написано и казано Владимиром Ильичем по вопросу о партстроительстве, может встретить олько наши горячие одобрения. В особенности, такая попытка должна приэтствоваться в момент, когда партия в своей дискуссии о „внутрипартийом режиме“, затронула целый ряд вопросов партстроительства, которые Ильичем много раз обсуждались при разных обстановках. Выяснить же шиоким партийным массам подлинное мнение Владимира Ильича, по этим опросам, очень и очень важно.

Сборник начинается отрывками из „Что делать?“. Это брошюра, котоая сыграла выдающуюся роль в истории нашей партии. Она полностью аключает в себе, уже в развитом виде, точку зрения большевизма на роль артии и на отношение партии к классу. Те положения, которые Владимир Ильич развивал перед десятым съездом и на десятом съезде Р.К.П., о взаимоотношении партии и рабочего класса, рабочего класса и трудящегося населения, заложены уже в „Что делать?“. Брошюра, при своем появлении, была направлена против „экономизма“, который считал основной задачей рабочего класса экономическую борьбу за непосредственные, ближайшие интересы. На этой основе создавалось узкий размах всей революционной работы. Было не только непонимание этой узости и непонимание того, что, на этой основе, нельзя создать организации революционеров, но эта узость возводилась в теорию. „Экономисты“, вместо того чтобы превращать социал-демократию в сознательную руководительницу всех видов рабочего движения, преклонялись перед стихийностью. Ленин провозглашает борьбу против кустарничества в организационно-партийном строительстве, тесно связанного с „экономизмом“. Он писал: „что социал-демократия руководит борьбой рабочего класса не только за выгодные условия продажи рабочей силы, а и за уничтожение того общественного строя, который заставляет неимущих продаваться богачам“. Руководить же всей освободительной борьбой пролетариата не может сам пролетариат, как класс. Для этой цели должна существовать партия рабочего класса, которая связывается с своим классом при помощи целого ряда промежуточных организаций. В момент появления „Что делать?“ русская социал-демократия не была связана в единую целостную организацию. Ленин, как раз, и выступает борцом за крепкую, организованную партию. Он выставляет идею профессионального революционера. Для того, чтобы зжить кустарничество и обеспечить устойчивость движению, необходимо начать создания крепкой организации профессиональных революционеров. Эта рганизация никогда не должна плестись в хвосте, а обязана сознательно уководить стихийным движением и поднимать все выше и выше рабочие ассы. Она должна относиться со всей серьезностью к подбору своих членов сохранять резко очерченную границу, не дающую ей возможности рас-

твориться в широких организациях рабочего класса (сб. 5—23). Идея крепкой, строго подобранной организации революционеров была важна в то время в двух отношениях. Во-первых, такая организация должна была застраховать от частых провалов и создать устойчивость и преемственность в партийной жизни. Во-вторых, она могла предохранять пролетарскую партию от буржуазно-интеллигентских влияний. Борьбу за создание организации революционеров Ленин ведет как до второго съезда, так и на втором и после второго съезда партии. Формулировка понятия члена партии, предложенная Лениным на втором съезде, как раз собою выражает идею строго определенной организации революционеров, связывающейся с классом при помощи целого ряда других организаций. Формулировка же Мартова стирала границу партии, способствуя этим ее растворению в стихийном движении и открывала двери для буржуазно-индивидуалистических элементов (37—47).

Ленина за его последовательное отстаивание, в условиях царского подполья, узкой, спаянной организации революционеров, обвиняли во всех „смертных грехах“, называя его диктатором и врагом демократизма. Ленин прекрасно понимал, что говорить о возможности выборного начала и широкого обсуждения вопросов, в условиях подпольного существования партии, значит бросать слова на ветер (95—117). Но когда революционный подъем 1905 г. создает более широкий простор, Владимир Ильич сразу понимает необходимость реорганизации партии. Сохраняя конспиративный аппарат, Ильич призывает строить организации нового типа.

„Необходима самостоятельная, творческая выработка всеми товарищами новых форм организации“ (124). Ленин указывал, что опасаться наплыва новых масс в ряды социал-демократии не приходится, так как дореволюционное развитие заложило основы партийности, создало революционные традиции. Они явятся прекрасным противоядием против демагогических элементов, могущих вызывать всякого рода шатания и уклоны. „Среди нас, большевиков, не только не было наклонности к демагогии, а, напротив, мы все время решительно, открыто и прямо боролись с малейшими попытками демагогии, требовали сознательности от входящих в партию, настаивали на гигантском значении преемственности в деле партийного развития, проповедывали дисциплину и воспитание всех членов партии в одной из партийных организаций“ (121).

В процессе буржуазно-демократической революции неизбежно было присоединение к пролетарской партии мелко-буржуазных попутчиков, которые шли в партию, не усваивая марксистскую теорию и тактику, а притягивались к ней яркостью революционных лозунгов. Когда революция была бита, эти элементы, наименее способные удержаться в эпоху развала, пошли с одной стороны по пути полу-либерализма, с другой по пути полу-анархизма. В рядах меньшевистской фракции появилось ликвидаторское течение, считавшее необходимым упразднить нелегальный аппарат Р.С.-Д.Р.П. Полная легализация партии в условиях царского самодержавия означала полный отказ от революционной программы. Кроме указанного вида ликвидаторства, появилось ликвидаторство наизнанку. Это—так-называемый отзовизм, проповедывавший отказ от использования легальных возможностей и требовавший отзыва фракции из Думы. Ленин, в период реакции и величайшего организационного и идейного разброда, ведет неустанную, выдержанную войну на два фронта. Он считает необходимым диалектически сочетать нелегальное существование партии с использованием разного рода полулегальных, легальных организаций рабочего класса и думской трибуны. Ленин, в этой борьбе на два фронта, старается не замазывать, умолчать основные разногласия, а стремится определить их сущность и значение, вскрыть их корни и найти средства для их преодоления. Он беспощадно разоблачает обывательский, эклектический способ изживания разногласий. Желая примирить разные течения, можно хотеть достигнуть этого путем примирения данных лиц, групп

и учреждений, независимо от их линии, независимо от содержания их работы, независимо от их отношения к тому или другому идейно-политическому направлению. Это и есть „примиренчество“ самого худшего сорта, никогда не ведущее к цели, а всегда покровительствующее антипартийным элементам. Путь, которым шел Владимир Ильич, преодолевая внутрипартийные разногласия, это путь диалектический. Ленин, определив сущность разногласий, выбрав правильную идейно-политическую ориентацию, считал главным не примирение данных лиц, а очень часто вопреки данным лицам и группам, воссоздавал единство партии на правильной идейно-политической основе.

Формы партийной организации всегда находятся в тесной и прямой связи с общими задачами партии, определяемыми внешней обстановкой, в которой партии приходится действовать. Ленин мастерски умел приспособлять аппарат и жизнь партии к особым условиям каждого исторического периода. Он сумел из отдельных разрозненных кружков создать единую организацию подпольных революционеров, ставшую в условиях революционного подъема 1905 г. центром притяжения сотен тысяч пролетариев. Он сумел отстоять основы партийности в тяжелые годы реакции и в кровавые годы империалистической войны. Под его руководством, вышедшая из подполья после февральской революции, партия стала превращаться в массовую партию, которая, окончательно порвав с оппортунизмом в октябре 1917 г., совершила величайшую революцию и стала партией, строющей пролетарское государство. Чтобы лучше сохранять и оберегать партию, эту основу пролетарской диктатуры, мы должны изучать, как Владимир Ильич при разных обстановках, в разные исторические периоды решал основные вопросы партстроительства. Поэтому и приходится приветствовать появление сборника, в котором собрано почти все главное, написанное Лениным о партстроительстве в разные периоды истории нашей партии. Сборник издан хорошо и материал подобран довольно удачно. Приходится только выразить сожаление, что ему не предпослано более подробное предисловие, выясняющее связь отдельных этапов в развитии партстроительства и связь каждого данного этапа с общими задачами партии в данный период. Это препятствовало бы вырыванию отдельных положений из их единства и помогало бы, приступающему к изучению вопросу партстроительства, рядовому члену партии выяснить действительный, конкретный смысл развиваемых принципов.

Я. Стэн.

Н. Ленин „Тактика большевизма“, „Моск. Раб.“ изд. 2-е, 1923 г., стр. 580.

У Ленина учатся в наше время сотни тысяч рабочих и крестьян. Это ставит огромной трудности задачу перед нашими издательствами. Дело заключается не только в том, чтоб удешевить и продвинуть сочинения Ленина: надо так поставить производство сочинений Ленина, чтоб оно могло удовлетворить разнообразные по культурному уровню и социальному положению слои трудящихся. Издание должно учитывать конкретного потребителя, формировать его, руководить его глубоким интересом к учению Ленина. Ведь, совершенно ясно, что, например, полное собрание сочинений Ленина доступно только наиболее развитой верхушке трудящихся. Рядовой читатель, пассивно воспринимающий книгу от первой до последней страницы, подряд, беспомощно барахтается в десятках томов и не умеет взять из них то, что ему нужно. А, ведь, мы не только должны ориентироваться на рядового читателя,— мы должны его создавать. Поэтому совершенно неизбежно, что центром тяжести нашей издательской работы должно стать не полное собрание сочинений Ленина, а сборники, хрестоматии, избранные сочинения и т. д. Ра-

пространение идей Ленина в печатной форме является, в первую очередь, политическим делом, и, как всякое политическое дело, оно должно ориентироваться не на сотни и тысячи, а на сотни тысяч и миллионы, — на широкие массы.

„Тактика большевизма" является книгой того типа, на котором должна строиться работа марксистского кружка. Тематические сборники являются совершенно незаменимым пособием для среднего партийца, изучающего ленинизм. Они совершенно неизбожно должны отличаться некоторым схематизмом, ибо нет такой проблемы ленинизма, которая была бы оторвана от всех других: всякий вопрос выступает всегда в связи со всем многообразием конкретной жизни. Но этот схематизм целиком искупается ясностью и доступностью самой проблемы. Делом дальнейшей работы уже является связать разные проблемы в неразрывный систематический узел.

Теперь надо остановиться на вопросе, как выполнена книга. Я думаю, что нет никакой необходимости давать сжатого изложения содержания книги: Интерес и любовное отношение со стороны читателя обеспечены книге именем автора. Сборник составлен из 12-ти отделов, из которых 3 посвящены периоду до революции 1917 г., а остальные—нашей революции. Конечно, совершенно естественно желание составителей сборника отдать преимущество тактическим проблемам нашей революции. Но тут нужна мера. Новое поколение должно учесть весь опыт партии; между тем в сборнике отсутствуют целые периоды нашей партийной истории.

Вопросы тактики, это—вопросы политического поведения партии. Они неразрывно связаны со всей историей партии. Каждый исторический момент имеет свои тактические проблемы и свои способы решения. Ленин в „Детской болезни „левизны" в коммунизме" делит всю историю нашей партии на 6 периодов.

1. Годы подготовки революции—1902—1905.
2. Годы революции—1905—1907.
3. Годы реакции—1907—1910.
4. Годы подъема—1910—1914.
5. Годы войны—1914—1917.
6. С 1917 г.

Это деление прошло бесследно для составителей сборника. Первый отдел 1905 г.; второй—с VIII—1905 г. по VI—1907 г.; третий—война. Во втором отделе оказались смешанными два периода: период подъема революции 1905 г., и период, когда в тактике нашей партии наступил перелом применительно к периоду реакции. Период реакции и подъема оказался в сборнике вовсе вычеркнутым. Между тем, хорошо известно, какое огромное значение имели эти периоды в жизни нашей партии. Это было временем закалки и полного отделения от меньшевиков.

Еще одно общее замечание к этой части сборника. Мы не можем согласиться с составителями, которые начинают с произведений—1905 г. Конечно, верно, что только в период 1904—1905 г. тактические проблемы выступают на первый план. Но они заложены уже в произведении Ленина 1894 г.: „Что такое „друзья народа". Подлинное диалектическое, т. е. историко-генетическое изучение большевистской тактики должно начаться именно с этого, я бы сказал, „коммунистического манифеста" нашего времени. Если он слишком велик, то, хотя бы в извлечениях, он должен найти место в сборнике по тактике большевизма.

Теперь о подборе материала. Центральным произведением 1-го периода (1905 г.) является, несомненно, брошюра „Две тактики". Однако подбор остальных статей неудачен. Без них можно обойтись, ибо место в сборнике ведь очень дорого; зато отсутствуют такие статьи, без которых обойтись никак нельзя. К таким я отношу: „Земская кампания и план „Искры", и небольшую статью сентября 1905 г., которая ничем не заменима для среднего партийца: „Спорьте о тактике, но давайте ясные лозунги".

й отдел захватывает часть 1905 г., 1906-ой год, и приклеена одна статья которая знаменует уже совсем новый этап: она должна быть отнесена реакции. Статьи этого отдела сконцентрированы на вопросе об от- к государственной думе. Если уж согласиться с выделением этого в особый отдел, то центральной статьей его должно быть: „Побела и задачи рабочей партии". Эта статья в сборнике отсутствует вовсе. материале эпох реакции и подъема ничего нельзя сказать, ибо его т в сборнике.

ачнее составлена та часть сборника, которая относится к нашей ии. Здесь отделы совпадают с действительными историческими эта- нет чересчур больших промахов в подборе материала. Хотя нельзя ить такого пробела, как отсутствие хотя бы выдержек из „Очеред- ач сов. власти". Большим достоинством является выделение в осо- л национального и колониального вопроса. Но и эта более удачная орника оставляет нас в большом недоумении. Неужели Ленин ни- сказал и не написал по вопросам международной тактики? Или ме- дная тактика Коминтерна не связана с большевистской тактикой?

лько в последней статье сборника, прочтя 571 стр. из 577 стр. читатель встречает слово „Коминтерн". Проработав „Тактику боль- " Ленина, читатель будет иметь самое смутное представление, а никакого иметь не будет о мировом значении тактики большевизма. видит даже названия „Детская болезнь „левизны" в коммунизме", на- книги, которая является международным учебником революцион- тики. Тактики единого фронта для составителей сборника тоже не ует. Вообще, все, что относится к международному рабочему движе- Коминтерну, беспощадно вычеркнуто рукой составителей из ленинского ского наследства. Счастливым исключением является последняя статья .: „Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониаль- опросам".

ужно ли добавлять, что последний уж не пробел, а зияющий провал ике большевизма" Ленина является чудовищным извращением ленин- льшевистской тактики.

ли мы подведем итоги, то мы принуждены будем сказать, что един- м светлым пятном сборника является его идея. Нужно сейчас моби- теоретические силы партии, чтоб дать читателю систематический атических сборников, тематические хрестоматии (только не хроноло-). Что же касается сборника „Т. б.",—мы решительно отказываемся ь дурному обычаю, укореняющемуся у нас: расковырять книгу со рон и благодушно добавить, что, несмотря на и т. д., книга имеет... г... и может быть рекомендована читателю. Сборник составлен не- ино и несерьезно, и рекомендовать его не к чему. Но читатель не комендаций: этот бедняга так голоден и неискушен, что способен даже литературную паклю. Сборник-то, ведь, вышел 2-м изданием в экз. Оно тоже, несомненно, будет раскуплено.

ожет быть, издательство в 3-ем изд. напомнит все же читателю, что ики не переставали существовать в период с 1907 по 1914 гг., что г. существует международное рабочее учреждение „Коминтерн" и ктике этого учреждения играли некоторую роль Ленин и вся пар- ьшевиков?

ожет быть?

С. Гонинман.

Н. Н. Попов и Я. А. Яковлев. Жизнь Ленина и ленинизм.

Книжка была написана в течение 2-х дней после смерти В. И. и в течение суток была набрана рабочими типографии.

Задачу свою—дать немедленный ответ на вопросы, встающие пред рядовиками—членами партии и беспартийными рабочими в связи с смертью тов. Ленина—работа т.т. Попова и Яковлева решает в общем удовлетворительно. Однако естественно, что подобная спешка не могла не отразиться на содержании и особенно на стиле брошюры.

Так в биографическом очерке тов. Н. Н. Попова не указана такая значительная в истории русского марксизма работа как „Что такое «друзья народа»“.

Можно отметить ряд пропусков и в изложении „ленинизма“ тов. Яковлевым. Не отмечена игравшая значительную роль в первые годы с.-д. движения борьба т. Ленина за революционную теорию, против принижения и опошления ее. В изложении организационной тактики недостаточно рельефно указано различие между тем периодом, когда большевики составляли фракцию в с.-д., и тем периодом, когда они представляли самостоятельную партию. Не указана тактика В. И. в отношении использования пролетариатом разногласий в среде его врагов и временных попутчиков. Несколько односторонне представлена национальная политика. Дана прекрасная критика, по Ленину, великодержавного шовинизма, но нет ни слова о той борьбе, которую вел и с.-д. тов. Ленин с пережитками национализма (борьба с Бундом, напр., перед II съездом и старой „Искре“).

Наконец, когда т. Яковлев говорит о развитии взглядов Ленина на крестьянство, следовало отчетливее изложить зародыш этих взглядов в непрестанно с 90-х г.г. развиваемой В. И. мысли Маркса о том, что пролетариат есть революционный авангард, вождь всех эксплоатируемых классов общества, которые он и его партия должны вести за собою.

Все это, с нашей точки зрения, должно было бы найти себе место и в популярном очерке учения В. И. о тактике пролетариата. Будем надеяться, что в следующем издании авторы исправят эти пробелы, и пожелаем этой, в общем до настоящего времени самой удачной популяризации ленинизма, самого широкого распространения и среди членов нашей партии, и среди беспартийных рабочих и крестьян.

Н. К.

Анри Гильбо.—Ленин. Описание его жизни. „Прибой“. Ленинград. 1924, стр. 162.

Книга написана автором в январе 1923 г. Настоящее издание представляет перевод, просмотренный А. И. Елизаровой, внесшей в него некоторые фактические поправки, относительно жизни и деятельности Владимира Ильича.

Однако, и в этом виде первые две части книги (I—жизнь, II—руководящая мысль, труды, дела) не могут быть признаны вполне удовлетворительными. Обзор литературных работ В. И. более чем недостаточен. А между тем и для западного читателя было бы очень важно указать и на „Что такое „друзья народа“, и на статьи по теории рынков и на статьи об экономическом романтизме. Есть и фактические ошибки—никаких „очерков материалистической (?) философии“ русские махисты не выпускали и т. д.

Целый ряд формулировок (если это не вина перевода) нуждается в решительном исправлении. Так, на стр. 21 провозглашается, что у Ленина марксизм „был не закостенелый, а приноравливался (?) к ходу событий“, требовать на каждой ступени развития конкретного анализа обстановки и, исходя из него, определять свою тактику еще не значит приспособляться к

событиям. Подобная формулировка скорее характеризовала бы оппортунизм, чем ленинизм. С другой стороны, напрасно автор боится в отношении Ленина говорить, что он господствовал над событиями, заменяя это словами о том, что он умел группировать и направлять силы (61). Здесь сказывается не совсем ясное представление того, что с точки зрения исторического материализма господство над событиями и есть не что иное, как умение, поняв ход событий, сообразовать с ними свои действия (ср. опыт нэпа). За то уж вовсе некстати Гильбо приводит слова Роланд-Гольст: „Мы (кто вы?), марксисты новой школы, признаем взаимодействие экономических факторов и личностей. Мы верим в личность", кроме безнадежной путаницы ничего не выражающие (141).

Самое ценное в книге для русского читателя—последняя часть „пережитое и воспоминания". Здесь можно найти кое-что интересное и из жизни В. И. и для характеристики позиции различных с.-д. в период войны.

Во всяком случае, книга полезная, написанная человеком искренне-преданным делу Ленина и стремящимся дать цельный образ великого вождя в его 30-летней борьбе со всеми врагами и лже-друзьями рабочего класса.

Н. К.

Ленин—составили В. Крайний и М. Беспалов, под ред. Д. Лебедя. „Молодой Рабочий", Харьков 1923 г., стр. 232.

Сборник, который лежит перед нами, составлен почти весь из газетных статей, если не считать двух-трех отрывков из книг.

Отсюда все недостатки сборника по содержанию. Статьи о Ленине писались в момент и под свежим впечатлением его ранения и по поводу 50-летия рождения; я говорю о российских коммунистах, ибо не коммунисты, как друзья, так и враги (особенно враги), писали о нем очень много.

И совершенно естественно, что это обстоятельство оставило глубокий след на все статьи: все сказано чрезвычайно суммарно, редкое положение доказано словами Ленина—ведь, для газеты место дороже всего!

Но в этом же и достоинство собранных в сборнике статей: агитационная сила их будет тем больше, что все они продиктованы горячей любовью к Владимиру Ильичу, в них неподдельный энтузиазм и глубокое понимание его учения.

Вступительная статья т. Д. Лебедя далеко не достаточна, в ней не подведены итоги, она не объединяет сборник, есть в ней и несколько очень небрежных выражений и суждений, которые могут дать повод к неправильным толкованиям его статьи; так, например, рассуждения т. Лебедя о роли личности в истории в достаточной мере схематичны.

Самое неудачное в сборнике—стихи и рисунки; воспроизводить такие плохие картины, как „выстрел" или „первые дни в Смольном", не было никакого основания, зато пропущен целый ряд фото-снимков, с самых разнообразных сторон характеризующих В. И. Ленина.

То же самое о стихах: за исключением двух-трех удачных пьес, все остальные стихи перепечатаны только потому, что упоминают Ленина, либо посвящены ему. Но, ведь, плохие стихи ни в какой мере не представляют поучительного чтения,—неправда ли?

Сборник несколько устарел, вышел до смерти В. И., но при всем том мы его рекомендуем всемерно, особенно для молодежи. Технически—издание превосходно выполнено.

В. С-н.

„Великий строитель"—памяти В. И. Ленина. Изд. „Эконом. Жизнь". Москва 1924 г., стр. 126, цена 1 р. 50 к.

Сборник заключает все статьи, появившиеся в „Экономической Жизни" в первые дни после смерти В. И. Ленина. „Статьи печатаются,—пишет редакция,—без изменений и дополнений, в том виде, в каком они вылились у авторов под непосредственным впечатлением горестного события".

Мы выше отметили, что в сборник вошли статьи лишь из „Экономической Жизни", таким образом, сборник ставит себе определенную задачу—дать образ „вождя, руководителя и вдохновителя хозяйственного строительства" Советской республики.

Разумеется, под свежим впечатлением смерти написанные статьи и воспоминания не дадут исчерпывающего образа В. И. Ленина-хозяйственника, еще много будет написано исследований о нем, как о „великом строителе", однако, теперь, пока еще на рынке ощущается остро недостаток в литературе о Ленине, и этот сборник исполнит свое полезное дело.

Издан сборник не плохо. Три портрета и снимок с мавзолея. Но цена непомерно высока.

Ведь кто будет покупать книгу о Ленине? Разумеется, рабочий, крестьянин, коммунист, поэтому цена должна быть на книги о Ленине предельно малая.

В. Сокол.

К. Радек. „О Ленине". Издательство „Красная Новь", Главполитпросвет, Москва 1924, стр. 68.

Брошюра тов. К. Радека составлена из трех его статей: „Революционный вождь", которая была написана в 1920 г. к 50-летию со дня рождения В. И. Ленина, „В. И. Ленин (к 25-летию партии)" и, наконец, „Жизнь и дело Ленина", появившаяся в скорбные дни после смерти.

В предисловии тов. Радек обещает дать через год-два большую работу, которая не только даст „оценку роли Ленина на фоне развития России, но и на фоне истории международного рабочего движения, начиная с борьбы „меньшевиков" и „большевиков" в английской революции XVII века". Подобная работа требует гигантского времени и труда, а нужда в ней исключительно большая, только она даст возможность выявить все гигантское величие и значение В. И. Ленина. Настоящая же работа, как и все появившиеся в дни юбилеев и смерти, носит на себе все следы времени и повода.

Может, читатель и не во всем согласится с тов. Радеком, но все, что в этой книжке сказано им о Ленине, носит на себе печать любви и глубокого почитания памяти великого вождя, все, что здесь высказывает тов. Радек, будет будить мысль читателя.

В. П.

Бюллетень Института В. И. Ленина при Центральном Комитете Российской Коммунистической Партии, № 2, изд. Института В. И. Ленина, Москва, 1924 г.

Вышел № 2 Бюллетеней Института Ленина. Содержание этого номера страдает теми же недостатками, что и первого.

Чтобы не повторяться, сошлемся на нашу рецензию в № 11—12 „Под Знаменем Марксизма" за 1923 год.

В этом номере помещена еще одна маленькая порция материалов. Чрезвычайно интересен материал об аресте В. И. Ленина в 1900 г.

Вот содержание № 2 Бюллетеня: 1) Портрет В. И. Ленина, 2) Выписка из протокола заседания Совета от 11 Ноября 1923 г., 3) Обращение к ком-

мунистическим партиям от Исполкома Коминтерна, 4) Письмо т. Енукидзе в Институт, 5) Об архиве, 6) Эпизод из жизни В. И. Ленина по документам 6. департамента полиции в 1900 г. в Петербурге, 7) Автограф, 8) Комментарии к письмам В. И. Ленина, помещенным в бюллетене № 1, 9) Хроника Института и 10) Список лиц, приславших рукописные документы В. И. Ленина.

В. С.

Г. Зиновьев—В. И. Ленин. М. „Красная Новь", 1924, стр. 40; **Г. Зиновьев—В. И. Ленин,** М. Гос. Изд., 1924; **Г. Зиновьев—На смерть Ленина.** М. „Красная Новь", 1924, стр. 62; **Г. Зиновьев—На смерть Ленина.** Ленинград 1924, стр. 38; **А. Мартынов—Великий пролетарский вождь.** М. „Красная Новь", 1924, стр. 32; **Ленин—вождь трудящихся** (сб. ст.), Ростов/Д—Москва, „Прибой", 1924, стр. 53; **И. Ходоровский—В. И. Ленин** (популярный очерк для рабочих и крестьян), М. Гос. Изд., 1924, стр. 32; **В. Невский—В. И. Ленин,** М., Гос. Изд., 1924 г.

Брошюра Г. Зиновьева „В. И. Ленин" является речью, произнесенной им в Ленинграде и представляет собой краткий биографический очерк. В этой же брошюре помещена статьей „Кончина Ленина и задачи ленинцев" и приложены четыре фотографии. Несмотря на то, что речь произнесена до смерти В. И. Ленина и, следовательно, является в некоторых своих частях устарелой—она является одной из удачных кратких биографий и характеристик для массового распространения.

„На смерть Ленина" (Красная Новь и Гос. Изд.)—сборники, одинаковые по содержанию с той лишь разницей, что в Моск. Изд. прибавлена статья „В. И. Ленин и наша партия", написанная весной 1920 г. Остальные четыре: „Шесть дней, которых не забудет Россия" (Похороны Ильича), „Памяти В. И. Ленина" (Речь на заседании Второго Съезда Советов СССР 26 янв. 1924 г.), „Ленин и рабочие" и „Кончина Ленина и задачи ленинцев". В изд. „Красной Нови" сборник снабжен 8 и в изд. Гос. Изд.—2 фотографиями.

Речь А. Мартынова—„Великий пролетарский вождь" дает историко-революционный очерк партии и Ленина. Это речь тов. Мартынова, произнесенная после смерти на многих рабочих и широких собраниях членов партии. Тов. Мартынов дает ряд интересных воспоминаний из прошлых лет его знакомства с В. И.

Сборник статей „Ленин—вождь трудящихся" составлен из старых и в большинстве своем устаревших статей; так, статья Зиновьева „Ленин—вождь трудящихся" представляет собой его речь после покушения Каплан. Затем следуют: Демьян Бедный „Истинный привет", Н. Бухарин „Ленин как революционный теоретик", Н. Подвойский „В октябрьские дни", Н. Полетаев „О портретах Ленина (стихи)", А. Аросев „Наш Ильич" и Г. Зиновьев „Ленин и наша партия". К сборнику приложен список рекомендуемой литературы о Ленине. Появление этого сборника можно оправдать только жгучей потребностью массы членов партии иметь хоть какой-нибудь материал о В. И. Ленине. Сборник этот тем менее долговечен, что „Молодой рабочий" в Харькове издал гораздо более интересный сборник из статей, до смерти В. И. появившихся.

Две последние брошюры—И. Ходоровского и В. Невского—представляют собой популярные очерки и рассчитаны на читателя „из низов". Обе книжки написаны понятным языком и охватывают главнейшие моменты в революционной деятельности Ленина. По литературному изложению и фактическому материалу предпочтение следует отдать брошюре В. Невского.

Н. Сенов.

„В дни скорби"—21 января—27 января 1924 г. „Моск. Рабочий" 1924 г., стр. 248, цена 1 р. 20 к.

Изданная „Московским Рабочим" книга представляет собою собрание всего того, что было в тяжелые дни траура посвящено памяти Владимира Ильича периодической печатью. Сборник содержит действительно очень много ценного и интересного. Разумеется, на всех статьях, воспоминаниях, воззваниях и речах—печаль тех дней, с такой неумолимой неожиданностью обрушившихся на голову нашей партии. Но именно поэтому особенно ценно то, что за каждой строкой, писанной в те дни, читатель видит не только скорбь по великому вождю, но и мужественную выдержку, не только слезы и рыдания, но и клятву.

Есть ли нужда в том, чтобы перечислить все статьи, вошедшие в сборник? Достаточно, я полагаю, перечислить, что в него вошло самое ценное из газет: „Правда", „Известия ЦИК СССР", „Экономическая жизнь", „Беднота", „Труд", „Гудок", „Рабочая Газета", „Рабочая Москва", „Пролетарий"; и не только это, использованы и ряд провинциальных газет.

Весь материал разбит на одиннадцать групп, из которых более половины всей книги занимают статьи и воспоминания.

Слабо использованы корреспонденции рабочих. Редакция приводит ряд доводов, которые нас все же не удовлетворили. Если нельзя было использовать все—а это действительно невозможно в одной книге сделать,—то нужно было привести по возможности больше, что можно было сделать.

Издан сборник хорошо.

Цена невысокая. Два хорошо исполненных портрета.

В. Пепел.

СООБЩЕНИЯ и ЗАМЕТКИ

Письмо в редакцию.

Уважаемый тов. редактор!

Я охотно приношу свои самые искренние извинения тов. Румию за некоторые резкости, которые были допущены мною по его адресу в ответе на его критическую статью („Под Знам. Маркс.“, № 11—12, 1923 г.). Единственное оправдание для себя я нахожу в том совершенно недопустимом в среде марксистов и партийных тт. тоне, безапелляционности и высокомерии, которые сквозят в его статьях. Извиняюсь и за „неблагозвучие“, больно кольнувшее эстетическое ухо тов. Румия. Что же поделаешь? Хоть и неблагозвучно, зато точка в точку!..

Не вступая с тов. Румием в пререкания по поводу целого ряда новых передержек, теоретических и исторических неправильностей, которые всякий мало-мальски опытный глаз легко откроет в его втором ответе, замечу лишь одно: никакой системы никогда я не создавал и создавать не собирался. Все приведенное у меня тов. Румий сможет отыскать не только у Маркса и у Энгельса, но и у таких классиков марксизма, как Ф. Меринг, П. Лафарг; в особенности—Ант. Лабриола. Кстати, отмечая в своей „Критике наших критиков“ некоторую переоценку Лабриолой исторической роли „невежества“, Плеханов ни одним словом не возражает против его употребления и истолкования—аналогичного нашему—термина „идеология“,—употребления, надо полагать, с точки зрения Плеханова, вполне законного и возможного.

С комм. приветом **И. Разумовский.**

Содержание первого Ленинского сборника.

1. От редакции. 2. *Л. Каменев*: „Литературное наследство Ленина“. **3. Из эпохи создания „Искры“.** *Ленин*: „Как чуть не потухла „Искра“. (Предисловие и комментарии *Каменева*, справка *Потресова*). *Ленин*: Письмо X' у 5/IX 1900 г. (Предисловие и комментарии *Каменева*). *X.*: Письмо Ленину. *Ленин*: Ответ X' у. (Комментарии *Каменева*). *Ленин*: Письмо к *Н. К. Крупской*. (Предисловие и комментарии *Каменева*). **Договор об издании „Искры“ и „Зари“.** Предисловие *Каменева*. *Ленин*: Запись 29/XII 1900. **4. Ленин**: Письма *Горькому*. (Предисловие и комментарии *Каменева*). **5. Ленин**: Письмо *Аксельроду*. (Предисловие и комментарии *Аросева*). **6. Основные вехи жизни В. И. Ленина 7. Из подготовительных** работ к научной биографии *В. И. Ленина*. **8. Хроника института.** 9. **Список организаций и лиц**, приславших материал для архива и библиотеки института. **10. Список вышедших книг о Ленине** или в связи с ним. **11. Декрет об институте Ленина.**

Издание Института В. И. Ленина.

Вышли из печати: **Бюллетень № 1 и № 2.**

Печатаются отдельными книжками:

Письма Ленина к Горькому.
Основные вехи.
Алексеев и Швер „Семья Ульяновых в Симбирске".

Подготовляется к печати:

Ленинский сборник № 2.

Опечатки.

В № 1 за 1924 г. в заметке Ник. Карева „Профессор истории в круговороте жизни" должно быть: на стр. 257, стр. 8 снизу, вместо „заявление"— „выявление", стр. 6 вместо „утлость"—„ценность", на стр. 260, стр. 5 сверху, вместо „обосновывал"—„опровергал", стр. 13 снизу вместо „закрасить"—„закрепить".

Издатель: Кн-ство „Материалист". Отв. редактор: В. Тэр.